51
29 1907
3

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

III томъ
3 выпускъ

TOME III
FASCICULE 3

1907

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG.
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088109

Z 51/29

МАКСИМЪ МАКСИМОВИЧЪ АЛОПЕУСЪ, 1748—1822, сынъ лютеранскаго пастора, родился въ Выборгѣ 21 Января 1748 г.; готовясь къ духовному званію, онъ изучалъ богословіе сначала въ Або-скомъ, а потомъ въ Гёттингенскомъ университетахъ. Графъ Н. И. Панинъ приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ довѣреннаго чиновника и сдѣлалъ правителемъ своей канцеляріи. Алопеусъ былъ назначенъ минис-тромъ-резидентомъ при дворѣ епископа Любскаго, въ Эйтинѣ. Тамъ служилъ онъ Цесаревичу Павлу Петро-вичу посредникомъ въ тайной перепискѣ съ Фридрихомъ II и Вильгельмомъ II. Часто бывая въ Берлинѣ, онъ сблизился съ Прусскими государственными людьми, графомъ Герцбергомъ и любимцемъ молодого короля, генераломъ Бишофсвердеромъ. Во время второй Турецкой войны Берлинскій дворъ, дѣйствуя въ согласіи съ Англіей, занялъ враждебное Россіи положеніе и заключилъ союзъ съ Польшей и Турціей. Алопеусъ, проѣзжая лѣтомъ 1789 г. чрезъ Берлинъ, былъ принятъ королемъ и его министрами и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, выразилъ убѣжденіе, что путемъ дружественныхъ объясненій возможно отвлечь Пруссію отъ союза и возстановить прежнія съ нею отношенія. Екатерина II, недовольная посланникомъ графомъ Нес-сельроде, рѣшила отправить туда Алопеуса. Прибывъ въ Берлинъ осенью 1789 г., въ качествѣ „простого путешественника", онъ оставался тамъ шесть лѣтъ. Мѣсто посланника продолжалъ занимать графъ Нессельроде, а съ 1794 г. Колычевъ, но сношенія съ Прусскимъ правительствомъ велъ Алопеусъ. Сначала усилія не увѣнчались успѣхомъ; но когда Англійское правительство отказалось отъ мысли объявить войну Россіи, то графъ Герцбергъ вступилъ въ переговоры съ Алопеусомъ о примиреніи съ Россіей цѣною уступки Пруссіи польскихъ городовъ Данцига и Торна. Событія въ Польшѣ содѣйствовали сближенію Россіи съ Пруссіей, послѣдствіемъ чего былъ въ Январѣ 1793 г. второй раздѣлъ Польши только между договорившимися сторонами, съ исключеніемъ Австріи. Въ этихъ переговорахъ Алопеусъ принималъ дѣятельное участіе и въ 1792 г. сопровождалъ короля Вильгельма II въ походъ во Францію, окончившійся полною неудачею. По-слѣдовавшее заключеніе, весной 1795 г., мира съ Франціей въ Базелѣ снова породило охлажденіе между Петербургомъ и Берлиномъ, и хотя въ Октябрѣ 1795 г. состоялся третій раздѣлъ Польши, но Алопеусъ, какъ „persona gratissima" при Берлинскомъ дворѣ, былъ отозванъ изъ Берлина. Безбородко и братья Ворощовы обвиняли тогда Алопеуса въ потворствѣ Пруссіи, подозрѣвая его даже въ принесеніи русскихъ интересовъ въ жертву выгодамъ Берлинскаго двора. Послѣ недолгаго пребыванія резидентомъ при Гер-манскомъ союзномъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, 30 Ноября 1796 г. онъ назначенъ членомъ Коллегіи Иностран-ныхъ дѣлъ и ему поручено веденіе переговоровъ съ Шверинскимъ дворомъ о бракѣ наслѣднаго герцога съ Великою Княжною Еленой Павловной; по вступленіи въ должность первенствующаго члена Иностранной Коллегіи графа Ростопчина, считавшаго Алопеуса „пруссакомъ тѣломъ и душою", послѣдній въ 1800 г. былъ уволенъ отъ службы. Въ 1801 г. онъ былъ назначенъ въ Кассель, а годъ спустя—чрезвычайнымъ послан-никомъ при королѣ Прусскомъ, при чемъ вновь содѣйствовалъ сближенію Пруссіи съ Россіей, послѣдствіемъ чего было прибытіе Александра I въ Берлинъ и клятва въ вѣчной дружбѣ, принесенная имъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на гробницѣ Фридриха Великаго, а также заключеніе въ Потсдамѣ союз-наго договора. Тильзитскій миръ положилъ конецъ его дипломатической дѣятельности, какъ страстнаго противника Франціи. Съ 1808-го по 1815-й годъ онъ проживалъ въ отставкѣ въ Германіи.

Побѣдоносный исходъ Отечественной войны и предпринятая Императоромъ Александромъ война за освобожденіе Германіи и Европы вызвали возвращеніе Алопеуса въ третій разъ на службу, но въ 1815 г. онъ вышелъ въ отставку и послѣдніе годы жизни провелъ въ южной Германіи; умеръ онъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 6 Іюня 1822 года.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

MAXIME MAXIMOWITCH ALOPÉUS, 1748—1822, fils d'un pasteur luthérien, naquit à Wiborg le 21 janvier 1748; il se prépara à la carrière ecclésiastique et étudia la théologie, d'abord à l'université d'Abo, puis à celle de Göttingue. Le comte N. Panine se l'attacha comme homme de confiance, et lui confia la direction de sa chancellerie. Ministre résident à la Cour de l'évêque de Lubeck, à Eutin, il y servit d'intermédiaire au Césarewitch Paul Pétrowitch pour sa correspondance secrète avec Frédéric II et Guillaume II. Il allait souvent à Berlin et se lia avec des hommes d'état prussiens, le comte de Herzberg et le favori du jeune Roi, le général Bischofswerder. Lors de la seconde guerre de Turquie, la Cour de Berlin, d'accord avec celle d'Angleterre, prit une position hostile à la Russie et fit alliance avec la Pologne et la Turquie. Alopéus, de passage à Berlin à l'été de 1789, fut reçu par le Roi et ses ministres, et, de retour à Pétersbourg, exprima la conviction qu'il suffirait d'explications amicales pour détacher la Prusse de l'alliance et rétablir les rapports avec elle. Catherine II, mécontente de l'ambassadeur le comte Nesselrode, envoya Alopéus, qui, arrivé à Berlin à l'automne de 1789 en qualité de „simple voyageur", y resta six ans: le poste d'ambassadeur fut toujours occupé par Nesselrode, et, à partir de 1794, par Kolytcheff, mais c'était Alopéus qui entretenait les relations avec le gouvernement prussien. Ses efforts ne furent pas tout de suite couronnés de succès; mais, quand l'Angleterre eut renoncé à déclarer la guerre à la Russie, le comte de Herzberg entama des négociations avec Alopéus pour un arrangement avec la Russie sur la base de la cession des villes polonaises de Danzig et de Thorn. Les événements de Pologne contribuèrent encore à un rapprochement, et le résultat fut, en janvier 1793, le second partage entre les parties négociantes seulement, à l'exclusion de l'Autriche. Alopéus prit une part active aux négociations et accompagna en 1792 le Roi Guillaume II dans sa campagne de France, qui aboutit à un échec complet. La paix de Bâle, au printemps de 1795, jeta un froid entre Pétersbourg et Berlin, et le troisième partage d'octobre 1795 ne put empêcher le rappel d'Alopéus, „persona gratissima" à la Cour de Berlin. Bezborodko et les frères Worontzoff l'accusaient alors de connivence avec la Prusse, et le soupçonnaient même de sacrifier les intérêts russes au profit de cette puissance. Après un court séjour à Ratisbonne comme résident près la diète de la Confédération Germanique, il fut nommé le 30 novembre 1796 membre du Collège des Affaires étrangères et chargé des pourparlers avec la Cour de Schwerin pour le mariage du Duc héritier avec la Grande-Duchesse Hélène Pavlowna; mais l'arrivée à la présidence du Collège du comte Rostoptchine, qui le considérait comme „Prussien d'âme et de corps", le fit relever de ses fonctions en 1800. Nommé à Cassel en 1801, il devint l'année suivante envoyé extraordinaire près le Roi de Prusse, et se remit à travailler au rapprochement de la Russie avec la Prusse: ses efforts aboutirent au voyage d'Alexandre Ier à Berlin et aux serments d'éternelle amitié échangés avec Frédéric-Guillaume III sur le tombeau de Frédéric-le-Grand, ainsi qu'au traité d'alliance conclu à Potsdam. La paix de Tilsitt marque la fin de sa carrière diplomatique, comme fougueux adversaire de la France. De 1808 à 1813, il vécut dans la retraite en Allemagne.

L'issue victorieuse de la Guerre Patriotique et la guerre entreprise par l'Empereur Alexandre pour la délivrance de l'Allemagne et de l'Europe amenèrent un nouveau rappel d'Alopéus aux affaires, mais il reprit sa retraite en 1815 et passa les dernières années de sa vie dans l'Allemagne du Sud. Il mourut à Francfort-sur-le-Mein le 6 juin 1822.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

52

Графъ ДАВИДЪ МАКСИМОВИЧЪ АЛОПЕУСЪ, 1769—1831, младшій братъ Максима Максимовича, родился въ Выборгѣ 14 Декабря 1769 г.; воспитывался въ Военной школѣ въ Штутгартѣ, но посвятилъ всю свою жизнь гражданской службѣ, избравъ карьеру дипломата и поступивъ на службу въ 1789 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Сначала секретарь русской миссіи въ Стокгольмѣ, Алопеусъ въ 1803 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Шведскомъ дворѣ. Во время войны 1808 г. онъ не успѣлъ выѣхать, былъ арестованъ и, пробывъ 3 мѣсяца въ заключеніи, наконецъ, отпущенъ въ Либаву. Во время мирныхъ переговоровъ съ Швеціей въ Фридрихсгамѣ, Алопеусъ былъ, вмѣстѣ съ графомъ Румянцевымъ, представителемъ Россіи и 9 Сентября 1808 г. подписалъ актъ присоединенія къ Россійской Имперіи всей Финляндіи. Въ слѣдующемъ году Алопеусъ былъ назначенъ посланникомъ ко двору Неаполитанскаго короля, а въ 1811 г., вслѣдствіе недоразумѣній, перемѣщенъ въ Виртембергъ; назначенный въ 1813 г. полномочнымъ министромъ при королѣ Прусскомъ, онъ сопровождалъ союзныя арміи въ походахъ 1813—15 гг., а затѣмъ, съ этого года, въ теченіе 16-и лѣтъ оставался посломъ въ Берлинѣ, продолжая политику своего старшаго брата и стараясь о наиболѣе тѣсномъ сближеніи Пруссіи съ Россіей. Въ 1814 г. Алопеусу былъ пожалованъ баронскій титулъ, а въ 1820 г. онъ былъ возведенъ въ графы.

Д. М. Алопеусъ былъ женатъ на дочери барона Эрнеста-Іоахима фонъ-Венкстерна, изъ Ганновера, отъ брака его съ Маріанной-Каролиной Бремеръ, Жаннетѣ (р. 178. г., † 1869 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Александра († 1841 г.; секретарь миссіи въ Туринѣ) и Федора († 185. г.; генералъ-майоръ, женатъ на баронессѣ Александрѣ Петровнѣ Фредериксъ), и дочь Александрину (род. въ Петербургѣ въ 1808 г., † въ Парижѣ 9 Февраля 1848 г.; въ замужествѣ Лаферонне, извѣстна по сочиненію „Récit d'une source par Mme Augustus“). Вдова Д. М. Алопеуса, графиня Жаннета или Анна Ивановна, вышла вторично замужъ за свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина.

Графъ Д. М. Алопеусъ умеръ въ Берлинѣ 13 Іюня 1831 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

52

Le comte DAVID MAXIMOWITCH ALOPÉUS, 1769—1831, frère cadet de Maxime Alopéus, naquit à Wiborg le 14 décembre 1769. Il fit ses études à l'école militaire de Stuttgard, mais passa toute sa vie au service civil: il se destinait à la carrière diplomatique et entra en 1789 au Collège des Affaires étrangères. D'abord secrétaire de la mission russe à Stockholm, il fut nommé en 1803 envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près la Cour de Suède. Arrêté et emprisonné au début de la guerre de 1808 avant d'avoir eu le temps de partir, il ne fut relâché que trois mois plus tard et embarqué pour Libau. Il fut, avec le comte Roumiantzeff, représentant de la Russie aux négociations de paix de Frederikshamn, et signa, le 9 septembre 1808, l'acte qui annexait à l'Empire de Russie toute la Finlande. Nommé l'année suivante envoyé à la Cour du Roi de Naples, il la quitta en 1811, à la suite de malentendus, et passa en Wurtemberg. Devenu en 1813 ministre plénipotentiaire près le Roi de Prusse, il accompagna les Alliés en 1813/1815, et passa ensuite seize ans comme ambassadeur à Berlin, où il continua la politique de son frère aîné en travaillant à un rapprochement aussi étroit que possible entre la Prusse et la Russie. Il reçut en 1814 le titre de baron, et, en 1820, la dignité de comte.

David Alopéus épousa la fille Jeannette (178.—1869) du baron hanovrien Ernest-Joachim von Wenckstern et de Marianne-Caroline Brehmer. Il eut d'elle deux fils, Alexandre († 1841), secrétaire à la mission de Turin, et Théodore († 185.), général major, marié à la baronne Alexandrine Pétrowna Frederichs, et une fille Alexandrine (1808—9 février 1848), née à Pétersbourg, morte à Paris, mariée au vicomte La Ferronnays et connue par son Récit d'une source, par Mme Augustus.

Le comte D. Alopéus mourut à Berlin le 13 juin 1831, et sa veuve épousa en secondes noces le prince P. Lopoukhine.

(D'après une aquarelle appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

53

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛОПУХИНА, 178.—1810, дочь Александра Ивановича Лопухина, двоюроднаго брата свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина, отъ брака съ Анной Алексѣевной Яблочковой.

Е. А. Лопухина умерла въ 1810 году незамужней.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

53

CATHERINE ALEXANDROWNA LOPOUKHINE, 178.—1810, fille d'Alexandre Ivanowitch Lopoukhine, cousin germain du prince sérénissime Pierre Vassiliewitch Lopoukhine, et d'Anne Alexéewna, née Yablotchkoff. Elle mourut non mariée en 1810.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Свѣтлѣйшій князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛОПУХИНЪ, 1788—1873, единственный сынъ князя Петра Васильевича отъ второго его брака съ Екатериной Николаевной Шетневой (см. т. II, №№ 16 и 18), родился „въ годъ взятія Очакова“, т.-е. въ 1788 г.; съ дѣтства записанный въ Преображенскій полкъ, 8 Марта 1800 года онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ поручики, а черезъ годъ, 18 Марта, пожалованъ Александромъ I въ камергеры. Въ 1806 г., 30 Октября, поступилъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ, при чемъ участвовалъ въ Прусскомъ походѣ 1807 г., состоя при Беннигсенѣ. Въ Отечественную войну Лопухинъ былъ при Ермоловѣ, который находилъ въ немъ „смѣлость, добрую волю и хорошія способности, дающія надежду“. Произведенный за сраженіе при Красномъ въ полковники, онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813/15 гг., при чемъ за сраженіе при Денневицѣ получилъ золотую шпагу, за отличіе подъ Люттихомъ и участіе во взятіи Суассона награжденъ орд. св. Георгія 4-й ст.; 6 Февраля 1817 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ въ 1-й Уланской дивизіи. Будучи масономъ и даже начальникомъ ложи „Трехъ добродѣтелей“, въ Петербургѣ, Лопухинъ былъ однимъ изъ основателей „Союза Благоденствія“, избранъ былъ въ число „блюстителей“ и участвовалъ въ составленіи устава, т.-е. „Зеленой книги“. Цѣли этого тайнаго общества, по словамъ Лопухина, заключались въ намѣреніи „ввести въ государствѣ мысли либеральныя, могущія приготовить къ представительному правленію“, при чемъ единственнымъ средствомъ воздѣйствія допускалъ—„дѣйствовать на мнѣніе“. Возвратившись изъ-за границы въ 1821 г., Лопухинъ узналъ, что общество распалось, но вскорѣ Никита Муравьевъ предложилъ ему вступить въ возобновляемое общество; онъ подписалъ присягу, и этимъ ограничилось все его участіе; онъ даже не зналъ ни цѣлей, ни позднѣйшихъ дѣйствій общества. Въ 1825 г., 28 Декабря, Лопухинъ былъ допрошенъ Государемъ, откровенно показалъ о своемъ участіи въ тайныхъ обществахъ и былъ „Высочайше освобожденъ“. Въ 1827 г. былъ назначенъ начальникомъ 2-й Конно-егерской дивизіи, 25 Іюня 1829 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 8 Ноября 1830 г.—командиромъ 1-й Гусарской дивизіи. За участіе въ усмиреніи Польскаго мятежа, при чемъ онъ былъ во многихъ бояхъ и при взятіи Варшавы, награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст. и Георгія 3-й ст.; 11 Января 1835 г. вышелъ въ отставку.

Лопухинъ былъ женатъ на гр. Жаннетѣ Алопеусъ; 30 Октября 1833 г. онъ вѣнчался съ ней въ С.-Донато, близъ Флоренціи. По словамъ Бутурлина, въ это время „Лопухины составляли красивую еще, хотя и пожилую пару“.

Единственный сынъ у отца, молодой Лопухинъ зналъ, что его современемъ ожидало огромное состояніе и „съ увлеченіемъ предался самой разгульной жизни“. Подъ 1820 г. графъ Бутурлинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Нерѣдко бывалъ у насъ во Флоренціи свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, молодчина во всемъ блескѣ типической красоты при высокомъ ростѣ“... Неудивительно, что онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, такъ что, говорятъ, одна изъ извѣстныхъ Петербургскихъ дамъ, „сѣтуя, что недостаточно обращала на себя его вниманіе, сказала: „Онъ такъ красивъ, что я готова ему отомстить за себя и за тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ сдѣлаетъ, откусивъ ему носъ“. Въ старости „онъ хвалился своими успѣхами въ обществѣ, своимъ умѣньемъ вести разомъ нѣсколько любовныхъ интригъ и не вѣрилъ въ женскую добродѣтель. Это, однако, не помѣшало ему влюбиться однажды не на шутку“ въ свою будущую жену. По описанію князя Лобанова, Лопухинъ въ 1869 г. былъ „бодрый и свѣжій старикъ, въ обхожденіи чрезвычайно любезенъ, въ нашемъ поколѣніи мы уже отвыкли отъ подобнаго обращенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что князь Лопухинъ представляетъ собою типъ стараго русскаго барина, въ самомъ полномъ и достойномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на свои преклонныя лѣта, сохранилъ всю свѣжесть своей памяти, въ разговорахъ его постоянно отражались его правдивость и добросовѣстность“, при этомъ „старикъ любилъ разсказывать анекдоты, не совсѣмъ приличные“. Въ Корсуни князь „жилъ въ вельможной обстановкѣ“; въ огромномъ залѣ, „похожемъ на музей“, каждую субботу давались концерты; князь „не только самъ дирижировалъ, но и сочинялъ музыку, не стѣснялся иногда вставлять въ нее мотивы изъ извѣстныхъ итальянскихъ оперъ“.

Князь П. П. Лопухинъ умеръ въ Корсуни 23 Февраля 1873 г.; дѣтей у него не было; княжескій титулъ и фамилія его перешли къ старшему его внуку (по сестрѣ) П. П. Демидову.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince sérénissime **PAUL PÉTROWITCH LOPOUKHINE**, 1788—1873, fils unique du prince Pierre Vassiliewitch Lopoukhine et de sa seconde femme Catherine Nikolaewna Chtchetneff (v. T. II, №№ 16 et 18), naquit „l'année de la prise d'Otchakoff", c'est-à-dire en 1788. Enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il fut nommé le 8 mars 1800 aide de camp de Sa Majesté et promu lieutenant, puis, un an plus tard, le 18 mars, fait chambellan par Alexandre Ier. Lieutenant le 30 octobre 1806 aux Chevaliers-Gardes et toujours aide de camp de Sa Majesté, il fit la campagne de Prusse de 1807, attaché à Bennigsen. Yermoloff, auquel il fut attaché pendant la Guerre Patriotique, lui trouvait „de la hardiesse, de la bonne volonté et des facultés qui promettaient". Colonel après Krasnoïé, il fit les campagnes de 1813/1815: la bataille de Dennewitz lui valut une épée d'or, sa valeur à Liège et sa conduite à la prise de Soissons St-Georges de 4e classe, et, le 6 février 1817, il passa général major et commandant de brigade à la 1re division de uhlans. Franc-maçon et même vénérable de la loge des Trois-Vertus à St-Pétersbourg, il était un des fondateurs de l'Alliance de Prospérité, fut élu Gardien et collabora à la rédaction du règlement dit Livre Vert. Le but de cette société secrète était, dit-il lui-même, „de répandre dans l'Etat des idées libérales, propres à préparer le régime représentatif", et elle n'admettait d'autre moyen d'action que „l'action sur l'opinion"... De retour de l'étranger en 1821, il trouva la société désagrégée, mais bientôt Nikita Mouravieff la rétablit et l'y fit rentrer; il signa le serment, et ce fut tout: il ne savait pas le but véritable de la société et n'en connut pas les actes ultérieurs. En 1825, le 28 décembre, interrogé par l'Empereur, il avoua franchement son affiliation à des sociétés secrètes, et fut „mis en liberté par ordre de Sa Majesté". Chef de la 2e division de chasseurs à cheval en 1827, il fut, le 25 juin 1829, promu général lieutenant, et, le 8 novembre 1830, nommé commandant de la 1re division de hussards. Lors de l'insurrection de Pologne, il prit part à de nombreux combats et à la prise de Varsovie, et fut décoré de St-Vladimir de 2e classe et de St-Georges de 3e classe. Il prit sa retraite le 11 janvier 1835.

Lopoukhine épousa la comtesse Jeannette Alopéus; le mariage fut célébré le 30 octobre 1833 à San-Donato, près de Florence. Les nouveaux époux, dit Boutourline, „faisaient encore un beau couple, malgré l'âge".

Fils unique, le jeune Lopoukhine savait qu'il aurait un jour une grosse fortune et „se livra avec entraînement à la vie la plus désordonnée". Le comte Boutourline note dans son Journal sous 1820: „Nous avons eu souvent à Florence la visite du prince sérénissime Lopoukhine, un gaillard de première taille, dans tout l'éclat d'une beauté typique... Rien d'étonnant à ce qu'il eût un succès considérable auprès des femmes, à tel point qu'une dame connue de Pétersbourg, „de dépit" de n'avoir qu'insuffisamment attiré son attention, avait dit: „Il est si beau que je suis prête à lui manger le nez pour me venger, moi et les malheureuses qu'il pourra encore faire". Dans sa vieillesse, „il était vanté pour ses succès dans la société, son art de mener de front plusieurs intrigues amoureuses à la fois et son incrédulité en matière de vertu féminine. Ce qui ne l'empêcha pas de devenir un jour amoureux pour tout de bon" de sa future femme. Au témoignage du prince Lobanoff, Lopoukhine était en 1869 „un vieillard frais et vert, aux manières d'une amabilité extrême, dont l'habitude est perdue dans notre génération. On peut dire sans exagérer qu'il est le type du vieux seigneur russe, dans toute la plus digne acception du terme. Malgré son âge avancé, il avait conservé toute sa fraîcheur de mémoire, et ses propos respiraient sans cesse l'équité et la conscience qui le caractérisaient"; ajoutons que „le vieillard aimait à raconter des anecdotes qui n'étaient pas tout à fait convenables". A Korsoun, le prince „menait une vie de grand seigneur": dans une immense salle, „comme un musée", il y avait concert tous les samedis, et „non seulement il dirigeait l'orchestre lui-même, mais encore il composait, sans se faire scrupule de piller au besoin les grands opéras italiens".

Le prince Lopoukhine mourut à Korsoun le 23 février 1873, sans laisser d'enfants. Son titre de prince et son nom passèrent à son petit-neveu par sa sœur, N. Démidoff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

51

Максимъ Максимовичъ Алопеусъ, 1748 — 1822

Maxime Maximowitch Alopéus, 1748 — 1822

52

Графъ Давидъ Максимовичъ Алопеусъ, 1769 — 1831

Le Comte David Maximowitch Alopéus, 1769 — 1831

53

Пис. Бинеманнъ — Peint par Bienemann

Екатерина Александровна Лопухина, 17.. — 1810

Catherine Alexandrowna Lopoukhine, 17.. — 1810

54

Свѣтл. кн. Павелъ Петровичъ Лопухинъ, 1788 — 1873

Le Pce Sme Paul Pétrowitch Lopoukhine, 1788 — 1873

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ, 1784—1812, младшій сынъ графа Ивана Павловича Кутайсова отъ брака съ Анной Петровной Рѣзвой, родился 30 Августа 1784 г.; его головокружительная, блестящая карьера, однако, настолько выкупалась дѣйствительно выдающимися талантами и высокими нравственными качествами этого совсѣмъ юнаго генерала, что зависть и злословіе не коснулись его благородной личности, несмотря на всю ненависть, чтобы не сказать презрѣніе, къ его отцу фавориту, бывшему брадобрею и камердинеру Императора. Записанный 10-и лѣтъ вахмистромъ въ Конную гвардію, 12-и онъ былъ переведенъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и въ томъ же 1796 г. капитаномъ Великолуцкаго полка назначенъ состоять при Кутузовѣ. Будучи въ 14 лѣтъ генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантомъ, Кутайсовъ, по собственному желанію, въ 1799 г. былъ переведенъ въ артиллерію, съ назначеніемъ состоять при Аракчеевѣ, при чемъ Кутайсовъ обнаружилъ качества выдающагося артиллериста. Въ 1805 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и принималъ участіе въ походахъ 1806 и 1807 гг., командовалъ артиллеріей подъ Пултускомъ и особенно отличился при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ съ 36 орудіями спасъ отъ гибели центръ арміи, отбивъ маршала Даву. За этотъ подвигъ Кутайсовъ получилъ прямо Георгія 3 степени. Въ 1809 г. онъ былъ начальникомъ артиллеріи въ корпусѣ князя С. Ф. Голицына. Промежутокъ между войнами Кутайсовъ посвятилъ самообразованію: сначала въ Вѣнѣ онъ изучалъ арабскій и турецкій языки, затѣмъ въ Парижѣ, въ статскомъ платьѣ, во фракѣ, посѣщалъ высшія учебныя заведенія, слушая математическія науки; въ то же время онъ принятъ былъ въ кругу знаменитыхъ Наполеоновскихъ генераловъ. Въ Отечественную войну ему пришлось опять служить съ Кутузовымъ, который часто убѣждалъ его „не вдаваться излишне въ опасности“, но это было напрасно. 26 Августа 1812 г. въ Бородинскомъ бою Кутайсовъ бросился въ штыки во главѣ пѣхоты лѣваго крыла, и только конь, съ окровавленнымъ сѣдломъ, вернулся назадъ. Наканунѣ смерти онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и только ужъ вечеромъ, усѣвшись среди офицеровъ и солдатъ, пилъ чай съ ржаными сухарями.

Нѣтъ отзывовъ, неблагопріятныхъ Кутайсову! Современникъ, восхваляя его, пишетъ: „Онъ былъ небольшого роста, блѣдный лицомъ, тѣлосложенія слабаго, глаза его были голубые, влажные, полные выраженія и ума; вся физіономія носила отпечатокъ доброты“. Прекрасный математикъ, онъ любилъ музыку, писалъ стихи и прекрасно рисовалъ карикатуры. „Совсѣмъ здоровый, пролеживалъ онъ иногда въ постели по мѣсяцу, и во все сіе время былъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ, не однимъ предметомъ, но десятью вдругъ. Вокругъ постели его стояло до десяти табуретовъ, въ родѣ столовъ. Любознательность его не имѣла границъ; въ верховой ѣздѣ, танцахъ, гимнастикѣ онъ былъ искусенъ; добродушенъ, щедръ, чрезвычайно привѣтливъ въ обращеніи; онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ знавшихъ его, и единогласно были признаваемы въ немъ всѣ достоинства его“. Даже самъ Вигель, который мало кого хвалитъ, оставилъ цѣлый панегирикъ: „Все то, что можетъ льстить только тщеславію, все то, что можетъ жестоко оскорбить самолюбіе, все то испыталъ Кутайсовъ почти въ ребячествѣ. Послѣ перемѣны царствованія, всякій почиталъ обязанностью лягнуть падшаго фаворита, который поспѣшилъ удалиться за границу, а жену и дѣтей оставилъ въ Петербургѣ на жертву ненависти и презрѣнія. Однако же, на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшаго его сына ни одинъ дерзкій взглядъ не смѣлъ подняться. Что удивительнаго, если всѣ женщины были отъ него безъ ума, когда мущины имъ плѣнялись? Не знаю, кого бы онъ не любилъ, но нѣкоторыхъ любилъ болѣе прочихъ, и мнѣ кажется, что я былъ въ числѣ ихъ“. Подчиненные обожали Кутайсова. „Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его чрезвычайно искуснымъ, если бы не зналъ, что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное; всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его: въ немъ была какая-то магія. Вокругъ Кутайсова было все такъ живо, такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пристойно, какъ онъ самъ; молодыя дамы могли бы, не краснѣя, находиться въ его военномъ обществѣ. Вскорѣ потомъ умеръ онъ героемъ, какъ умереть ему надлежало. Спасибо Жуковскому, что онъ въ прекрасныхъ стихахъ сохранилъ память о столь прекрасномъ существованіи: безъ него простылъ бы и слѣдъ такого диковиннаго человѣка“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH KOUTAÏSSOFF, 1784—1812, plus jeune fils du comte Ivan Pavlowitch Koutaïssoff et d'Anne Pétrowna, née Rezvoï, naquit le 30 août 1784. Il fit une carrière brillante, étourdissante, mais aussi les talents réellement éminents et les hautes qualités morales de ce tout jeune général préservèrent sa belle personnalité des atteintes de l'envie et de la médisance, malgré toute la haine, pour ne pas dire le mépris qu'excitait son père le favori, l'ancien barbier et valet de chambre de l'Empereur. Enrôlé à l'âge de 10 ans sous-officier à la Garde à cheval, il passa deux ans après sergent au régiment Préobragensky, et, la même année, capitaine au régiment de Vélikié-Louki, fut attaché à Koutouzoff. Commissaire général aux vivres à l'âge de 14 ans, il permuta sur sa demande dans l'artillerie en 1799, fut attaché à Araktchéeff, et déploya alors d'éminentes capacités d'artilleur. Général major en 1805, il fit les campagnes de 1806 et 1807; il avait à Pultusk le commandement de l'artillerie, et se distingua particulièrement à Preussisch-Eylau, où, avec 36 pièces, il sauva le centre en repoussant le maréchal Davoust; cet exploit lui valut d'emblée St-Georges de 3e classe. En 1809, il fut chef de l'artillerie au corps du prince S. Golitzyne. Dans l'intervalle de ses campagnes, il travaillait à compléter son instruction: à Vienne d'abord, il étudia l'arabe et le turc, puis à Paris, vêtu en civil, toujours en habit, il alla aux cours de mathématiques des établissements d'enseignement supérieur; alors aussi, il fut reçu dans le cercle des célèbres généraux de Napoléon. Pendant la Guerre Patriotique, il se trouva encore avec Koutouzoff, qui lui recommandait souvent de „ne pas s'exposer trop", mais en vain: le 26 août 1812, à Borodino, Koutaïssoff s'élança à la baïonnette à la tête de l'infanterie de l'aile gauche, et on ne vit revenir que son cheval, avec une selle ensanglantée. La veille il était resté toute la journée sans rien manger, et seulement le soir, installé au milieu des officiers et des hommes, il avait pris du thé avec des biscuits de seigle.

Sur Koutaïssoff, pas une note discordante! Un contemporain, faisant son éloge, dit: „De petite taille, le teint pâle, de complexion délicate, il avait les yeux bleus, humides, pleins d'expression et d'esprit; tout son visage respirait la bonté". Excellent mathématicien, il aimait la musique et réussissait fort bien la caricature. „En pleine santé, il restait parfois au lit un mois entier, incessamment occupé, non pas à une seule chose, mais à dix à la fois, avec une dizaine de tabourets autour de son lit en guise de tables. C'était un esprit d'une curiosité sans bornes; l'équitation, la danse, la gymnastique lui étaient familières. Sa bienveillance, sa générosité, son extrême affabilité lui gagnaient tous les cœurs, et tous ses mérites étaient unanimement reconnus". Wiegel lui-même, d'ordinaire chiche d'éloges, fait ici tout un panégyrique: „Tout ce qui peut flatter la vanité, tout ce qui peut blesser cruellement l'amour-propre, Koutaïssoff l'éprouva encore presque enfant. Au changement de règne, chacun se crut obligé de donner son coup de pied au favori déchu, qui s'empressa de partir pour l'étranger, laissant à Pétersbourg sa femme et ses enfants en butte à la haine et au mépris. Pourtant, sur le beau visage, plein de sérénité et de noblesse, de son plus jeune fils, nul n'osa lever un regard d'insolence. Rien d'étonnant si toutes les femmes étaient folles de lui, quand il captivait les hommes même. Je ne sais qui il pouvait ne pas aimer, mais il avait des préférés, et je crois avoir été de ceux-là". Il était adoré de ses subordonnés: „Je n'oublierai jamais son attitude à leur égard; j'y verrais une extrême habileté, si je ne savais qu'en cet homme tout était naturel. Tout le monde lui regardait dans les yeux pour deviner ses désirs, et il avait l'air d'un aîné au milieu de frères qui l'aiment et le craignent. Il avait je ne sais quoi de magique: autour de lui, tout était aussi animé, aussi gai, et en même temps aussi digne que lui-même; une jeune femme aurait pu, sans avoir à rougir, rester avec lui dans une société d'officiers. Une mort héroïque l'attendait bientôt, une mort comme il lui en fallait une. Merci à Joukowsky d'avoir en de magnifiques vers conservé la mémoire d'une aussi belle existence: sans lui, il ne serait resté trace d'un homme aussi prodigieux!"

(D'après un original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

56

Графиня **ПРАСКОВІЯ ПЕТРОВНА КУТАЙСОВА**, 1780—1870, дочь свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина (см. т. II, № 16) и первой его супруги Прасковіи Ивановны Левшиной (см. т. II, № 17), была младшей сестрой княгини Анны Петровны Гагариной, извѣстной фаворитки Императора Павла; въ періодъ особенно сильнаго вліянія послѣдней при дворѣ и возвышенія всей семьи Лопухиныхъ, она снискала также расположеніе Государя, который пожаловалъ ее во фрейлины и выдалъ замужъ за старшаго сына своего любимца, графа Павла Ивановича Кутайсова (р. 1780 г., † 1840 г.). Свадьба состоялась 28 Мая 1800 г. при дворѣ. Позднѣе Кутайсова была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2 класса.

Отъ брака съ графомъ П. И. Кутайсовымъ у нея было двое сыновей: Иванъ (женатъ на Е. Д. Шепелевой) и Ипполитъ (женатъ на княжнѣ Н. А. Урусовой), и двѣ дочери: Анна (за царевичемъ Грузинскимъ Окропиромъ Георгіевичемъ) и Александра (р. 1804 г., † 1881 г.; за княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ).

Графиня П. П. Кутайсова скончалась въ глубокой старости 25 Апрѣля 1870 г. и похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежавшаго [въ 1902 г.] князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

56

La comtesse **PRASCOVIE PÉTROWNA KOUTAÏSSOFF**, 1780—1870, fille du prince sérénissime Pierre Vassiliewitch Lopoukhine (v. T. II, № 16) et de sa première femme Prascovie Ivanowna Levchine (v. T. II, № 17), était la plus jeune sœur de la princesse Anne Pétrowna Gagarine, la fameuse favorite de l'Empereur Paul; à l'époque de la plus grande influence de celle-ci à la Cour et de l'élévation de tous les Lopoukhine, elle rechercha également la faveur de l'Empereur, qui la fit demoiselle d'honneur et la maria au fils aîné de son favori le comte Paul Ivanowitch Koutaïssoff (1780—1840): le mariage eut lieu à la Cour le 28 mai 1800. La comtesse devint dans la suite dame de Ste-Catherine.

Elle eut de ce mariage deux fils, Ivan, marié à Mlle Chépéleff, et Hippolyte, à la princesse N. Ouroussoff, et deux filles, Anne, mariée au tzarewitch de Géorgie Okropir Géorgiewitch, et Alexandrine (1804—1881), au prince Alexis Alexéewitch Golitzyne.

La comtesse Koutaïssoff mourut dans une vieillesse avancée le 25 avril 1870, et fut inhumée au cimetière Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original ayant appartenu en 1902 au prince P. Golitzyne, Moscou.)

Графъ ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ, 1780—1840, старшій братъ графа Александра Ивановича, далеко уступавшій послѣднему въ способностяхъ и успѣхахъ по службѣ, родился 25 Ноября 1780 г.; 7-и лѣтъ зачисленъ въ Конную гвардію, въ 1790 г. былъ уже вахмистромъ, въ 1795 г.—капитаномъ арміи, а 1 Января 1796 г. назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ. По просьбѣ отца, извѣстный А. С. Шишковъ бралъ П. Кутайсова съ собой въ заграничное путешествіе, но поѣздка эта, въ Дрезденъ, а оттуда въ Карлсбадъ, видимо не принесла большой пользы молодому человѣку, о которомъ Шишковъ въ своихъ „Запискахъ“ даетъ рядъ далеко нелестныхъ отзывовъ.

Пожалованный въ 1799 г. орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Кутайсовъ 7 Января 1800 г. сдѣланъ былъ камергеромъ, 19 Мая—статсъ-секретаремъ, а 8 Ноября—почетнымъ командоромъ Мальтійскаго ордена. На другой день по восшествіи на престолъ Александра I назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ, пока въ 1809 г. не былъ назначенъ и. д. оберъ-прокурора 6 департамента Сената, въ Москвѣ. Въ 1811 г. онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., а въ 1812 г.—за успѣшное „перемѣщеніе“ Московскаго Сената въ Казань, „за усердіе и заботы“, золотую табакерку. Въ 1815 г. Кутайсовъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ, въ 1816 г. произведенъ въ тайные совѣтники и 13 Января слѣдующаго года пожалованъ въ сенаторы 2 департамента. Переселившись въ Петербургъ, состоялъ съ 1822 г. членомъ комитета главной дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, членомъ комиссіи по постройкѣ Исакіевскаго собора, членомъ комитета объ убійствѣ дѣвицы М. Алтуховой, затѣмъ предсѣдателемъ комиссіи о похищеніи золота на Уралѣ; получивъ въ Январѣ 1826 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст., Кутайсовъ былъ пожалованъ 22 Августа въ егермейстеры. Въ 1829 г. ревизовалъ Закавказскій край, въ 1832 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла и назначенъ вице-президентомъ Гофъ-интендантской конторы, съ переименованіемъ въ гофмейстеры; въ слѣдующемъ году получилъ Александровскую ленту, въ 1834 г. пожалованъ въ оберъ-гофмейстеры, съ назначеніемъ президентомъ Гофъ-конторы, а въ 1837 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Кутайсовъ долго состоялъ предсѣдателемъ общества поощренія художниковъ.

Въ письмахъ А. Я. Булгакова можно найти нѣсколько отрывочныхъ, но не слишкомъ благопріятныхъ отзывовъ о Кутайсовѣ.

Графъ П. И. Кутайсовъ умеръ 9 Марта 1840 г.; онъ былъ женатъ съ 28 Мая 1800 г. на княжнѣ Прасковіи Петровнѣ Лопухиной, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей и двухъ дочерей.

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; принадлежалъ [въ 1902 г.] князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

57

Le comte **PAUL IVANOWITCH KOUTAÏSSOFF**, 1780—1840, frère aîné du comte Alexandre Ivanowitch, le cédant en beaucoup à celui-ci en capacités et en succès dans sa carrière, naquit le 25 novembre 1780, fut porté sur les rôles de la Garde à cheval à l'âge de sept ans; en 1790 était déjà maréchal des logis et en 1795 — capitaine dans l'armée et le 1er janvier 1796 fut nommé commissaire général des vivres. A la demande de son père, le célèbre A. S. Chichkoff, emmena P. Koutaïssoff dans un voyage à l'étranger; mais ce voyage, d'abord à Dresde et de là à Carlsbad, ne fut pas apparemment d'une grande utilité au jeune homme, sur lequel Chichkoff, dans ses „Mémoires", donne une suite de témoignages très peu flatteurs. Ayant reçu en 1799 l'ordre de St-Jean de Jérusalem, Koutaïssoff le 7 janvier 1800 fut fait chambellan, le 19 mai — secrétaire d'Etat, et le 8 novembre — commandeur honorifique de l'ordre de Malte. Le lendemain de l'avènement au trône d'Alexandre Ier, il fut nommé membre du Collège des Affaires étrangères, où il servit plusieurs années, jusqu'à sa nomination, en 1809, de procureur général surnuméraire du 6e département du Sénat à Moscou. En 1811, il reçut l'ordre de Ste-Anne de 1re classe et en 1812, pour l'heureuse „translation" à Kazan du Sénat de Moscou, „pour son zèle et ses soins" une tabatière d'or. En 1815, Koutaïssoff fut nommé procureur général de l'assemblée des départements de Moscou, en 1816, élevé à la dignité de conseiller privé, et le 13 janvier de l'année suivante, à celle de sénateur du 2e département. Après s'être fixé à St-Pétersbourg, fut membre, à partir de 1822, du comité de la Direction générale des théâtres impériaux de St-Pétersbourg, membre de la commission de l'édification de la cathédrale de St-Isaac, membre du comité chargé de l'instruction du meurtre de la jeune M. Altoukhoff, puis président de la commission sur les détournements de l'or dans l'Oural; après avoir reçu en janvier 1826 l'ordre de St-Vladimir de 2e classe, Koutaïssoff obtint, le 22 août, la charge de veneur. En 1829, il révisa la province de Transcaucasie, en 1832, reçut comme récompense l'ordre de l'Aigle blanc et fut nommé vice président des bureaux de l'Intendance de la cour avec le titre de maître de la cour; l'année d'après, il reçut le cordon de St-Alexandre, en 1834, fut élevé à la dignité de grand-maître de la cour et nommé président des Bureaux de la cour, et en 1837 membre du Conseil d'Etat. Koutaïssoff fut longtemps président de la société pour l'encouragement des Beaux-Arts.

On peut trouver dans les lettres de A. Boulgakoff quelques jugements décousus et peu flatteurs sur Koutaïssoff.

Le comte Koutaïssoff mourut le 9 mars 1840; il était marié, depuis le 28 mai 1800, à la princesse Prascovie Pétrowna Lopoukhine dont il eut deux fils et deux filles.

(D'après une aquarelle d'A. Brulloff, ayant appartenu en 1902 au prince P. Golitzyne, Moscou.)

55

Пис. Г. Дау

Peint par G. Dawe

Графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ, 1784 — 1812

Le Comte Alexandre Ivanowitch Koutaïssoff, 1784 — 1812

56

Графиня Прасковія Петровна Кутайсова, 1785 — 1870

La Comtesse Prascovie Pétrowna Koutaïssoff, 1785 — 1870

57

Пис. А. Брюлловъ

Peint par A. Brulloff

Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ, 1780 — 1840

Le Comte Paul Ivanowitch Koutaïssoff, 1780 — 1840

КАРЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ БАГГОВУТЪ, 1761—1812, сынъ Гарріенскаго маиприхтера Фридриха-Вильгельма, женатаго на Шарлоттѣ-Элеонорѣ фонъ-Розенталь, принадлежитъ къ числу выдающихся боевыхъ генераловъ и сподвижниковъ Императора Александра, эпохи Отечественной войны. Дворянскій родъ Баггоувутовъ (Baggehufwud), Норвежскаго происхожденія, въ XVIII вѣкѣ переселился въ Эстляндію, гдѣ 16 Сентября 1761 г. въ имѣніи отца родился Карлъ Федоровичъ; на 18-мъ году онъ началъ службу прапорщикомъ въ Тобольскомъ пѣхотномъ полку, а въ 1782 г.—боевое поприще въ походѣ противъ Крымскихъ татаръ. Во вторую Турецкую войну, находясь въ корпусѣ князя Репнина, участвовалъ въ пораженіи сераскира Гассана-паши и при покореніи Бендеръ. Разстроенное здоровье заставило его въ 1791 г. покинуть службу, съ чиномъ премьеръ-майора; въ 1792 г. война съ Польшей снова вернула Баггоувута на службу. При первомъ извѣстіи объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ онъ поспѣшилъ къ главнокомандующему графу Каховскому и въ качествѣ волонтера принялъ участіе въ дѣлахъ съ поляками. Въ 1794 г., въ день изгнанія русскихъ въ Варшавѣ, Баггоувутъ находился тамъ и спасся, только благодаря отчаянной храбрости, пробившись съ небольшимъ отрядомъ сквозь толпы мятежниковъ. Жена его, Елизавета Яковлевна, рожденная фонъ-Фокъ († 1830 г.), была захвачена поляками, заключена въ Пражскую тюрьму и, подвергалась опасности быть разстрѣлянной, спаслась въ день взятія Праги русскими войсками, бѣжавъ въ русскій лагерь, гдѣ и встрѣтилась съ мужемъ. Въ царствованіе Павла I Баггоувутъ произведенъ въ генералъ-майоры, но вскорѣ подвергся немилости и былъ внезапно отставленъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I онъ снова былъ принятъ на службу, которую и не покидалъ до славной своей смерти въ Тарутинскомъ сраженіи. Въ кампанію 1805 г. онъ находился въ арміи Беннигсена, а затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ походахъ 1806 и 1807 гг. и въ Шведской войнѣ 1808 г., гдѣ, во время болѣзни князя Багратіона, командовалъ войсками, расположенными вдоль Ботническаго залива. За Пултускъ, Вольфсдорфъ и Прейсишъ-Эйлау награжденъ Георгіемъ 3 кл. и Анной 1 ст., а за Шведскую войну—орденомъ св. Владиміра 2 степени. Незадолго до Пултускаго сраженія произошелъ эпизодъ, въ которомъ высказался отважный рыцарскій характеръ Карла Федоровича: находясь на передовой позиціи, Баггоувутъ вошелъ въ переговоры съ непріятельскими офицерами съ цѣлью прекратить безполезную перестрѣлку часовыхъ. Во время объясненія, выстрѣломъ нашего часового, неожиданно убитъ одинъ изъ французскихъ офицеровъ, что вызвало негодованіе французовъ. Тогда Баггоувутъ, подойдя къ непріятелямъ, сказалъ: „Смотрите, я стою передъ вами, прикажите стрѣлять въ меня; здѣсь несчастная ошибка: русскіе неспособны къ вѣроломству!“ Непріятельскій часовой прицѣлился, но въ то мгновеніе, когда онъ спускалъ курокъ, офицеръ, изумленный самоотверженіемъ Баггоувута, ударилъ часового по рукѣ, пуля пролетѣла мимо, и офицеръ, привѣтствуя его, сказалъ: „Генералъ, вы герой! Живите для славы соотечественниковъ вашихъ“.

Въ Отечественную войну 1812 г. Баггоувутъ командовалъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и въ Бородинскомъ сраженіи покрылъ себя славою, замѣнивъ на лѣвомъ флангѣ убитаго Тучкова. За сраженіе это ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, но эта награда получена была послѣ Тарутинскаго боя, гдѣ однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ ядеръ Баггоувутъ былъ убитъ наповалъ. Баггоувутъ умеръ бездѣтнымъ. У него было три брата и сестра Юлія (р. 15 Октября 1760 г., † въ Сентябрѣ 1839 г.; 2-я жена графа Густава-Фридриха Адлерберга, кавалерственная дама и впослѣдствіи начальница Смольнаго института).

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

CHARLES THÉODOROWITCH BAGGOVOUT, 1761—1812, fils de Frédéric-Guillaume qui était magistrat et de Charlotte-Eléonore, née von Rosental, fut un des plus éminents hommes de guerre et compagnons d'armes de l'Empereur Alexandre à l'époque de la Guerre Patriotique. La famille noble des Baggovout (Baggehufwud), d'origine norvégienne, passa au XVIIIe siècle en Esthonie, où, le 16 septembre 1761, dans le domaine paternel, naquit le future général. Il débuta au service à l'âge de 18 ans comme porte-enseigne au régiment d'infanterie de Tobolsk, et fit ses premières armes en 1782 contre les Tatares de Crimée. A la seconde campagne de Turquie, au corps du prince Repnine, il contribua à la défaite du séraskier Hassan-Pacha et à la prise de Bender. Le mauvais état de sa santé l'obligea en 1791 à quitter le service, avec rang de premier-major; en 1792, la guerre de Pologne le rappela au service: à la première nouvelle de l'ouverture des hostilités, il s'empressa d'aller trouver le commandant en chef, comte Kakhovsky, et prit part aux opérations comme volontaire. En 1794, le jour du massacre des Russes à Varsovie, il se trouvait dans la ville et ne réussit à s'échapper que grâce à sa bravoure désespérée, en se frayant un passage avec une poignée d'hommes à travers la foule des insurgés. Sa femme, Elisabeth Yakovlewna, née von Fock († 1830), tomba aux mains des Polonais, fut internée à la prison de Praga, et, au risque d'être fusillée, s'échappa le jour de la prise de Praga et se sauva au camp russe, où elle retrouva son mari. Sous le règne de Paul Ier, Baggovout fut promu général major, mais tomba bientôt en disgrâce et fut brusquement destitué. A l'avènement d'Alexandre Ier, il rentra au service, pour ne plus le quitter jusqu'à sa mort glorieuse à Taroutino. Il fit la campagne de 1805 à l'armée de Bennigsen, puis prit une part active aux campagnes de 1806 et 1807, ainsi qu'à la guerre de Suède de 1808, où, pendant la maladie du prince Bagration, il commanda les troupes réparties le long du golfe de Botnie. Pultusk, Wolfsdorf et Preussisch-Eylau lui valurent St-Georges de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe, et la guerre de Suède, St-Vladimir de 2e classe. Peu avant la bataille de Pultusk, eut lieu un épisode qui témoigne de sa bravoure et de son caractère chevaleresque: se trouvant à une position avancée, il était entré en pourparlers avec des officiers ennemis pour faire cesser la fusillade inutile des sentinelles; au cours des négociations un coup de feu d'une sentinelle russe abattit un officier français, ce qui provoqua l'indignation des Français. Alors Baggovout s'avança vers l'ennemi et dit: „Regardez, me voilà devant vous; commandez le feu! C'est une terrible méprise: les Russes sont incapables de félonie!“ La sentinelle ennemie le coucha en joue mais, au moment où elle tirait, l'officier, étonné de l'intrépidité de Baggovout, fit dévier le coup en frappant le bras du soldat, et le félicita en lui disant: „Général, vous êtes un héros. Vivez pour la gloire de vos compatriotes!“

A la Guerre Patriotique, Baggovout commandait le 2e corps d'infanterie, et, à Borodino, se couvrit de gloire à la tête de l'aile gauche, après la mort de Toutchkoff. Cette bataille lui valut St-Alexandre Newsky, qui ne lui fut cependant conféré qu'après Taroutino, où il fut tué raide par un des premiers boulets. Il ne laissait pas d'enfants. Il avait trois frères et une sœur Julie (15 octobre 1760, † septembre 1839; seconde femme du comte Gustave-Frédéric Adlerberg, dame de Ste-Catherine, et plus tard directrice de l'Institut Smolna).

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

59

ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ГОГЕЛЬ, 1775—1827, сынъ француза изъ Монбельяра, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорія Григорьевича Гогеля, директора Нѣмецкихъ колоній, родился въ Саратовѣ 1 Марта 1775 г.; службу началъ въ Конной гвардіи, куда на 11-мъ году зачисленъ вахмистромъ. По желанію родителей, отправленъ для окончательнаго воспитанія во Францію и въ 1792 г., вернувшись въ Россію, произведенъ въ капитаны С.-Петербургскаго драгунскаго полка. Быстро возвышаясь въ чинахъ, Гогель, въ 1804 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ, а затѣмъ шефомъ 5 Егерскаго полка. Боевую дѣятельность началъ онъ во главѣ этого полка, участвуя въ 1805 г. въ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ 1807 г., отличившись подъ Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтомъ, награжденъ Георгіемъ 4 ст., за Гейльсбергъ—Владиміромъ 3 кл., а за Фридландъ пожалованъ Прусскимъ королемъ орденомъ „Pour le mérite“ и Императоромъ Александромъ—пожизненной арендой на 12 лѣтъ. Въ 1812 г., командуя бригадой 26-й пѣхотной дивизіи Паскевича, участвовалъ въ бояхъ подъ Смоленскомъ и 24 Августа находился на лѣвомъ флангѣ Шевардинскаго редута. Въ день Бородинскаго боя былъ въ центрѣ, близъ рѣчки Колочи, гдѣ долго удерживалъ натиски сильнѣйшаго непріятеля. Послѣ Тарутинскаго сраженія, находясь подъ начальствомъ Платова, участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ его корпуса. Особенное мужество проявилъ Гогель въ сраженіи подъ Краснымъ, гдѣ съ успѣхомъ отразилъ безумныя атаки Нея на батареи Милорадовича. За свои подвиги въ Отечественную войну награжденъ чиномъ генералъ-майора и лентою св. Анны. Въ 1813 г. за взятіе Гамбурга пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 кл., а по окончаніи войнъ, въ 1816 г. назначенъ начальникомъ 28-й пѣхотной дивизіи, которою и командовалъ послѣ переименованія ея въ 25-ю до самой своей смерти, послѣдовавшей неожиданно 17 Апрѣля 1827 г. отъ паралича сердца.

За свои прекрасныя душевныя качества Федоръ Григорьевичъ Гогель пользовался любовью и уваженіемъ подчиненныхъ, которые послѣ смерти воздвигли на могилѣ его, въ полуверстѣ отъ Дубно, близъ Брестъ-Литовской дороги, великолѣпный памятникъ. Онъ пользовался также особеннымъ уваженіемъ и любовью Великаго Князя Константина Павловича.

Ф. Г. Гогель былъ женатъ два раза; отъ перваго брака съ дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріей Александровной Юній у него было два сына: Григорій (генералъ-адъютантъ; р. 1808 г., † 17 Ноября 1881 г.) и Валеріанъ (статскій совѣтникъ; р. 1813 г.); отъ второго, съ графиней Каролиной Олизаръ, рожденной графиней Мола,—сынъ Константинъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

THÉODORE GRIGORIEWITCH GOGEL, 1775—1827, fils d'un français de Montbeliard, le conseiller d'état actuel, Grégoire Grigoriewitch Gogel, directeur des colonies allemandes, naquit à Saratoff le 1er mars 1775. Enrôlé dans sa 11e année sous-officier à la Garde à cheval, il fut ensuite envoyé en France par ses parents pour y compléter son éducation. De retour en Russie, il fut promu capitaine au régiment de dragons de St-Pétersbourg. Il eut un avancement rapide: nommé commandant avec rang de colonel en 1804, il devint ensuite chef du 5e régiment de chasseurs, à la tête duquel il fit ses premières armes à Austerlitz. En 1807, Preussisch-Eylau et Gutstadt lui valurent St-Georges de 4e classe, et Heilsberg—St-Vladimir de 3e classe; il reçut pour Friedland, de la part du Roi de Prusse, l'ordre prussien „Pour le Mérite", et, de celle de l'Empereur Alexandre, une arende pour douze ans. En 1812, à la tête d'une brigade de la 26-e division de Paskewitch, il prit part aux combats livrés sous Smolensk et, le 24 août, se trouva au flanc gauche de la redoute Chevardin. A Borodino, il était au centre près de la Kolytcha, où il soutint longtemps la poussée d'un ennemi supérieur en nombre. Après Taroutino, il prit part, sous les ordres de Platoff, à toutes les opérations de son corps. Il déploya une bravoure particulière à Krasnoïé, où il repoussa avec succès les attaques enragées de Ney contre la batterie Miloradowitch. Ses exploits à la Guerre Patriotique lui valurent le grade de général major et le cordon de Ste-Anne, et, en 1813, la prise de Hambourg, St-Georges de 3e classe. A la paix, en 1816, il fut nommé chef de la 28e division d'infanterie, qu'il commanda encore quand elle fut devenue la 25e, jusqu'à sa mort. Il mourut subitement le 17 avril 1827, d'une paralysie du cœur.

Gogel jouissait, en raison de ses qualités supérieures, de l'affection et de l'estime de ses subordonnés, qui firent élever sur sa tombe, à une demi-verste de Doubno, près de la ligne de Brest, un monument magnifique. Il était également honoré de l'affection et de l'estime particulière du Grand-Duc Constantin Pavlowitch.

Gogel fut marié deux fois. Il eut de son premier mariage, avec la fille Marie du conseiller d'état actuel Alexandre Youny, deux fils, Grégoire (1808—17 nov. 1881), général aide de camp, et Valérien, né en 1813, conseiller d'état, et, de son second mariage, avec la comtesse Caroline Olizard, née comtesse Mola, un fils Constantin.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ РУДЗЕВИЧЪ, 1776—1829, сынъ Крымскаго татарина Якуба Измаиловича (Рудзевича), за услуги, оказанныя при покореніи Крыма, награжденнаго Императрицей Екатериной II чиномъ статскаго совѣтника; послѣ смерти отца, мать явилась съ дѣтьми въ Петербургъ, и тутъ дѣти были крещены; сынъ Александръ, крестникъ Императрицы и Великаго Князя Александра Павловича, былъ принятъ въ Греческій кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1792 г. капитаномъ Генеральнаго штаба. Боевая дѣятельность А. Я. Рудзевича началась въ Польшѣ въ 1794 г., гдѣ онъ проявилъ недюжинныя способности въ качествѣ офицера Генеральнаго штаба, и уже въ 1796 г. ему поручена была топографическая съёмка Финляндіи, а въ 1801 г., по личному приказанію Императора Павла, дано было особенно важное порученіе по составленію описанія и укрѣпленію береговъ Финляндіи на случай обороны противъ Англійскаго флота. Въ царствованіе Александра I Рудзевичъ, находившійся въ это время въ Кавказской арміи, за выдающуюся храбрость въ дѣлахъ противъ горцевъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Выйдя въ отставку, Рудзевичъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Крыму, устраивая свои имущественныя дѣла, но въ концѣ 1809 г. вернулся на службу и снова въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствовалъ на Кавказѣ противъ горцевъ, при чемъ получилъ орденъ св. Георгія 3 степени. Въ Отечественную войну, находясь въ Дунайской арміи Чичагова, въ Ноябрѣ 1812 г. съ корпусомъ Ланжерона перешелъ границу и участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 гг., особенно отличившись подъ Бауценомъ и Лейпцигомъ. Въ кампанію 1814 г. Рудзевичъ взялъ штурмомъ послѣднюю опору французовъ, Монмартрское укрѣпленіе, за что награжденъ Георгіемъ 2-го класса. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, Рудзевичъ съ 1814 по 1816 г., въ отсутствіе герцога Ришелье, исполнялъ должность Херсонскаго военнаго губернатора, а затѣмъ послѣдовательно командовалъ 6 и 7 пѣхотными корпусами. Въ коронацію Императора Николая I онъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а во время Турецкой войны 1828 г. командовалъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

Рудзевичъ скончался 23 Августа 1829 г., скоропостижно отъ паралича, получивъ незадолго передъ тѣмъ извѣстіе о смерти старшаго сына Якова, который умеръ отъ ранъ, полученныхъ при штурмѣ Варны. Кромѣ Якова, у него было еще три сына: Николай, Александръ и Михаилъ, и шесть дочерей; изъ нихъ Елизавета вышла замужъ за генералъ-майора Севастьянова и Марія была фрейлиной Императрицы Александры Ѳеодоровны. Рудзевичъ былъ женатъ на дочери статскаго совѣтника Маріи Евстафіевнѣ Нотара. Погребенъ онъ въ своемъ имѣніи, въ Крыму, близъ Карасу-Базара.

По отзыву современника, Рудзевичъ былъ „высокаго роста, прекрасенъ собой, строенъ, тѣлосложенія самаго крѣпкаго. Одаренный отъ природы обширнымъ, проницательнымъ умомъ и получивъ превосходное воспитаніе, онъ употребилъ всѣ свои высокія способности на изученіе военнаго искусства, страстно имъ любимаго. На войнѣ онъ являлся начальникомъ распорядительнымъ и неустрашимымъ; въ сраженіяхъ надо было удивляться его хладнокровію, смѣтливости, вѣрному взгляду на дѣло“.

(Съ миніатюры, находящейся въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича.)

60

ALEXANDRE YAKOVLEWITCH ROUDZEWITCH, 1776—1829, fils du tatare de Crimée Yakoub Izmaïlowitch (Roudzewitch), qui avait reçu de Catherine II, pour services rendus lors de la conquête de la Crimée, le rang de conseiller d'état actuel. A la mort du père, la mère vint à Pétersbourg avec les enfants, qui furent baptisés. Le jeune Alexandre, filleul de l'Impératrice et du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, fut admis au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1792 capitaine à l'état-major général. Il fit ses premières armes en 1794, en Pologne, où il déploya des capacités peu communes comme officier de l'état-major général. Dès 1796, il fut chargé de levés topographiques en Finlande, et, en 1801, sur l'ordre personnel de Paul Ier, d'une mission particulièrement importante, celle de rédiger la description et d'organiser la défense des côtes finlandaises, en raison de la présence de la flotte anglaise. Sous Alexandre Ier, la bravoure remarquable qu'il déploya à l'armée du Caucase dans les opérations contre les montagnards lui valut St-Georges de 4e classe. Il donna ensuite sa démission, et passa quelques années en Crimée, à mettre en ordre ses affaires personnelles, mais rentra au service en 1809, et reprit pour plusieurs années au Caucase les opérations contre les indigènes: il gagna alors St-Georges de 3e classe. Lors de la Guerre Patriotique, à l'armée du Danube, sous Tchitchagoff, il passa la frontière en novembre 1812 avec le corps Langeron, et fit les campagnes de 1813 et 1814, où il se distingua particulièrement à Bautzen et à Leipzig; en 1814 l'enlèvement de la Butte Montmartre, le dernier retranchement des Français, lui valut St-Georges de 2e classe. A la fin des guerres napoléoniennes, il remplit en l'absence du duc de Richelieu, de 1814 à 1816, les fonctions de gouverneur militaire de Kherson, puis fut successivement à la tête des 6e et 7e corps d'infanterie. Au couronnement de Nicolas Ier, il fut promu général d'infanterie, et, à la guerre de Turquie de 1828, commanda le 3e corps d'infanterie.

Roudzewitch mourut subitement le 23 août 1829, peu après avoir appris la nouvelle de la mort de son fils aîné Jacob, à la suite des blessures reçues à l'assaut de Varna. Outre ce fils, il en avait trois autres, Nicolas, Alexandre et Michel, et six filles, dont Elisabeth épousa le général major Sébastianoff, et Marie fut demoiselle d'honneur de l'Impératrice Alexandra Féodorowna. Il avait épousé la fille du conseiller d'état Marie Eustafiewna Notara. Il fut inhumé en Crimée, dans sa propriété, près de Karassou-Bazar.

Au témoignage d'un contemporain, Roudzewitch était „de haute taille, bel homme, bien fait, des plus robustes. Naturellement doué d'un esprit vaste et pénétrant et muni d'une excellente éducation, il employa toutes ses remarquables facultés à l'étude de l'art militaire, qu'il aimait passionnément. En campagne, c'était un chef entendu et intrépide; sur le champ de bataille, il avait un sang-froid, une sagacité, une justesse de vues étonnants".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

61

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БИБИКОВЪ, 1765—1822, сынъ извѣстнаго генералъ-аншефа Александра Ильича, успѣшно дѣйствовавшаго противъ Пугачева и умершаго во время этой экспедиціи, маршала Екатерининской большой комиссіи, отъ брака его съ княжной Анастасіей Семеновной Козловской (р. 26 Декабря 1729 г., † 4 Мая 1800 г.), родился 7 Января 1765 г.; 3-хъ лѣтъ онъ былъ записанъ въ Измайловскій полкъ, а 9-и лѣтъ, въ память только-что умершаго отца, произведенъ въ офицеры; въ 1787 г. онъ былъ уже гвардіи капитаномъ и сопровождалъ Екатерину II въ ея поѣздкѣ въ Крымъ. Подъ начальствомъ друга отца, П. П. Михельсона, участвовалъ въ Шведской войнѣ, „явилъ“ тамъ „рѣдкіе опыты неустрашимости“, отбилъ орудіе, былъ раненъ и получилъ Георгія 4 ст.; поздпѣе участвовалъ въ бою при Роченсальмѣ, гдѣ принцъ Нассау-Зигенъ разбилъ шведскій флотъ, а высадившись опять на берегъ, командовалъ батальономъ Преображенскаго полка. Сблизившись въ это время съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, Бибиковъ, пожалованный въ 1795 г. въ камергеры, сумѣлъ сохранить расположеніе Павла I, былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ посланникомъ сначала въ Португалію, а затѣмъ въ Саксонію, но въ 1800 г. былъ пожалованъ въ сенаторы, а въ 1806 г. избранъ начальникомъ милиціи Ораніенбаумскаго уѣзда. Назначенный затѣмъ, въ 1808 г., посланникомъ при Неаполитанскомъ дворѣ, Бибиковъ вернулся оттуда наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію и былъ выбранъ Петербургскимъ дворянствомъ въ помощники къ начальнику ополченія, своему дядѣ, знаменитому Кутузову, женатому на родной сестрѣ его отца. 28 Сентября ополченіе Бибикова присоединилось къ арміи Витгенштейна и вслѣдъ затѣмъ со славой участвовало въ бою подъ Полоцкомъ. Бибиковъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл., при чемъ Витгенштейнъ высказалъ ему свое удивленіе: „Никогда не думалъ я найти въ человѣкѣ, давно оставившемъ военную службу, столько геройскаго духа!“ Раненый въ ногу при деревнѣ Смольной, Бибиковъ тѣмъ не менѣе участвовалъ въ битвѣ на р. Березинѣ, при деревнѣ Студеновкѣ, при чемъ, не имѣя возможности сѣсть на лошадь верхомъ, разъѣзжалъ въ саняхъ, распоряжаясь боемъ; затѣмъ онъ принялъ участіе въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг., пока разстроившееся здоровье не заставило его покинуть армію и вернуться въ Петербургъ. Любившее его ополченіе поднесло Бибикову золотую шпагу, съ надписью: „Сенатору Бибикову — С.-Петербургское ополченіе“, а Государь разрѣшилъ ему носить военный мундиръ, чѣмъ онъ особенно дорожилъ.

А. А. Бибиковъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Ханыковой (р. 10 Февраля 1772 г., † 29 Декабря 1826 г.), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей: Василія и Александра, и дочь Александру (въ замужествѣ за генералъ-майоромъ П. М. Безобразовымъ).

Отправившись лѣчиться за границу, Бибиковъ умеръ въ Дрезденѣ 20 Іюля 1822 г.; похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Человѣкъ просвѣщенный, пополнившій свое образованіе во время дипломатической службы за границей, Бибиковъ любилъ науки и литературу, составилъ и издалъ жизнеописаніе своего отца и былъ особеннымъ цѣнителемъ искусства: въ Дрезденѣ и Неаполѣ имъ собрана была прекрасная картинная галлерея, которую высоко цѣнили знатоки.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE ALEXANDROWITCH BIBIKOFF, 1765—1822, fils d'Alexandre Ilyitch, célèbre général en chef, maréchal de la Grande Commission de Catherine, qui opéra avec succès contre Pougatcheff et mourut au cours de cette expédition, et d'Anastasie Sémenowna, née princesse Kozlowsky (26 décembre 1729—4 mai 1800), naquit le 7 janvier 1765. Enrôlé à l'âge de 3 ans au régiment Izmaïlowsky, il passa officier à 9 ans, en mémoire de son père qui venait de mourir. En 1787, il était déjà capitaine de la Garde, et accompagna Catherine II dans son voyage de Crimée. Il fit, sous les ordres d'un ami de son père, I. Michelson, la campagne de Suède, où il „déploya des prodiges de valeur", enleva une pièce, fut blessé et reçut St-Georges de 4e classe; on le retrouve plus tard au combat de Ruotsinsalmi, où le prince de Nassau Siegen défit la flotte suédoise; après quoi, il débarqua et prit le commandement d'un bataillon du régiment Préobragensky. Il se lia alors d'amitié avec le Grand-Duc Paul Pétrowitch, et, fait chambellan en 1795, sut conserver la faveur de l'Empereur Paul Ier, fut fait conseiller privé et nommé envoyé, d'abord en Portugal, puis en Saxe. Mais en 1800, il devint sénateur, et, en 1806, fut élu chef de la milice du district d'Oranienbaum. Nommé ensuite, en 1808, envoyé près la Cour de Naples, il rentra en Russie à la veille de l'invasion de 1812, et fut élu par la noblesse de Pétersbourg adjoint au chef de la milice, son oncle, le célèbre Koutouzoff, mari de la sœur de son père. Le 28 septembre, il rejoignit avec sa troupe l'armée de Wittgenstein et prit part avec gloire au combat de Polotzk. Il reçut en récompense St-Georges de 3e classe, et Wittgenstein lui témoigna son admiration: „Je ne croyais jamais trouver tant d'héroïsme chez un homme retiré du service depuis si longtemps". Blessé à la jambe près du village de Smolna, Bibikoff combattit néanmoins à la Bérézina, près de Stoudianka, et, ne pouvant se tenir à cheval, donna ses ordres en traîneau. Il prit ensuite part aux campagnes de 1813 et 1814, mais sa santé l'obligea bientôt à quitter l'armée et à revenir à Pétersbourg. Sa milice l'aimait beaucoup et lui offrit une épée d'or avec l'inscription: „Au Sénateur Bibikoff, la Milice de St-Pétersbourg", et l'Empereur l'autorisa à porter l'uniforme militaire, auquel il tenait particulièrement.

Bibikoff épousa Anna Vassiliewna Khanykoff (10 février 1772—29 décembre 1826), dont il eut deux fils, Basile et Alexandre, et une fille Alexandrine, mariée au général major N. Bezobrazoff.

Pendant un séjour à l'étranger, où il était allé pour sa santé, Bibikoff mourut à Dresde le 20 juillet 1822; il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. C'était un homme éclairé, qui avait complété son instruction lors de son service diplomatique à l'étranger; il aimait la science et la littérature, composa et publia une biographie de son père et était grand appréciateur d'art: à Dresde et à Naples, il se fit une magnifique galerie de tableaux, fort estimée des connaisseurs.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

58

Карлъ Федоровичъ Багговутъ,
1761 — 1812

Charles Féodorowitch Baggovout,
1761 — 1812

59

Федоръ Григорьевичъ Гогель,
1775 — 1827

Théodore Grigoriewitch Gogel,
1775 — 1827

60

Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ,
1776 — 1829

Alexandre Yakovlewitch Rondzewitch,
1776 — 1829

61

Александръ Александровичъ Бибиковъ,
1765 — 1822

Alexandre Alexandrowitch Bibikoff,
1765 — 1822

Князь ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ШАХОВСКОЙ, 1705—1777, сынъ князя Петра Ивановича, родился 8 Октября 1705 г.; въ дѣтствѣ лишился отца и былъ взятъ на воспитаніе дядей княземъ А. П. Шаховскимъ. Въ 1719 г. Шаховской поступилъ солдатомъ въ Семеновскій полкъ, а затѣмъ перешелъ въ Конную гвардію. Съ 1734 по 1736 г. состоялъ при дядѣ, управлявшемъ тогда Малороссіей, а затѣмъ добровольцемъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ. Въ 1740 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Главную полицію, а въ регентство благоволившаго къ нему Бирона—начальникомъ ея. Правительница, не отрѣшая Шаховского, назначила генералъ-полицеймейстеромъ Наумова, а Шаховской, благодаря покровительству графа Головкина, былъ пожалованъ въ сенаторы. Елисаветой Петровной онъ былъ назначенъ сначала оберъ-прокуроромъ Св. Синода, 29 Марта 1753 г.—генералъ-кригсъ-комиссаромъ, а 16 Августа 1760 г. генералъ-прокуроромъ. Подавшій въ отставку въ день смерти Елисаветы, Шаховской былъ назначенъ Екатериной II сенаторомъ, при чемъ Императрица руководилась его совѣтами въ дѣлѣ секуляризаціи церковныхъ имѣній; отъ Екатерины князь Шаховской получилъ орденъ св. Андрея и денегъ и подарковъ на 55/т. руб. Выйдя въ 1766 г. въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князь Шаховской умеръ въ Москвѣ 23 Іюля 1777 г. и погребенъ въ Малой Соборной церкви Донского монастыря. Онъ былъ женатъ 2 раза: 1) на княжнѣ Александрѣ Алексѣевнѣ Путятиной, 2) на Евдокіи Егоровнѣ Лопухиной, рожденной Фамицыной. Отъ перваго брака имѣлъ сына Ѳедора († 1782 г.) и дочерей: Анну (за кн. Ф. А. Голицынымъ) и Марію (за П. П. Салтыковымъ), а отъ второго брака сына Алексѣя († 1791 г.).

Князь Я. П. Шаховской считается примѣромъ добродѣтельнаго сановника. Самъ Радищевъ считалъ достойнымъ себя описать жизнь его, избравши эпиграфомъ стихи Державина:

„Закону Божію послушенъ, Къ себѣ строжѣе, чѣмъ къ другому,
Чувствителенъ, великодушенъ, Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Не гордъ, не подлъ и не труслив, Идетъ лишь по пути прямому".

Главнымъ источникомъ для біографіи князя Шаховского служатъ его „Записки". Этимъ „Записками" до извѣстной степени онъ обязанъ своей высокой репутаціи. Строгій законникъ, онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ подчиненныхъ ему учрежденіяхъ все „чинилось порядочно и сходно съ указами". Служебное усердіе, „ревностное устремленіе" князя Шаховского было, по его признанію, „съ честолюбіемъ смѣшано", и онъ не прочь былъ „сыскивать склонности" сильныхъ людей. Ему нельзя отказать въ извѣстной смѣлости, вѣроятно, преувеличенной въ „Запискахъ", по которымъ выходитъ, что отъ него постоянно „плакали" самые сильные люди: синодальные члены „на колѣняхъ со слезами" просили „взять" отъ нихъ тяжелаго оберъ-прокурора; графъ П. И. Шуваловъ „со слезами" жаловался на Шаховского, „растревожившаго ему всѣ жизненные спирты"; Великій Князь, „являя въ лицѣ своемъ слезы", выходилъ изъ себя отъ „упрямства и неучтивости" генералъ-прокурора. Бирон, по непонятной причинѣ, повышалъ и собственноручно „потчевалъ кофіемъ" говорившаго ему дерзости конфидента Волынскаго. На другой день послѣ „благосклонныхъ разговоровъ" регента, князь Шаховской „усчастливился", протолкавшись среди „истинныхъ дѣтей отечества" и подписавшись на присяжномъ листѣ, „учинить пристойный поклонъ" правительницѣ и „стать позади окружавшихъ ее господъ". Чуть не прямо съ именинного банкета у своего „многомогущаго" графа Головкина князь Шаховской устремился въ „Цесаревнинскій дворецъ" для принесенія „подданническихъ поздравленій" и новой присяги, вмѣсто нарушенной, а затѣмъ распоряжался отправкой въ Сибирь бывшихъ министровъ и въ числѣ ихъ своего „благотворителя" Головкина, для успокоенія совѣсти „нагрузивъ свои мысли сожалительными восторгами". Въ Синодѣ Шаховской всѣ 12 лѣтъ провелъ въ упорной и мелочной борьбѣ съ синодальными членами, при чемъ оберъ-прокуроръ старался всячески увеличить „свой у Ея Императорскаго Величества кредитъ", а синодалы „умалить его кредитъ старались".

Въ общемъ, несмотря на преувеличенія „Записокъ", князь Я. П. Шаховской былъ однимъ изъ самыхъ чистыхъ и честныхъ дѣльцовъ XVIII вѣка.

(Съ портрета, принадлежащаго П. О. Смирнову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince JACOB PÉTROWITCH CHAKHOWSKOÏ, 1705—1777, fils du prince Pierre Ivanowitch, est né le 8 octobre 1705; perdit son père étant encore enfant et fut élevé par son oncle, le prince A. I. Chakhowskoï. En 1719, il entra au régiment de Sémenowsky et passa ensuite dans la Garde à cheval. De 1734 à 1736, il fut attaché à son oncle, qui gouvernait alors la Petite-Russie, et prit part ensuite comme volontaire à la guerre de Turquie. En 1740, il fut nommé conseiller de la Police générale et en devint le chef pendant la régence de Biron, bien disposé à son égard. La régente, sans révoquer Chakhowskoï, nomma Naoumoff directeur général de la police, et Chakhowskoï, grâce à la protection du comte Golovkine, fut élevé à la dignité de sénateur. Il fut d'abord nommé par Elisabeth Pétrowna premier procureur du St-Synode, le 29 mars 1753— commissaire général des armées et, le 16 août 1760, procureur général. Ayant donné sa démission le jour de la mort d'Elisabeth, Chakhowskoï fut nommé sénateur par Catherine II, et l'Impératrice suivit ses conseils dans l'affaire de la sécularisation des propriétés ecclésiastiques; le prince Chakhowskoï reçut de Catherine l'ordre de St-André, de l'argent et des cadeaux d'une valeur de 35 mille roubles. Ayant le titre de conseiller privé actuel, il prit sa retraite en 1766; le prince Chakhowskoï mourut à Moscou le 23 juillet 1777 et est inhumé à l'église au monastère Donskoï. Il a été marié deux fois: la première à la princesse Alexandra Alexéewna Poutiatine, la deuxième à Eudoxie Egorowna Lopoukhine, née Famintzine. Il eut du premier lit: un fils, Théodore († en 1782) et deux filles: Anne (mariée au prince Th. Golitzyne) et Marie (à N. Saltykoff), et du deuxième lit un fils, Alexis († en 1791). Le prince Chakhowskoï est donné comme exemple du seigneur vertueux. Radichtcheff lui-même se jugea digne de décrire sa vie et choisit comme épigraphe les vers de Derjavine:

„Obéissant à la religion,
Sensible, magnanime,
Ni fier, ni bas, ni poltron,
Envers soi plus sévère qu'envers autrui,
Non porté aux actions basses,
Seulement le droit chemin il suit".

Les „Mémoires" du prince Chakhowskoï ont servi de source principale pour sa biographie. C'est à ces „Mémoires" qu'il est redevable, jusqu'à un certain point, de sa haute réputation. Législateur sévère, il veillait jalousement à ce que, dans les institutions qui se trouvaient sous sa dépendance, „tout s'accomplit régulièrement et selon les lois". Le service zélé—„l'élan de zèle" du prince Chakhowskoï n'était pas, d'après son aveu, „exempt d'ambition", et il ne dédaignait pas de „rechercher la faveur" des puissants. On ne peut lui refuser une certaine hardiesse, probablement exagérée dans ses „Mémoires", d'après lesquels il ressort que les gens les plus puissants „répandaient des larmes" constamment à cause de lui: les membres du Synode suppliaient „en larmes, à genoux" de les délivrer du terrible procureur général; le comte I. Chouvaloff se plaignait „en versant des larmes" de Chakhowskoï „qui tarissait en lui les sources de la vie"; le Grand-Duc, „le visage en larmes", se mettait hors de lui à cause de „son entêtement et de ses incivilités". Biron, pour des raisons incompréhensibles, élevait, et de sa propre main „régalait de café" son confident Volynsky qui lui disait des insolences. Le lendemain des „condescendantes conversations" du régent, le prince Chakhowskoï „eut l'honneur", après s'être frayé un chemin parmi „les vrais enfants de la patrie" et après avoir signé la prestation de serment, „de présenter dignement ses hommages" à la régente et de „se placer derrière les seigneurs qui l'entouraient". Presque au sortir d'un banquet de fête chez son „haut et puissant" comte Golovkine, le prince Chakhowskoï se précipita au „palais de l'héritière" pour y présenter „ses félicitations féales" et y prêter un nouveau serment en lieu de celui qu'il venait de violer, puis prit ses mesures pour déporter en Sibérie les anciens ministres et, dans le nombre, son „bienfaiteur" Golovkine, „ayant (pour tranquilliser sa conscience) le cœur oppressé d'un douloureux enthousiasme". Douze années entières se passèrent, au Synode, pour Chakhowskoï, dans une lutte opiniâtre et vétilleuse avec les „synodaux", occasion pour le procureur général de tâcher de toutes les façons d'augmenter „son crédit auprès de Sa Majesté Impériale", tandis que les employés du Synode „s'efforçaient de le discréditer".

En général, malgré les exagérations des „Mémoires", le prince Chakhowskoï fut un des plus irréprochables et des plus probes hommes d'Etat du XVIIIe siècle.

(D'après un original appartenant à P. Smirnoff, St-Pétersbourg.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1710—1771, старшій братъ графа Петра Ивановича Шувалова и двоюродный братъ фаворита Елисаветы Петровны Ивана Ивановича Шувалова, изъ камеръ-юнкеровъ Цесаревны Елисаветы при ея воцареніи былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, унтеръ-лейтенанты Лейбъ-Компаніи и генералъ-майоры и получилъ ордена Анны 1 ст. и Александра Невскаго; въ послѣдующія 10 лѣтъ былъ пожалованъ въ поручики Лейбъ-Компаніи, генералъ-лейтенанты, генералъ-адъютанты и генералъ-аншефы; въ 1746 г., вмѣстѣ съ братомъ, былъ возведенъ въ графское достоинство; въ 1753 г. украшенъ орденомъ св. Андрея, а въ 1756 г. назначенъ членомъ Конференціи. П. И. Шуваловъ, желая черезъ своего человѣка быть въ курсѣ сыскныхъ дѣлъ, провелъ брата въ начальники Тайной канцеляріи; съ цѣлью имѣть надежнаго шпіона при Маломъ дворѣ, онъ же рекомендовалъ его въ 1754 г. въ гофмаршалы къ Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, и Петръ III наградилъ не бывшаго никогда на войнѣ генералъ-аншефа фельдмаршальскимъ жезломъ, пожаловавъ ему 2000 душъ крестьянъ. Уволенный Екатериной II отъ службы, онъ умеръ 4 Января 1771 года. Отъ брака съ Екатериной Ивановной Кастюриной онъ имѣлъ одну дочь Екатерину, вышедшую замужъ за графа Г. Н. Головкина.

Въ качествѣ „инквизитора“, Шуваловъ былъ, по выраженію Екатерины II, „пугаломъ Двора, города и всей имперіи“. Его занятія были тяжелы, неблагодарны и безцѣльны. Всѣ эти многочисленныя покушенія на „поврежденіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества здравія“ и „важныя, злодѣйственныя, непристойныя разсужденія и толкованія“ не стоили того труда, который тратилъ на изслѣдованіе ихъ А. И. Шуваловъ. Ему рѣдко удавалось выслѣдить сколько-нибудь важнаго и родовитаго преступника; зато цѣлыми годами приходилось допрашивать только бѣглыхъ крѣпостныхъ, потерявшихъ надежду на освобожденіе колодниковъ и солдатъ, „въ разныя времена и множественное число битыхъ шпицъ-рутенами и кошками“. Покушенія сводились къ тому, что какой-нибудь бѣглый солдатъ „дѣлалъ подъ курами апробацію порошка“, предназначеннаго для Елисаветы, и у куръ будто бы „ноги оторвало“, или что какой-то не имѣвшій доступа ко Двору монахъ „заморилъ въ горшкѣ траву черемицу“ для отравленія Великаго Князя. Не говоря уже о множествѣ „ложныхъ сказываній слова и дѣла“, казавшіяся тогда „важными“, разсужденія представляли ни для кого неопасную болтовню о томъ, что „недостойно въ нашемъ Великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть“, что Елисавета „не природная“, что она „ѣздитъ да гуляетъ“, вмѣсто того, чтобы „ѣздить въ Коллегію“, что „баба бабски нажаловала“ Разумовскихъ и другихъ „подлаго воспитанія“ людей. Всѣ эти измученные и доведенные до безумія люди, желая измѣнить тяжелое настоящее, или устремлялись взоръ въ прошедшее, утверждая, что Петръ II живъ и скрывается до времени за границей, или мечтали о будущемъ, уповая на воцареніе принца Іоанна; но имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи средства были самыя фантастическія и неопасныя для трона Елисаветы, подобныя плану какихъ-то купца и канцеляриста провезти черезъ границу „въ дехтярной бочкѣ книгу „Правда воли монаршей“ и оную книгу объявить Прусскому королю и учинить противъ Россіи возмущеніе“. Все сводилось къ платоническимъ желаніямъ, бредовымъ пророчествамъ и неосуществимымъ надеждамъ въ родѣ того, что какіе-то „десять генераловъ“ Императрицу „возненавидятъ и сожгутъ ее огнемъ“. Но всѣ эти вздорныя дѣла имѣли для обвиняемыхъ послѣдствіемъ кнутъ, вырываніе ноздрей и каторгу, а для Шувалова „постоянные тяжелые труды“, разстроившіе его здоровье и вызвавшіе у него „особеннаго рода судорожныя движенія во всей правой сторонѣ лица, проявлявшіяся при всякомъ волненіи“. Находясь всецѣло подъ вліяніемъ своего „устремительнаго“ брата, графъ А. И. Шуваловъ не былъ самъ человѣкомъ энергичнымъ и находчивымъ. Стоило только его оборвать, какъ это дѣлала Екатерина, чтобы онъ тотчасъ испугался и началъ безпомощно „моргать глазами“. Своимъ потворствомъ „Голштинскимъ увлеченіямъ“ Петра онъ пріобрѣлъ его непрочную привязанность; своимъ безтактнымъ шпіонствомъ онъ пріобрѣлъ непримиримую ненависть Екатерины II.

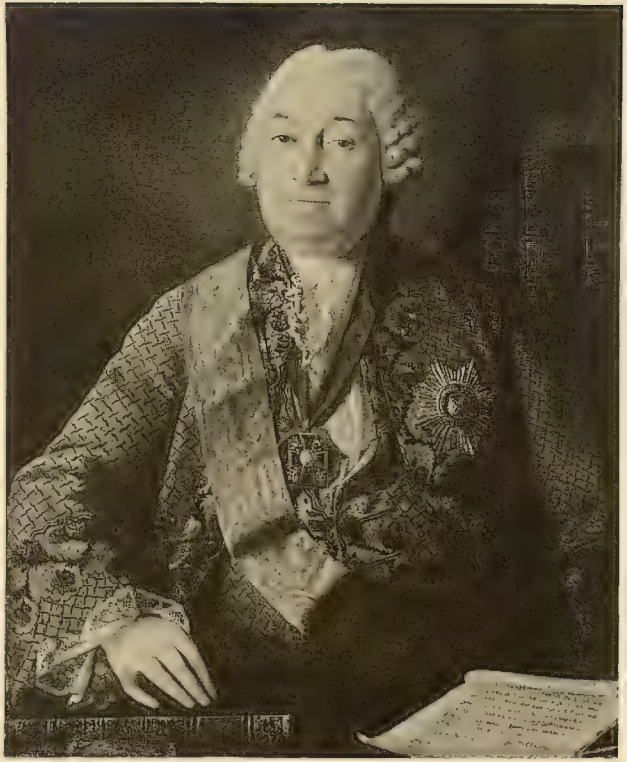
(Съ портрета, писаннаго графомъ Ротари; Гатчинскій дворецъ.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH CHOUVALOFF, 1710—1771, frère aîné du comte Pierre Ivanowitch Chouvaloff et cousin du favori d'Elisabeth Pétrowna, Ivan Ivanowitch Chouvaloff, du nombre des gentilshommes de la chambre de la Césarewna Elisabeth, à son avènement au trône, reçut le titre de chambellan actuel, puis les grades de sous-lieutenant à la compagnie des gardes et de major général et les ordres de Ste-Anne 1° cl., et d'Alexandre Newsky; pendant les 10 années suivantes, fut promu lieutenant à la compagnie des gardes, lieutenant général, aide de camp général et général en chef; en 1746, en même temps que son frère, fut élevé à la dignité de comte; en 1753, décoré de l'ordre de St-André, puis, en 1756, nommé membre de la Conférence. P. J. Chouvaloff, désirant être tenu au courant des affaires de la haute police par un de ses proches, fit nommer son frère chef de la Chancellerie secrète; dans le but d'avoir, à la petite Cour, un espion sur lequel il pût compter, il le recommanda, en 1754, en qualité de maréchal de la cour au Grand-Duc Pierre Féodorowitch, et Pierre III octroya, à un général en chef qui n'avait jamais été à la guerre, le bâton de feld-maréchal et lui fit cadeau de 2000 paysans. Révoqué de ses fonctions par Catherine II, il mourut le 4 janvier 1771. De son union avec Catherine Ivanowna Kastiurine, il eut une fille, Catherine, qui épousa le comte G. J. Golovkine.

Comme „inquisiteur", Chouvaloff était, selon l'expression de Catherine II, „l'épouvantail de la Cour, de la capitale et de tout l'empire". Ses fonctions étaient pénibles, ingrates et sans but. Tous ces innombrables attentats contre „la précieuse santé de Sa Majesté Impériale" et tous ces „mots et jugements malins, criminels et inconvenants", ne valaient pas la peine que se donnait A. I. Chouvaloff pour les instruire. Il réussissait rarement à mettre la main sur un criminel quelque peu important et titré; en revanche, il ne fallait interroger, durant des années, que des serfs fugitifs, des forçats et des soldats „ayant subi en maintes occasions et nombre de fois la bastonnade et la flagellation", tous gens ayant perdu l'espoir de leur affranchissement. Les attentats se réduisaient à ce que quelque soldat fugitif „avait expérimenté sur des poules des poudres", destinées à Elisabeth, et les poules, à ce qu'il paraît, „avaient été privées de l'usage de leurs pattes"; ou bien encore, un moine quelconque (n'ayant pas ses entrées à la Cour) „avait fait macérer dans un pot des aulx sauvages" pour empoisonner le Grand-Duc. Sans énumérer la quantité „de fausses dénonciations pour crimes de haute trahison", rappelons en passant quelques propos paraissant alors „importants" et qui, au fond n'étaient que d'innocents commérages sans danger pour personne sur ce que: „dans notre grand empire de Russie, il ne seyait pas au sexe féminin d'occuper le trône"; qu'Elisabeth était „illégitime"; qu'elle ne faisait que se divertir et mener une vie dissolue au lieu de „se rendre au Collège"; qu'une „femme avait, en femme, comblé de faveurs" les Razoumowsky et autres gens „de basse extraction". Tous ces gens tourmentés et réduits au désespoir, désirant changer le présent si difficile, ou se reportaient au passé, affirmant que Pierre II était vivant et se cachait à l'étranger jusqu'au temps convenable, ou rêvaient au futur, comptant sur l'avènement du prince Jean; mais les ressources dont ils disposaient étaient des plus fantastiques et des plus inoffensives pour le trône d'Elisabeth comme le projet, par exemple, d'un marchand et d'un clerc de faire passer par la frontière, „dans un tonneau de goudron le livre „De la vérité sur la volonté monarchique", de présenter ledit livre au roi de Prusse et de provoquer un soulèvement contre la Russie". Tout se bornait à des désirs platoniques, à des prophéties extravagantes et à d'irréalisables espoirs dans le goût suivant: „dix généraux haïront l'Impératrice et la feront périr par le feu". Mais toutes ces absurdes affaires avaient comme conséquence pour les accusés la peine du fouet, la mutilation du nez et la déportation; quant à Chouvaloff, „ces travaux incessants et pénibles" ruinaient sa santé et lui causaient, dans tout le côté droit du visage, des mouvements convulsifs tout particuliers, qui se produisaient à la moindre émotion. Se trouvant entièrement sous l'influence de son „bouillant" frère, le comte A. I. Chouvaloff n'était pas par lui-même un homme énergique et ingénieux. Il suffisait de lui couper la parole, comme le faisait Catherine, pour qu'il se troublât instantanément et se mît à „cligner des yeux" éperdument. En encourageant Pierre dans ses „engouements pour le Holstein", il acquit son attachement passager; par son espionnage importun, il s'attira la haine irréconciliable de Catherine II.

(D'après un original peint par le comte Rotary, palais de Gatchina.)

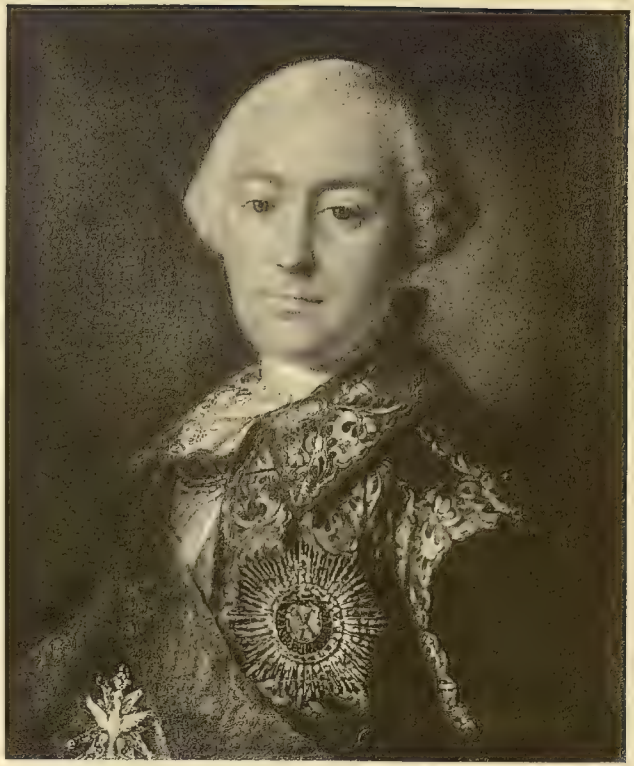
62.



Князь Яковъ Петровичъ Шаховской,
1705 — 1777

Le Prince Jacob Petrowitch Chakhowskoï,
1705 — 1777

63



Графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ,
1710 — 1771

Le Comte Alexandre Ivanowitch Chouvaloff,
1710 — 1771

Эльпед. Завод. Госуд. Бумагъ - Manufacture [illegible] papiers de l'Etat

Графъ ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ, 1763—1829, сынъ графа Петра Александровича отъ брака съ графиней Маріей Романовной Воронцовой, родился 14 Декабря 1763 г.; его крестной матерью была Екатерина II, пожаловавшая крестника у купели сержантомъ гвардіи. Потерявъ въ младенчествѣ мать, Бутурлинъ былъ воспитанъ дядей, графомъ А. Р. Воронцовымъ. Изъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса онъ поступилъ въ адъютанты къ Потемкину, но черезъ 6 недѣль былъ причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Служебная карьера его не была блестяща: въ 1803 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ, но не выѣхалъ туда, вслѣдствіе разрыва дипломатическихъ сношеній; въ 1809 г. онъ отказался отъ предложеннаго ему поста посланника въ Штуттгартѣ и былъ назначенъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа. Достигнувъ чина тайнаго совѣтника и званія дѣйствительнаго камергера и сенатора, но не имѣя при этомъ ни одного ордена, Бутурлинъ въ 1817 г. навсегда покинулъ Россію и поселился во Флоренціи, гдѣ и умеръ 7 Ноября 1829 г.; онъ погребенъ въ грѣческой церкви въ Ливорно. Отъ брака съ своей троюродной сестрой, графиней Анной Артемьевной Воронцовой, онъ имѣлъ 2 сыновей и 3 дочерей.

Графъ Бутурлинъ обладалъ обширной начитанностью и феноменальной памятью, позволявшей ему цитировать наизусть всѣхъ латинскихъ и французскихъ классиковъ и безошибочно указывать страницы книгъ въ его громадной библіотекѣ. Онъ считалъ своимъ долгомъ ежедневно пріобрѣтать какое-нибудь новое знаніе и былъ въ жизни аккуратенъ и пунктуаленъ. „Faites des cure-dents (зубочистки), mais faites quelque chose“, было его поговоркой. По „respect pour les heures“, которымъ онъ хвастался, сводился къ точному распредѣленію свободно избранныхъ и необременительныхъ занятій. Всякій обязательный служебный трудъ былъ для него „хомутомъ“; онъ служилъ „отрывками“, то выходя въ отставку, то причисляясь къ какому-нибудь не строгому и не обременяющему занятіями вѣдомству. Крупное богатство давало ему возможность посвящать досуги удовлетворенію своихъ изящныхъ вкусовъ и дилетантскихъ наклонностей. Онъ собралъ обширную и рѣдкую библіотеку и, когда она въ 1812 г. въ Москвѣ сгорѣла, успѣлъ собрать и другую въ 33.000 томовъ, покупалъ картины, устраивалъ оранжереи, занимался физическими опытами, бѣлой магіей, фокусами à la Pinetti, писалъ французскіе стихи и съ успѣхомъ распѣвалъ въ великосвѣтскихъ спектакляхъ французскіе и итальянскіе романсы, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Онъ не былъ чуждъ самодурства и причудъ: опаздывавшіе къ началу его спектаклей гости находили ворота его дома запертыми; несмотря на громадныя издержки, его бѣлье отсылалось для стирки въ Парижъ. Какъ хозяинъ, онъ не стоялъ выше многихъ людей его времени и круга: безъ толка и выгоды продавалъ помѣстья, безъ умѣнья пускался въ откупныя дѣла и становился жертвой аферистовъ. Доходъ съ Воронежскихъ и Калужскихъ имѣній и сами имѣнія проживались подъ южнымъ небомъ Италіи.

По словамъ сына, убѣжденія графа Д. П. Бутурлина „скорѣе склонялись къ либерализму“: онъ увлекался всякимъ моднымъ теченіемъ, въ молодости былъ масономъ и симпатизировалъ революціи, въ старости былъ поборникомъ филэллинизма; несмотря на то, что въ семьѣ его близкіе ему люди были убѣжденными католиками, самъ онъ оставался строго православнымъ, имѣлъ церковь въ своемъ палаццо, говѣлъ по 4 раза въ годъ и умеръ, держа въ рукахъ крестъ съ мощами.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte DMITRI PÉTROWITCH BOUTOURLINE, 1763—1829, fils du comte Pierre Alexandrowitch, issu de son mariage avec la comtesse Marie Romanowna Worontzoff, est né le 14 décembre 1763; sa marraine fut Catherine II qui conféra à son filleul, sur les fonts baptismaux, le grade de sergent de la garde. Ayant perdu sa mère dans sa plus tendre enfance, Boutourline fut élevé par son oncle, le comte A. R. Worontzoff. Du Corps des cadets de terre, il entra au service comme aide de camp de Potemkine, mais au bout de 6 semaines, il fut attaché au Collège des Affaires étrangères. Sa carrière ne fut pas brillante: en 1803, il fut nommé ambassadeur à Rome, mais ne s'y rendit pas par suite de la rupture des relations diplomatiques; en 1809, il refusa le poste d'ambassadeur qui lui était offert à Stuttgart et fut nommé directeur de l'Ermitage impérial. Parvenu au grade de conseiller privé et à la dignité de chambellan et à celle de sénateur, mais sans avoir obtenu une seule décoration, Boutourline, en 1817, quitta la Russie pour toujours et se fixa à Florence, où il mourut le 7 novembre 1829; il est enterré dans l'église grecque de Livourne. De son mariage avec sa cousine issue de germain, la comtesse Anne Artémiewna Worontzoff, il eut 2 fils et 3 filles.

Le comte Boutourline avait beaucoup de lecture et possédait une mémoire phénoménale qui lui permettait de citer par cœur tous les classiques latins et français, et d'indiquer sans faute les pages des livres de son immense bibliothèque. Il regardait comme son devoir d'acquérir chaque jour quelque nouvelle connaissance et était réglé et ponctuel dans sa vie. „Faites des cure-dents, mais faites quelque chose", était son proverbe. Mais „le respect pour les heures", dont il faisait parade, se réduisait à la distribution exacte d'occupations librement choisies et peu gênantes. Tout service obligatoire était pour lui „un joug"; il servait „par intervalles" tantôt donnant sa démission, tantôt prenant du service dans un département peu asservissant et n'imposant pas trop d'occupations. Une grande fortune lui donnait la possibilité de consacrer ses loisirs à la satisfaction de ses goûts d'artiste et à ses penchants de dilettante. Il rassembla une bibliothèque rare et immense, et quand, en 1812, elle devint la proie des flammes, il réussit à en rassembler une autre de 33.000 volumes; il achetait des tableaux, établissait des orangeries, s'occupait d'expériences de physique, de magie naturelle, de tours à la Pinetti, composait des vers français et, dans les spectacles de la haute société, chantait avec succès des romances françaises et italiennes, en s'accompagnant avec la guitare. Il n'était pas étranger aux bizarreries et aux caprices: les invités qui arrivaient en retard pour le commencement de ses représentations trouvaient portes closes; malgré ses énormes dépenses, il faisait blanchir son linge à Paris. Comme propriétaire, il ne surpassait pas beaucoup de personnes de son temps et de sa société: il vendait sans discernement et sans profit ses propriétés, se lançait sans connaissance de cause dans des affermages, et devenait la victime des spéculateurs. Les revenus de ses biens de Voronèje et de Kalouga et les biens eux-mêmes se dépensaient sous le ciel méridional de l'Italie.

A en croire son fils, les convictions du comte D. P. Boutourline „inclinaient plutôt vers le libéralisme": il se laissait entraîner par tout mouvement nouveau; dans sa jeunesse, il fut maçon et était sympathique à la révolution; dans sa vieillesse, il fut défenseur du philhellénisme; quoique dans sa famille tous ses proches fussent catholiques fervents, il n'en resta pas moins orthodoxe rigide, avait une chapelle dans son palais, jeûnait quatre fois l'an et mourut tenant entre ses mains une croix avec des reliques.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня АННА АРТЕМЬЕВНА БУТУРЛИНА, 1777—183.., вторая дочь графа Артемія Ивановича Воронцова и графини Прасковьи Федоровны, рожденной Квашниной-Самариной, 16-и лѣтъ отъ роду, въ 1793 г., вышла замужъ за своего троюроднаго брата, графа Дмитрія Петровича Бутурлина. Свадьба состоялась подъ нѣкоторымъ давленіемъ на нерѣшительнаго жениха со стороны тетки ея, Анны Ивановны Нарышкиной, и была отпразднована въ Тамбовскомъ имѣніи графа А. П. Воронцова, селѣ Бѣлкинѣ, къ ней же впослѣдствіи перешедшемъ. Въ виду молодости невѣсты, къ ней была послѣ свадьбы приставлена компаньонкою старая француженка, М-мъ Ребрукъ, но уже на первыхъ порахъ своего супружества молодая графиня Бутурлина проявила несвойственную ея лѣтамъ энергію и рѣшительность. Находясь въ Воронежѣ и узнавъ тамъ на балу, что какой-то аферистъ вздумалъ воспользоваться ея отсутствіемъ, чтобы вовлечь ея мужа въ очень невыгодную сдѣлку, она тутъ же, какъ была, въ бальномъ платьѣ, бросилась въ карету и, проскакавъ 160 верстъ, пріѣхала въ деревню во-время, чтобы остановить мужа отъ разоренія.

Графиня Бутурлина очень любила деревенскую жизнь, гдѣ любимымъ занятіемъ ея было садоводство. Обладая большою способностью къ рисованію, она занималась также и живописью миніатюрой на слоновой кости, въ которой достигла большого совершенства, писала акварелью съ натуры и, будучи поклонницей г-жи де Севинье, письма которой знала почти наизусть, усвоила въ своей французской корреспонденціи образцовый письменный слогъ; по-русски же писала съ трудомъ. Вообще женщина очень образованная, умная, впечатлительная и характерная, она любила общество и, какъ въ деревенскомъ своемъ домѣ, такъ и въ Петербургѣ, охотно принимала иностранцевъ, французскихъ эмигрантовъ и путешественниковъ. У нея часто бывали графъ Жозефъ де-Мэстръ, патеръ Журданъ и другіе іезуиты, бывшіе въ то время въ апогеѣ своей силы въ Россіи, и подъ ихъ вліяніемъ уже въ 1813/14 гг. началась подготовка ея перехода въ латинство, несмотря, а можетъ-быть, благодаря тому, что по природѣ своей она была очень религіозна. Въ 1817 г., для здоровья мужа, графиня Бутурлина со всѣмъ семействомъ переселилась въ Италію; главнымъ мѣстопребываніемъ ихъ была избрана Флоренція, гдѣ они поселились сначала въ нанятой ими виллѣ Пальміери, а затѣмъ въ купленномъ ими палаццо Никколини. Жизнь въ католической странѣ совершенно оторвала Бутурлину отъ Россіи, и мало-по-малу космополитизмъ и чужеземный складъ жизни совершенно ею овладѣли. Около 1825 г. она съ дочерьми и старшимъ сыномъ окончательно перешла въ католичество и, хотя перемѣна религіи женою и дѣтьми не могла не отозваться тяжело на старомъ графѣ, оставшемся вѣрнымъ православію и имѣвшемъ даже домовую церковь въ своемъ Итальянскомъ палаццо, графиня Бутурлина сумѣла „сохранить ненарушимымъ домашній очагъ свой“. Овдовѣвъ въ 1829 году, она только разъ побывала въ Россіи, чтобы заняться устройствомъ запутанныхъ дѣлъ своего младшаго сына; скончалась она во Флоренціи въ преклонныхъ лѣтахъ послѣ 1836 года.

Графиня А. А. Бутурлина имѣла двухъ сыновей: Петра и Михаила, и трехъ дочерей: Марію, Елизавету и Елену, вышедшихъ замужъ за иностранцевъ; первая—за Тосканскаго графа Дини, вторая—за Ломбардскаго маркиза Соммарива и третья—за Ломбардскаго князя Видоніа-Сорреджіано.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La comtesse ANNA ARTHÉMIEWNA BOUTOURLINE, 1777—183., seconde fille du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff et de la comtesse Prascovie Féodorowna, née Kvachnine-Samarine, épousa à 16 ans son cousin au troisième degré, le comte Dmitri Pétrowitch Boutourline. Le mariage eut lieu, non sans que sa tante, Anna Ivanowna Narychkine, eût exercé une certaine pression sur l'indécis fiancé; il fut célébré dans le domaine de Belkine, que le comte Worontzoff avait dans le gouvernement de Tambov, et qui passa dans la suite à sa fille. Vu la jeunesse de la fiancée, on lui donna après la noce, comme compagne, une vieille française, Mme Rebrouc; mais, dès les premiers temps de son mariage, la jeune comtesse montra une énergie, une audace qui n'était pas de son âge. A Voronèje, elle apprit dans un bal qu'un certain spéculateur pensait profiter de son absence pour attirer son mari dans une affaire fort désavantageuse; elle se jeta en toilette de bal dans une voiture, fit 160 verstes et arriva à temps pour sauver le comte de la ruine.

La comtesse Boutourline aimait beaucoup la vie de campagne, où son occupation favorite était le jardinage. Douée de grandes capacités pour le dessin, elle s'occupa de miniature sur ivoire et atteignit en cet art une grande perfection. Elle fit aussi des aquarelles d'après nature. Sincère admiratrice de Mme de Sévigné, dont elle connaissait les lettres à peu près par cœur, elle acquit, dans sa correspondance française, un chef-d'œuvre de style épistolaire. Elle écrivait par contre le russe avec difficulté. En général, c'était une femme instruite, intelligente, impressionnable et de caractère; elle aimait le monde et recevait, dans sa campagne et à St-Pétersbourg, les étrangers, les émigrés français et les voyageurs. Le comte Joseph de Maistre, le père Jourdan et d'autres Jésuites, qui étaient alors à l'apogée de leur puissance en Russie, venaient souvent la voir. C'est sous leur influence que, dans les années 1813 et 1814, elle commença à se préparer à entrer dans le giron de l'église catholique, nonobstant sa nature essentiellement religieuse et peut-être grâce à elle. En 1817, la santé de son époux décida la comtesse à s'installer avec toute sa famille en Italie. Elle choisit comme séjour Florence et s'établit d'abord dans la villa Palmieri, puis au palais Niccolini, qu'elle avait acheté. L'existence dans un pays catholique détourna complètement la comtesse de la Russie, et le cosmopolitisme et les habitudes étrangères de vie s'emparèrent de sa personne. En 1825, elle passa complètement au catholicisme avec ses filles et son fils aîné et, quoique le vieux comte, resté fidèle à l'orthodoxie et qui avait une église dans son palais italien, dût lourdement ressentir le changement de religion de sa femme et de ses enfants, la comtesse Boutourline sut „conserver intact son foyer domestique". Veuve en 1829, elle revint une seule fois en Russie pour arranger les affaires embrouillées de son cadet. Elle mourut à un âge avancé après 1836.

La comtesse Boutourline avait deux fils, Pierre et Michel, et trois filles, Marie, Elisabeth et Hélène, mariées à des étrangers: la première au comte de Toscane Dini, la seconde au marquis de Lombardie Sommariva et la troisième au prince de Lombardie Vidonia-Sorreggiano.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ПРАСКОВІЯ АРТЕМЬЕВНА ТИМОФЕЕВА, 178.—1842, была младшей дочерью графа Артемія Ивановича Воронцова отъ брака съ Прасковіей Федоровной Квашниной-Самариной. Воспитаніе получила въ Смольномъ институтѣ и въ 1813 г. вступила въ бракъ съ Тамбовскимъ помѣщикомъ Александромъ Ульяновичемъ Тимофеевымъ, сыномъ откупщика, возведеннымъ въ дворянство. Бракъ этотъ считался въ семьѣ Воронцовыхъ за mésalliance и состоялся, лишь благодаря разстроенному состоянію графа Артемія Ивановича Воронцова, который незадолго передъ смертью согласился отдать свою дочь за богатаго, но неродовитаго сосѣда, съ тѣмъ, чтобы послѣдній выкупилъ продававшееся за долги Тамбовское имѣніе его, село Воронцовку, и закрѣпилъ его за своей будущей женою, что и было тѣмъ сдѣлано. Прасковью Артемьевну Тимофееву дворовые и крестьяне, видѣвшіе въ ней коренную помѣщицу села Воронцовки, продолжали звать не иначе какъ графинею, и она не имѣла, кажется, основаній жаловаться на свою судьбу. Мужъ ея былъ добрѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ и во всемъ старался ей угождать; на нее же, въ свою очередь, имѣла большое вліяніе жившая у нихъ въ домѣ гувернантка-француженка, мадамъ Матернъ, властвовавшая надъ всѣми въ Воронцовкѣ.

Овдовѣвъ въ 1832 г., П. А. Тимофеева сама скончалась десять лѣтъ спустя, въ 1842 г., и похоронена въ Петербургѣ; у ней было двое сыновей: Евгеній (р. 1818 г., † 1861 г.) и Артемій († 1862 г.), и три дочери: Аделанда (замужемъ за княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Голицынымъ; † 1847 г., въ Туринѣ), Надежда (за морскимъ офицеромъ Василіемъ Артемьевичемъ Гавришенко) и Елизавета († 1906 г.; въ первомъ бракѣ за Андреемъ Евграфовичемъ Кикинымъ, а во второмъ—за Константиномъ Аркадьевичемъ Болдыревымъ).

(Съ портрета Молинари; собственность А. К. Болдырева, с. Воронцовка, Тамбовской губ.)

66

PRASCOVIE ARTÉMIEWNA TIMOFÉEFF, 178.—1842, était la fille cadette du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff, de son mariage avec Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine. Elle fut élevée à l'institut de Smolna et épousa, en 1813, Alexandre Oulianowitch Timoféeff, propriétaire foncier de Tamboff, fils anobli d'un fermier général. Ce mariage était considéré, dans la famille des Worontzoff, comme une mésalliance et ne se conclut que grâce aux affaires embrouillées du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff, qui, peu de temps avant sa mort, consentit à donner sa fille en mariage à son voisin, riche, il est vrai, mais roturier, à la condition que celui-ci rachetât sa propriété de Tamboff, le village de Worontzowka mis en vente pour dettes, et en assurât la possession à sa future épouse, ce qu'il fit. La domesticité et les paysans, qui voyaient en Prascovie Artémiewna Timoféeff la propriétaire primitive du village de Worontzowka, ne l'appelaient pas autrement que „comtesse", et elle n'eut, à ce qu'il paraît, aucune raison de se plaindre de son sort. Son mari était l'homme le meilleur et le plus respectable et tâchait de lui être agréable en tout; une gouvernante, une Française, madame Materne, qui vivait chez eux avait à son tour une grande influence sur elle et commandait à tous à Worontzowka.

Devenue veuve en 1832, P. A. Timoféeff mourut elle-même dix ans après, en 1842, et est ensevelie à St-Pétersbourg; elle eut deux fils: Eugène (1818—1861) et Arthème († 1862), et trois filles: Adélaïde (mariée au prince Nicolas Grigoriewitch Golitzyne; † 1847, à Turin), Nadejda (mariée à Basile Artémiewitch Gavrichenko, officier de marine) et Elisabeth († 1906; mariée en premières noces à André Eugraphowitch Kikine, et en secondes—à Constantin Arkadiewitch Boldyreff).

(D'après un original de Molinari; propriété d'A. Boldyreff, Worontzowka, gouv. de Tamboff.)

Графиня **ЕКАТЕРИНА АРТЕМЬЕВНА ВОРОНЦОВА**, 1780—1836, вторая дочь графа Артемія Ивановича Воронцова и жены его Прасковіи Федоровны Квашниной-Самариной, родилась въ 1780 году. Назначенная состоять при Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, она пользовалась ея дружбою и сопровождала ее за границу въ 1799 году; послѣ же развода ея съ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ до конца жизни сохранила свой фрейлинскій окладъ и квартиру во дворцѣ, при чемъ она, очень живая и болтливая особа, была любимой собесѣдницей Императрицы Елисаветы Алексѣевны, къ которой была также близка. Изъ Россіи она часто навѣщала Великую Княгиню Анну Ѳеодоровну въ Швейцаріи, а подъ конецъ жизни, послѣ кончины Императрицы Елисаветы Алексѣвны, переселилась въ Москву, въ домъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, съ сестрою коего, княжною Еленой Михайловной, была очень дружна.

Не послѣдовавъ примѣру своихъ сестеръ, графини Маріи Артемьевны Воронцовой и графини Анны Артемьевны Бутурлиной, перешедшихъ въ католичество, она осталась вѣрна православію и скончалась въ Москвѣ 19 Февраля 1836 года, 55 лѣтъ; похоронена въ Донскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

67

La comtesse CATHERINE ARTÉMIEWNA WORONTZOFF, 1780—1836, seconde fille du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff et de sa femme Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine, est née en 1780. Désignée pour être attachée à la personne de la Grande-Duchesse Anna Féodorowna, elle fut honorée de son amitié et l'accompagna à l'étranger en 1799; après son divorce avec le Grand-Duc héritier Constantin Pavlowitch, elle conserva, jusqu'à la fin de sa vie, son traitement de demoiselle d'honneur et son appartement au palais; étant une personne très vive et très babillarde, c'était l'interlocutrice favorite de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, dont elle était aussi proche. De Russie, elle allait souvent voir la Grande-Duchesse Anna Féodorowna en Suisse, et sur la fin de ses jours, après la mort de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, elle se fixa à Moscou, dans la maison du prince Serge Mikhaïlowitch Golitzyne, avec la sœur duquel, la princesse Hélène Mikhaïlowna, elle était très liée.

Elle ne suivit pas l'exemple de ses sœurs, la comtesse Marie Artémiewna Worontzoff et la comtesse Anna Artémiewna Boutourline, qui avaient embrassé le catholicisme, resta fidèle à l'orthodoxie et mourut à Moscou le 19 février 1836, âgée de 55 ans; elle est inhumée au monastère Donskoï.

(D'une miniature de la collection de Mme J. Chérémeteff, St-Pétersbourg.)

64

Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ,
1763 — 1829

Le Comte Dmitri Pétrowitch Boutourline,
1763 — 1829

65

Графиня Анна Артемьевна Бутурлина,
1777 — 183 .

La Comtesse Anne Artémiewna Boutourline,
1777 — 183 .

66

Пис. Молинари

Peint par Molinari

Прасковія Артемьевна Тимофеева,
178 . — 1842

Prascovie Artémiewna Timoféeff,
178 . — 1842

67

Графиня Екатерина Артемьевна Воронцова,
1780 — 1836

La Comtesse Catherine Artémiewna Woronzoff,
1780 — 1836

Графиня ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ПОТЕМКИНА, 1794—187., дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Петра Сергѣевича Трубецкого и первой его жены княжны Дарьи Александровны Грузинской († 1796), по смерти матери, воспитывалась со своими двоюродными сестрами, княжнами Голицыными, такъ какъ въ семьѣ были только мальчики, и изъ 5 братьевъ ея—старшій, Сергѣй, былъ позднѣе декабристъ, „диктаторъ“ предполагавшагося правительства. Имѣя лично хорошія средства по матери, княжна Трубецкая вышла въ 1817 г. за послѣдняго представителя графской линіи Потемкиныхъ, графа Сергѣя Павловича (р. 25 Декабря 1787 г.), обладателя огромнаго состоянія. Молодые супруги жили въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, въ своемъ домѣ, отличавшемся богатствомъ и художественной роскошью, обличавшей изящный вкусъ хозяевъ. Писатель и музыкантъ, скульпторъ и архитекторъ, графъ Потемкинъ писалъ и „Размышленія при гробѣ“ фельдмаршала князя Кутузова, и составлялъ новые куплеты къ романсу Аллбьева „Соловей, мой соловей“ для пѣвицы Зонтагъ; переводилъ „Гоголю“ и Расина для театра и въ то же время строилъ иконостасъ въ Чудовомъ монастырѣ. Его жена отличалась поразительнымъ изяществомъ. Тѣмъ не менѣе супруги не были счастливы; виной тому была необузданная расточительность мужа и его крупная игра. Онъ прожилъ все свое состояніе, скрывался отъ кредиторовъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ.... Жена хлопотала объ избавленіи мужа отъ опеки (ей опека давала 30/т. руб. въ годъ, а ему всего 6/т.) и переносила много огорченій; она даже не имѣла утѣшенія въ семьѣ: ей страстно хотѣлось имѣть дѣтей, и ихъ у нея не было. Въ 1841 г. супруги окончательно разстались, послѣ того какъ Потемкинъ переѣхалъ въ Петербургъ. Графиня Потемкина, женщина рѣдкой красоты, была всѣми уважаема, отличалась скромностью и простотой. Еще будучи очень молодой, въ 1822 г., она пропагандировала среди Московскихъ дамъ скромность въ нарядахъ, а „именно не носить ни блондъ, ни кружевъ, ни перьевъ, ѣздить на балы въ простыхъ креповыхъ платьяхъ безъ накладокъ, деньги же, которыя останутся дома, отдавать бѣднымъ“, но, кажется, заключаетъ А. Я. Булгаковъ, „это такъ и останется, несмотря на согласіе многихъ здѣшнихъ щеголихъ“. Когда, въ 1829 г., чрезъ Москву проѣзжалъ Персидскій принцъ, князь Д. В. Голицынъ представилъ принцу графиню Потемкину. Она привѣтствовала его фразой на персидскомъ языкѣ, на что принцъ съ восточной галантностью отвѣтилъ: „Ce que je vois m'étonne plus que ce que je viens d'entendre“. Овдовѣвъ 25 Февраля 1858 г., въ Августѣ 1859 г. графиня Потемкина вышла замужъ за сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго (р. 1794 г., † 19 Марта 1879 г.), побочнаго сына графа Л. К. Разумовскаго и Прасковіи Михайловны Соболевской, сестры матери Перовскихъ. Впрочемъ, этотъ поздній бракъ завершилъ давнишнюю и глубокую взаимную привязанность. У Подчаскаго былъ внѣбрачный сынъ („Левъ Подчаскій, сынъ неизвѣстной дворянки, родился въ Москвѣ, въ 1836 г., въ приходѣ церкви св. Екатерины, на Б. Ордынкѣ, крестный сынъ князя И. С. Меншикова и дворянки Е. П. Крицкой, воспитанникъ сенатора П. И. Подчаскаго; 20 Февраля 1857 г. возведенъ въ дворянство“); сначала онъ служилъ въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, а потомъ слѣдователемъ въ Калугѣ; этотъ „веселый и всѣми любимый молодой человѣкъ“ умеръ отъ чахотки въ Висбаденѣ. Графиня Потемкина извѣстна тѣмъ, что до старости сохранила свою красоту. Въ Сентябрѣ 1870 г. Мухановъ писалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Къ обѣду пріѣхали Подчаскіе, которые очень оцѣнили обѣдъ, особливо миловидная еще и по сіе время бывшая графиня Потемкина, нѣкогда столь славившаяся своей красотой“, а графъ Бутурлинъ говоритъ: „Ей отлично бы шло прозвище русской Нинонъ-де-л'Анкло, такъ какъ даже и въ то время (1860 г.) можно было ее включить въ число неувядшихъ красавицъ, а ей было за 60 лѣтъ; она сильно измѣнилась 3 года позднѣе, когда я ее видѣлъ въ 1863 г., едва оправившуюся послѣ потери единственнаго ея сына, умершаго въ Висбаденѣ“; Свербѣевъ въ 1869 г. пишетъ о ней: „великолѣпнѣйшая изъ красавицъ, нынѣшняя все еще изящная, элегантная старушка“.

Въ концѣ 1821 г. Ризенеръ написалъ портретъ Потемкиной, во весь ростъ, въ бѣломъ платьѣ, сидящей на балконѣ, вдали видъ Симонова монастыря. Такъ какъ графъ не заплатилъ за работу 5/т. р., Ризенеръ продавалъ портретъ за 2½/т., а князь Сергѣй Гагаринъ давалъ 1½/т. р. Гдѣ находится этотъ портретъ—намъ неизвѣстно.

(Съ акварельнаго портрета Гау, 1843 г.; собственность князя А. А. Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse ELISABETH PÉTROWNA POTEMKINE, 1794—187., fille du conseiller d'état actuel prince Pierre Serguéewitch Troubetzkoï et de sa première femme, la princesse Darie Alexandrowna Grouzinsky († 1796), fut élevée, après la mort de sa mère, avec ses cousines, les princesses Golitzyne, vu que dans sa famille il n'y avait que des garçons, dont l'un des cinq—son aîné, Serge, fut dans la suite un des décabristes, „dictateur" du gouvernement projeté. Tenant de sa mère une fortune personnelle considérable, la princesse Troubetzkoï épousa en 1817 le dernier rejeton de la lignée des comtes Potemkine, le comte Serge Pavlowitch (né le 25 décembre 1787), possesseur d'une fortune colossale. Les jeunes époux habitaient Moscou, à la Prétchistenka, dans leur propre maison qui se distinguait par son opulence et un luxe artistique dénotant le goût raffiné des maîtres. Ecrivain et musicien, sculpteur et architecte, le comte Potemkine écrivit les „Réflexions en présence du cercueil" du feld-maréchal prince Koutouzoff et composa de nouveaux couplets pour la romance d'Aliabieff „Rossignol, mon Rossignol" destinés à la cantatrice Zontag; traduisait „Athalie" et Racine pour le théâtre et, en même temps, faisait construire un iconostase au monastère Tchoudov. Sa femme se distinguait par une rare élégance. Néanmoins, les époux n'étaient pas heureux; la faute doit en être imputée à la prodigalité effrénée et au gros jeu du mari. Il dissipa toute sa fortune, se cacha à ses créanciers, fut emprisonné.... Sa femme fit des démarches pour le libérer de la tutelle (qui lui accordait, à elle, 30.000 r. par an; à lui, 6000 en tout) et supporta bien des déboires; elle était même privée des consolations que procurent les joies de la famille: elle désirait ardemment avoir des enfants et elle n'en avait pas. En 1841, après que Potemkine se fut fixé à Pétersbourg, les époux se séparèrent définitivement. La comtesse Potemkine, femme d'une rare beauté, était honorée de tous et se distinguait par sa modestie et sa simplicité. Etant encore très jeune, en 1822, elle prêcha, parmi les dames de Moscou, la modestie dans les parures à savoir: „qu'il ne fallait porter ni blondes, ni dentelles, ni plumes, qu'il fallait aller au bal en simples robes de crêpe sans garnitures et donner aux pauvres l'argent qui resterait à la maison", mais, il me semble, conclut A. Boulgakoff, que „cela restera ainsi malgré le consentement de beaucoup de petites-maîtresses d'ici". En 1829, lors du passage du prince de Perse à Moscou, le prince D. Golitzyne lui présenta la comtesse Potemkine. Elle lui adressa un compliment en langue persane, sur quoi le prince répondit avec une galanterie tout orientale: „Ce que je vois m'étonne plus que ce que je viens d'entendre". Etant devenue veuve le 25 février 1858, la comtesse Potemkine épousa, au mois d'août 1859, le sénateur Hippolyte Ivanowitch Podtchasky (né en 1794, † le 19 mars 1879), fils naturel du comte L. K. Razoumowsky et de Prascovie Mikhaïlowna Sobolewsky, sœur de la mère des Pérowsky. Ce mariage tardif couronnait d'ailleurs un profond attachement mutuel, datant de longtemps. Podtchasky avait un fils né hors du mariage („Léon Podtchasky, fils de dame noble inconnue, né à Moscou en 1836, dans la paroisse de l'église de Ste-Catherine, à la Gr. Ordynka, filleul du prince N. S. Menchikoff et de noble dame E. P. Kritzky, pupille du sénateur H. I. Podtchasky; fut anobli le 20 février 1857"); il servit d'abord aux Archives des Affaires étrangères de Moscou, ensuite comme magistrat à Kalouga; „ce jeune homme gai et aimé de tous" mourut de la phthisie à Wiesbaden. Un des titres de la comtesse Potemkine à la célébrité est d'avoir conservé sa beauté jusque dans la plus profonde vieillesse. Au mois de septembre 1870, Moukhanoff écrivait dans son „Journal": „Pour le dîner arrivèrent les Podtchasky, qui goûtèrent beaucoup le dîner, tout particulièrement l'ex-comtesse Potemkine, encore si gentille maintenant et auparavant si réputée pour sa beauté", et le comte Boutourline dit en parlant d'elle: „Le surnom de „Ninon de Lenclos" russe lui aurait très bien convenu, parce que même à cette époque (1860) on aurait pu la mettre au nombre des beautés bien conservées, et elle avait plus de 60 ans; elle était énormément changée 3 ans plus tard, lorsque je la vis en 1863, à peine remise de la perte de son fils unique, mort à Wiesbaden"; Sverbéeff en 1869 écrit à son sujet: „La plus belle d'entre les belles, maintenant encore une jolie et élégante vieille".

A la fin de 1821, Riesener a peint son portrait en pied, en robe blanche, assise au balcon, avec la vue du monastère de St-Simon dans le lointain. Le comte n'ayant pas payé 5000 r. pour cette œuvre, Riesener en demanda 2500, et le prince Serge Gagarine en offrit 1500. On ignore où se trouve ce portrait.

(D'après une aquarelle de Hau, 1843, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

Графиня ЮЛІЯ ПАВЛОВНА САМОЙЛОВА, 1803—1875, дочь генерала-отъ-кавалеріи графа Павла Петровича Палена (р. 1775 г., † 1834 г.) отъ перваго его брака съ графиней Маріей Павловной Скавронской, старшей дочерью графини Екатерины Васильевны Скавронской, племянницы Потемкина; рано лишилась она материнскихъ заботъ: графиня Паленъ въ 1804 г. развелась съ мужемъ и затѣмъ вступила во второй бракъ съ графомъ А. П. Ожаровскимъ. Юлія воспитывалась въ домѣ бабушки, второй мужъ которой, бездѣтный графъ Литта, перенесъ на нее чисто отцовскую нѣжность и страстно къ ней привязался, особенно послѣ смерти любимой жены въ 1829 г.; графъ Литта завѣщалъ Юліи все свое колоссальное состояніе, часть котораго передалъ ей еще при жизни, когда она, будучи фрейлиной, вышла въ 1825 г. за сына Екатерининскаго генералъ-прокурора, флигель-адъютанта графа Николая Александровича Самойлова († 23 Іюля 1842 г.), оказавшагося, какъ и она, послѣднимъ въ родѣ, такъ какъ бракъ былъ бездѣтный. Разставшись съ мужемъ, Самойлова одно время жила въ Славянкѣ, около Петербурга, доставшейся ей изъ рода Скавронскихъ. Самойлова была красива, умна, прелестна, обворожительно любезна, и въ ея Славянкѣ собирался цвѣтъ Петербургскаго общества. Легенда приписываетъ ей же починъ катаній на Стрѣлку, на Елагиномъ островѣ. Николай Павловичъ былъ недоволенъ постоянными собраніями въ Славянкѣ и предложилъ Самойловой продать ея дачу двору. Самойлова принуждена была исполнить желаніе Государя, но будто бы сказала при этомъ: „Ѣздили не въ Славянку, а къ графинѣ Самойловой, и гдѣ бы она ни была, будутъ продолжать къ ней ѣздить“. Она начала кататься на Елагиномъ островѣ; туда стали пріѣзжать ея поклонники, а затѣмъ эти катанія на Стрѣлку вошли въ моду. Таково преданіе старожиловъ. Иначе о покупкѣ Славянки разсказываетъ другой современникъ, графъ Корфъ: „Графиня Самойлова, пользовавшаяся большой, но не совсѣмъ лестной репутаціей, по смерти перваго мужа вышла вторично за границей за иностранца, что лишило ее русскаго подданства и заставило продать недвижимыя имѣнія, въ томъ числѣ и „Графскую Славянку“, имѣніе истинно царское. Николай I велѣлъ купить ее, но покупка не состоялась, и графъ Воронцовъ-Дашковъ купилъ имѣніе; тогда Государь велѣлъ немедленно купить Славянку, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ родственникъ (по Скавронскимъ), имѣлъ право выкупа“. Второй мужъ, виновникъ продажи Славянки, былъ итальянскій пѣвецъ Перн († 1846 г.). О причинахъ разлада ея съ первымъ мужемъ говорили, что причиной того была близость графини съ Барантомъ-сыномъ, Тургеневъ же разсказываетъ такъ: „Литта рекомендовалъ Самойловымъ А. Я. Мишковскаго для управленія имѣніями. Мишковскій вошелъ въ довѣріе графа Самойлова и сдѣлался его сотоварищемъ въ кутежахъ; въ то же время онъ пріобрѣлъ милостивое расположеніе графини, что имѣло послѣдствіемъ разводъ супруговъ. Самойлова дала Мишковскому заемныхъ писемъ на 800/т. р., Литта ихъ опротестовалъ, но Мишковскаго спасла женитьба на дочери статсъ-секретаря Марченко“. Самойлова прожила въ Италіи и Франціи 40 лѣтъ. Въ Миланѣ она имѣла свой дворецъ, около Парижа имѣніе Груссе, гдѣ была масса художественныхъ вещей. Въ Италіи, въ ея домѣ собирались литераторы и художники; она была въ дружбѣ съ композиторами Россини, Беллини, Доницетти; извѣстный К. Брюлловъ питалъ къ ней чувства болѣе сильныя, чѣмъ дружба: онъ писалъ безъ конца портреты графини и повторялъ ея типъ на своихъ картинахъ. Бутурлинъ говоритъ про одинъ изъ портретовъ Брюллова: „Самойлова изображена во весь ростъ, сходящей съ лѣстницы Миланскаго театра съ маскою въ рукѣ; къ ней прижимается ея прелестная воспитанница Джіованнина въ костюмѣ гречанки“ (портретъ находится въ музеѣ Александра III). Есть еще ея портреты: во весь ростъ, гдѣ негръ откидываетъ ей портьеру (у Гинцбурга, въ Кіевѣ), въ видѣ наѣздницы (Третьяковская галлерея), и, наконецъ, она изображена на первомъ планѣ, на лѣвой сторонѣ картины „Послѣдній день Помпеи“. Джіованнину, которая изображалась съ нею, Самойлова выдала замужъ, давши ей большое приданое. Въ 1863 г. Самойлова, 58-и лѣтъ, вышла замужъ за французскаго дипломата графа де-Морнэ (64 лѣтъ), но скоро они разошлись, и она приняла снова фамилію перваго своего мужа.

Подъ конецъ жизни графиня Самойлова совершенно разстроила свое огромное состояніе и умерла въ Парижѣ въ 1875 г., среди сравнительно скромной обстановки.

(Съ акварельнаго портрета Босси, 1835 г.; собственность князя А. А. Куракина, С.-Петербургъ.)

La comtesse **JULIE PAVLOWNA SAMOÏLOFF**, 1803—1875, était la fille du général de cavalerie, le comte Paul Pétrowitch Pahlen (né en 1775, † en 1834) et de sa première femme, la comtesse Marie Pavlowna Skavronsky, fille aînée de la comtesse Catherine Vassiliewna Skavronsky, nièce de Potemkine. Julie fut privée de bonne heure des soins maternels; en 1804, la comtesse, sa mère, divorça et convola en secondes noces avec le comte A. Ojarowsky. Julie fut élevée dans la maison de sa grand'mère, que le comte Litta, son second mari, qui n'avait pas d'enfants, entoura d'un pur amour paternel. Il lui était passionnément attaché, surtout après la mort de sa femme bien aimée (1829). Le comte légua à Julie sa colossale fortune, dont il lui remit, de son vivant, une partie, lorsque, étant demoiselle d'honneur, elle épousa en 1825 le fils du procureur général l'aide de camp et comte Nicolas Alexandrowitch Samoïloff (mort le 23 juillet 1842), qui, comme elle, fut le dernier de sa race, puisque leur mariage fut stérile. Une fois séparée de son mari, Mme Samoïloff vécut un temps près de St-Pétersbourg, à Slavianka, qui lui venait de la famille Skavronsky. Elle était belle, intelligente, charmante, aimable à ravir, et la fleur de la société St-Pétersbourgeoise se réunissait chez elle. La légende lui attribue l'initiative des promenades en équipages à la Pointe, dans l'île d'Elaguine. Nicolas Pavlowitch était mécontent des réunions fréquentes qui avaient lieu à Slavianka et proposa à Mme Samoïloff de vendre sa maison de campagne à la Cour. Elle fut forcée d'accéder au désir de l'Empereur, et on lui prête, à cette occasion, les paroles suivantes: „On ne venait pas à Slavianka, mais chez la comtesse Samoïloff, et on continuera à aller la voir en quelque endroit qu'elle se trouve". Elle commença à se promener à Elaguine, ses admirateurs l'y suivirent, et les promenades à la Pointe entrèrent en vogue. Telle est la légende des aborigènes. Le baron Korff, son contemporain, raconte d'une autre manière la vente de la villa: „La comtesse Samoïloff jouissait d'une grande réputation, mais elle n'était pas bien flatteuse. A la mort de son premier mari, elle épousa un étranger; elle perdit par là la naturalisation russe et dut vendre ses immeubles, entre autres la „Slavianka comtale" qui était un domaine vraiment princier. Nicolas Ier voulut l'avoir, mais ce fut le comte Vorontzoff-Daschkoff qui la reçut. Alors l'Empereur ordonna d'acheter immédiatement Slavianka d'autant plus que, comme parent (par les Skavronsky), il avait le droit de rachat". Ce second mari de la comtesse, qui fut cause de la vente de ses biens, était le chantre italien Perry († en 1846). On dit que la raison de son divorce avec son premier mari fut l'intimité de la comtesse avec Barante-fils; mais Tourguéneff raconte ce fait de la manière suivante: „Litta avait recommandé aux Samoïlóff A. Ia. Michkowsky pour gérer leurs biens. Ce dernier acquit la confiance du comte et devint son compagnon de plaisir; en même temps il entra dans les bonnes grâces de la comtesse, ce qui amena la catastrophe. Mme Samoïloff donna à Michkowsky une lettre de change de 800.000 roubles, Litta la protesta, et ce qui sauva l'ex-gérant, ce fut son mariage avec la fille du secrétaire d'Etat Martchenko". Mme Samoïloff vécut 40 ans en Italie et en France. Elle avait son palais à Milan, elle possédait près Paris le domaine Grousset, où il y avait quantité de choses artistiques. Elle réunissait chez elle en Italie les littérateurs et les artistes. Elle était en amitié avec les compositeurs, Rossini, Bellini, Donizetti. Le célèbre Ch. Brulloff avait pour elle un sentiment plus fort que l'amitié; il peignait sans cesse ses portraits et la représentait souvent dans ses tableaux. Boutourline disait, à propos d'une de ses toiles: „Mme Samoïloff y est en grandeur naturelle, descendant les escaliers du théâtre de Milan, un masque à la main; sa charmante élève, Djiovannina, dans le costume d'une grecque, se serre contre elle" (ce tableau se trouve au musée d'Alexandre III). Nous avons encore d'autres portraits: l'un la représente en grandeur naturelle, avec un nègre qui lui ouvre la portière (chez Guntzbourg, à Kieff); l'autre, en amazone (galerie Trétiakoff). Enfin elle se voit au premier plan à gauche du tableau „le dernier jour de Pompéi". Mme Samoïloff maria Djiovannina et lui donna une forte dot. Elle se maria, elle, à 58 ans avec le diplomate français, le comte de Mornay (64 ans), mais bientôt ils se séparèrent et elle reprit le nom de son premier mari.

A la fin de sa vie, la comtesse Samoïloff dérangea complètement son immense fortune et mourut à Paris en 1875, au milieu d'un intérieur relativement modeste.

(D'après l'aquarelle de Bossi, 1835, propriété du prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

68

69

Графиня Елизавета Петровна Потемкина,
1794—187.

La Comtesse Elisabeth Pétrowna Potemkine,
1794—187.

Графиня Юлія Павловна Самойлова,
1803—1875

La Comtesse Julie Pavlowna Samoïloff,
1803—1875

Экспед. Заног. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers d. l'Etat

70

Княгиня ПРАСКОВІЯ ФЕДОРОВНА ГАГАРИНА, 1757—1801, дочь Кіевскаго генералъ-губернатора генералъ-аншефа Федора Матвѣевича Воейкова, женатаго на вдовѣ Аннѣ Ивановнѣ Жеребцовой, родилась 25 Октября 1757 г.; въ 1775 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера, позднѣе министра коммерціи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гавріила Петровича Гагарина (р. 1745 г., † 1808 г.).

Отъ этого брака у ней былъ сынъ Павелъ (см. т. I, № 73), генералъ-адъютантъ Павла I, женатый на извѣстной княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, и 5 дочерей: Марія (р. 18 Сентября 1778 г., † 14 Марта 1835 г.; за бригадиромъ А. Н. Висленевымъ; см. т. II, № 86), Елена (р. 1780 г., † 1842 г.), Анна (р. 25 Мая 1782 г., † 25 Іюня 1856 г.; за П. В. Головинымъ; см. т. I, № 21), Екатерина (р. 28 Августа 1783 г., † 2 Марта 1861 г.; за княземъ П. С. Долгорукимъ; см. т. I, № 22) и Варвара (р. 21 Декабря 1784 г., † 11 Апрѣля 1808 г.; за А. Г. Сигуновымъ; см. т. I, № 21).

Княгиня П. Ф. Гагарина умерла на 44-мъ году, 11 Іюля 1801 года, въ Серпуховѣ; похоронена подъ Покровской церковью въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ портрета Рокотова; собственность Н. П. Жеребцовой, въ С.-Петербургѣ.)

70

La princesse PRASCOVIE FÉODOROWNA GAGARINE, 1757—1801, fille du gouverneur général de Kiev, général en chef, Théodore Matvéewitch Voéikoff, marié à la veuve Anna Ivanowna Jérebtzoff, est née le 25 octobre 1757; elle épousa, en 1775, un gentilhomme de la chambre, plus tard ministre du commerce et conseiller privé actuel, le prince Gabriel Pétrowitch Gagarine (né en 1745, † en 1808).

Elle eut de cette union un fils, Paul (v. T. I, № 73), aide de camp général de Paul Ier, marié à la célèbre princesse Anna Pétrowna Lopoukhine, et cinq filles: Marie (née le 18 septembre 1778, † le 14 mars 1835; épousa le brigadier A. N. Visléneff; v. T. II, № 86); Hélène (née en 1780, † en 1842); Anna (née le 25 mai 1782, † le 25 juin 1856; épousa P. B. Golovine; v. T. I, № 21); Catherine (née le 28 août 1785, † le 2 mars 1861; épousa le prince N. S. Dolgorouky; v. T. I, № 22), et Varvara (née le 21 décembre 1784, † le 11 avril 1808; épousa A. G. Sigounoff; v. T. I, № 21).

La princesse P. F. Gagarine mourut, dans sa 44e année, le 11 juillet 1801, à Serpoukhoff et est inhumée dans l'église de l'Intercession de la Ste-Vierge du couvent Novospassky, à Moscou.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à Mme N. Jérebtzoff, St-Pétersbourg.)

Графиня ДАРЬЯ ФЕДОРОВНА ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА, 1762—1801, дочь генералъ-поручика князя Федора Федоровича Щербатова и первой жены его, княжны Маріи Александровны Бековичъ-Черкасской, родилась 29 Апрѣля 1762 года. Бракъ ея родителей былъ несчастливъ: мать принуждена была оставить домъ мужа и вернуться къ своему отцу, у котораго и умерла, оставивъ у него малолѣтнюю свою дочь. Послѣ смерти дѣда, княжна Щербатова, по просьбѣ тетки своей, княжны Дарьи Александровны Черкасской, заинтересовавшей Потемкина въ судьбѣ своей племянницы, была взята Екатериной II въ Зимній дворецъ и воспитана на половинѣ фрейлинъ, подъ присмотромъ баронессы Мальтицъ, а 1 Января 1787 г. пожалована во фрейлины. Но „присмотръ“ баронессы Мальтицъ не былъ, очевидно, строгъ, такъ какъ въ томъ же году „открыта была интрига“ княжны Щербатовой съ Англійскимъ министромъ-резидентомъ при русскомъ дворѣ Фитцъ Гербертомъ, сильно въ нее влюбившимся. Кромѣ того, за нею оказались долги, до 30/т. р., сумма для того времени значительная, а затѣмъ началась извѣстная ея исторія съ фаворитомъ самой Екатерины, графомъ Александромъ Матвѣевичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ (р. 1758 г., † 1803 г.), причинившая столько горя Императрицѣ. Объ этомъ „маханіи“, какъ тогда говорили, между фаворитомъ и княжной Щербатовой знали долгое время очень немногіе, между прочими супруги Рибопьеръ, покровительствовавшіе влюбленнымъ. Между ними происходилъ обмѣнъ записокъ черезъ камеръ-лакеевъ, устраивались свиданія въ саду и во дворцѣ, на которыя Мамоновъ проходилъ черезъ комнаты фрейлины Шкуриной. Хотя самъ Потемкинъ, подмѣтившій, какъ Мамоновъ посылалъ изъ-за стола фрукты княжнѣ Щербатовой, и намекалъ на это Императрицѣ, но Екатерина узнала объ этомъ лишь два года спустя; 18 Іюня 1789 г., замѣтивъ охлажденіе фаворита, она вызвала его на объясненіе и предложила „отойти“ съ почетомъ, для чего бралась устроить его бракъ съ богатѣйшей невѣстой, 13-лѣтней графиней Брюсъ. Когда Мамоновъ признался ей, что онъ уже два года какъ влюбленъ въ княжну Щербатову, „которая его попрекать богатствомъ не будетъ“, и уже „полгода какъ далъ слово жениться“, Екатерина, оскорбленная двоедушіемъ (duplicité), какъ она говорила, Мамонова, рѣшила немедленно ихъ обвѣнчать. 20 Іюня, передъ вечернимъ выходомъ, она сама обручила графа и княжну богатыми перстнями, стоившими 10.000 руб., а они, „стоя на колѣняхъ“, говоритъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ, „плакали, просили прощенья и—прощены“. Волненіе ихъ было такъ сильно, что, по разсказу Гарновскаго, съ ними обоими сдѣлался обморокъ. „Ils devraient être en extase“, сказала потомъ Екатерина, „mais au contraire ils pleurent“. Бракосочетаніе состоялось въ воскресенье, 1 Іюля, въ 9 часовъ вечера, въ Царскосельской придворной церкви, въ присутствіи очень немногихъ лицъ; невѣста, по обычаю, убрана была у Государыни, которая благословила ее образомъ, но на свадьбѣ не присутствовала. На другой день, 2 Іюля, въ полночь, щедро одаренный фаворитъ уѣхалъ съ женою въ Москву, гдѣ у него въ томъ же году родился сынъ Матвѣй. Прошло немного времени, и Мамоновъ, и жена его были уже изображены Екатериной въ сатирической поэмѣ: „Параша и Саша“.

Бракъ графини Д. Ф. Мамоновой былъ не изъ счастливыхъ. Первые годы мужъ ея постоянно болѣлъ, хандрилъ, просился у Императрицы назадъ въ Петербургъ и выражалъ даже готовность оставить для этого семью. И до Екатерины доходили вѣсти, что Мамоновъ „не былъ счастливъ, съ ума сошелъ, дерется съ женой“, „бранитъ жену, что старики его родители „невѣсткой недовольны“. По замѣчанію Головкина: „Il ne sut être ni tout, ni rien, ni quelque chose; il ne s'accorda plus d'autre distraction que de maltrailer sa femme, qu'il accusait sans cesse d'être la cause de sa parfaite nullité“.—„Онъ не можетъ быть счастливъ“, говорила Екатерина, „разница ходить съ кѣмъ по саду и видѣться на четверть часа, или жить вмѣстѣ“.

Графиня Д. Ф. Мамонова скончалась въ Москвѣ 9 Ноября 1801 г., оставивъ сына Матвѣя (р. 1789 г., † 1863 г.) и дочь Марію († дѣвицей, въ 185. г.); похоронена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

(Съ портрета Рокотова; собственность И. П. Жеребцовой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse DARIA FÉODOROWNA DMITRIEFF-MAMONOFF, 1762—1801, fille du lieutenant général le prince Théodore Féodorowitch Chtcherbatoff et de sa première femme, la princesse Marie Alexandrowna Békowitch-Tcherkasky, naquit le 29 avril 1762. Le mariage de ses parents ne fut pas heureux: la mère fut forcée de quitter la maison du mari et de retourner chez son père, où elle mourut, en lui laissant sa fille encore mineure. Après la mort de l'aïeul, la princesse Chtcherbatoff, sur la demande de sa tante, la princesse Daria Alexandrowna Tcherkasky, qui avait intéressé Potemkine au sort de sa nièce, fut accueillie au Palais d'hiver par Catherine II et élevée, sous la surveillance de la baronne Maltitz, dans les appartements des demoiselles d'honneur; elle le devint le 1er janvier 1787. Mais la surveillance de la baronne ne fut pas apparemment bien sévère, car, la même année, „on découvrit une intrigue de la princesse Chtcherbatoff avec le ministre-résident anglais près la cour de Russie, Fitz Herbert, qui en était fortement épris. Elle avait de plus des dettes qui montaient à 30.000 roubles, somme considérable à cette époque, et bientôt commença sa fameuse histoire avec le favori de Catherine, le comte Alexandre Matvéewitch Dmitrieff-Mamonoff (né en 1758, † en 1803), histoire qui causa tant de peine à Catherine. Bien peu de personnes eurent connaissance de ce „trémoussement", comme on le disait alors, du favori et de la princesse; les époux Ribeaupierre protégeaient les amoureux. Un échange de lettres eut lieu par l'intermédiaire des laquais de la chambre, on organisait des rendez-vous au jardin et au palais, où Mamonoff arrivait par la chambre de la demoiselle d'honneur Chkourine. Quoique Potemkine lui-même eût remarqué que Mamonoff envoyait à la princesse des fruits de la table et en eût soufflé un mot à l'Impératrice, Catherine ne l'apprit que deux ans après. Le 18 juin 1789, remarquant que son favori se refroidissait à son égard, elle provoqua une explication, lui proposa de „se retirer" avec honneur et prit sur elle d'arranger son mariage avec la richissime fiancée, la comtesse Bruce, âgée de 13 ans. Quand Mamonoff lui eut appris qu'il était depuis deux ans déjà épris de la princesse Chtcherbatoff, „qui ne lui reprochera pas sa richesse" et qu'il „lui avait promis le mariage depuis six mois", Catherine, offensée de la duplicité, c'est son mot, de Mamonoff, se décida à les marier sur-le-champ. Le 20 juin, avant la réception du soir, elle les fiança elle-même en leur donnant de riches alliances d'une valeur de 10.000 roubles, et eux „à genoux", dit Khrapowitzky dans son journal, „pleuraient, demandaient pardon et furent pardonnés". Leur agitation était telle, au dire de Garnowsky, qu'ils tombèrent en syncope. „Ils devraient être en extase", dit ensuite Catherine, „mais au contraire ils pleurent". La noce eut lieu le dimanche 1er juillet, à 9 heures du soir, dans la chapelle de la cour à Tzarskoé-Sélo, en présence de très peu de monde. La fiancée fut, d'après la coutume, habillée chez l'Impératrice, qui la bénit avec une image sainte, mais elle n'assista pas à la cérémonie. Le lendemain, le 2 juillet, à minuit, le favori, comblé de présents, partit pour Moscou avec sa femme, où, la même année, lui naquit un fils Matthieu. Peu de temps après, Mamonoff et sa femme furent dépeints par Catherine dans son poème satirique „Paracha et Sacha".

Le mariage de la comtesse D. F. Mamonoff ne fut pas heureux. Les premières années, son mari fut continuellement malade, avait le spleen, demandait à l'Impératrice son rappel à St-Pétersbourg et se disait prêt pour cela à quitter sa famille. Catherine apprit même que Mamonoff „n'était pas heureux, qu'il était devenu fou, qu'il se battait avec sa femme", qu'il la grondait et que ses vieux parents „n'étaient pas contents de leur bru". Suivant Golovkine, „il ne sut être ni tout, ni rien, ni quelque chose; il ne s'accorda plus d'autre distraction que de maltraiter sa femme, qu'il accusait sans cesse d'être la cause de sa parfaite nullité". „Il ne peut être heureux", dit Catherine, „il y a une différence entre aller au jardin, se voir un quart d'heure et vivre ensemble". La comtesse Mamonoff mourut à Moscou le 9 novembre 1801, laissant un fils, Matthieu (né en 1789, † en 1863) et une fille Marie († demoiselle en 185.). Elle fut enterrée à Moscou dans le monastère Donskoï.

(D'après l'original de Rokotoff, appartenant à Mme N. Jérebtzoff, St-Pétersbourg.)

Князь ГАВРІИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1745—1808, сынъ князя Петра Ивановича, женатаго на Аннѣ Михайловнѣ Леонтьевой (р. 20 Іюля 1715 г., † 6 Февраля 1782 г.), родился 9 Января 1745 г.; обладатель большого состоянія, родственникъ Нарышкиныхъ по матери, онъ въ юности пользовался расположеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны. Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, которое должно было дополнить его образованіе, Гагаринъ былъ пожалованъ въ 1774 г. въ камеръ-юнкеры, а 24 Ноября 1781 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 6 Департамента Сената, въ Москвѣ. Въ 1783 г. онъ сдѣланъ камергеромъ, въ 1786 г. получилъ ордена св. Анны 1-й ст. и св. Владиміра 2-й ст., затѣмъ пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы. Въ то же время Гагаринъ былъ главнымъ директоромъ Государственныхъ заемнаго и вспомогательнаго банковъ, позднѣе министромъ коммерціи, при чемъ имъ былъ изданъ „Банкротскій уставъ“. Павелъ I сдѣлалъ его членомъ Совѣта и возложилъ на Гагарина 5 Апрѣля 1797 г. Александровскую ленту, а въ 1800 г. пожаловалъ его орденомъ св. Андрея Первозваннаго и произвелъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Милости Павла Петровича объясняются, конечно, въ значительной степени тѣмъ, что его сынъ, князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, былъ женатъ на фавориткѣ Государя Аннѣ Петровнѣ Лопухиной. Кромѣ того, графъ Ф. Головкинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „De nouveaux personnages parurent tout à coup sur la scène; le prince Gabriel Gagarine, ancien ami de Lopoukhine, ancien amant de Mme Lopoukhine et par la suite le père de Mademoiselle, contribuant avec tout son esprit, et il en avait plus que les autres, et sa profonde immoralité à l'affermissement de ce nouveau parti“.

Князь Г. П. Гагаринъ былъ ревностнымъ масономъ въ ложѣ Лабзина „Умирающій сфинксъ“, при чемъ сохранились его рукописныя рѣчи, произносившіяся имъ въ ложѣ.

Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Москвѣ и въ своемъ имѣніи с. Богословскомъ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губ., при чемъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ такими москвичами, какъ графъ А. М. Мамоновъ и его жена, П. В. Головинъ, женившійся потомъ на его дочери, княжнѣ Аннѣ, и извѣстный своимъ благочестіемъ, и др. Впрочемъ, и самъ князь Г. П. Гагаринъ любилъ заниматься богословскими вопросами, былъ близокъ и въ перепискѣ съ извѣстнымъ митрополитомъ Московскимъ Платономъ, который очень цѣнилъ его благочестіе и одобрялъ его литературные труды. Въ 1798 г. князь Гагаринъ напечаталъ въ Синодальной типографіи свои произведенія: 1) Акаѳистъ св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову; 2) Акаѳистъ со службою, житіемъ и чудесами св. Димитрію, митрополиту и чудотворцу Ростовскому, и 3) Службу препод. Ѳеодосію, Тотемскому чудотворцу. Послѣ его смерти, сынъ въ 1813 г. издалъ собраніе другихъ сочиненій отца, подъ заглавіемъ „Забавы уединенія моего въ селѣ Богословскомъ“.

Князь Гагаринъ былъ женатъ на Прасковіи Федоровнѣ Воейковой; скончался съ 18 на 19 Января 1808 года.

Сочиненная имъ самимъ эпитафія, сдѣлавшаяся потомъ ходячей въ „кладбищенской литературѣ“, гласила:

„Прохожій! Ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я;
Постой и отдохни на камнѣ у меня;
Взгляни, что сдѣлалось со тварью горделивой,
Гдѣ дѣлся человѣкъ? И прахъ заросъ крапивой!
Сорви-жъ былиночку и вспомни обо мнѣ!
Я дома, ты въ гостяхъ: подумай о себѣ!“

(Съ портрета, принадлежащаго И. П. Жеребцовой, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince GABRIEL PÉTROWITCH GAGARINE, 1745—1808, fils du prince Pierre Ivanowitch, marié à Anne Mikhaïlowna Léontieff (née le 20 juillet 1715, † le 6 février 1782), naquit le 9 janvier 1745. Possesseur d'une grande fortune, parent des Narychkine par sa mère, il fut, dans sa jeunesse, en faveur auprès de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. A son retour de l'étranger, où il avait dû compléter son instruction, Gagarine fut nommé en 1774 gentilhomme de la chambre et le 24 novembre 1781 procureur-général au 6e département du Sénat à Moscou. Il devint en 1783 chambellan et en 1786 reçut l'ordre de Ste-Anne 1ère classe et le St-Vladimir 2de; puis on lui octroya le titre de conseiller privé et la dignité de sénateur. Gagarine était en même temps directeur général des banques impériales de prêts et de secours; il fut nommé ensuite ministre du commerce et publia le „Code des faillites". Paul Ier le fit membre du Conseil, le revêtit le 5 avril 1797 du cordon de St-Alexandre et en 1800 lui octroya le St-André et le titre de conseiller privé actuel. Les faveurs de Paul Pétrowitch s'expliquent en grande partie, cela va sans dire, par le fait que son fils, le prince Pierre Gavrilowitch Gagarine, était marié à la favorite de l'Empereur, Anne Pétrowna Lopoukhine. Le comte Th. Golovine dit encore dans ses mémoires: „De nouveaux personnages parurent tout à coup sur la scène; le prince Gabriel Gagarine, ancien ami de Lopoukhine, ancien amant de Mme Lopoukhine et par la suite le père de Mademoiselle, contribuant avec tout son esprit, et il en avait plus que les autres, et sa profonde immoralité à l'affermissement de ce nouveau parti".

Le prince G. P. Gagarine était un zélé franc-maçon de la loge Labzine „le sphinx mourant"; on a conservé ses discours manuscrits, prononcés à la loge.

Il passa les dernières années de sa vie à Moscou et dans son domaine de Bogoslovsk, district de Dmitrovsky, gouv. de Moscou; il était en rapports amicaux avec des Moscovites, tels que le comte A. M. Mamonoff et sa femme, P. Golovine, qui épousa plus tard sa fille, la princesse Anne, et qui était connu par sa piété, et d'autres. Du reste le prince G. P. Gagarine aimait aussi s'occuper de questions théologiques, était intime et en correspondance avec le célèbre métropolite de Moscou, Platon, qui prisait fort sa piété et approuvait ses travaux littéraires. En 1798, le prince Gagarine publia à l'imprimerie du St-Synode ses œuvres: 1) Acathiste à la gloire du saint apôtre et évangéliste Jean, le Théologien; 2) Acathiste à la gloire du service, de la vie et des miracles du St-Dmitri, métropolite et thaumaturge de Rostoff, et 3) Office du révérend Théodosie, thaumaturge de Totemsk. Après sa mort, son fils publia, en 1815, d'autres œuvres de son père sous le titre de „Passe-temps de ma solitude dans le village de Bogoslovsk".

Le prince Gagarine était marié à Prascovie Féodorowna Voéikoff; il mourut dans la nuit 18 au 19 janvier 1808.

L'épitaphe qu'il s'est composée et qui est entrée dans la „littérature des cimetières", a la teneur suivante:

„Passant! tu marches, mais tu te coucheras comme moi;
Arrête-toi, repose-toi sur la pierre près de moi;
Regarde! qu'est devenue la créature orgueilleuse,
Où l'homme s'est-il fourré? Et ses cendres se sont couvertes d'orties!
Cueille un brin d'herbe et souviens-toi de moi!
Je suis chez moi, toi en visite: Pense à toi!"

(D'après l'original, appartenant à Mme N. Jérebtzoff, à St-Pétersbourg.)

Князь ПАВЕЛЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1777—1850, генералъ-адъютантъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гавріила Петровича и княгини Прасковьи Федоровны, рожденной Воейковой, на 3-мъ году былъ записанъ въ сержанты Преображенскаго полка, а въ 1799 г. былъ уже майоромъ. Князь П. Г. Гагаринъ обязанъ своимъ возвышеніемъ расположенію къ нему княжны Анны Петровны Лопухиной, особы, къ которой Императоръ Павелъ воспылалъ сильной и продолжительной страстью послѣ охлажденія къ Е. И. Нелидовой. Чуждая честолюбивыхъ стремленій, дѣвушка скромная, съ мечтательнымъ характеромъ, Лопухина тяготилась исключительнымъ вниманіемъ Государя и, когда Павелъ сдѣлался слишкомъ требовательнымъ, призналась ему, что ея сердце принадлежитъ князю Гагарину, бывшему тогда на войнѣ въ Италіи. Павелъ предписалъ Суворову прислать Гагарина курьеромъ съ извѣстіемъ о ближайшей побѣдѣ, что и было исполнено послѣ битвы при Требіи. Князь былъ произведенъ въ полковники, затѣмъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и командоры Мальтійскаго ордена, а 8 Февраля 1800 года обвѣнчался съ Лопухиной. Выгоды положенія, повидимому, искупали въ глазахъ Гагарина послѣдующую близость жены къ Императору, не удержавшемуся на положеніи безупречнаго рыцаря, и Гагаринъ потомъ называлъ жену „своей благодѣтельницею". Въ началѣ царствованія Александра I Гагаринъ былъ назначенъ посланникомъ при королѣ Сардинскомъ и оставался на этомъ посту до 1803 года. Въ 1805 г. онъ лишился жены, въ 1808 г. сопровождалъ Государя на Эрфуртское свиданіе, въ 1809 г.—въ Финляндію, въ 1812 г. назначенъ директоромъ Инспекторскаго департамента, а въ 1814 г. вышелъ въ отставку.

Объ отношеніяхъ князя П. Г. Гагарина къ женѣ послѣ смерти Павла I существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Какъ бы то ни было, но смерть жены сдѣлала Гагарина оригиналомъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ на Дворцовой набережной, а выходя на улицу, подбиралъ большихъ и увѣчныхъ собакъ, которыя наполняли его домъ, лежали по диванамъ и кресламъ. Цѣлая комната была наполнена летающими на свободѣ птицами, а голубей и галокъ онъ кормилъ ежедневно съ балкона въ опредѣленные часы. О внѣшности своей онъ пересталъ заботиться: съ ермолкой на лысой головѣ, въ старомъ халатѣ прогуливался онъ по улицамъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея. Онъ не чуждъ былъ литературы: печаталъ стихи въ „Вѣстникѣ Европы" Жуковскаго и написалъ замѣтки о своемъ пребываніи въ Финляндіи въ 1809 году. Будучи библіофиломъ, собралъ большую библіотеку, въ которой было много рѣдкостей и всѣ вновь выходившія книги.

Въ 1831 году, 24 Мая, князь П. Г. Гагаринъ женился на балеринѣ Маріѣ Ивановнѣ Спиридоновой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Александру († въ молодости) и Наталію (р. 13 Февраля 1837 г., † въ 1905 г.; за Жеребцовымъ). Послѣ женитьбы онъ измѣнилъ прежній образъ жизни, оставилъ свое уединеніе, завелъ охоту... Умеръ 2 Апрѣля 1850 года и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго Ф. А. Головину, с. Новоспасское-Деденево, Московской губ.)

Le prince PAUL GAVRILOWITCH GAGARINE, 1777—1850, aide de camp général, fils du conseiller privé actuel, le prince Gabriel Pétrowitch, et de la princesse Prascovie Féodorowna, née Voéikoff, fut, dans sa troisième année, inscrit comme sergent dans le régiment de Préobragensky et devint major en 1799.

Le prince P. Gagarine doit son élévation à la princesse Anne Pétrowna Lopoukhine, dont l'Empereur Paul s'éprit d'une passion forte et durable, après avoir rompu avec Mlle Nélidoff. Etrangère à toute ambition, fille modeste, à caractère rêveur, la princesse Lopoukhine souffrait des attentions exclusives de l'Empereur, et quand ce dernier devint plus exigeant, elle lui avoua que son cœur appartenait au prince Gagarine, qui faisait alors la guerre en Italie. Paul donna à Souvoroff l'ordre de lui envoyer Gagarine pour lui annoncer la prochaine victoire, ce qui arriva après la bataille de Trébie. Le prince fut promu au grade de colonel, puis fait aide de camp général et commandeur de l'ordre de Malte, et, le 8 février 1800, il épousa la princesse Lopoukhine. Les avantages de sa position rachetèrent aux yeux du prince les relations subséquentes de sa femme avec l'Empereur, qui ne continua pas à se montrer le chevalier sans reproche; Gagarine appela dans la suite sa femme „sa bienfaitrice". Au commencement du règne d'Alexandre Ier, Gagarine fut nommé ambassadeur près le roi de Sardaigne et resta à son poste jusqu'en 1803. En 1805, il perdit sa femme; il accompagna l'Empereur en 1808 à l'entrevue d'Erfurt, et, en 1809, en Finlande; en 1812, il fut nommé directeur du département d'inspection et, en 1814, il prit son congé.

Il existe des dires contraires sur les relations de Gagarine et de sa femme, après la mort de Paul Ier. Quoi qu'il en soit, l'épouse morte, le mari devint un original. Il s'enferma dans sa maison du quai du Palais, et, quand il sortait, il ramassait les chiens malades et estropiés, qui, dans sa demeure, se couchaient sur les divans et dans les fauteuils. Toute une chambre était remplie d'oiseaux, qui volaient en liberté, et il nourrissait journellement et à heures fixes du haut de son balcon les pigeons et les choucas. Il cessa de s'occuper de son extérieur. Il se promenait dans les rues avec un laquais en livrée, une calotte sur un crâne chauve et revêtu d'une vieille robe de chambre. Il n'était pas étranger à la littérature: il publia les vers de Joukovsky dans le „Messager de l'Europe" et écrivit des notes sur son séjour en Finlande en 1809. Bibliophile sérieux, il avait une grande bibliothèque, où se trouvaient beaucoup de choses rares et tous les livres nouvellement publiés.

En 1831, le 24 mai, le prince épousa la ballerine Marie Ivanowna Spiridonoff, dont il eut deux filles: Alexandrine (morte enfant) et Natalie (née le 13 Février 1837, † en 1905, et mariée à Jérebtzoff). Après ce mariage, il changea sa manière de vivre et s'occupa de chasse. Il mourut le 2 avril 1850 et est enterré dans l'église St-Lazare à la laure d'Alexandre-Newsky.

(D'après un original, appartenant à Th. Golovine, Novospasskoé-Dédénévo, gouv. de Moscou.)

70

Княгиня Прасковія Федоровна Гагарина,
1757 — 1801

La Princesse Prascovie Féodorowna Gagarine,
1757 — 1801

71

Графиня Дарья Федоровна Дмитріева-Мамонова,
1762 — 1801

La Comtesse Daria Féodorowna Dmitriew-Mamonoff,
1762 — 1801

72

Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ,
1745 — 1808

Le Prince Gabriel Pétrowitch Gagarine,
1745 — 1808

73

Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ,
1777 — 1850

Le Prince Paul Gabrilowitch Gagarine,
1777 — 1850

АННА АЛЕКСѢЕВНА ОЛЕНИНА, 1808—1888, дочь извѣстнаго президента Академіи Художествъ Алексѣя Николаевича (см. т. I, № 34) отъ брака съ Елизаветой Марковной Полторацкой, родилась 11 Августа 1808 г.; одна изъ блестящихъ красавицъ Пушкинской эпохи, она выросла въ средѣ писателей и художниковъ, собиравшихся въ салонѣ Олениныхъ въ Петербургѣ и въ „Пріютинѣ", и сдѣлалась общею ихъ любимицей: Крыловъ и Гнѣдичъ баловали „умную Анеточку"; Олениной мы обязаны не однимъ чуднымъ стихотвореніемъ Пушкина, писаннымъ ей. Великій поэтъ, преклоняясь предъ ея красотой, искренно любилъ и безуспѣшно искалъ ея руки. Въ своей „душѣ влюбленной" онъ хранилъ „счастливыя мечты", а въ стихахъ воспѣвалъ ея „маленькую ножку", ея „золотой локонъ" и выразительные глаза:

„Но самъ (кн. Вяземскій) признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!....
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля—
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметъ—ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!"

Это чудное лицо юной красавицы рекомендуетъ поэтъ вниманію художника (Г. Дау):

„Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофель!
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній".

Годъ спустя, въ 1829 г., Пушкинъ писалъ къ ней:

„Я васъ люблю; любовь еще, быть-можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!"

Пожалованная фрейлиной въ 17 лѣтъ, Оленина и при дворѣ считалась одной изъ первыхъ красавицъ, выдаваясь игривымъ умомъ и любовью ко всему изящному, этими „плѣнительными грѣхами", по выраженію Гнѣдича, который тогда же говорилъ ей:

„Когда-бъ всѣ грѣшницы подобны были вамъ....
Я слышалъ, фрейлины васъ тяжко осуждаютъ,
Что слишкомъ милы вы, любезны и умны.
Не слушайтеся ихъ, я смѣло молвлю вамъ:
Грѣшите каждый разъ, не каясь іерею,
Веселостью ума, любезностью своею"....

Въ 1840 г. Оленина вышла замужъ за лейбъ-гусарскаго офицера Ф. А. Андро-де-Ланжерона (род. въ Брестѣ 16 Марта 1804 г., † 7 Іюля 1885 г. въ родовомъ замкѣ Ланжеронъ, въ Nièvre, во Франціи; побочный сынъ графа Ланжерона отъ Анжели Джержановской). Послѣ смерти отца († 1843 г.), А. А. Андро переѣхала въ Варшаву, гдѣ мужъ ея 14 лѣтъ (съ 1847 г.) былъ президентомъ города, а потомъ сенаторомъ Варшавскихъ департаментовъ. Послѣ кончины мужа, она доживала свой вѣкъ въ имѣніи дочери Уваровой, въ Волынской губерніи. Медленно угасая, она сохранила до конца свѣжесть ума, любила погружаться въ воспоминанія о дорогомъ и далекомъ прошломъ, которое помнила до мельчайшихъ подробностей. Получивъ французское воспитаніе, она, благодаря кружку отца, любила русскую литературу, поэзію и искусство. Нѣсколько разъ принималась она за свои „мемуары", но послѣ нея ничего не оказалось. Скончалась она 15 Декабря 1888 г. на Волыни; похоронена въ женскомъ монастырѣ, въ мѣстечкѣ Корцѣ.

Отъ брака съ Ф. А. Андро у ней былъ сынъ Федоръ Федоровичъ (полковникъ; р. 15 Октября 1845 г., † 3 Іюня 1899 г.) и 3 дочери: Александра (р. 1 Августа 1842 г.; за Гарбинскимъ и вторично за Ладиславомъ Малковскимъ), Софія (р. 13 Іюня 1844 г.; за генераломъ барономъ Н. Сталь-фонъ-Гольштейнъ) и Антонина (р. 21 Октября 1847 г.; за Ап. Ап. Уваровымъ и вторично за Войде).

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова, 1825 г.; собственность А. Ф. Войде, въ С.-Петербургѣ.)

ANNA ALEXÉEWNA OLÉNINE, 1808—1888, fille du célèbre président de l'Académie des Beaux-Arts Alexis Nikolaewitch (v. Tome I, № 34) et d'Elisabeth Markowna Poltoratzky, est née le 11 août 1808. L'une des plus brillantes beautés du temps de Pouchkine, elle a grandi au milieu des hommes de lettres et des artistes qui se réunissaient dans le salon des Olénine à St-Pétersbourg et à Prioutino, et elle était devenue leur favorite; Kryloff et Gniéditch gâtaient „l'intelligente petite Annette". Nous lui devons plus d'une des merveilleuses poésies que Pouchkine lui a dédiées. Le grand poète s'inclinant devant sa beauté l'aima sérieusement et rechercha sa main, mais sans succès. Dans son „âme amoureuse" il conservait „ses rêves heureux", et dans ses vers il a chanté „son pied mignon", ses „boucles blondes" et ses yeux pleins d'expression:

„Toi-même avoue, as-tu vu rien de mieux
Que les doux yeux de ma belle Olénine?
Que de génie profond ils recèlent,
Combien aussi de candeur enfantine!
Quelle molle langueur ils nous révèlent,
Et combien de rêveurs et tendres feux!
Les baisse-t-elle, et modeste et gracieuse,
C'est le triomphe de la chasteté;
Mais relevant sa paupière rêveuse,
De Raphaël c'est l'ange extasié".

Le poète recommande également le charmant visage de cette jeune beauté à l'attention de l'artiste (G. Dawe):

„De ton crayon divin faut-il que tu te serves
Pour fixer à jamais un portrait trop flatté,
Car mon profil arabe en vain tu le conserves
Il n'en sera pas moins par Méphisto sifflé.
Rends-nous plutôt les traits de la belle Olénine,
Car brûlant de l'ardeur d'un génie inspiré,
Il faut que le talent en tout lieu ne s'incline
Que devant la jeunesse unie à la beauté!"

Une année plus tard, en 1829, Pouchkine lui écrivait:

„Je vous aime toujours, car il peut bien se faire
Que l'amour dans mon sein n'ait pu se consumer;
Cet aveu cependant ne doit pas vous déplaire,
Car je ne voudrais pas en rien vous chagriner.
Longtemps je vous aimai sans espoir en silence,
Me sentant tour à tour ou timide ou jaloux;
Je vous aimai tout plein de tendre prévenance
Et comme je voudrais qu'un autre fût pour vous!"

Ayant été admise au nombre des demoiselles d'honneur à l'âge de 17 ans, Anna Alexéewna Olénine, même à la Cour, était réputée pour une des premières beautés, et elle se faisait remarquer tant par son enjouement que par son inclination pour tout ce qui est beau et élégant, par ces „péchés séducteurs", selon l'expression de Gniéditch qui alors lui disait:

„Quand vous ressembleraient toutes les pécheresses....
J'entendis l'autre jour qu'en certains lieux on blâme
De vos charmes l'attrait, votre esprit séducteur;
Mais que ces médisants ne troublent point votre âme,
Et sans vous repentir péchez, péchez sans peur,
Tant par votre gaîté que votre aimable humeur".

En 1840, Anna Alexéewna Olénine épousa un officier de hussards de la garde impériale Th. Andrault de Langéron (né à Brest le 16 mars 1804 et décédé le 7 juillet 1885 dans le château de la famille Langéron, dans le département de la Nièvre, en France; il était fils naturel du comte de Langéron et d'Angèle Djerjanowsky). Après la mort de son père, survenue en 1843, A. A. Andrault s'en alla à Varsovie, où son mari, pendant 14 ans (à partir de 1847), fut président de la ville, puis sénateur des départements de Varsovie. Après la mort de son mari, elle s'installa pour toujours dans le bien de sa fille Ouvaroff, dans le gouvernement de Volhynie. Elle s'éteignit doucement conservant jusqu'à la fin toute la fraîcheur de son esprit, aimant à s'enfoncer dans les souvenirs de son cher et lointain passé dont elle se ressouvenait dans les moindres détails. Elle avait reçu une éducation toute française, mais grâce aux habitués du salon de son père, elle aima la littérature russe, la poésie et les beaux-arts. Elle entreprit plusieurs fois d'écrire ses mémoires, et cependant elle ne laissa rien. Elle est morte le 15 décembre 1888 en Volhynie, et elle a été inhumée au couvent de Kortz.

De son mariage avec Th. Andrault elle a eu un fils, Théodore Féodorowitch (colonel, né le 15 octobre 1845, mort le 3 juin 1899), et trois filles: Alexandrine (née le 1 août 1842; mariée d'abord à Garbinsky, puis en secondes noces à Ladislaw Malkowsky), Sophie (née le 13 juin 1844; mariée au général baron Stahl von Holstein) et Antonine (née le 21 octobre 1847; mariée d'abord à Ap. Ap. Ouvaroff, puis en secondes noces à Voïdé).

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff, 1825; propriété de Mme Voïdé, St-Pétersbourg.)

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА ОЛЕНИНА, 1768—1838, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марка Федоровича Полторацкаго, управлявшаго придворной пѣвческой капеллою, отъ брака съ Агавоклеею Александровною Шишковою, родилась 2 Мая 1768 г.; выйдя въ самомъ началѣ 1790-хъ годовъ за Алексѣя Николаевича Оленина (р. 1763 г., † 1843 г.), извѣстнаго впослѣдствіи директора Императорской Публичной библіотеки, президента Академіи Художествъ и члена Государственнаго Совѣта, Елизавета Марковна всегда раздѣляла научные и художественные интересы мужа и умѣла поддерживать оживленіе и непринужденность среди общества, „Олонинскаго кружка“, состоявшаго изъ писателей и поэтовъ, ученыхъ и художниковъ, и собиравшагося въ ея „салонѣ“, въ „Ноевомъ ковчегѣ“, по выраженію Вигеля, гдѣ „разнородное, не менѣе того весьма согласное, общество давало ему видъ трогательной патріархальности“.

Современники изображаютъ Оленину въ своихъ воспоминаніяхъ въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. Такъ, по словамъ графа Уварова, она была „образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ“. Даже Вигель восторженно отзывается о ней: „Его (Оленина) подруга, исключая роста (Олениннъ былъ поразительно малъ), была во многомъ съ нимъ схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всѣмъ, но въ изъявленіи его нѣкоторая преувеличенность заставляла иныхъ весьма несправедливо сомнѣваться въ его искренности. Склонность къ балагурству и любовь къ общежитію побѣждали въ Елизаветѣ Марковнѣ самыя тѣлесныя страданія, коимъ такъ часто была подвержена: лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Тутъ и мужская твердость воли, и ангельское терпѣніе, которое дается однѣмъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ—такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ—столь образованной привѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей европейской жизни съ простотой, съ обычаями русской старины.... Домъ сей былъ уважаемъ, по-моему, онъ могъ назваться образцовымъ, хотя имѣлъ и мало подражателей. Миръ праху вашему, чета неоцѣненная! Простите мнѣ, если безпристрастіе и правдоподобіе мое вынудили меня коснуться нѣкоторыхъ несовершенствъ, неразрывныхъ съ человѣческою слабостью: самыя тѣни, наведенныя мною на свѣтлую картину жизни вашей; я думаю, еще болѣе выказываютъ всѣ красоты ея. Я иногда тоскую по васъ!“

Отъ брака съ Олениннымъ у ней было 3 сына: Николай (прапорщикъ Семеновскаго полка, убитъ при Бородинѣ), Петръ (генералъ-майоръ; р. 1793 г., † 1868 г.) и Алексѣй (дѣйствительный статскій совѣтникъ; р. 30 Мая 1797 г., † 25 Декабря 1854 г.), и 2 дочери: Варвара (р. 1802 г., † 1877 г.; за двоюроднымъ дядей, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гр. Никан. Олениннымъ) и Анна (р. 11 Августа 1808 г., † 15 Декабря 1888 г.; за сенаторомъ Ф. А. Андро).

Е. М. Оленина скончалась въ Петербургѣ 3 Іюля 1838 года. Не одинъ Вигель „тосковалъ“ по ней: мужъ хотя и пережилъ ее на 5 лѣтъ, но съ ея смертью прекратились въ его домѣ обычныя многолюдныя собранія представителей тогдашней литературы и искусства. Оленина похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ ея слѣдующая эпитафія, сочиненная Крыловымъ, котораго она когда-то у себя „баловала и откармливала“:

„Супруга нѣжная и другъ своихъ дѣтей,
Да успокоится она отъ жизни сей!
Въ безсмертьи, тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханья,
Оставя по себѣ тоску семьѣ своей
И сладостныя воспоминанія. К—ъ“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. Д. Романова, С.-Петербургъ.)

ÉLISABETH MARKOWNA OLÉNINE, 1768—1838, fille du conseiller d'état actuel Marc Féodorowitch Poltoratsky, directeur de la Chapelle de la Cour, et d'Agathoclée Alexandrowna Chichkoff, est née le 2 mai 1768. Un peu après 1790 elle épousa Alexis Nikolaewitch Olénine (1763—1843) qui s'est fait un nom dans la suite comme directeur de la Bibliothèque Impériale, président de l'Académie des Beaux-Arts et membre du Conseil d'Etat. Elisabeth Markowna partagea toujours les intérêts scientifiques et artistiques de son mari, et elle a su soutenir l'animation et la libre aisance dans la société du „cercle des Olénine", société composée d'hommes de lettres, de poètes, de savants et d'artistes qui se réunissaient dans son salon de „l'Arche de Noé", selon l'expression de Wiegel, salon auquel „la diversité des types, qui n'excluait aucunement la bonne harmonie, donnait quelque chose de patriarcal et de touchant".

Les contemporains d'E. M. Olénine nous ont laissé d'elle des souvenirs qui la représentent sous les plus sympathiques couleurs. Ainsi, d'après les propres expressions du comte Ouvaroff, elle était „le modèle des vertus féminines, la plus tendre des mères, une femme exemplaire douée d'un esprit pénétrant et d'une humeur bénigne". Wiegel lui-même en parle d'une manière enthousiaste: „Son amie (d'Olénine), la stature exceptée (Olénine était d'une taille étonnamment petite), lui ressemblait en bien des choses. Cette intelligente femme était remplie de bienveillance pour tous, mais comme il y avait quelque exagération dans l'expression de ce sentiment, cela porta quelques personnes à douter, quoique à tort, de la sincérité d'Elisabeth Markowna. Son inclination au bel esprit et son amour de la société eurent en elle raison des plus dures souffrances corporelles, auxquelles elle était si souvent en butte: couchée sur un large divan, entourée de monde et visiblement souffrante, elle n'en souriait pas moins à ses hôtes. C'était en elle la ferme volonté d'un homme jointe à la patience d'un ange, qui n'est accordée qu'aux seules femmes. Elle voulait que tous se sentissent chez elle gais et sans contrainte, et ce désir était constamment satisfait. Nulle part on ne rencontrait autant de liberté et de bienséance à la fois, dans aucune famille une concorde aussi parfaite, une aussi grande réciprocité de tendresse; il n'y avait pas de maîtres de maison d'une affabilité plus avenante. Le plus remarquable c'était l'union de tous les agréments de la vie à l'européenne avec la simplicité, avec les coutumes de la vieille Russie.... Cette maison était estimée et, selon moi, on pouvait l'appeler une maison modèle, bien qu'elle ait eu peu d'imitateurs. La paix soit à vos cendres, couple inestimable! Pardonnez-moi si mon impartialité et la vérité m'ont forcé à faire allusion à quelques imperfections inséparables de l'humaine faiblesse; les ombres même que j'ai pu répandre dans la peinture de votre vie en montreront davantage, j'en suis sûr, toute la beauté. Quelquefois en pensant à vous je me sens pris d'ennui!"

De son mariage avec Olénine elle a eu trois fils: Nicolas (enseigne au régiment Sémenowsky; tué à Borodino), Pierre (général-major; 1793—1868) et Alexis (conseiller d'état actuel; né le 30 mai 1797, mort le 25 décembre 1854), et deux filles: Barbe (1802—1877; mariée au cousin germain de son père, le conseiller d'état actuel Grégoire Nikandrowitch Olénine) et Anne (née le 11 août 1808, morte le 15 décembre 1888; mariée au sénateur Th. Andrault).

E. M. Olénine est morte à St-Pétersbourg le 3 juillet 1838. Wiegel n'est pas le seul qui ait soupiré après elle, car, bien que son mari lui ait survécu de cinq ans, néanmoins les grandes réunions des représentants de la littérature et des beaux-arts cessèrent dès sa mort. Elle a été enterrée au cimetière de Tikhvine de la laure d'Alexandre Newsky. Kryloff, qu'elle avait autrefois gâté et qui avait toujours trouvé chez elle son couvert mis, a composé pour son épitaphe les vers suivants:

„Que la tendre épouse, de ses enfants l'amie
Puisse se reposer des soins de cette vie
Dans un monde éternel sans larmes ni soupirs!
Nous quittant elle laisse à tous les siens ravie
Et l'angoisse poignante et les doux souvenirs.—K.".

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à N. Romanoff, St-Pétersbourg.)

АННА ПЕТРОВНА БУНИНА, 1774—1829, дочь прапорщика Петра Максимовича Бунина отъ брака его съ Анной Ивановной Лодыгиной, родилась въ имѣніи отца, с. Урусовѣ, Ряжскаго уѣзда, 7 Января 1774 г.; потерявъ черезъ годъ свою мать, она воспиталась у тетки, гдѣ получила очень скромное начальное образованіе, но уже на 13-мъ году начала писать стихи; затѣмъ, до 1798 г. жила у сестры своей, Варвары Петровны Усовой, и часто бывала въ Москвѣ, гдѣ познакомилась съ нѣкоторыми литераторами, а въ 1801 г., потерявъ отца, переѣхала къ другой сестрѣ, М. П. Семеновой (бабкѣ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, крестника А. П. Буниной); въ 1802 г. переселилась въ Петербургъ и здѣсь усиленно занималась изученіемъ языковъ, математикой и словесностью. Начавъ печататься еще въ 1799 г., Бунина стала сотрудничать въ тогдашнихъ журналахъ; въ 1808 г. вышелъ ея переводъ „Правилъ поэзіи“ аббата Баттё, съ „присовокупленіемъ Россійскаго стопосложенія“, а съ 1809 по 1812 г.—двѣ части собранія ея стихотвореній „Неопытная Муза“; за поднесеніе его Императрицѣ Елисаветѣ Бунина получила 400 р. пенсіона; затѣмъ она издала дидактическую поэму „О счастіи“, сборникъ „Сельскіе вечера“, повѣсть „Спасеніе Оивы“ и др., а за поэму „Падающій Фаэтонъ“ получила отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны золотую съ брильянтами лиру для ношенія въ торжественныхъ случаяхъ; въ это время она уже состояла почетнымъ членомъ основанной въ 1811 г. „Бесѣды любителей Россійскаго слова“: талантъ ея высоко цѣнился Державинымъ и Шишковымъ, которые содѣйствовали ея извѣстности. Шишковъ заботился и о матеріальной обезпеченности поэтессы; такъ, во время заграничнаго похода, онъ, при содѣйствіи Кутузова, исходатайствовалъ ей пожизненную пенсію въ 2000 р. за то, какъ говорилось въ Именномъ указѣ 2 Марта 1813 г., что она „при бѣдномъ состояніи своемъ сама себя воспитала и прилежностью къ ученію и трудамъ пріобрѣла отличные въ словесности и стихотворствѣ таланты, которыхъ уже многіе опыты оказала“. Вскорѣ затѣмъ Бунина захворала: по однимъ словамъ, у нея начался ракъ въ груди, по другимъ — какая-то нервная болѣзнь въ рукѣ; ее окружили заботами, использовали всѣ средства, но ничто не помогало, и Бунина на средства, дарованныя ей Александромъ I и Императрицей Маріей Ѳеодоровной, отправилась въ Англію и провела около двухъ лѣтъ въ Лондонѣ (1815—1817 гг.), гдѣ оказалъ ей поддержку путешествовавшій тогда за-границей Великій Князь Николай Павловичъ. Лѣченіе не принесло ей особенной пользы, и остальная жизнь Буниной была лишь цѣпью страданій. Однако, съ 1819 по 1821 г. она издала 3 части „Собранія стихотвореній“, занималась переводомъ съ англійскаго „Нравственныхъ и философическихъ бесѣдъ Блера“ (изд. 1829). Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, Бунина скончалась 4 Декабря 1829 г. въ с. Денисовкѣ, имѣніи племянника, Д. М. Бунина, а погребена въ 5 верстахъ оттуда, въ с. Урусовѣ.

О сочиненіяхъ Буниной современники отзывались съ восторгомъ; по словамъ одного изъ нихъ, стихотворенія ея „ознаменованы печатью истиннаго, сильнаго и часто глубокаго чувства“, а Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ отводитъ Буниной „отличное мѣсто въ числѣ писателей и первое между писательницами Россіи“. Ее воспѣли въ стихахъ Дмитріевъ, Хвостовъ, Милоновъ, князь Шаликовъ. Державинъ писалъ ей: „Стихи твои пріятны, звонки, Показываютъ умъ намъ тонкій“.... Зато если имъ Бунина представлялась „Русскою Сафо“, „Сѣверной Коринной“, „Десятой Музой“,—писатели новой школы (Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ) отзывались о ней еще при ея жизни только съ иронією и насмѣшкой. Сохранился „альбомъ“ Буниной (Р. Арх., 1902, I), гдѣ, на ряду со стихами, Шишковъ записалъ свои „мысли“ о женщинѣ; особенно интересны „размышленія“ самой Буниной по этому поводу, „бросающія свѣтъ на ея взгляды на положеніе у насъ женщины вообще и писательницы въ частности въ ту эпоху; это любопытныя черточки для исторіи женскаго вопроса въ прошломъ вѣкѣ“.

По словамъ племянника Буниной, Э. И. Стогова, она была „замѣчательно хорошенькою“: „небольшого роста, немного продолговатое лицо, черные волосы, но лицо бѣлое съ прекраснымъ румянцемъ, очень живые, блестящіе глаза, движенія граціозны“; по свидѣтельству племянницы, П. И. Буниной, портретъ писательницы, сдѣланный незадолго до ея смерти, очень вѣрно передаетъ черты ея лица.

(Съ портрета, принадлежащаго А. Е. Носу, въ Москвѣ.)

ANNA PÉTROWNA BOUNINE, 1774—1829, fille de l'enseigne Pierre Maximowitch Bounine et d'Anna Ivanowna Lodyguine, est née dans le bien de son père, au village d'Ouroussovo, du district de Riagesk, le 7 janvier 1774; elle perdit sa mère au bout d'une année et fut élevée chez sa tante où elle ne reçut qu'une modeste éducation; cependant dès l'âge de 13 ans elle commença à faire des vers. Elle vécut ensuite chez sa sœur Barbe Pétrowna Oussoff jusqu'en l'année 1798, et souvent elle allait à Moscou où elle fit la connaissance de plusieurs littérateurs. En 1801, après avoir perdu son père, elle s'en alla chez une autre sœur, M. P. Sémenoff (grand'mère de P. P. Sémenoff-Tiane-Chansky son filleul). En 1802, elle s'installa à St-Pétersbourg où elle se mit à étudier avec ardeur les langues, les mathématiques et la littérature. Ayant commencé à publier ses œuvres dès 1799, elle coopéra dès lors à la rédaction des Revues de ce temps. En 1808, elle publia sa traduction du „Cours de Belles-Lettres" de l'abbé Le Batteux, avec un appendice concernant la „Métrique russe"; de 1809 à 1812 elle a publié deux parties de son recueil de poésies „La Muse inexpérimentée" qu'elle dédia à l'Impératrice Elisabeth dont elle reçut, à cette occasion, une pension de 400 roubles. Elle publia ensuite un poème didactique „Du bonheur", ses „Soirées au village" et plusieurs nouvelles, entre autres „La délivrance de Thèbes". Pour son poème „La chute de Phaéton" elle reçut de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna une lyre d'or ornée de brillants pour la porter dans les occasions solennelles. Dans ce temps-là elle faisait déja partie, à titre de membre honoraire, du cercle „Les amis de la littérature russe" londé en 1811. Son talent a été hautement apprécié par Derjavine et Chichkoff, qui ont contribué à sa célébrité. De plus Chichkoff prenait soin de la situation matérielle de la poétesse et, pendant ses campagnes à l'étranger, concurremment avec Koutousoff, il lui fit obtenir une pension à vie de 2000 roubles „pour avoir", selon les propres termes de l'édit du 2 mars 1813, „nonobstant sa pauvreté, fait elle-même son éducation et acquis, par son application au travail, des talents remarquables tant dans la littérature en général que dans la poésie en particulier, talents dont elle a déjà fait voir les preuves". Peu de temps après elle tomba malade; selon les uns c'était un commencement de cancer au sein, mais les autres prétendaient que c'était une maladie nerveuse de la main. On l'entoura de soins, on épuisa tous les moyens, mais en vain, et, aux frais de l'Empereur Alexandre Ier et de l'Impératrice Marie Féodorowna, elle partit pour l'Angleterre où elle passa à peu près deux années à Londres (1815—1817). Elle y reçut également des secours du Grand-Duc Nicolas Pavlowitch qui voyageait alors à l'étranger. Son traitement ne lui apporta pas de grands soulagements, et le reste de sa vie ne fut plus qu'une suite de souffrances. Néanmoins de 1819 à 1821 elle a publié trois parties de son „Recueil de poésies"; elle s'occupa d'une traduction de l'anglais des „Entretiens moraux et philosophiques" de Blair, publiée en 1829. Ainsi, toujours changeant de place, elle mourut le 4 décembre 1829 au village de Dénissovka, dans le bien de son neveu D. M. Bounine, et elle a été inhumée à cinq verstes de là au village d'Ouroussovo.

Les contemporains d'Anna Pétrowna Bounine ont parlé de ses ouvrages avec enthousiasme. L'un d'eux s'exprime en ces termes: „Ses poésies sont empreintes d'un sentiment vrai, fort et souvent profond", et Gretch, dans son „Essai de l'histoire de la littérature russe", lui donne une place éminente parmi les littérateurs et la place en tête des femmes auteurs. Elle a été chantée en vers par Dmitrieff, Khvostoff, Milonoff et le prince Chalikoff. Derjavine lui a écrit: „Tes vers sont agréablement sonores, Ils nous dévoilent un esprit subtil". Mais si A. P. Bounine leur semblait être la „Sapho russe", la „Corinne du Nord", la „Dixième Muse", en revanche les écrivains de la nouvelle école (Batiouchkoff, Joukovsky, Pouchkine), n'en parlent, même de son vivant, qu'avec ironie ou en se moquant. On a conservé l'album de A. P. Bounine (Archives russes, 1902, I) dans lequel, avec des vers, Chichkoff a inscrit ses „pensées" sur la femme; mais sur cette matière les réflexions d'Anna Pétrowna elle-même sont particulièrement intéressantes, „jetant de la lumière sur sa manière de considérer chez nous et à cette époque la situation de la femme en général et des femmes auteurs en particulier; ce sont de bien curieuses esquisses et qui peuvent servir à l'histoire de l'émancipation de la femme au siècle passé".

D'après les propres paroles du neveu de A. P. Bounine, E. J. Stogoff, elle était „remarquablement belle, pas très grande, les cheveux noirs, le visage un peu allongé, blanc et rose, des yeux très vifs et brillants, des mouvements gracieux". D'après le témoignage de sa nièce N. I. Bounine, le portrait de la poétesse, fait un peu avant sa mort, rend fidèlement les traits de son visage.

(D'après un portrait, appartenant à A. Noss, à Moscou.)

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА СМИРНОВА, 1809—1882, дочь француза, Одесскаго коменданта Осипа Ивановича Россета († 1814 г.), женатаго на Надеждѣ Ивановнѣ Лорерь (во 2-мъ бракѣ за генераломъ Арнольди), по матери происходила отъ кн. Цициановыхъ; „сирена-очаровательница“, „дѣва-роза“, А. О. Россетъ, по окончаніи курса въ Екатерининскомъ институтѣ съ шифромъ, сдѣлалась любимой фрейлиной Императрицы Александры Ѳеодоровны; блистая при дворѣ, она пользовалась расположеніемъ Государя Николая I, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ любилъ непринужденно бесѣдовать съ умной красавицей, забавлявшей его, большого любителя каламбуровъ, своей живой рѣчью и блестками тонкаго остроумія. Институтское воспитаніе не наложило на нее слѣдовъ сентиментализма; природный умъ и дарованія дали ей возможность найти интересы въ области литературы, искусства и музыки; попавъ въ кружокъ писателей и поэтовъ, она сблизилась съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и особенно съ Пушкинымъ, позднѣе ея друзьями и поклонниками были Гоголь, И. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, все люди самыхъ различныхъ направленій, оттѣнковъ и характеровъ. Тайна вліянія ея на всѣхъ этихъ людей заключалась, однако, не въ ея красотѣ, а въ умѣ, въ ея широкомъ образованіи и обширной начитанности. Она вела дѣятельную переписку со своими литературными друзьями и дѣлалась ихъ незамѣтной и неизмѣнной совѣтчицей; надо было имѣть ея особенное умѣнье приспособиться и войти въ интересы каждаго изъ столь разнообразныхъ корреспондентовъ, чтобы быть въ состояніи вліять на пылкаго И. С. Аксакова, дѣлить религіозно-мистическія исканія больного Гоголя, или своими отвлеченными разсужденіями заинтересовать сильный философскій умъ такого холоднаго человѣка, какъ Самаринъ; увлекавшійся ея красотой Хомяковъ сравнивалъ ея душу съ „дымомъ молитвенныхъ кадилъ“ и писалъ: „О, дѣва-роза, для чего ‖ Мнѣ грудь волнуешь ты“... Въ 1831 г. Россетъ вышла замужъ за Н. М. Смирнова (р. 16 Мая 1807 г., † 4 Марта 1870 г.), позднѣе Калужскаго и Петербургскаго губернатора и сенатора, въ то время молодого дипломата-англомана. Въ „салонѣ“ Смирновой собиралось избранное общество, господствовали умственные и культурные интересы, одно направленіе смѣняло другое,—тутъ собирались и славянофилы, и позднѣе дѣятели по освобожденію крестьянъ....

Смирнова вела съ юныхъ лѣтъ дневникъ, въ которомъ особенно любопытны мѣста, характеризующія Николая I въ его отношеніяхъ къ Пушкину, ея сношенія съ поэтомъ и подробно записанные цѣлые разговоры и сцены... Но записки эти не отличаются безпристрастіемъ, почему ими можно пользоваться только съ большой осторожностью; къ тому же онѣ редактированы уже послѣ ея смерти, послѣдовавшей 7 Іюля 1882 г. въ Парижѣ; похоронена она въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ.

„Не высокаго роста брюнетка, съ чудными глазами, очень черными, которые то становились задумчивыми, то вспыхивали огнемъ, то смотрѣли серіозно, почти сурово“, Смирнова „смущала своими глазами, своимъ прямымъ, проницательнымъ взглядомъ; у нея были очаровательные черные, со стальнымъ оттѣнкомъ, волосы, у ней было классическое сложеніе статуи, классическій профиль, лебединыя движенія“... Полуфранцуженка по отцу, по словамъ князя Барятинскаго, она „имѣла въ себѣ черты лучшей грузинской крови“. Юлія Строганова (рожд. д'Альмеда) написала такой ея „портретъ“: „Хорошенькая ли она? Не знаю; трудно анализировать это шаловливое личико, полное ума... Миловидная, изящная, граціозная и пикантная: улыбается — ею восторгаются, улыбается — подпадаютъ ея очарованію; каждое ея замѣчаніе носитъ видъ легкой эпиграммы, она воспріимчива и потому иногда не ровна; ея воображеніе — калейдоскопъ; она вкладываетъ умъ во все, даже въ самыя банальныя вещи“...

Но лучше всего характеризовалъ Смирнову Пушкинъ, неоднократно воспѣвавшій ее, „придворныхъ витязей грозу“, и „ея черкесскіе глаза“, и вписавшій ей въ „альбомъ“:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды голосъ благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло“...

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Е. М. Смирновой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRINE OSSIPOWNA SMIRNOFF, 1809—1882, fille d'un Français, commandant de la place d'Odessa, Joseph Ivanowitch Rosset († 1814), et de Nadejda Ivanowna Lorère (qui épousa le général Arnoldi en secondes noces), descendait de par sa mère des princes Tzitzianoff. A. O. Rosset, „la sirène enchanteresse", „la fille-rose", après avoir fini ses études avec distinction à l'institut Catherine devint la dame d'honneur favorite de l'Impératrice Alexandra Féodorowna; étoile brillante à la Cour, elle jouit des faveurs de l'Empereur Nicolas Ier, et le Grand-Duc Michel Pavlowitch aimait à s'entretenir librement avec cette intelligente et belle personne qui l'amusait, lui grand amateur de jeux de mots, par sa conversation pleine de vivacité et ses fines reparties. L'éducation qu'elle avait reçue à l'institut ne lui laissa aucune trace de sentimentalité, et son esprit naturel, ainsi que ses talents lui permirent de s'intéresser à la littérature aussi bien qu'aux beaux-arts et à la musique. Ayant eu l'occasion d'entrer dans le cercle des hommes de lettres et des poètes, elle se lia avec Joukowsky, Viazemsky, mais surtout avec Pouchkine; plus tard ses amis et adorateurs furent Gogol, I. Axakoff, J. Samarine, tous gens de tendances différentes, très nuancés entre eux et de caractères divers. Le secret de son influence sur tout ce monde n'était pas dans sa beauté; elle en imposait par son esprit, ses connaissances étendues et par le fait qu'elle avait un immense fond de lecture. Elle entretenait une correspondance très suivie avec ses amis en littérature, et sans qu'ils s'en rendissent compte, ses conseils leur devenaient de plus en plus nécessaires. Il fallait posséder son talent remarquable de s'insinuer dans les intérêts de chacun de ses correspondants si différents les uns des autres pour avoir de l'influence sur le fougueux Axakoff, partager les religieuses et mystiques recherches du valétudinaire Gogol ou pour intéresser par des raisonnements abstraits le solide et philosophique esprit d'un homme aussi froid que Samarine. Captivé par sa beauté, Khomiakoff comparait son âme „à l'encens qui monte au ciel pendant la prière", et il écrivait: „Dis-le-moi donc, ô fille-rose, „Pourquoi me troubles-tu si fort?"... En 1831, A. O. Rosset épousa N. M. Smirnoff (né le 16 mai 1807, mort le 4 mars 1870) qui fut dans la suite gouverneur à Kalouga, à St-Pétersbourg, puis sénateur, mais alors jeune diplomate et anglomane. Elle rassembla dans son salon une société choisie qui ne poursuivait d'autre but que la culture intellectuelle, et les tendances se succédaient les unes aux autres. Là se réunirent les slavophiles, puis plus tard les partisans de l'émancipation des serfs...

A. O. Smirnoff dès sa jeunesse tint un journal dans lequel les pages les plus curieuses sont celles où elle caractérise Nicolas Ier dans ses rapports avec Pouchkine, ses propres relations avec le poète et où elle conserve des conversations et des scènes entières rapportées avec une infinité de détails... Cependant ces notes ne sont pas exemptes de partialité, aussi faut-il en user avec la plus grande précaution; elles n'ont du reste été rédigées qu'après sa mort survenue le 7 juillet 1882 à Paris. Elle a été inhumée à Moscou au monastère de Notre-Dame du Don.

„A. O. Smirnoff était une brunette de petite taille, avec des yeux admirables, très noirs et qui tantôt devenaient rêveurs, tantôt se remplissaient de feu ou regardaient sérieusement et même avec quelque rudesse. Elle avait une manière de regarder dans les yeux d'une façon si pénétrante que l'on s'en intimidait. Elle avait de magnifiques cheveux noirs avec des reflets d'acier, le port d'une statue antique, un profil classique, des mouvements de cygne"... A demi Française par son père, selon les paroles du prince Bariatinsky, elle avait en elle „le plus pur des traits du sang géorgien". Julie Stroganoff (née d'Alméda) a défini son „portrait" de la manière suivante: „Est-elle belle? Je ne sais; il est difficile d'analyser ce gai visage plein d'esprit... D'un air avenant, élégante, gracieuse et piquante, si elle sourit, on se sent pris d'enthousiasme pour elle; elle sourit, et l'on tombe sous le charme. Chacune de ses remarques porte le caractère d'une légère épigramme. Elle est très impressionnable, aussi n'est-elle pas toujours égale. Son imagination est un caléidoscope. Elle met de l'esprit partout, même dans les choses les plus banales"...

Mais mieux que tous Pouchkine a caractérisé A. O. Smirnoff; il écrivait dans son album:

„Bien que soumise à la vaine influence
Et de la cour et du monde élégant,
J'ai su m'armer de froide indifférence.
Simple de cœur, esprit indépendant,
La vérité seule a pu me séduire
Et j'étais bonne aussi bien qu'un enfant.
L'inepte foule m'a toujours fait rire,
Je la jugeais sans gêne et sainement"...

(D'après une aquarelle, appartenant à Mme E. Smirnoff, St-Pétersbourg.)

74

Пис. П. Соколовъ, 1825 — Peint par P. Sokoloff, 1825

Анна Алексѣевна *Anne Alexéewna*
Оленина, *Olénine,*
1808 — 1888 *1808 — 1888*

75

Пис. Боровиковскій — Peint par [illegible]

Елизавета Марковна *Elisabeth Markowna*
Оленина, *Olénine,*
1768 — 1838 *1768 — 1838*

76

Анна Петровна *Anne Pétrowna*
Бунина, *Bounine,*
1774 — 1828 *1774 — 1828*

77

Александра Осиповна *Alexandrine Ossipowna*
Смирнова, *Smirnoff,*
1810 — 1882 *1810 — 1882*

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ СВИСТУНОВЪ, 1770—1815, сынъ тайнаго совѣтника, сенатора, довольно извѣстнаго въ свое время поэта, Петра Семеновича Свистунова (р. 1732 г., † 1808 г.), женатаго на Александрѣ Егоровнѣ Неплюевой, родился 9 Іюля 1770 г.; Свистуновъ съ молодыхъ лѣтъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Павла Петровича и по вступленіи его на престолъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и затѣмъ, 13 Января 1800 г., въ камергеры ко двору Великой Княжны Маріи Павловны. Павелъ I самъ сосваталъ Свистунову невѣсту въ лицѣ фрейлины Маріи Алексѣевны Ржевской, дочери любимой „смольнянки“ Екатерины II, Глафиры Ивановны Ржевской, рожденной Алымовой. „По случаю этой свадьбы“, пишетъ послѣдняя въ своихъ „Запискахъ“, „Императоръ былъ очень въ духѣ, желалъ присутствовать при одѣваніи невѣсты и велѣлъ сдѣлать роскошныя приготовленія. Свадьба должна была происходить въ Павловскѣ; Кутайсовъ и Гагарина были недовольны всѣмъ этимъ. Кутайсовъ замедлилъ прислать въ Царское Село придворные экипажи. Зная, что Императоръ терпѣть не можетъ, чтобы опаздывали, мы сѣли въ свои кареты, но прибыли ко двору 2 часами позднѣе назначеннаго времени и нашли всѣхъ въ тревогѣ. Императрица, будучи въ отчаяніи, всячески старалась скрыть отъ меня причину тревоги. Дѣло было въ томъ, что Императоръ приказалъ отрѣшить отъ должности моего мужа, жениха и его отца“.... Тогда Г. И. Ржевская, мать невѣсты, убѣдила Гагарину написать Павлу записку: „Вѣнчаніе еще не кончилось, когда прибылъ Кутайсовъ, умоляя меня не выражать своего неудовольствія передъ Императоромъ, который успокоился и приглашаетъ меня со всѣмъ семействомъ къ себѣ въ кабинетъ; онъ обошелся съ нами какъ нельзя лучше, осыпавъ насъ любезностями“. Свадьба эта состоялась 30 Мая 1800 года.

Свистуновъ былъ искренно преданъ Павлу I и долго не могъ примириться съ воцареніемъ Александра Павловича: тотчасъ вышелъ въ отставку и только около 1812 г., по убѣжденіямъ своего друга Вязмитинова, поступилъ вновь на службу въ министерство полиціи.

П. П. Свистуновъ былъ человѣкъ мистически настроенный, масонъ и почитатель Лабзина. По словамъ княжны В. Туркестановой, „le feu m-r Swistounoff voyait beaucoup Labzine et lui attribuait en grande partie le changement qui s'était opéré en lui“; онъ былъ близкимъ другомъ („excellent ami“) послѣдней, и она, узнавъ о кончинѣ Свистунова, писала о своемъ горѣ въ Москву Кристину: „Je perds en lui un homme qui m'a été bien sincèrement attaché et qui avait en moi une confiance sans bornes. Il n'était pas heureux, et souvent j'ai eu le bonheur de lui offrir quelque consolation; de son côté, il m'a été souvent aussi très utile. Ce cher homme était d'une piété exemplaire et sans la moindre bigoterie; enfin, c'était une âme qui correspondait avec la mienne sur bien des points, et toute ma vie je le regretterai par rapport à moi-même“. Свистуновъ поѣхалъ на Кавказскія минеральныя воды лѣчиться и тамъ умеръ отъ лихорадки 16 Августа 1815 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго П. И. Щукину, въ Москвѣ.)

NICOLAS PÉTROWITCH SWISTOUNOFF, 1770—1815, fils du conseiller privé et poète réputé en son temps, Pierre Sémenowitch (1732—1808), et d'Alexandrine Egorowna Néplioueff, sa femme, naquit le 9 juillet 1770. Dès ses jeunes années, Swistounoff fut dans les bonnes grâces de Paul Pétrowitch, qui, à son avènement au trône, le fit conseiller d'Etat actuel. Il le nomma plus tard, le 13 janvier 1800, chambellan de la cour de la Grande-Duchesse Marie Pavlowna. Paul Ier lui-même lui trouva une fiancée en la personne de la demoiselle d'honneur, Marie Alexéewna Rjewski, fille de l'élève de Smolny, Glaphira Ivanowna Rjewski, née Alimoff, qui fut la favorite de Catherine II.

„Le jour de cette noce", écrit-elle dans ses mémoires, „l'Empereur était de fort bonne humeur, il voulut assister à la toilette de la fiancée et fit de luxueux préparatifs. Le mariage devait avoir lieu à Pavlowsk; Koutaïssoff et Mme Gagarine en furent mécontents. Koutaïssoff tarda à envoyer les équipages de la cour à Tzarskoé Sélo. Sachant que l'Empereur ne pouvait souffrir qu'on fût en retard, nous prîmes nos voitures et arrivâmes à la cour deux heures après l'heure fixée et nous trouvâmes tout le monde inquiet. L'Impératrice, qui était au désespoir, s'efforçait néanmoins de me cacher la cause de son trouble. Il paraît que l'Empereur avait ordonné de démettre de leurs fonctions mon mari, le fiancé et son père". Alors madame Rjewski, mère de la fiancée, persuada Gagarine d'écrire à Paul. „La bénédiction nuptiale n'était pas terminée que Koutaïssoff arriva et me supplia de ne pas exprimer mon mécontentement devant l'Empereur, qui s'était calmé et m'appelait avec toute ma famille dans son cabinet; il nous reçut le mieux du monde et nous combla d'amabilités". La noce eut lieu le 30 mai 1800.

Swistounoff fut sincèrement dévoué à Paul Ier et longtemps il ne put se résigner à l'avènement d'Alexandre Pavlowitch. Il prit à l'instant sa retraite, et ce ne fut qu'en 1812, sur les instances de son ami Viazmitinoff, qu'il rentra au service dans le ministère de la police.

N. P. Swistounoff était un homme à tendances mystiques, il était franc-maçon et admirateur de Labzine. D'après la princesse B. Tourkestanoff, „le feu m-r Swistounoff voyait beaucoup Labzine et lui attribuait en grande partie le changement qui s'était opéré en lui"; il était „excellent ami" de la princesse et, quand cette dernière apprit la mort de Swistounoff, elle écrivit son chagrin à Kristine à Moscou: „Je perds en lui un homme qui m'a été bien sincèrement attaché et qui avait en moi une confiance sans bornes. Il n'était pas heureux, et souvent j'ai eu le bonheur de lui offrir quelque consolation; de son côté, il m'a été souvent aussi très utile. Ce cher homme était d'une piété exemplaire et sans la moindre bigoterie; enfin, c'était une âme qui correspondait avec la mienne sur bien des points, et toute ma vie je le regretterai par rapport à moi-même". Swistounoff était allé se soigner aux eaux minérales du Caucase et y mourut de fièvre le 16 août 1815.

(D'après une aquarelle, appartenant à P. Chtchoukine, Moscou.)

79

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА СВИСТУПОВА, 1778—1866, дочь писателя и поэта сенатора Алексѣя Андреевича Ржевскаго (см. т. II, № 192) отъ второго его брака съ Глафирой Ивановной Алымовой (см. т. II, № 185), въ царствованіе Павла I была пожалована во фрейлины, а 30 Мая 1800 г. вышла замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера Николая Петровича Свистунова.

Отъ этого брака у ней было 2 сына и 4 дочери: Петръ (р. 1803 г., † 1889 г.; декабристъ, женатъ въ Сибири на Татьянѣ Степановнѣ Неугодниковой), Алексѣй (р. 1808 г., † 1872 г.; дѣйствительный тайный совѣтникъ, женатъ на графинѣ Н. Л. Соллогубъ), Глафира (за генераломъ графомъ Ал. Ант. де-Бальменъ, русскимъ комиссаромъ при Наполеонѣ, на островѣ св. Елены, въ 1816—1821 гг.), Александра (р. 1802 г., † 1891 г.; за барономъ Людвигомъ Гальзъ-де-Мальвпрадъ), Аглая и Варвара.

Воспитаніе дѣтей было всецѣло въ рукахъ матери, склонной къ мистицизму, которая отдала сыновей въ іезуитскій пансіонъ, а дочерямъ старалась привить взгляды въ духѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій. Михайловскій-Данилевскій называетъ Свистунову „извѣстной богомолкой", что не мѣшало ей, однако, устраивать танцовальные вечера въ великій постъ, что очень смущало въ то время высшую Петербургскую администрацію. Несомнѣнно она принадлежала къ немалому числу тѣхъ русскихъ женщинъ этой эпохи, которыя въ страстныхъ поискахъ истины, или слѣдуя модѣ, незамѣтно для себя, попадали въ руки іезуитовъ и разныхъ патеровъ и переходили въ лоно католической церкви.

М. А. Свистунова по смерти мужа († 1815 г.) перешла въ католичество, а послѣ ссылки старшаго сына въ 1826 г. въ каторгу, навсегда удалилась за границу и умерла въ Парижѣ, въ монастырѣ „du St-Cœur de Marie", 1 Сентября 1866 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго П. И. Щукину, въ Москвѣ.)

79

MARIE ALEXÉEWNA SWISTOUNOFF, 1778—1866, fille de l'écrivain, poète et sénateur Alexis Andréewitch Rjewsky (v. T. II, № 192) et de Glaphira Ivanowna Alimoff qu'il avait épousée en secondes noces (v. T. II, № 185), devint demoiselle d'honneur sous le règne de Paul Ier et épousa, le 30 mai 1800, le conseiller d'Etat actuel et chambellan Nicolas Pétrowitch Swistounoff.

Il eut de ce mariage deux fils et quatre filles: Pierre (né en 1803, † en 1889; décabriste, exilé en Sibérie, où il épousa Tatiana Stépanowna Néougodnikoff), Alexis (1808—1872; conseiller privé actuel, marié à la comtesse N. Solohoub), Glaphira (femme du général, comte A. de-Balmain, commissaire russe auprès de Napoléon à Ste-Hélène, 1816—1821), Alexandrine (1802—1891; femme du baron Galz-de-Malvirade), Aglaé et Barbe.

L'éducation des enfants a été faite exclusivement par la mère, portée au mysticisme. Elle mit ses fils dans un pensionnat de Jésuites et tâcha d'inculquer à ses filles ses croyances religieuses. Mikhaïlowski-Danilewski l'appelle la „célèbre dévote"; cela ne l'empêcha pas pourtant de donner pendant le grand carême une soirée dansante, qui déconcerta la haute administration saint-pétersbourgeoise. Elle appartenait certainement au grand nombre des dames russes de cette époque, qui, recherchant passionnément la vérité ou suivant la mode, tombèrent, sans s'en apercevoir, entre les mains des Jésuites et de différents pères et entrèrent dans le giron de l'église catholique.

Mme Swistounoff, après la mort de son mari (1815), embrassa le catholicisme et s'établit complètement à l'étranger, quand son fils aîné fut condamné en 1826 aux travaux forcés. Elle mourut à Paris dans le couvent du St-Cœur de Marie le 1 septembre 1866.

(D'après une aquarelle, appartenant à P. Chtchoukine, Moscou.)

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ, 1787 — 1855, сынъ Николая Львовича Батюшкова († 1817 г.) отъ перваго брака его съ Александрой Григорьевной Бердяевой († 1795 г., въ сумасшествіи), родился въ Вологдѣ 18 Мая 1787 г.; побывавъ въ двухъ Петербургскихъ пансіонахъ, онъ въ 1802 г. поселился у своихъ родственниковъ М. Н. и Е. Ф. Муравьевыхъ, въ лицѣ коихъ нашелъ себѣ и образованнаго, просвѣщеннаго руководителя, и вторую мать, окружившую его нѣжною заботливостью. Въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, гдѣ онъ началъ службу, и въ домѣ Муравьевыхъ онъ встрѣчался съ цѣлымъ рядомъ писателей; къ этому же времени относятся и первые опыты юнаго поэта, литературныя симпатіи котораго уже тогда опредѣлились: онъ вошелъ въ кругъ писателей—сторонниковъ и почитателей Карамзина. Въ 1807 г. Батюшковъ поступилъ въ милицію и отправился въ заграничный походъ, принялъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, подъ Гейльсбергомъ былъ раненъ и лѣчился въ Ригѣ, а затѣмъ, переведенный въ лб.-гв. Егерскій полкъ, былъ во многихъ дѣлахъ въ Финляндіи; въ 1809 г. онъ жилъ въ Петербургѣ и въ своей Новгородской деревнѣ Хантоновѣ, гдѣ проводилъ время въ чтеніи и успѣшныхъ литературныхъ занятіяхъ; въ 1810 г., въ Москвѣ, познакомился съ Карамзинымъ и сошелся съ Жуковскимъ и другими писателями, а въ Апрѣлѣ 1812 г. поступилъ подъ начальство А. Н. Оленина въ Публичную библіотеку, гдѣ пріобрѣлъ много новыхъ литературныхъ знакомствъ. Укрывшись, по взятіи Москвы, въ Нижнемъ, Батюшковъ опредѣлился затѣмъ адъютантомъ къ А. Н. Бахметеву, а потомъ—къ Раевскому и былъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и другихъ дѣлахъ до взятія Парижа включительно. Переведенный штабсъ-капитаномъ въ Измайловскій полкъ, онъ черезъ Англію и Швецію вернулся (1814 г.) въ Петербургъ, затѣмъ жилъ въ деревнѣ, въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ выпустилъ (1817 г.) свои „Опыты въ стихахъ и прозѣ“, снова опредѣлился въ Библіотеку и сталъ посѣтителемъ собраній „Арзамаса“, въ который былъ принятъ, съ прозвищемъ „Ахилла“, еще въ 1815 году; здѣсь онъ близко познакомился съ Пушкинымъ. Задумавъ перейти на дипломатическую службу, Батюшковъ обратился съ просьбою къ Александру I, а самъ, въ серединѣ 1818 г., отправился на югъ, въ Одессу и Крымъ; назначенный въ Неаполитанскую миссію, онъ въ Февралѣ 1819 г. прибылъ туда, посѣтивъ по дорогѣ Римъ, куда вскорѣ и совсѣмъ переѣхалъ, причисленный къ тамошней миссіи. Уже съ зачатками тяжелаго душевнаго недуга, онъ вскорѣ былъ уволенъ (въ Маѣ 1821 г.) для лѣченія въ безсрочный отпускъ. Теплицъ, Дрезденъ, Симферополь, Петербургъ, Зонненштейнъ, Москва и, наконецъ, Вологда—вотъ этапы дальнѣйшей страдальческой жизни поэта; постепенно теряя первоначальную остроту, его душевная болѣзнь приняла безнадежный характеръ, и лишь въ послѣдніе годы жизни Батюшковъ проявлялъ проблески сознанія. Земныя страданія его окончились 7 Іюля 1855 г.; погребенъ онъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, близъ Вологды.

Русская литература лишилась Батюшкова въ пору полнаго развитія его поэтическихъ дарованій, которыя позволяли ожидать отъ него еще многаго; несмотря на это, произведенія его самобытнаго таланта даютъ ему право на первостепенное мѣсто въ ряду нашихъ поэтовъ. Стремленіе оставить избитый путь стараго піитическаго искусства и пойти по новой—своей—дорогѣ, почерпая матеріалъ для созданій во внутреннемъ своемъ настроеніи, замѣтно уже въ первыхъ опытахъ поэта. Стихотворенія Батюшкова, то жизнерадостныя и шаловливыя, то меланхолическія, проникнутыя разочарованіемъ, тоской по несбывшимся мечтамъ, являются отраженіемъ движеній его души и сердца, всегда искренни и непосредственны. Кромѣ этихъ внутреннихъ достоинствъ, его произведенія оставили крупный слѣдъ въ исторіи развитія нашего стихотворнаго языка, придавъ ему гибкость, упругость, правильность и чистоту, красоту и гармоничность; труды Батюшкова въ значительной мѣрѣ подготовили дорогу Пушкину.

У Батюшкова было четыре родныхъ сестры: Александра (умершая дѣвицей), Анна, бывшая за Абр. Ил. Гревенсъ, Елизавета—за П. А. Шишиловымъ, и Варвара—за Арк. Ап. Соколовымъ; отъ второго брака отца, съ Авдотьей Николаевной Теглевой, онъ имѣлъ брата Помпея (р. 1811 г., † 1890 г.; дѣйств. тайн. сов.), женатаго на С. П. Кривцовой († 1901 г.), издавшаго въ 1885—1887 гг. собраніе сочиненій нашего поэта, и сестру Юлію, фрейлину, вышедшую за генералъ-адъютанта П. В. Зиновьева (р. 1801 г., † 1882 г.) и умершую 6 Ноября 1869 г.

(Съ портрета О. Кипренскаго; собственность барона П. Е. Врангеля, въ С.-Петербургѣ.)

CONSTANTIN NIKOLAEWITCH BATIOUCHKOFF, 1787—1855, fils de Nicolas Lvowitch Batiouchkoff († en 1817), de son premier mariage avec Alexandra Grigoriewna Berdiaeff († en 1795, en état de démence), naquit à Vologda le 18 mai 1787; après avoir séjourné dans deux pensionnats de Pétersbourg, il s'établit en 1802 chez ses parents M. N. et E. F. Mouravieff, en la personne desquels il trouva, d'un côté, un guide instruit et éclairé, de l'autre, une seconde mère qui l'entoura de tendres soins. Dans le département de l'Instruction publique, où il commença son service, et dans la maison Mouravieff, il rencontrait tout un monde d'écrivains; c'est à cette époque que se rapportent les premiers essais du jeune poète, dont les sympathies littéraires étaient déjà fixées: il fit partie d'un cercle d'écrivains, tous partisans et admirateurs de Karamzine. En 1807, Batiouchkoff s'engagea dans la milice et partit pour une campagne à l'étranger, prit part à plusieurs combats, fut blessé à Heilsberg et se soigna à Riga; ensuite, transféré dans le régiment des chasseurs de la garde, assista à beaucoup d'affaires en Finlande; en 1809, il demeura à Pétersbourg et dans son village de Khantonoff (gouv. de Novgorod) où il passait son temps à lire et à s'occuper assidûment de littérature; en 1810, à Moscou, il fit la connaissance de Karamzine et se lia avec Joukowsky et d'autres écrivains et, en avril 1812, entra à la Bibliothèque publique sous les ordres de A. N. Olénine, où il fit de nouvelles connaissances littéraires. S'étant réfugié à Nijni, après la prise de Moscou, Batiouchkoff devint aide de camp de A. N. Bakhméteff, puis de Raewsky, prit part à la bataille de Leipzig et à d'autres affaires, jusqu'à la prise de Paris inclusivement. Transféré comme capitaine en second au régiment d'Izmaïloff, il revint à Pétersbourg par l'Angleterre et la Suède (1814), vécut ensuite à la campagne, à Kamenetz-Podolsky, à Moscou et à Pétersbourg, où il publia (en 1817) ses „Essais en vers et en prose", entra de nouveau à la Bibliothèque et devint un des habitués des assemblées de „l'Arzamas" où il fut admis avec le surnom „d'Achille" déjà en 1815; il s'y lia étroitement avec Pouchkine. Ayant résolu de changer de service pour la diplomatie, Batiouchkoff adressa une requête à Alexandre Ier et partit, lui-même, au milieu de 1818 pour le sud, à Odessa et en Crimée; nommé à la légation de Naples, il y arriva en février 1819 après avoir visité en chemin Rome où il se fixa bientôt tout à fait, en qualité d'attaché à notre légation. Ayant déjà en lui les germes d'une grave infirmité intellectuelle, il fut bientôt mis à la retraite (en mai 1821) avec congé illimité pour se soigner. Tœplitz, Dresde, Simphéropol, Pétersbourg, Sonnenstein, Moscou et enfin Vologda—voilà les étapes de la vie ultérieure douloureuse du poète; perdant peu à peu sa première acuité, sa maladie intellectuelle prit un caractère désespéré et ce n'est que dans les dernières années de sa vie que Batiouchkoff manifesta quelques lueurs de lucidité. Ses souffrances terrestres se terminèrent le 7 juillet 1855; il est inhumé dans le couvent de Spasso-Priloutzky, près Vologda.

Les lettres russes ont perdu Batiouchkoff à l'époque du plein épanouissement de ses dons poétiques qui promettaient encore beaucoup; malgré cela, les productions de son talent original lui donnent le droit d'occuper une place prépondérante dans le rang de nos poètes. Les tentatives d'abandonner le chemin battu du vieil art poétique et d'en suivre un nouveau—le sien, en puisant la matière de ses productions dans son for intérieur, se font déjà sentir dans les premiers essais du poète. Les poésies de Batiouchkoff, tantôt pleines de vie et folâtres, tantôt mélancoliques, pénétrées de déceptions, d'aspirations vers d'irréalisables rêves, sont la réflexion des mouvements de son âme et de son cœur, toujours sincères et naturels. Outre ces qualités intérieures, ses productions ont laissé une grande trace dans l'histoire du développement de notre langue poétique en lui donnant de la souplesse, de l'élasticité, de la régularité et de la pureté, de la beauté et de l'harmonie; les travaux de Batiouchkoff ont préparé dans une mesure considérable le chemin de Pouchkine.

Batiouchkoff a eu quatre sœurs germaines: Alexandra (morte non mariée); Anna, mariée à Abr. Il. Grevens; Elisabeth—à P. A. Chipiloff, et Varvara—à Arc. Sokoloff; du second mariage de son père avec Avdotia Nikolaewna Tegleff, il eut un frère—Pompée (né en 1811, † en 1890; conseill. pr. act.) qui épousa S. N. Krivtzoff († en 1901) et qui publia en 1885—1887 un recueil des œuvres de notre poète—et une sœur, Julie, demoiselle d'honneur, qui épousa l'aide de camp général Zinovief (né en 1801, † en 1882) et mourut le 6 novembre 1869.

(D'après l'original de Kiprensky; propriété du baron N. Wrangel, St-Pétersbourg.)

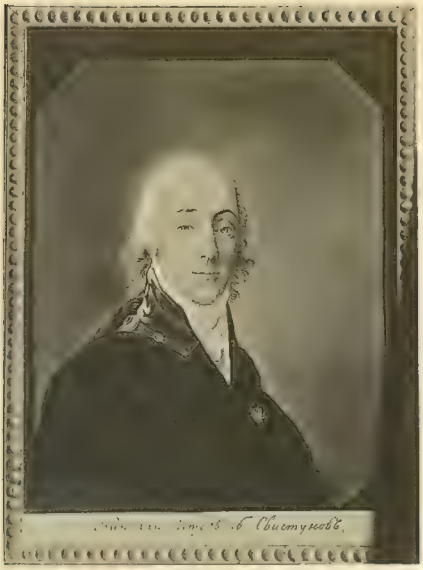
АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЕРОВСКІЙ, 1789—1836, старшій сынъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго отъ дочери берейтора графа, Маріи Михайловны Соболевской, фамилію свою получилъ отъ подмосковнаго села Перова. Прекрасно подготовленный домa, онъ въ 1805 г. поступилъ въ Московскій университетъ и въ 1807 г., по прочтеніи трехъ пробныхъ лекцій по предметамъ естественныхъ наукъ, получилъ высшую ученую степень—доктора философіи и словесныхъ наукъ. Служа (съ 1808 г.) въ 6 Московскомъ департаментѣ Сената, Перовскій сблизился съ Жуковскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, вступилъ въ Общества—Испытателей природы, Исторіи и древностей Россійскихъ и Любителей Россійской словесности, а также познакомился съ кружкомъ масоновъ. Въ 1812 г. онъ опредѣлился секретаремъ министра Финансовъ по Департаменту Внѣшней торговли, но уже въ Іюлѣ этого года зачислился штабсъ-ротмистромъ въ 3-й Украинскій полкъ, принялъ участіе во многихъ дѣлахъ съ французами, состоялъ адъютантомъ у князя Н. Г. Репнина и прожилъ при немъ около двухъ лѣтъ въ Дрезденѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ 1816 г., онъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Департаментъ Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ; чрезъ послѣдняго онъ расширилъ кругъ своихъ литературныхъ знакомствъ, а по смерти отца († 1822 г.), любившаго его болѣе другихъ дѣтей, вышелъ въ отставку и поселился въ полученномъ по наслѣдству с. Погорѣльцахъ (Сосницкаго уѣзда, Черниговской губ.), гдѣ проводилъ время въ чтеніи (къ нему перешла Петербургская библіотека графа Разумовскаго), въ литературныхъ и хозяйственныхъ занятіяхъ и заботахъ о воспитаніи сына его сестры Анны Алексѣевны († 1857 г.) отъ несчастнаго брака ея (съ 1816 г.) съ графомъ Константиномъ Петровичемъ Толстымъ (р. 1779 г., † 1870 г.), впослѣдствіи извѣстнаго поэта графа А. К. Толстого (р. 24 Августа 1817 г.). Въ 1825 г., подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго, онъ выступилъ въ печати съ фантастическою повѣстью: „Лафертовская маковница“, вызвавшею восторженный отзывъ Пушкина. Въ Мартѣ того же года Перовскій обратился къ Александру I съ просьбою о назначеніи его попечителемъ Харьковскаго Учебнаго округа; желаніе его было удовлетворено (3 Мая); кромѣ того, въ 1826 г., произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ членомъ Комитета по устройству учебныхъ заведеній, а затѣмъ и предсѣдателемъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Рѣдко бывая въ Харьковѣ, онъ не проявилъ особенной заботливости къ дѣламъ университета, но успѣлъ своими распоряженіями упразднить въ немъ выборное начало и тѣмъ возбудить противъ себя неудовольствіе части профессоровъ. Онъ жилъ за границей, въ Петербургѣ и въ Погорѣльцахъ и вскорѣ (20 Марта 1830 г.) вышелъ въ отставку. Въ 1828 г. онъ выпустилъ, также подъ псевдонимомъ, сборникъ фантастическихъ разсказовъ подъ заглавіемъ: „Двойникъ, или мои вечера въ Малороссіи“, а въ 1829 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и издалъ свою извѣстную и до сихъ поръ читаемую сказку: „Черная курица, или подземные жители“, написанную для графа А. К. Толстого; затѣмъ онъ сотрудничалъ въ журналѣ „Бабочка“ и въ „Литературной Газетѣ“ барона Дельвига и Пушкина, съ коимъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ; здѣсь появилось начало извѣстнаго его романа „Монастырка“, вызвавшаго вскорѣ столько споровъ между романтиками и ихъ противниками. Оставивъ, затѣмъ, литературное поприще, Перовскій, всей душой привязавшійся къ сыну молодой красавицы сестры, жившей тогда недалеко отъ Погорѣлицъ, въ б. имѣніи гетмана, с. Красномъ Рогѣ, замѣнилъ Толстому отца и всецѣло посвятилъ себя его воспитанію; вмѣстѣ съ нимъ и его матерью онъ много путешествовалъ по Россіи и за границей, при чемъ связи и большія средства повсюду открывали имъ двери: въ Веймарѣ ихъ принималъ герцогъ и самъ Гете, всюду они останавливались, разыскивали знакомыхъ, посѣщали художниковъ, дѣлали большія покупки произведеній искусства. Съ 1827 г. такія заграничныя поѣздки повторялись почти ежегодно. Въ 1834 г. Перовскій жилъ съ сестрой въ Москвѣ, братья Брюлловы, его друзья, писали портреты его и всей семьи, при чемъ закутившій Карлъ Брюлловъ такъ и не написалъ портрета графини Анны Алексѣевны. Отправившись въ Ниццу для лѣченія грудной жабы, Перовскій умеръ въ Варшавѣ 9 Іюля 1836 г., завѣщавъ все состояніе своему Алешѣ, на рукахъ котораго онъ скончался, и который унаслѣдовалъ отъ него и его недюжинныя литературныя дарованія и внѣшнее сходство. По отзывамъ знавшихъ его и судя по портретамъ, Перовскій чертами своего лица напоминалъ Байрона, а хромота на одну ногу еще увеличивала это наружное сходство.

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; собственность В. Л. Гарязиной, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS ALEXÉEWITCH PÉROWSKY, 1789—1836, fils aîné du comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky et de la fille du piqueur du comte, Marie Mikhaïlowna Sobolevsky, tire sa famille de Pérovo, village près de Moscou. Très bien préparé à la maison, il entra à l'université de Moscou en 1805 et, en 1807, après avoir soutenu trois thèses en sciences naturelles, reçut le plus haut grade universitaire: celui de docteur en philosophie et ès lettres. Servant (à partir de 1808) au 6e département du Sénat de Moscou, Pérowsky se lia avec Joukowsky, avec le prince P. A. Viazemsky, entra dans les sociétés „des Naturalistes, d'Histoire et d'antiquités russes, des Amis des lettres russes", et fit aussi connaissance d'un cercle de maçons. Il entra, en 1812, en qualité de secrétaire du ministre des Finances au Département du Commerce extérieur, mais déjà au mois de juillet de la même année, s'engagea comme capitaine en second dans le 3e régiment d'Ukraine, prit part à beaucoup d'affaires contre les Français, fut aide de camp du prince N. G. Repnine et vécut près de deux ans, auprès de lui, à Dresde. De retour à St-Pétersbourg, en 1816, il entra comme employé pour missions spéciales au Département des Cultes des confessions étrangères dont le directeur était A. I. Tourguéneff; par l'entremise de celui-ci, le cercle de ses connaissances littéraires s'accrut et, après la mort de son père († en 1822) qui l'aimait plus que ses autres enfants, il donna sa démission et s'établit à Pogoreltzy (gouvernement de Tchernigoff, district de Sosnitzky), village dont il avait hérité, où il passait son temps à lire (la bibliothèque de Pétersbourg du comte Razoumowsky lui était échue), à s'occuper de littérature et d'économie rurale et à s'appliquer à l'éducation du fils de sa sœur Anna Alexéewna († en 1857) de son malheureux mariage (en 1816) avec le comte Constantin Pétrowitch Tolstoï (né en 1779, † en 1870), dans la suite le célèbre poète comte A. C. Tolstoï (né le 24 août 1817). En 1825, il débuta, sous le pseudonyme d'Antoine Pogorelsky, par une nouvelle fantastique „La „Makownitza" de Lafertoff" (Vendeuse de pains de graines de pavots) qui mérita l'éloge enthousiaste de Pouchkine. Au mois de mars de la même année, Pérowsky demanda à Alexandre Ier de le nommer curateur de l'arrondissement scolaire de Kharkoff; son désir fut accompli (le 3 mai); de plus, en 1826, promu conseiller d'état actuel, il fut nommé membre du Comité d'organisation des établissements d'instruction publique, puis directeur du Comité d'examen des livres classiques. N'étant que rarement à Kharkoff, il ne fit pas preuve d'une grande sollicitude pour les affaires de l'université, mais réussit, par ses mesures, à en bannir le droit électoral et par cela souleva contre lui le mécontentement d'une partie des professeurs. Il vécut à l'étranger, à Pétersbourg et à Pogoreltzy, puis bientôt (le 20 mars 1830) démissionna. En 1828, il publia, toujours sous son pseudonyme, un recueil de contes fantastiques sous le titre: „Le Sosie ou mes soirées en Petite-Russie", et en 1829 fut élu membre de l'Académie de Russie et édita son célèbre conte, qui se lit encore maintenant „La Poule noire ou Les habitants souterrains", écrite pour le comte A. C. Tolstoï; ensuite, il collabora au journal „Le Papillon" et à la „Gazette littéraire" du baron Delwig et de Pouchkine avec lesquels il entretenait des relations amicales; c'est là que parut le commencement de son célèbre roman „La Recluse" qui provoqua bientôt tant de discussions entre les romantiques et leurs adversaires. Quittant ensuite la carrière littéraire, Pérowsky, qui s'était attaché de toute son âme au fils de sa jeune et belle sœur, qui vivait alors non loin de Pogoreltzy, dans la ci-devant propriété du hetman la Corne Rouge, tint lieu de père à Tolstoï et se consacra entièrement à son éducation; il voyagea beaucoup, avec lui et avec sa mère, en Russie et à l'étranger; ses liaisons et ses grands moyens faisaient ouvrir, en cette occasion, les portes toutes grandes devant eux: à Weimar, ils furent reçus par le duc et par Gœthe lui-même; ils s'arrêtaient partout, nouant des liaisons, visitant les artistes et faisant de grands achats d'œuvres artistiques. A dater de 1827, ces voyages à l'étranger se répètent presque annuellement. En 1834, lorsque Pérowsky vivait avec sa sœur à Moscou, les frères Brulloff, ses amis, peignant son portrait et ceux de toute la famille, il arriva que Charles Brulloff qui menait joyeuse vie omit de faire le portrait de la comtesse Anna Alexéewna. Après s'être rendu à Nice pour y traiter une angine de poitrine, Pérowsky mourut à Varsovie le 9 juillet 1836 en léguant toute sa fortune à son „petit Alexis" entre les bras duquel il expira et qui hérita aussi de son talent exceptionnel et de sa ressemblance extérieure. D'après les témoignages de ceux qui le connaissaient, et si l'on en juge par son portrait, Pérowsky, par les traits de son visage, rappelait Byron; il boitait d'un pied, ce qui augmentait encore cette ressemblance extérieure.

(D'après l'aquarelle d'A. Brulloff, appartenant à Mme V. Gariazine, St-Pétersbourg.)

78



Николай Петровичъ Свистуновъ,
1770 — 1815

Nicolas Pétrowitch Svistounoff,
1770 — 1815

79

Марія Алексѣевна Свистунова,
1778 — 1866

Marie Alexéewna Svistounoff,
1778 — 1866

80

Пис. О. Кипренскій — Peint par O. Kiprensky

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ,
1787 — 1855

Constantin Nikolaewitch Batiouchkoff,
1787 — 1855

81

Инс. А. Брюлловъ — Peint par A. Brulloff

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій,
1787 — 1836

Alexis Alexéewitch Pérowsky,
1787 — 1836

82

ВАРВАРА ДМИТРІЕВНА МУХАНОВА, 1774—1845, кавалерственная дама ордена св. Екатерины меньшаго креста (съ 18 Апрѣля 1809 г.), статсъ-дама (съ 7 Ноября 1831 г.), дочь полковника Дмитрія Романовича Тургенева, женатаго на Аннѣ Федоровнѣ Ушаковой, родилась 19 Февраля 1774 г.; въ замужествѣ была за оберъ-шталмейстеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Ильичемъ Мухановымъ (р. 1762 г., † 1842 г.), отъ котораго имѣла 4 дочерей: Марію (р. 1803 г.), Анну (р. 1804 г.), Елизавету (р. 1806 г.) и Екатерину (р. 1809 г.). Дочери ея были фрейлинами и замужъ не вышли. Онѣ отличались благочестіемъ, пользовались расположеніемъ и покровительствомъ митрополита Филарета и были почитательницами намѣстника Троицкой Сергіевой лавры архимандрита Антонія. Старшая изъ дочерей, Марія, оставила „записки“ („Русскій Архивъ“, 1878 г., и отдѣльно), въ которыхъ много говоритъ о своемъ отцѣ и его семействѣ.

В. Д. Муханова скончалась 13 Іюля 1845 г. и погребена въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

82

VARVARA DMITRIEWNA MOUKHANOFF, 1774—1845, dame chevalière de l'ordre de Ste-Catherine (à partir du 18 avril 1809), dame de la cour (à partir du 7 novembre 1831), fille du colonel Dmitri Romanowitch Tourguéneff, marié à Anna Féodorowna Ouchakoff, est née le 19 février 1774; elle épousa le grand écuyer, conseiller privé actuel, Serge Ilyitch Moukhanoff (né en 1762, † en 1842) dont elle eut quatre filles: Marie (née en 1803), Anne (née en 1804), Elisabeth (née en 1806) et Catherine (née en 1809). Ses filles furent demoiselles d'honneur et ne se marièrent pas. Elles se distinguaient par leur piété, jouissaient de la bienveillance et de la protection du métropolite Philarète et étaient admiratrices du vicaire général de l'abbaye de la Trinité et de St-Serge, l'archimandrite Antoine. Marie, l'aînée des filles, a laissé des „Mémoires" („Archives russes" 1878 et séparément) dans lesquels elle parle beaucoup de son père et de sa famille.

V. D. Moukhanoff expira le 13 juillet 1845 et est inhumée dans l'abbaye de la Trinité et de St-Serge.

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff; propriété du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ МУХАНОВЪ, 1762—1842, сынъ полковника Конной гвардіи Ильи Ипатовича, женатаго на Прасковіи Федоровнѣ Сафоновой, родился 27 Іюня 1762 г.; началъ службу въ Преображенскомъ полку, откуда переведенъ былъ въ 1781 г. въ Конную гвардію вахмистромъ; 3 года спустя, произведенъ въ корнеты; 15 Ноября 1792 г. произведенъ въ ротмистры, а 15 Ноября 1796 г.—въ полковники. Отставленный отъ службы въ Мартѣ 1798 г., въ Августѣ онъ вновь былъ вызванъ въ Петербургъ, пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ въ должность шталмейстера, а черезъ мѣсяцъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Изгнанный со службы, благодаря наговорамъ Константина Павловича, Мухановъ былъ принятъ ко двору по личному желанію Государя: „Въ $2^1/_2$ года своей службы въ царствованіе Павла“, пишетъ дочь Муханова, „отецъ не видалъ отъ Государя косого взгляда, дѣлалъ все, что хотѣлъ, одѣвался, какъ Государь не любилъ, и не слыхалъ никакого упрека; напротивъ, Государь говаривалъ, что онъ никому не вѣритъ, кромѣ двухъ Сергѣевъ—своему духовнику и моему отцу“. Впрочемъ, надо прибавить, что Мухановъ умѣлъ ладить съ Кутайсовымъ, Великій Князь Александръ самъ записывалъ въ немъ, а Императрица Марія Ѳеодоровна питала къ нему полное довѣріе и особенное расположеніе, которыя сохранила къ Муханову до самой своей кончины. Послѣдній, въ свою очередь, боготворилъ и почиталъ Императрицу, находился съ ней въ перепискѣ, помогалъ ей въ управленіи ея учрежденіями и часто исполнялъ ея личныя порученія по части благотворительности. На Великихъ Князей и Княженъ онъ смотрѣлъ, какъ на дѣтей, выросшихъ на его глазахъ, но не любилъ Константина Павловича за его необузданный нравъ и однажды былъ глубоко обиженъ Великой Княгиней Екатериной Павловной, которая его приняла въ залѣ, на общемъ пріемѣ, и заговорила съ нимъ на французскомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ. Въ 1808 г., 26 Апрѣля, Мухановъ былъ пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры, въ 1809 г. получилъ Александровскую звѣзду, а въ 1813 г.—орденъ св. Владиміра 2 ст.; состоя въ этой должности, онъ много заботился объ улучшеніи въ Россіи породъ кровныхъ лошадей. Въ коронацію Императора Николая I Мухановъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Разныя интриги дважды заставляли его временно удаляться отъ двора: въ 1820 г. и въ 1829 г. онъ находился въ безсрочномъ отпуску для лѣченія болѣзни, при чемъ въ послѣдній разъ Муханову былъ пожалованъ сверхъ жалованья пенсіонъ въ 15/т. рублей.

С. И. Мухановъ скончался, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 20 Марта 1842 г., почти 80 лѣтъ, и погребенъ въ Троицкой лаврѣ; онъ былъ женатъ на Варварѣ Дмитріевнѣ Тургеневой, отъ которой имѣлъ 4-хъ дочерей.

„Росту онъ былъ большого и съ самой пріятной наружностью: имѣлъ глаза каріе, кроткіе и ласковые, характеръ ровный и чрезвычайно привѣтливый, носъ неправильный; въ семействѣ онъ былъ настоящимъ ангеломъ и другомъ своихъ дѣтей; онъ былъ очень богомоленъ; къ музыкѣ онъ не имѣлъ склонности, но любилъ садоводство; одѣвался онъ всегда очень аккуратно, такъ что племянники совѣстились бывать у него въ сюртукахъ, потому что онъ самъ ходилъ во фракѣ. Друзей онъ имѣлъ много, въ немъ было что-то привлекательное“; подчиненные и слуги его любили, но его прямота и рѣзкій языкъ не всѣмъ бывали пріятны. Онъ не любилъ Аракчеева и не скрывалъ этого даже предъ Александромъ, также мало былъ онъ расположенъ и къ другому близкому къ Государю лицу, къ князю П. М. Волконскому, котораго подозрѣвалъ въ интригахъ противъ себя. Когда послѣдній сказалъ ему: „Вы не сѣтуйте на меня, С. И., я исполняю только волю Государя“, Мухановъ отвѣтилъ: „Конечно, всякую волю царскую мы обязаны исполнять; даже если бы Государь сказалъ мнѣ: Повѣсь П. М. Волконскаго на осинѣ, я сейчасъ бы это исполнилъ“. Привыкнувъ держать себя „не подобострастно, но съ достоинствомъ, привязанный всѣмъ сердцемъ къ царскому семейству“, Мухановъ смѣло, хотя временами и рѣзко, говорилъ и Александру I, и Николаю I, и Великимъ Князьямъ Константину и Михаилу, и даже самой обожаемой имъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SERGE ILYITCH MOUKHANOFF, 1762—1842, fils du colonel de la Garde à cheval Elie Ipatowitch, marié à Prascovie Féodorowna Saphonoff, est né le 27 juin 1762; il commença son service au régiment de Préobragensky, d'où, en 1781, il passa dans la Garde à cheval avec le grade de maréchal des logis; 3 ans plus tard, fut promu cornette; le 15 novembre 1792 promu capitaine de cavalerie et le 15 novembre 1796 colonel. Mis en disponibilité en mars 1798, il fut rappelé à Pétersbourg au mois d'août, nommé conseiller d'état et commis à la charge d'écuyer et au bout d'un mois promu conseiller d'état actuel. Chassé du service, grâce aux insinuations de Constantin Pavlowitch, Moukhanoff fut reçu à la cour sur le désir personnel de l'Empereur: „Pendant les $2^1/_2$ années de son service, sous le règne de Paul", écrit la fille de Moukhanoff, „l'Empereur ne regarda jamais mon père de travers, il faisait tout ce qu'il lui plaisait, se mettait à l'encontre du goût de l'Empereur et n'essuyait aucun reproche; bien au contraire, l'Empereur disait qu'il ne se fiait à personne, sinon aux deux Serge—dont l'un était son confesseur, et l'autre mon père". Il faut ajouter d'ailleurs que Moukhanoff savait vivre en bonne intelligence avec Koutaïssoff, le Grand-Duc Alexandre lui-même le recherchait, et l'Impératrice Marie Féodorowna lui témoignait une entière confiance et une bienveillance toute particulière, qu'elle conserva à Moukhanoff jusqu'à sa fin. Celui-ci, à son tour, adorait et idolâtrait l'Impératrice, était en correspondance avec elle, l'aidait dans la direction de ses établissements et exécutait souvent ses œuvres personnelles de bienfaisance. Il considérait les Grands-Ducs et les Grandes-Duchesses comme des enfants qui avaient grandi sous ses yeux, mais il n'aimait pas Constantin Pavlowitch à cause de son caractère emporté et fut une fois cruellement offensé par la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna qui le reçut dans une salle, à une réception publique, et lui adressa la parole en français qu'il ne savait pas. En 1808, le 26 avril, Moukhanoff fut élevé à la dignité de grand écuyer; en 1809, reçut la plaque de St-Alexandre et, en 1813, l'ordre de St-Vladimir de 2e classe; dans l'exercice de cette charge, il s'occupa beaucoup de l'amélioration, en Russie, des races des purs sang. Au couronnement de l'Empereur Nicolas Ier, Moukhanoff reçut l'ordre de St-André. Différentes intrigues le forcèrent deux fois à s'éloigner momentanément de la cour; en 1820 et en 1829, il obtint un congé illimité pour se soigner et, à ce fait, il reçut en dernier lieu, outre son traitement, une pension de 15 mille roubles.

S. I. Moukhanoff expira le 20 mars 1842 ayant le grade de conseiller privé actuel, presque à l'âge de 80 ans et est inhumé dans l'abbaye de la Trinité; il était marié à Varvara Dmitriewna Tourguéneff dont il eut quatre filles.

„Il était de haute taille et avait un extérieur très agréable, les yeux bruns, doux et caressants, le nez irrégulier, un caractère égal et extrêmement affable; au sein de la famille c'était un vrai ange et l'ami de ses enfants; il était très dévot, n'avait pas de goût pour la musique, mais aimait l'horticulture, s'habillait toujours avec une telle recherche, que ses neveux se gênaient d'aller le voir en redingote, parce que lui-même était en habit. Il avait beaucoup d'amis, il y avait en lui quelque chose „d'attirant"; ses subordonnés et ses domestiques l'aimaient, mais sa droiture et sa parole âpre ne plaisaient pas à tout le monde. Il n'aimait pas Araktchéeff et ne le cachait pas, même en présence d'Alexandre; il n'était pas très bien disposé non plus à l'égard d'un autre familier de l'Empereur, le prince P. M. Wolkonsky, qu'il soupçonnait d'intriguer contre lui. Ce dernier lui disant: „Ne vous formalisez pas, S. I., je ne fais qu'accomplir la volonté de l'Empereur", Moukhanoff lui répondit: „Certainement, nous sommes obligés d'accomplir n'importe quel ordre de l'Empereur; même si l'Empereur me disait: „Fais pendre P. M. Wolkonsky à un tremble", j'exécuterais cela sans délai". Habitué à se conduire „sans servilité, mais avec dignité, attaché de tout cœur à la famille impériale", Moukhanoff avait son franc parler, parfois brusque, avec Alexandre Ier et Nicolas Ier, avec les Grands-Ducs Constantin et Michel et même avec l'Impératrice Marie Féodorowna elle-même, qu'il adorait.

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

82

Писъ. П. Соколовъ — Peint par P. Sokoloff

Варвара Дмитріевна Муханова,
1774 — 1845

Varvara Dmitrievna Moukhanoff,
1774 — 1845

83

Писъ. П. Соколовъ — Peint par P. Sokoloff

Сергій Ильичъ Мухановъ,
1762 — 1842

Serge Ilyitch Moukhanoff,
1762 — 1842

СЕРГѢЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ДОМАШНЕВЪ, 1743—1795, сынъ члена Соляной конторы статскаго совѣтника Герасима Яковлевича Домашнева и, какъ кажется, любимой камеръ-фрау Елисаветы Петровны Анны Дмитріевны Домашневой (сослана была въ Москву за намѣреніе околдовать Государыню); записанный въ дѣтствѣ въ Измайловскій полкъ, учился въ Московскомъ университетѣ и былъ другомъ и товарищемъ Д. И. Фонъ-Визина; въ 1760 г. былъ произведенъ въ офицеры, а въ 1767 г. засѣдалъ въ Комиссіи Уложенія въ качествѣ депутата отъ Сумского дворянства. Послѣ того путешествовалъ за границей, а въ 1772 г. участвовалъ въ экспедиціи графа Орлова-Чесменскаго въ Архипелагъ, гдѣ во время Морейской экспедиціи командовалъ Албанскимъ легіономъ. Пользуясь покровительствомъ Орловыхъ, Домашневъ въ томъ же году былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1775 г. назначенъ директоромъ Академіи Наукъ, а въ 1778 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованъ въ камергеры. Онъ имѣлъ въ свое время репутацію не только человѣка образованнаго, но и ученаго, выступивъ рано на литературное поприще: ему было всего 20 лѣтъ, когда онъ началъ печатать мелкія свои произведенія и стихи въ журналахъ того времени, затѣмъ писалъ сочиненія по географіи, наконецъ, на 50-лѣтіемъ юбилеѣ Академіи, въ 1776 г., произнесъ рѣчь, безсвязную, на плохомъ французскомъ языкѣ.

Какъ директоръ Академіи, Домашневъ не сдѣлалъ ничего достойнаго памяти, не говоря о томъ, что, по сознанію самой Императрицы, привелъ въ крайній упадокъ хозяйственную часть: библіотека была запущена и въ безпорядкѣ, музеи и собранія не пополнялись, цѣлыя коллекціи стояли годами неразобранными. Впрочемъ, въ 1778 г. Академіей былъ выпущенъ одинъ томъ „Начертанія общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской Имперіи“, предпринятаго лично Домашневымъ. Послѣднему нельзя, однако, отказать въ извѣстной долѣ оригинальности взглядовъ: опережая на сто лѣтъ современныхъ сторонниковъ такой „существенной“ реформы русскаго правописанія, Домашневъ былъ ярымъ противникомъ буквы „ъ“, и во время его директорства одинъ отдѣлъ Академическихъ извѣстій въ 1781 г. печатался безъ ненавистной директору буквы.

„Ставленникъ“ Орловыхъ, преемникъ по Академіи графа В. Г. Орлова, Домашневъ, однако, не считалъ нужнымъ слѣдовать примѣру своего предшественника въ своихъ отношеніяхъ къ академикамъ и профессорамъ. Домашневъ смотрѣлъ на Комиссію Академіи, какъ на подчиненную ему всецѣло канцелярію, не стѣснялся давать приказы, дѣлать выговоры, къ чему академики не привыкли при Орловѣ, усвоившемъ себѣ въ Германскихъ университетахъ вкусы нѣмецкаго студента, уваженіе и корректность обращенія съ учеными. Академики, съ такой знаменитостью какъ слѣпецъ Эйлеръ во главѣ, писали протесты и жалобы Императрицѣ, и 24 Января 1783 г. Домашневъ, послѣ ревизіи Академіи княземъ Вяземскимъ, былъ уволенъ, а на его мѣсто назначена извѣстная княгиня Е. Р. Дашкова, считавшая своего предшественника „полной бездарностью“; но ея увѣренію, и сама Императрица при назначеніи Дашковой обозвала Домашнева „дуракомъ“. Неудивительно, что на него была написана сатира въ формѣ акаѳиста съ припѣвомъ:

„Се грядетъ малоумный въ Академію, съ мудрыми присутствуетъ на сѣдалищѣ.
Время, время лишиться его, да не погибнетъ Академія!“

С. Г. Домашневъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Оболенской (р. 1764 г., † 25 Марта 1828 г.), отъ которой имѣлъ сына Ивана и дочерей Прасковію и Марію (одна изъ дочерей за М. Ф. Сухотинымъ). Умеръ онъ 23 Августа 1795 г., 52 лѣтъ, и похороненъ въ Даниловомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго М. С. Сухотину, с. Кочеты, Тульской губерніи.)

SERGE GUÉRASSIMOWITCH DOMACHNEFF, 1743—1795, fils du conseiller d'état Guérassime Iakovlewitch Domachneff, membre des bureaux de la gabelle, et, à ce qu'il paraît, de la dame d'honneur favorite d'Elisabeth Pétrowna, Anne Dmitriewna Domachneff (reléguée à Moscou pour avoir voulu jeter un sort sur l'Impératrice), inscrit, dans son enfance, sur les rôles du régiment d'Izmaïloff, fit ses études à l'université de Moscou et fut l'ami et le camarade de D. I. Von-Vizine; il fut promu officier en 1760 et siégea, en 1767, dans la Commission du „Code" en qualité de député de la noblesse de Soumy. Il voyagea ensuite à l'étranger et prit part, en 1772, à l'expédition du comte Orloff-Tchesmensky dans l'Archipel, où, pendant l'expédition de Morée, il commandait la légion d'Albanie. Mettant à profit la protection des Orloff, Domachneff, la même année, fut nommé gentilhomme de la chambre, en 1775 — directeur de l'Académie des Sciences et, en 1778— conseiller d'état actuel et élevé à la dignité de chambellan. Il eut, de son temps, non seulement la réputation d'un homme instruit, mais encore celle d'un savant, car il se fit connaître de bonne heure dans la carrière littéraire: il n'avait encore que 20 ans qu'il publiait déjà de petits ouvrages et des vers dans les journaux du temps, ensuite il composa des opuscules sur la géographie, enfin, au jubilé de l'Académie, en 1776, il prononça un discours décousu, en mauvais français.

Comme directeur de l'Académie, Domachneff ne fit rien qui soit digne d'être rappelé, sans compter que, de l'aveu de l'Impératrice elle-même, l'administration du matériel périclita par sa faute: la bibliothèque était négligée et en désordre, les musées et les collections ne se complétaient pas, des collections entières restaient des années non classées. D'autre part, en 1778, l'Académie publia un tome des „Esquisses de la description générale, topographique et physique de l'empire de Russie", entreprises personnellement par Domachneff. On ne peut, cependant, refuser à ce dernier une certaine part d'originalité; devançant de cent ans les partisans actuels d'une réforme „essentielle" de l'orthographe russe, Domachneff était un adversaire déclaré de la lettre „ъ" (prhier ier) et une section des Nouvelles de l'Académie, en 1781, sous sa direction, s'imprima sans la lettre abhorrée du directeur.

Favori des Orloff, successeur à l'Académie du comte V. G. Orloff, Domachneff ne crut pas nécessaire cependant de suivre l'exemple de son prédécesseur dans ses relations avec les académiciens et les professeurs. Domachneff envisageait la Commission de l'Académie comme une chancellerie qui lui était entièrement soumise, ne se gênait pas pour donner des ordres, faire des remontrances, ce à quoi les académiciens n'étaient pas habitués du temps d'Orloff qui avait contracté dans les universités d'Allemagne les goûts de l'étudiant allemand, le respect et les manières polies envers les savants. Les académiciens, ayant à leur tête le célèbre Euler, l'aveugle, écrivaient des protestations et des plaintes à l'Impératrice et, le 24 janvier 1783, Domachneff, après la révision de l'Académie par le prince Viazemsky, fut révoqué, et la célèbre princesse E. R. Dachkoff, qui traitait son prédécesseur „d'absolue nullité", fut nommée à sa place; à l'en croire, l'Impératrice elle-même en nommant Dachkoff appela Domachneff „imbécile". Il n'est pas étonnant qu'on ait composé sur lui une satyre ayant la forme d'une acathiste avec le refrain:

„Voici un faible d'esprit qui vient à l'Académie, des sages il est dans l'assemblée.
Temps, ô temps! tu le perdras! Que l'Académie ne périsse pas!"

S. G. Domachneff était marié à la princesse Varvara Ivanowna Obolensky (née en 1764, † le 25 mars 1828) dont il eut un fils, Jean, et deux filles, Prascovie et Marie (l'une des filles a épousé M. F. Soukhotine). Il mourut le 23 août 1795, à l'âge de 52 ans, et est inhumé dans le monastère de St-Daniel, à Moscou.

(D'après un portrait, appartenant à M. Soukhotine, Kotchety, gouv. de Toula.)

Князь АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ОБОЛЕНСКІЙ, 1769—1852, сынъ падворнаго совѣтника князя Петра Александровича (р. 1742 г., † 1822 г.), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской (р. 1741 г., † 1811 г.), родился 1 Августа 1769 г.; въ дѣтствѣ записанъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ въ 1790 г. былъ уже подпоручикомъ; 18 Іюня 1794 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1797 г., будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, назначенъ церемоніймейстеромъ ордена св. Анны. Пробывъ 17 лѣтъ въ отставкѣ, 1 Января 1817 г. Оболенскій былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, въ 1824 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а 19 Іюля 1825 г. уволенъ и замѣщенъ А. А. Писаревымъ. Будучи попечителемъ, онъ „проявилъ замѣчательно плодотворную дѣятельность, какъ относительно университета, такъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній, до низшихъ народныхъ школъ включительно“, при чемъ на долю князя Оболенскаго выпала нелегкая обязанность построить зданія университета, представлявшія послѣ 1812 г. груды развалинъ, Медицинскій институтъ, Университетскую типографію, возобновить и пополнить погибшія и расхищенныя университетскія коллекціи, библіотеку, музеи, физическіе инструменты. Болѣе чѣмъ 8-лѣтнее управленіе князя Оболенскаго округомъ, по отзывамъ современниковъ, „достойно замѣчанія: не будучи ученымъ, онъ умѣлъ цѣнить, любилъ и уважалъ просвѣщеніе“. Во времена Рунича и Магницкаго, Оболенскій употреблялъ все свое вліяніе, чтобы, „благодаря довѣрію къ нему начальства, оградить Московскій университетъ отъ злыхъ навѣтовъ и нареканій“. Одинъ изъ современниковъ писалъ о князѣ: „Онъ отличался превосходнымъ природнымъ умомъ, умѣлъ владѣть собою, обходился со всѣми ласково и привѣтливо; былъ любимъ и уважаемъ въ обществѣ“; другой вспоминалъ „патріархальное, отеческое правленіе“ Оболенскаго: „Помню настрой чувствъ между учащими и учащимися. Это была общая семья, въ которой князь А. П. былъ старшій, всѣми чтимый. Въ теченіе всего своего попечительства ему не представлялось случая огорчить кого-либо изъ гг. профессоровъ или студентовъ и чиновниковъ“.

Князь А. П. Оболенскій умеръ 19 Февраля 1852 г. и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ; онъ былъ женатъ два раза и имѣлъ многочисленную семью, съ которой жилъ зимой въ Москвѣ, на Рождественкѣ, а лѣтомъ въ с. Троицкомъ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. Князь А. П. Оболенскій былъ настоящимъ главой, патріархомъ не только въ семьѣ, но и для всего рода Оболенскихъ. Нѣсколько поколѣній собирались въ его домѣ по праздникамъ и въ дни семейныхъ торжествъ. „Члены младшаго поколѣнія прежде вступленія въ общественную жизнь представлялись кн. Андрею Петровичу. Всѣ родственники любили его; младшіе братья и сестры относились къ нему, какъ къ отцу. Ничего важнаго не начиналось, даже въ боковыхъ линіяхъ, безъ его совѣта и благословенія; всѣ приходили къ нему за добрымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, за помощью и покровительствомъ. Даже люди посторонніе прибѣгали къ его житейской опытности, поручали ему своихъ сиротъ и вручали значительныя суммы на дѣла благотворительности. Передъ смертью Оболенскій былъ боленъ недолго. Всѣ родные окружали своего патріарха во время его предсмертной болѣзни, и послѣднія его слова были: „Какъ сладко мнѣ быть больнымъ, сколько любви меня окружаетъ“. Первой супругой его была Марѳа Андреевна Маслова (р. 1768 г., † 1796 г.), второй, съ 31 Іюля 1804 г.—княжна Софья Павловна Гагарина (р. 5 Сентября 1787 г., † 9 Ноября 1860 г.; погребена въ Донскомъ монастырѣ). Отъ перваго брака у него была одна только дочь Екатерина (р. 9 Января 1796 г., † 23 Апрѣля 1849 г.; за генералъ-майоромъ Ник. Аполл. Волковымъ), отъ второго брака 10 человѣкъ дѣтей: 1) Софья (р. 15 Іюля 1810 г.; за В. В. Давыдовымъ), 2) Михаилъ (р. 28 Ноября 1811 г., † 13 Февраля 1866 г.), 3) Наталія (р. 20 Декабря 1812 г.; за генералъ-майоромъ С. П. Озеровымъ), 4) Владиміръ (р. 13 Сентября 1814 г., † 24 Апрѣля 1877 г.), 5) Екатерина (р. 17 Октября 1815 г., † въ дѣтствѣ), 6) Александра (р. 20 Октября 1817 г., † 5 Ноября 1844 г., дѣвицей), 7) Василій (р. 15 Октября 1818 г., † 16 Августа 1883 г.), 8) Іродіонъ (р. 2 Января 1820 г., † 22 Августа 1891 г.), 9) Николай (р. 1 Февраля 1822 г., † 27 Марта 1867 г.) и 10) Сергѣй (р. 14 Марта 1824 г., † въ дѣтствѣ).

Князь П. А. Вяземскій, родственникъ князя А. П. Оболенскаго, говоритъ, что онъ былъ „честный, высокой нравственности, здравомыслящій и духовно-религіозный человѣкъ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ю. В. Арсеньеву, въ Москвѣ.)

Le prince ANDRÉ PÉTROWITCH OBOLENSKY, 1769—1852, fils du conseiller de cour, le prince Pierre Alexandrowitch (né en 1742, † en 1822), et de la princesse Catherine Andréewna Viazemsky, sa femme (née en 1741, † en 1811), naquit le premier août 1769. Inscrit enfant au régiment de Préobragensky, il y devint sous-lieutenant en 1790. Le 18 juin 1794, nous le voyons gentilhomme de la cour, et, en 1797, déjà conseiller actuel, il fut nommé maître des cérémonies de l'ordre Ste-Anne. Après dix-sept ans passés dans la retraite, il rentra au service, le 1er janvier 1817, en qualité de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou; en 1824, il fut promu au grade de conseiller privé et, le 19 juillet 1825, il se retira, et A. A. Pissareff le remplaça. Comme curateur, le prince Obolensky „manifesta une activité remarquablement féconde, tant pour l'université que pour les autres établissements scolaires de son ressort, les écoles primaires y comprises". Il eut la tâche, qui n'était point facile, de reconstruire l'université, qui, après 1812, présentait un monceau de décombres, l'institut de médecine, l'imprimerie universitaire; il dut de plus renouveler et compléter les collections de l'université perdues ou volées, la bibliothèque, le musée et les instruments de physique. L'administration du prince Obolensky, qui dura plus de huit ans „est remarquable", au dire des contemporains; „sans être un savant, il sut estimer, aimer et respecter l'instruction". Du temps de Rounitch et de Magnitsky, il employa toute son influence, „grâce à la confiance qu'il inspirait aux autorités, pour défendre l'université des reproches et des allusions de mauvaise foi". Un de ses contemporains s'exprime, en parlant de lui, en ces termes: „Il se distinguait par un excellent esprit naturel, il savait être maître de soi, son commerce était avec tous affable et avenant; il était aimé et estimé dans la société". Un autre parle de „l'administration patriarcale et patriotique" d'Obolensky: „Je me souviens", dit-il, „de la disposition d'esprit qui régnait entre élèves et professeurs. C'était une commune famille, dont l'aîné était le prince A. P. Obolensky, vénéré de tous. Pendant tout le temps de sa curatelle, il n'eut pas l'occasion d'offenser quiconque des professeurs, des étudiants et des employés".

Le prince Obolensky mourut le 19 février 1852 et fut enterré dans le monastère de la Vierge-du-Don, à Moscou. Il avait été deux fois marié et avait une nombreuse famille, avec laquelle il vivait l'hiver à Moscou, à la Rojdestvenka, l'été dans le domaine de Troïtzk, district de Podolsk, gouv. de Moscou. Le prince A. P. Obolensky était le véritable chef, le patriarche, non seulement de sa famille, mais encore de toute la maison Obolensky. Plusieurs générations se réunissaient chez lui les jours de fêtes et de solennités de famille. „Les membres de la jeune génération se présentaient au prince André Pétrowitch avant d'entrer dans la vie publique. Tous les parents l'aimaient. Les jeunes, frères et sœurs, s'adressaient à lui comme à un père. Rien d'important ne se commençait, même dans les lignes latérales, sans son conseil et sa bénédiction; on venait lui demander conseil, chercher auprès de lui consolation, secours et protection. Même les étrangers avaient recours à son expérience de la vie, lui confiaient leurs orphelins et d'importantes sommes pour des œuvres de bienfaisance". Il ne fut pas longtemps malade avant de mourir. Tous les parents entourèrent le patriarche à son heure dernière. „Il m'est si doux d'être malade, que d'amour m'entoure", telles furent ses dernières paroles. Sa première femme fut Marthe Andréewna Massloff (née en 1768, † en 1796); sa seconde, qu'il épousa le 31 juillet 1804, fut la princesse Sophie Pavlowna Gagarine (née le 5 septembre 1787, † le 9 novembre 1860 et enterrée au monastère de la Vierge-du-Don). Il n'eut du premier lit qu'une fille Catherine, mariée au général-major Nic. Apoll. Volkoff (née le 9 janvier 1796, † le 23 avril 1849); par contre il eut dix enfants du second: 1) Sophie (née le 15 juillet 1810, mariée à V. V. Davydoff), 2) Michel (né le 28 novembre 1811, † le 13 février 1866), 3) Natalie (née le 20 décembre 1812, mariée au général-major S. P. Ozéroff), 4) Vladimir (né le 13 septembre 1814, † le 24 avril 1877), 5) Catherine (née le 17 octobre 1815, † enfant), 6) Alexandrine (née le 20 octobre 1817, † le 5 novembre 1844, restée demoiselle), 7) Basile (né le 15 octobre 1818, † le 16 août 1883), 8) Hérodien (né le 2 janvier 1820, † le 22 août 1891), 9) Nicolas (né le 1er février 1822, † le 27 mars 1867), 10) Serge (né le 14 mars 1824, † enfant).

Le prince P. A. Viazemsky, son parent, dit de lui, qu'il était „un honnête homme, d'une haute moralité, d'un jugement sain et spirituellement religieux".

(D'après une miniature, appartenant à G. Arsénieff, à Moscou.)

86

ВАРВАРА ИВАНОВНА ДОМАШНЕВА, 1765—1828, жена дѣйствительнаго камергера, директора Императорской Академіи Наукъ, Сергѣя Герасимовича Домашнева (р. 1743 г., † 1795 г.), была дочь подполковника князя Ивана Петровича Оболенскаго, женатаго на вдовѣ Маріи Алексѣевнѣ Нарышкиной, рожденной Тараканової († 24 Ноября 1782 г.).

Овдовѣвъ въ 1795 г., В. И. Домашнева жила въ Москвѣ, гдѣ и умерла 25 Марта 1828 г., на 64 году; похоронена въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ; на памятникѣ ея находится слѣдующая стихотворная эпитафія, прибавляющая нѣкоторыя мелкія черты изъ біографіи погребенной подъ нимъ „дѣйствительной камергерши“:

„Съ любовію къ Христу и вѣрой несомнѣнной
Она свершила путь невѣрной жизни сей;
Познала горести и, міръ забывъ мятежный,
Съ надеждой къ вѣчности душой стремилась всей;
Всю жизнь свою Творцу и ближнимъ посвятила
И въ храмѣ духъ Ему въ день Пасхи возвратила“.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. С. Сухотину, въ Москвѣ.)

86

VARVARA IVANOWNA DOMACHNEFF, 1765—1828, femme de Serge Guérassimowitch Domachneff, chambellan actuel, directeur de l'Académie Impériale des Sciences (né en 1743, † en 1795), était fille du lieutenant colonel, prince Ivan Pétrowitch Obolensky, marié à la veuve Marie Alexéewna Narychkine, née Tarakanoff († le 24 novembre 1782).

Devenue veuve en 1795, V. I. Domachneff demeura à Moscou où elle mourut le 25 mars 1828, dans sa 64e année; elle est inhumée dans le monastère de St-Daniel à Moscou; sur son tombeau se trouve l'épitaphe suivante, qui ajoute quelques petits traits à la biographie de la „chambellane actuelle" qui repose dessous:

„Croyant indubitablement
Et le Christ adorant,
De cette inconstante vie
La route par elle fut suivie;
Les déboires, les a goûtés,
De toute âme s'envolant vers l'éternité,
Oubliant le monde vain,
Consacra son existence entière
Au Créateur et au prochain,
Et dans son sanctuaire,
Le jour de Pâques, l'esprit rendit".

(D'une miniature, appartenant à M. Soukhotine, à Moscou.)

84

Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ,
1743 — 1795

Serge Guérassimowitch Domachneff,
1743 — 1795

85

Князь Андрей Петровичъ Оболенскій,
1769 — 1852

Le Prince André Pétrowitch Obolensky,
1769 — 1852

86

Варвара Ивановна Домашнева,
1765 — 1828

Varvara Ivanowna Domachneff,
1765 — 1828

САРА ГРЕЙГЪ, 1752—1793, жена адмирала Самуила Карловича Грейга (р. 1736 г., † 1788 г.), какъ и мужъ ея, родомъ изъ Шотландіи, происходила изъ фамиліи Кукъ (Cooke) и была двоюродною сестрою знаменитаго мореплавателя Джемса Кука (р. 1728 г., † 1779 г.). Судя по надписи на ея памятникѣ, время ея рожденія должно быть отнесено къ 1752 году; замужъ же за Самуила Карловича Грейга, состоявшаго уже съ 1764 г. на русской службѣ, она вышла, по семейнымъ свѣдѣніямъ, около 1774 г.; отъ этого брака она имѣла четырехъ сыновей: Алексѣя, Самуила, Ивана (John) и Карла, и дочь Евгенію (р. 1784 г.). Изъ ея дѣтей лишь старшій сынъ, Алексѣй Самойловичъ (р. 1775 г., † 1845 г.), состоялъ на русской службѣ и также былъ адмираломъ русскаго флота; остальныя же дѣти остались, какъ и потомство ихъ, въ Великобританскомъ подданствѣ.

Небольшого роста, тонкая и стройная, Сара Грейгъ отличалась замѣчательною скромностью, тихимъ характеромъ и, несмотря на высокое положеніе мужа и расположеніе къ нему Императрицы Екатерины II, всегда держалась вдали отъ свѣта, который не любила и гдѣ показывалась лишь по необходимости. Принадлежа къ англиканскому вѣроисповѣданію, особенно строгому въ Шотландіи, очень набожная и вѣрующая женщина, она вся ушла въ семейную жизнь и послѣ смерти мужа, скончавшагося въ разлукѣ съ ней, на Ревельскомъ рейдѣ, посвятила себя исключительно воспитанію дѣтей. Оплакивая смерть Грейга, Екатерина II вспомнила о ней и предписала Пущину „обпадежить вдову Монаршимъ призрѣніемъ“, вслѣдъ за симъ назначивъ ей пенсію изъ Кабинета въ 2000 рублей и пожаловавъ ей съ дѣтьми въ потомственное владѣніе 15 рижскихъ гаковъ, данныхъ ея покойному мужу въ пожизненную аренду. Къ ней же и ея потомству перешла построенная Екатериной и подаренная ею впослѣдствіи Грейгу дача „Сансанюи“ (Sans ennui), близъ Ораніенбаума. Для характеристики Сары Грейгъ не безъинтересенъ тотъ фактъ, что, умирая, она поручила свою девятилѣтнюю дочь попеченію не знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а семейству англійскаго банкира въ Петербургѣ, Андерсена, которое она знала и уважала, какъ порядочныхъ и набожныхъ людей.

Вдова адмирала Грейга лишь на пять лѣтъ пережила мужа и скончалась въ 1793 г.; похоронена была 13 Августа 1793 г. въ Петербургѣ, на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. На могилѣ ея воздвигнутъ мраморный памятникъ, изображающій плачущую женщину, съ такой англійской надписью:

„Sacred
to the memory of Sarah Greig,
relict of Admiral Sir Samuel Greig,
interred
the 13-th of August 1793
Aged 41 year“.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Александрѣ Самойловнѣ Стенбокъ, въ С.-Петербургѣ.)

SARAH GREIG, 1752—1793, femme de l'amiral Samuel Karlowitch Greig (1736—1788), d'origine écossaise comme son mari, descendait de la famille Cooke et était cousine du fameux navigateur James Cooke (1728—1779). Elle naquit, à en croire l'inscription de son monument funéraire, en 1752. Elle épousa en 1774 environ, comme nous le montrent les annales de famille, Samuel Karlowitch, qui était au service russe depuis 1764. Elle eut quatre fils de cette union: Alexis, Samuel, Ivan (John), Charles et une fille Eugénie (née en 1784). Seul son fils aîné, Alexis (1775—1845), servit la Couronne et devint amiral. Les autres restèrent, avec leur descendance, sujets britanniques.

Petite de taille, svelte et élancée, Sarah Greig se distinguait par une remarquable modestie et un caractère tranquille, et, malgré la haute position de son mari et la faveur dont elle jouissait auprès de l'Impératrice Catherine II, elle vécut toujours loin du monde, qu'elle n'aimait pas; elle n'y apparaissait que par nécessité. De confession anglicane, surtout austère en Ecosse, femme très pieuse et croyante, elle vivait la vie de famille et, après la mort de son mari, qui mourut loin d'elle en rade de Réval, elle se consacra entièrement à l'éducation de ses enfants. Catherine II, qui pleurait Greig, se souvint d'elle et ordonna à Pouchtchine de lui „assurer la protection Impériale". Bientôt après elle „reçut une pension de 2000 roubles et la possession héréditaire de 15 „hakens" (mesure agraire) de Riga", donnés à feu son époux en jouissance viagère. C'est aussi à elle, et à sa postérité, que passa la maison de campagne „Sans ennui", près d'Oranienbaum, construite par Catherine et donnée dans la suite à Greig. Le fait suivant n'est pas sans intérêt pour caractériser Sarah Greig: en mourant, elle confia sa fille de neuf ans, non pas à des dignitaires haut placés, mais à la famille du banquier anglais à St-Pétersbourg, Andersen, qu'elle connaissait et estimait, comme étant composée de personnes rangées et pieuses.

La veuve de l'amiral Greig ne survécut que cinq ans à son mari et mourut en 1793. Elle fut enterrée le 13 août 1793 au cimetière luthérien de Smolensk à St-Pétersbourg. Sur sa tombe on érigea un monument, représentant une femme qui pleure, avec cette inscription anglaise:

„Sacred
to the memory of Sarah Greig,
relict of Admiral Sir Samuel Greig,
interred
the 13-th of August 1793
Aged 41 year".

(D'après le portrait, appartenant à la comtesse A. Sténbock, St-Pétersbourg.)

САМУИЛЪ КАРЛОВИЧЪ ГРЕЙГЪ, 1735—1788, происходилъ изъ старинnаго Шотландскаго рода; 30-и лѣтъ, въ 1764 г., принятъ былъ на русскую службу, съ чиномъ капитана 1-го ранга. Онъ оказалъ своему новому отечеству важныя услуги, давшія ему возможность занять видное мѣсто среди сотрудниковъ Екатерины II. Въ особенности онъ былъ полезенъ своими совѣтами при постройкѣ и вооруженіи новыхъ военныхъ судовъ. Въ 1769 г. Грейгъ былъ произведенъ въ бригадиры, а въ 1770 г. въ контръ-адмиралы. Онъ принималъ участіе въ Архипелагской экспедиціи и былъ побѣдителемъ въ Чесменскомъ сраженіи, за которое получилъ орденъ св. Георгія 2 ст. и Аннинскую ленту (1774 г.).

Въ 1775 г. Грейгъ, произведенный въ вице-адмиралы, назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, въ 1776 г. получилъ Александровскую звѣзду, въ 1782 г. произведенъ въ адмиралы и получилъ Владимірскую ленту. Во время войны со Швеціей ему было поручено командованіе флотомъ, и 6 Іюля 1788 г. онъ одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гохландѣ, за что получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Послѣ пораженія непріятельскій флотъ укрылся въ Свеаборгѣ, и Грейгъ предпринялъ блокаду крѣпости, но во время этой блокады, 15 Октября 1788 г., скончался на адмиральскомъ кораблѣ „Ростиславъ“. Екатерина II была очень опечалена извѣстіемъ о смерти Грейга. „Чувствительная прискорбность и слезы: c'est une grande perte, c'est une perte pour l'Etat“,— занесъ Храповицкій слова Государыни въ свой дневникъ. Императрица воздвигла гробницу изъ бѣлаго мрамора надъ его могилой въ Ревельской Dom Kirche и въ 1790 г. велѣла выбить медаль въ воспоминаніе его трудовъ и службы.

Грейгъ былъ женатъ на Сарѣ Кукъ и имѣлъ отъ нея 4 сыновей: Алексѣя (р. 1766 г., † 1845 г.), тоже извѣстнаго адмирала, Самуила, Джона, Чарльса, и дочь Евгенію; изъ его дѣтей только одинъ Алексѣй былъ русскій подданный, прочія же остались въ Великобританскомъ подданствѣ.

(Съ портрета Левицкаго; собственность графини А. С. Стенбокъ, въ С.-Петербургѣ.)

SAMUEL KARLOWITCH GREIG (1735—1788), issu d'une vieille maison écossaise, entra en 1764, à l'âge de 30 ans, au service russe avec le grade de capitaine de vaisseau. Il rendit à sa nouvelle patrie d'importants services, qui lui donnèrent la possibilité d'occuper une place marquante parmi les collaborateurs de Catherine II. Il fut surtout utile par les conseils qu'il donna pour la construction et l'armement de nouveaux navires de guerre. En 1769, Greig fut nommé brigadier et, en 1770, contre-amiral. Il prit part à l'expédition de l'Archipel, resta vainqueur à la bataille de Tchesmé et reçut le St-Georges 2e classe et le cordon de Ste-Anne (1774).

En 1775, Greig, promu vice-amiral, fut nommé commandant en chef du port de Cronstadt; en 1776, il reçut la plaque de l'ordre de St-Alexandre; en 1782, il devint amiral et reçut le cordon de St-Vladimir. Pendant la guerre avec la Suède, on lui confia le commandement de la flotte et, le 6 juillet 1788, il remporta une brillante victoire sur les Suédois à Hochland; il fut récompensé de ce nouvel exploit par l'ordre de St-André. Après sa défaite, la flotte ennemie se réfugia à Svéaborg, et Greig bloqua la forteresse; mais pendant le blocus, le 15 octobre 1788, il mourut sur le navire amiral „Rostislaff". Catherine fut fort attristée à la nouvelle de sa mort. „Chagrin sensible et pleurs: c'est une grande perte, c'est une perte pour l'Etat", dit Khrapowitzky dans son journal, en relatant les paroles de l'Impératrice. Catherine érigea un monument en marbre blanc sur sa tombe dans la Dom Kirche de Réval et, en 1790, elle fit frapper une médaille en souvenir de ses travaux et de son service.

Greig était marié à Sarah Cooke et eut 4 fils: Alexis (né en 1766, † en 1845), amiral également connu, Samuel, John, Charles, et une fille Eugénie. De ses enfants, seul Alexis fut sujet russe, les autres étaient sujets britanniques.

(D'après l'original de Lévitzky, appartenant à la comtesse A. Sténbock, St-Pétersbourg.)

87

Сарра Грейгъ, Sarah Greigh,
1742 — 1793 1742 — 1793

88

Пис. Левицкій *Peint par Levitzky*

Самуилъ Карловичъ Грейгъ, Samuel Karlowitch Greigh,
1736 — 1788 1736 — 1788

Князь ЕГОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1772—1811, сынъ генералъ-майора князя Алексѣя Борисовича († 1792) отъ брака его съ княжной Анной Егоровной Грузинской († 1779), родился 14 Августа 1772 г.; рано лишился матери и получилъ воспитаніе въ Парижѣ, куда его отправила съ французомъ-гувернеромъ его родная тетка, графиня А. Б. Апраксина. Парижское воспитаніе дало ему прекрасное знаніе французскаго языка, но совершенно испортило его, сдѣлавъ развратнымъ человѣкомъ и игрокомъ, и довело его до преждевременной смерти.

Князь Е. А. Голицынъ былъ человѣкъ даровитый: онъ обладалъ способностью чрезвычайно удачно рисовать карикатуры и отличался остроумiемъ; онъ имѣлъ званіе камергера и дослужился до чина генералъ-майора; 1 Января 1795 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 4 степени. При Павлѣ I онъ попалъ въ немилость и былъ высланъ въ Москву, гдѣ и скончался внезапно 21 Декабря 1811 года. Князь Голицынъ былъ родной братъ извѣстной въ Москвѣ графини Марiи Алексѣевны Толстой и графини Е. А. Остерманъ-Толстой.

(Съ портрета Молинари; Голицынская больница, въ Москвѣ.)

89

Le prince GEORGES ALEXÉEWITCH GOLITZYNE, 1772—1811, fils du général-major Alexis Borissowitch († en 1792) et de sa femme, la princesse Anne Egorowna Grouzinsky († en 1779), naquit le 14 août 1772. Il perdit de bonne heure sa mère et fut élevé à Paris, où l'avait envoyé sa propre tante, la comtesse A. B. Apraxine, avec un gouverneur français. Son séjour en France lui donna une belle connaissance du français, mais le gâta complètement: il devint libertin et joueur, ce qui le mena à une mort prématurée.

Le prince G. A. Golitzyne était un homme de talent: il possédait des capacités extraordinaires de caricaturiste et se distinguait par son esprit. Il était chambellan et atteignit le grade de général-major; il reçut le 1er janvier 1795 St-Georges de 4e classe. Il tomba en disgrâce sous Paul Ier et fut exilé à Moscou, où il mourut de mort subite le 21 décembre 1811. Le prince Golitzyne était le frère de la comtesse Marie Alexéewna Tolstoï, célèbre à Moscou, et de la comtesse E. A. Ostermann-Tolstoï.

(D'après le portrait de Molinari; Hôpital Golitzyne, à Moscou.)

90

Княгиня ДАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА ГОЛИЦЫНА, 1724—1798, младшая дочь князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина отъ брака его съ баронессой Анной Петровной Шафировой, родилась въ Январѣ 1724 г.; фрейлина Императрицы Елисаветы Петровны, вмѣстѣ съ другою своею сестрою, умершею въ 1746 г., княжна Гагарина была назначена состоять при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Послѣ смерти сестры, она вышла въ 1747 г. замужъ за ея женпха, камергера, впослѣдствіи фельдмаршала, генералъ-адъютанта князя Александра Михайловича Голицына (р. 1718 г., † 1783 г.). Хотя она и состояла при Великой Княгинѣ гораздо меньше времени, чѣмъ старшая ея сестра княжна Анна Алексѣевна, занявшая ея мѣсто, но пользовалась всегда большою пріязнью Екатерины, до и послѣ вступленія ея на престолъ. 15 Августа 1773 г., при принятіи Великою Княгинею Наталіею Алексѣевною православія, княгиня Голицына была пожалована въ статсъ-дамы и орденомъ св. Екатерины. Довольно полная, представительной наружности, веселая и общительная, она, по словамъ Карабанова, „была весьма глупая женщина“. Про нее разсказывали, что, соскучившись разъ лѣтомъ на дачѣ, она слѣдующимъ возгласомъ встрѣтила пріѣзжую гостью: „Ахъ, какъ я тебѣ рада, а то смерть было скучно, и со скуки я уже хотѣла было велѣть пересѣчь своихъ араповъ!“ Гостей у нея всегда былъ полный домъ, она жила очень открыто, давала балы, концерты и особенно любила устраивать у себя домашніе спектакли, на которыхъ давались французскіе комедіи и провербы.

Бракъ княгини Д. А. Голицыной былъ бездѣтный; скончалась она 10 Мая 1798 г. и похоронена, рядомъ съ мужемъ, въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Рослена, 1778 г.; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

90

La princesse **DARIA ALEXÉEWNA GOLITZYNE**, 1724—1798, fille cadette du prince Alexis Matvéewitch Gagarine, de son mariage avec la baronne Anne Pétrowna Chafiroff, naquit en janvier 1724; demoiselle d'honneur de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, la princesse Gagarine fut désignée pour être attachée avec une autre de ses sœurs, morte en 1746, à la personne de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna. Après la mort de sa sœur, elle épousa, en 1747, le fiancé de cette dernière, le chambellan prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne, dans la suite feld-maréchal, aide de camp général (né en 1718, † en 1783). Quoique attachée à la personne de la Grande-Duchesse bien moins longtemps que sa sœur aînée la princesse Anne Alexéewna qui la remplaça, elle n'en jouit pas moins de son affection, aussi bien avant qu'après son avènement au trône. Le 15 août 1773, lorsque la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna embrassa l'orthodoxie, la princesse Golitzyne fut nommée dame d'honneur et reçut l'ordre de Ste-Catherine. Assez forte, d'un extérieur imposant, gaie et aimant la société, c'était, d'après Karabanoff, „une femme très bornée". On raconte d'elle qu'une fois, s'ennuyant en été à la campagne, elle accueillit une visite par l'exclamation suivante: „Ah! que je suis contente de te voir; je m'ennuyais à mort, et ne sachant où me mettre, j'allais faire fouetter mes nègres!" Sa maison ne désemplissait pas de monde, elle vivait largement, donnait des bals, des concerts, et aimait surtout à faire représenter chez elle des spectacles de société, où l'on donnait des comédies françaises et des proverbes.

L'union de la princesse Golitzyne fut stérile; elle mourut le 10 mai 1798 et est inhumée à côté de son époux dans l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Roslin, 1778, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminky, gouv. de Moscou.)

89

Пис. Моллинари

Peint par Mollinari

Князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ, 1773—1811

Le Prince Egor Alexéewitch Golitzyne, 1773—1811

90

Пис. Рослень, 1778

Peint par Roslin, 1778

Княгиня Дарья Алексѣевна Голицына, 1724—1798

La Princesse Daria Alexéewna Golitzyne, 1724—1798

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшій князь ПЕТРЪ ХРИСТІАНОВИЧЪ ВИТГЕНШТЕЙНЪ, 1769—1843, сынъ генералъ-поручика графа Христіана-Людвига-Казиміра (1725—1797) отъ перваго его брака съ графиней Амаліей-Луизой Финкенштейнъ, родился въ Пѣжинѣ 6 Января 1769 г. и воспитывался въ домѣ князя П. И. Салтыкова, который тогда былъ воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. Въ 1781 г. записанъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ, въ 1789 г. переведенъ вахмистромъ въ Конную гвардію, а въ 1790 г. произведенъ въ офицеры. Въ 1795 г. Витгенштейнъ участвовалъ впервые въ Польской кампаніи, гдѣ обратилъ на себя вниманіе корпуснаго командира Дерфельдена и графа Валеріана Зубова, отличившихъ его за храбрость и распорядительность подъ Дубенкой и Хельмомъ, а также при штурмѣ Праги. Наградой ему за эту кампанію былъ орденъ св. Георгія и нѣсколько чиновъ. Когда графъ Зубовъ былъ назначенъ начальникомъ русскихъ войскъ на Кавказѣ, онъ взялъ Витгенштейна съ собой и, по взятіи Дербента, послалъ его съ ключами города къ Императору Павлу курьеромъ. Въ 1798 г. Петръ Христіановичъ получилъ чинъ полковника, въ 1799 г.—генералъ-майора, а въ слѣдующемъ—назначенъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка. Въ 1801 г. Витгенштейнъ назначенъ командиромъ Елизаветградскаго гусарскаго полка, а въ 1805 г. принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ, какъ и въ 1806 г. въ Турціи, состоя въ корпусѣ Эссена. За рядъ отличій были ему наградами: Георгій 3-й ст.—за Амштетенъ, Анна 1-й ст.—за Аустерлицъ, Владиміръ 3-й ст., чинъ генералъ-лейтенанта и назначеніе шефомъ Л.-гв. Гусарскаго полка. Въ Отечественную войну Петръ Христіановичъ командовалъ 1-мъ корпусомъ въ арміи Барклая и прикрывалъ Сѣверную столицу. Блестящія дѣла подъ Клястицами, Головчицею, Полоцкомъ велись подъ его руководствомъ. Георгій 2-й ст., орденъ св. Александра Невскаго и 12/т. пенсіи были новыми наградами счастливаго генерала. Въ 1813 г. Витгенштейнъ получилъ командованіе русско-прусской арміей, но послѣ Бауцена сдалъ эту должность Барклаю-де-Толли. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, а въ 1814 г. подъ Баръ-сюръ-Объ, гдѣ былъ раненъ и не могъ участвовать при въѣздѣ въ Парижъ. Конецъ кампаніи засталъ Витгенштейна покрытымъ знаками отличія; между прочимъ онъ сдѣланъ былъ Андреевскимъ кавалеромъ (за Люценъ), а въ 1818 г. назначенъ главнокомандующимъ второй арміей и членомъ Государственнаго Совѣта. Въ день коронаціи Императора Николая I графъ Витгенштейнъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, а Маріупольскій гусарскій полкъ названъ его именемъ, и онъ назначенъ его шефомъ. Послѣдними военными дѣлами графа была Турецкая кампанія 1828 года, послѣ чего онъ поселился въ имѣніи своемъ Каменка (Подольской губ.), живя то въ немъ, то въ другомъ богатѣйшемъ своемъ имѣніи Верки, близъ Вильны. 1 Мая 1834 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III возвелъ Витгенштейна въ свѣтлѣйшее княжеское достоинство королевства Прусскаго.

Витгенштейнъ былъ женатъ на Антуанеттѣ Станиславовнѣ Спарской (р. 11 Марта 1779 г., † 15 Іюня 1855 г.), отъ которой имѣлъ 5 сыновей: Льва, Александра, Георгія, Алексѣя и Николая, и дочь Эмилію (въ замужествѣ за княземъ П. И. Трубецкимъ). Витгенштейнъ скончался 75-лѣтнимъ старцемъ 30 Мая 1843 года, заслуживъ всеобщее уваженіе, какъ человѣкъ и опытный боевой генералъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Барятинскому, с. Ивановское, Курской губ.)

Le prince **PIERRE KHRISTIANOWITCH WITTGENSTEIN**, 1769 — 1843, fils du lieutenant-général, le comte Chrétien-Louis-Casimir (1725—1797), et de sa femme en premières noces, la comtesse Amélie-Louise Finkenstein, naquit à Niégine le 6 janvier 1769 et fut élevé dans la maison du prince N. I. Saltykoff, qui était gouverneur des Grands-Ducs Alexandre et Constantin Pavlowitch. En 1781, il entra comme sergent au régiment Sémenowsky, passa en 1789 aux gardes à cheval, en qualité de maréchal des logis, et fut promu officier en 1790. Il prit part en 1795 à la campagne de Pologne et attira sur lui l'attention du commandant Derfelden et du comte Valérien Zouboff, par son courage et son activité aux batailles de Doubenka et de Chelm et à l'assaut de Prague. Cette campagne lui valut l'ordre de St-Georges et quelques grades. Quand le comte Zouboff fut nommé chef des troupes russes au Caucase, il prit Wittgenstein avec lui et, après la prise de Derbent, l'envoya à St-Pétersbourg avec les clefs de la ville pour faire un rapport à l'Empereur Paul. Nous voyons Pierre Khristianowitch colonel en 1798, général-major en 1799 et l'année suivante chef du régiment des hussards de Marioupol. Wittgenstein fut nommé en 1801 commandant des hussards d'Elisabetgrad, prit en 1805 une part active à toutes les actions et se distingua en Turquie sous Essen en 1806. Il reçut pour d'éclatants services: St-Georges de 3e classe à Amstetten, Ste-Anne de 1e classe et St-Vladimir de 3e classe à Austerlitz; il fut de plus promu au grade de lieutenant-général et nommé chef des Hussards de la garde impériale. En 1812, il commandait le premier corps de l'armée de Barclay-de-Tolly et couvrit la capitale du Nord. C'est sous son commandement qu'eurent lieu les fameuses actions de Kliastitzy, de Golovtchitza et de Polotzk. St-Georges de 2e classe, St-Alexandre Newsky et 12.000 roubles de pension furent les nouvelles faveurs accordées à l'heureux général. En 1813, Wittgenstein reçut le commandement de l'armée russo-prussienne, commandement qu'il dut remettre, après Bautzen, à Barclay-de-Tolly. Il prit une part active à la bataille de Dresde et de Leipzig, fut blessé à Bar-sur-Aube en 1814 et ne put assister à l'entrée des alliés à Paris. Cette campagne le couvrit de marques de distinction: il fut nommé chevalier de St-André à Lutzen, commandant en chef de la seconde armée et membre du Conseil de l'Empire en 1818. Le comte fut promu, au couronnement de l'Empereur Nicolas Ier, feld-maréchal, et il devint chef du régiment des hussards de Marioupol qui reçut son nom. La campagne de Turquie de 1828 fut témoin de ses derniers faits d'armes. Il vécut ensuite, tantôt dans son bien de Kamenka (gouv. de Podolsk), tantôt dans son luxueux domaine de Verki, près de Vilna. Frédéric-Guillaume III l'éleva le 1er mai 1834 à la dignité de prince sérénissime du royaume de Prusse.

Wittgenstein fut marié à Antoinette Stanislavowna Snarsky (née le 11 mars 1779, † le 15 juin 1855), dont il eut cinq fils: Léon, Alexandre, Georges, Alexis et Nicolas, et une fille Emilie (mariée au prince P. I. Troubetzkoï). Wittgenstein mourut dans sa 75e année, le 30 mai 1843, estimé de tous comme homme et comme général expérimenté.

(D'après l'original, appartenant au prince A. Bariatinsky, Ivanowskoé, gouv. de Koursk.)

Князь ВАЛЕРІАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ МАДАТОВЪ, 1782—1829, родился въ Карабахѣ 18 Мая 1782 г.; рано лишившись родителей, своими успѣхами и славою обязанъ былъ исключительно себѣ. Въ военную службу Мадатовъ былъ опредѣленъ въ 1797 г., по особому повелѣнію Павла I, портупей-прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, откуда переведенъ подпоручикомъ въ Павловскій гренадерскій, а затѣмъ поручикомъ въ Мингрельскій пѣхотный полкъ. Боевая дѣятельность князя Мадатова началась въ Турецкую войну 1808 г., во время которой онъ проявилъ удивительную храбрость и заслужилъ золотое оружіе. Наѣздникъ, кавалеристъ въ душѣ, Мадатовъ въ 1810 г. былъ произведенъ въ ротмистры, съ переводомъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, гдѣ вскорѣ произведенъ въ майоры. За лихое кавалерійское дѣло подъ Батинымъ, гдѣ онъ разбилъ 4-тысячный отрядъ турецкой кавалеріи, князь Мадатовъ пожалованъ чиномъ подполковника и орд. св. Георгія 4 ст.; передъ этимъ боемъ, разговаривая съ Ланскимъ, Мадатовъ, говорятъ, сказалъ: „Что бы мнѣ сдѣлать, чтобы получить Георгія?“ Ланской показалъ ему на густую колонну турецкой конницы и, шутя, сказалъ Мадатову: „Разбей ихъ“. Мадатовъ понесся на нихъ съ 2 эскадронами Александрійскихъ гусаръ, и турки бѣжали. Отечественная война 1812 г. застала Мадатова въ корпусѣ Тормасова, гдѣ онъ командовалъ передовымъ отрядомъ авангарда. Въ сраженіи подъ Кобринымъ, 15 Іюля 1812 г., Мадатовъ съ небольшимъ отрядомъ разбилъ 5/т. саксонской кавалеріи; за бой подъ Калишемъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл.; въ 1813 г. за Люценъ и Лейпцигъ получилъ орд. св. Владиміра 3 ст. и чинъ генералъ-майора. Рана пулею на вылетъ въ лѣвую руку, полученная имъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, при чемъ онъ до конца боя оставался во главѣ Александрійцевъ, продержала его внѣ строя до 1814 года, когда, пренебрегая лѣченіемъ, Мадатовъ все-таки вернулся въ армію и вмѣстѣ съ ней вступилъ въ столицу Франціи. „Азіатецъ, лихой наѣздникъ“, говорятъ современники, „онъ предался въ Парижѣ упоенію наслажденій и сорвалъ нѣсколько банковъ“. Вернувшись въ Россію, Мадатовъ былъ переведенъ въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ и тутъ, назначенный начальникомъ войскъ на родинѣ, въ Карабахскомъ ханствѣ, принималъ съ 1817 по 1820 г. дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ противъ горцевъ и при покореніи Дагестана и ханства Казикумыкскаго. Послѣ завоеванія этихъ областей, послѣднія были поручены его управленію, которое продолжалось до 1826 года. За это время онъ зарекомендовалъ себя опытнымъ администраторомъ и много сдѣлалъ для умиротворенія завоеваннаго края, чему способствовало его превосходное знаніе мѣстныхъ языковъ. Вторженіе персіянъ въ предѣлы Кавказа въ 1826 г. заставило Ермолова отправить противъ нихъ князя Мадатова. Рядъ успѣховъ нашихъ войскъ закончился полнымъ пораженіемъ персовъ подъ Шамхорой, гдѣ русскимъ пришлось драться противъ пятеро сильнѣйшаго непріятеля. За эту побѣду князь Мадатовъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Турецкая война 1828 г. была послѣднимъ его боевымъ поприщемъ: подъ Шумлой, во главѣ двухъ эскадроновъ Александрійскихъ гусаръ, онъ врубился въ турецкія траншеи. 4 Сентября 1829 г. его не стало. Чахотка, которой онъ страдалъ всю жизнь, съ горловымъ кровотеченіемъ, въ 2 дня свела Мадатова въ могилу. Похороненъ онъ былъ сначала въ Шумлѣ, позднѣе тѣло его было перевезено вдовой его, Софьей Александровной, рожденной Саблуковой (р. 21 Ноября 1787 г., † 4 Сентября 1875 г.), въ С.-Петербургъ и погребено на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; ею же издано было въ 1837 г. жизнеописаніе князя В. Г. Мадатова.

„Въ молодости веселый, бойкій нравъ Мадатова пріобрѣлъ ему пріязнь товарищей; любилъ онъ бивачные пиры и шумное разгулье. Только видѣвшіе его въ пылу сраженій могутъ знать, до какой степени простиралась его неустрашимость, въ его спокойной отвагѣ, въ его мгновенной рѣшимости было какое-то вдохновеніе“... „Какая-то смѣсь азіатскихъ привычекъ съ европейскими“ дѣлала его неоцѣнимымъ администраторомъ на Кавказѣ: съ однимъ изъ владѣльцевъ онъ казался другомъ, другому обѣщалъ награды и вниманіе Государя, третьихъ защищалъ, „въ поступкахъ его видна была прозорливость и необходимая въ сношеніяхъ съ азіатами гибкость ума“. Доступный всякому, онъ творилъ судъ быстрый и безпристрастный, такъ что о немъ говорили: „Женщина въ Карабахѣ можетъ ходить смѣло съ блюдомъ золота на головѣ, и никто не обидитъ ее“.

(Съ портрета Г. Дау; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

Le prince VALÉRIEN GRIGORIEWITCH MADATOFF, 1782—1829, naquit à Karabakh (Caucase) le 18 mai 1782; orphelin de bonne heure, il ne dut qu'à lui-même ses succès et sa gloire. Il entra en 1797, sur un ordre formel de Paul Ier, avec le grade de sous-officier, dans le régiment Préobragensky; il passa ensuite sous-lieutenant aux Grenadiers de Pavlowsk et, peu de temps après, lieutenant au régiment d'infanterie de Mingrélie. Il débuta dans la carrière militaire par la campagne de Turquie de 1808; il s'y distingua par une bravoure exceptionnelle et reçut un sabre en or. Cavalier dans l'âme, Madatoff fut promu capitaine en 1810 et passa au régiment des Hussards d'Alexandre, où il devint bientôt major. Une belle charge de cavalerie sous Batine, où il écrasa un détachement de quatre mille Turcs, lui valut le grade de lieutenant-colonel et l'ordre de St-Georges de 4e classe. Avant la bataille, il s'entretenait, dit-on, avec Lanskoï et lui dit: „Que dois-je faire pour avoir St-Georges?" Lanskoï lui montra une colonne de cavaliers turcs et lui répondit, en plaisantant: „Ecrase-les". Madatoff s'élança sur eux avec deux escadrons de Hussards d'Alexandre, et les Turcs s'enfuirent. Lorsque la campagne de 1812 commença, il faisait partie du corps du général Tormassoff et commandait l'avant-garde. A la bataille de Kobrine, le 15 juillet 1812, un petit détachement lui suffit pour battre cinq mille cavaliers saxons. La bataille de Kaliche lui valut St-Georges de 3e classe et celles de Lutzen et de Leipzig en 1813 St-Vladimir de 3e classe et le grade de général-major. Une grave blessure à la main gauche, reçue à la bataille de Leipzig et qui ne l'empêcha pas de rester jusqu'à la fin du combat à la tête de ses Hussards, le retint hors des rangs jusqu'en 1814. Il revint alors à l'armée, sans se soucier de sa blessure, et entra avec elle dans la capitale de la France. „C'est un asiatique, un brave cavalier", dit de lui un contemporain, „il s'est adonné aux plaisirs à Paris et a fait sauter quelques banques". De retour en Russie, Madatoff fut nommé chef du corps d'armée du Caucase, qui se trouvait dans le kanat de Karabakh; il prit, de 1817 à 1820, une part active aux actions guerrières du Caucase contre les montagnards et soumit le Daghestan et le kanat de Kasikoumyk. Il fut ensuite nommé administrateur des régions qu'il avait conquises et resta en place jusqu'en 1826. Il se montra à la hauteur de sa tâche et fit beaucoup pour pacifier la contrée; il fut aidé dans ses efforts par sa belle connaissance des dialectes locaux. L'invasion des Perses en 1826 força Ermoloff à envoyer le prince Madatoff contre eux. Les nombreux succès de nos armées amenèrent enfin la défaite complète des Perses à Chamkhora, où les Russes durent se battre un contre cinq. Cette brillante victoire valut au prince le grade de lieutenant-général. La campagne de Turquie en 1828 fut témoin de son dernier fait d'armes; à Choumla, il enfonça les tranchées turques, à la tête de deux escadrons de Hussards d'Alexandre. Il mourut le 4 septembre 1829. La phthisie, dont il souffrit la vie durant, et des hémorrhagies le menèrent en deux jours au tombeau. Il fut d'abord enterré à Choumla, puis son corps fut transporté par sa veuve, Sophie Alexandrowna, née Sabloukoff (née le 21 novembre 1787, † le 4 septembre 1875), à St-Pétersbourg, au cimetière Tikhvinsky, à la laure d'Alexandre Newsky; ce fut elle qui publia en 1837 la biographie du prince V. Madatoff. „Son caractère gai et vif le fit aimer de ses camarades de jeunesse: il aimait la vie de bivouac et les bruyantes bamboches. Seuls ceux qui l'ont vu dans le feu des combats peuvent savoir jusqu'où allait son intrépidité; il y avait de l'inspiration dans son sang-froid et dans son hardiesse du moment".... „Un certain mélange d'habitudes asiatiques et européennes", faisait de lui un précieux administrateur du Caucase, il semblait ami avec l'un des potentats asiatiques, il promettait au second des récompenses et la faveur de l'Empereur, il défendait d'autres. „On voyait dans ses actes de la perspicacité et de la souplesse d'esprit, si nécessaires dans les relations avec les peuples de l'Orient". Il était accessible à tous, il rendait une prompte justice, et son impartialité faisait dire de lui: „Une femme peut aller hardiment à Karabakh, un plat d'or sur la tête, personne ne l'offensera".

(D'après un original de G. Dawe; musée Roumiantzeff, à Moscou.)

91

Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ,
1769 — 1843

Le Prince Pierre Khristianowitch Wittgenstein,
1769 — 1843

92

Пис. Г. Дау

Peint par G. Dawe

Князь Валерьянъ Григорьевичъ Мадатовъ,
1782 — 1829

Le Prince Valérien Grigoriewitch Madatoff,
1782 — 1829

АВДОТЬЯ ИЛЬИНИЧНА ИСТОМИНА, 179.—1848, одна изъ самыхъ блестящихъ балетныхъ звѣздъ начала XIX столѣтія, „искусная танцовщица и извѣстная красавица, въ теченіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ“. Самъ Пушкинъ воспѣлъ ее въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина;—она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ...
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ,—какъ пухъ отъ устъ Эола!
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстро ножкой ножку бьетъ!“

Не на сценѣ только Истомина интересовала Пушкина; въ одномъ письмѣ онъ проситъ: „Пиши мнѣ о Дидло, о черкешенкѣ Истоминой (т.-е. въ балетѣ „Кавказскій плѣнникъ“), за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому плѣннику“. Долго не имѣвшая „равныхъ въ балетѣ“, Истомина была, по словамъ современнаго балетомана, „средняго роста брюнетка, красивая, очень стройная, съ черными огненными глазами, прикрываемыми длинными рѣсницами, которые придавали особый характеръ ея физіономіи; она имѣла большую силу въ ногахъ, апломбъ на сценѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ грацію, легкость, быстроту въ движеніяхъ: пируэтъ ея и элевація были изумительны“... О ней же другой спеціалистъ пишетъ: „Истомина увлекающаяся натура; исполненіе ея отличалось нѣгой, страстностью, огнемъ, жизнью, у ней былъ темпераментъ, она плѣняла зрителей“. Ученица Дидло, Истомина дебютировала 30 Августа 1815 г. въ балетѣ „Ашисъ и Галатея“ и сразу снискала расположеніе знатоковъ. Истомина особенно была хороша въ балетахъ: „Зефиръ и Флора“, „Федра и Ипполитъ“, „Лиза и Коленъ“, „Кавказскій плѣнникъ“, а также въ водевиляхъ и комедіяхъ, какъ, напримѣръ, „Путешествующая танцовщица“, поставленная въ бенефисъ Истоминой въ Январѣ 1824 г., гдѣ она „исполнила прекрасно три разнохарактерныя роли, и публика слышала ея лебединый голосъ: дикція ея была вѣрная, органъ голоса пріятный, взглядъ быстрый и чрезвычайно кокетливый“. Очаровательная женщина на сценѣ и въ жизни, Истомина была окружена поклонниками, которые ее осаждали, между тѣмъ съ самаго появленія ея въ балетѣ „счастливымъ ея обладателемъ“ былъ офицеръ Кавалергардскаго полка В. В. Шереметевъ (р. 1794 г., † 1817 г.); прожили они вмѣстѣ на одной квартирѣ два года, когда начались недоразумѣнія и ссоры. Она жаловалась, что намѣрена его давно оставить „по безпокойному его характеру и жестокимъ съ нею поступкамъ“, а другіе увѣряли, что Шереметевъ предъ ней „провинился только тѣмъ, что обмелѣлъ его карманъ“. 3 Ноября 1817 г. она уѣхала къ своей подругѣ, а 5-го А. С. Грибоѣдовъ, другъ Шереметева, отвезъ ее, тайно, вечеромъ „на чай“ къ камеръ-юнкеру графу А. П. Завадовскому, другому своему пріятелю. Что тутъ было—неизвѣстно, но, кажется, не обошлось безъ разговоровъ „о любви“ и „разныхъ предложеній“, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ она уѣхала къ себѣ. Но Шереметевъ слѣдилъ, ревновалъ и на 3-й день поспѣшилъ съ ней примириться, былъ „въ чистосердечномъ раскаяніи и отчаяніи“ и увезъ Истомину домой, гдѣ „мольбами и угрозами“ выпудилъ ее признаться, что она была у Завадовскаго. Подзадориваемый корнетомъ Якубовичемъ (будущій декабристъ), Шереметевъ послалъ вызовъ Завадовскому, послѣ чего Грибоѣдовъ пожелалъ стрѣляться съ Якубовичемъ. 12 Ноября первая дуэль состоялась, и Шереметевъ былъ убитъ на мѣстѣ, а осенью 1818 г. въ Тифлисѣ Якубовичъ ранилъ въ руку Грибоѣдова. Истомина, по словамъ ея современницы, Головачевой-Панаевой, позднѣе вышла замужъ за актера Годунова, овдовѣвъ, собиралась поступить въ монастырь, но потомъ, сойдя со сцены, была замужемъ за второстепеннымъ актеромъ Экунинымъ. Въ то время она была „уже тяжеловѣсной, растолстѣвшей пожилой женщиной; желая казаться моложе, была всегда набѣлена и нарумянена; волосы у нея были черны, какъ смоль: говорили, что она ихъ краситъ; глаза были большіе, черные и блестящіе“.

А. И. Истомина умерла отъ холеры и погребена на кладбищѣ Большой Охты. Могила ея уже едва замѣтна (въ 1897 г.), небольшой памятникъ изъ бѣлаго мрамора сломанъ и валялся около, на немъ сохранилась надпись: „Авдотья Ильинична Экунина, отставная артистка, † 26 Іюня 1848 г.“. Рядомъ погребены: ея мужъ—„артистъ Павелъ Семеновичъ Экунинъ, умеръ 10 Января 1849 г.“, сестра—„Анна Ильинична Истомина, р. 7 Февраля 1801 г., † 20 Іюля 1822 г.“, и, вѣроятно, мать—„Анисья Ивановна Истомина, р. 24 Декабря 1778 г., † 19 Декабря 1804 г.“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

EUDOXIE ILYINITCHNA ISTOMINE, 179.—1848, une des étoiles les plus brillantes du ballet du XIXe siècle, „ingénieuse danseuse et beauté célèbre a séduit pendant de nombreuses années les spectateurs et a fait perdre la tête à de jeunes officiers". Pouchkine même l'a chantée dans son Eugène Onéguine:

„Et le rideau se lève enfin
Sur Istomina, la danseuse,
Qui paraît, belle et vaporeuse;
De nymphes un troupeau charmant
Vient l'entourer au même instant
A peine elle effleure la planche
D'un petit pied si gracieux
Que l'on croirait voir, vers les cieux
S'envoler une plume blanche.
On ne sait qu'admirer le plus
Entrechats ou jetés-battus".

Mais ce n'est pas seulement à la scène qu'elle a intéressé Pouchkine; dans une de ses lettres, il dit: „Ecris-moi de Didelot, d'Istomine la Tcherkesse à laquelle j'ai fait une fois la cour à l'instar du prisonnier du Caucase". Elle n'eut pas de longtemps „d'égale au ballet", elle était, suivant un contemporain spécialiste dans cet art, „brunette, de taille moyenne, très bien faite, avec de brillants yeux noirs, recouverts de longs cils, qui donnaient un caractère spécial à sa physionomie; elle avait une grande force dans les jambes, de l'aplomb sur la scène et avec cela une grâce, une légèreté, une rapidité de mouvements; ses pirouettes et ses sauts étaient étonnants". Un autre spécialiste écrit: „Istomine est une nature séduisante; son travail se distingue par la délicatesse, la passion, le feu, la vie, elle avait du tempérament, elle séduisait les spectateurs". Elève de Didelot, Istomine débuta le 30 août 1815 dans le ballet „Apis et Galatée", et elle s'attira à l'instant la faveur des connaisseurs. Elle jouait surtout bien dans les ballets: „Zéphire et Flore", „Phèdre et Hippolyte", „Lise et Colin", „Le prisonnier du Caucase". Elle ne jouait pas moins bien dans les vaudevilles et les comédies, comme, par exemple, dans „La danseuse voyageuse", qui fut montée pour son bénéfice en janvier 1824; „elle y remplit excellemment trois rôles de caractères différents, et le public écouta sa voix de cygne: sa diction était juste, sa voix agréable, son regard rapide et très coquet". C'était une femme enchanteresse sur la scène et dans la vie; elle était entourée d'admirateurs, qui l'assiégeaient, tandis que „son heureux possesseur", depuis son apparition sur la scène, était B. Chérémeteff, officier chevalier-garde (1794—1817). Ils vivaient ensemble depuis deux ans quand des malentendus et des querelles commencèrent. Elle se plaignait qu'elle eût depuis longtemps l'intention de le quitter „en raison de son caractère remuant et de ses cruels procédés"; d'autres affirmaient que Chérémeteff „ne s'accusait devant elle que d'avoir vidé ses poches". Elle alla chez son amie le 3 novembre 1817; mais le 5, A. S. Griboédoff, ami de Chérémeteff, l'emmena secrètement le soir, „pour prendre le thé", chez le gentilhomme de la chambre le comte Zavadowsky, son ami aussi. On ne sait ce qui s'y passa, mais il semble qu'on parlât „amour" et que l'on fît „différentes ouvertures"; quoi qu'il en soit, elle rentra chez elle le même soir. Mais Chérémeteff avait l'œil au guet, était jaloux et se réconcilia le troisième jour. „Son repentir et son désespoir étaient sincères", et il ramena Istomine chez lui, où „à force de prières et de menaces" il la força d'avouer qu'elle avait été chez Zavadowsky. Poussé à bout par Yakoubowitch (futur décabriste), Chérémeteff provoqua en duel Zavadowsky, après quoi Griboédoff désira se battre avec l'instigateur. Le 12 novembre, le premier duel eut lieu, et Chérémeteff fut tué raide; l'automne de l'année 1818, Yakoubowitch blessa à la main Griboédoff à Tiflis. Istomine, selon sa contemporaine, Mme Golovatcheff-Panaeff, épousa plus tard l'acteur Godounoff, devint veuve, voulut entrer au couvent et y renonça pour convoler en secondes noces avec l'acteur Ekounine. Elle était alors „une femme âgée, pesante et atteinte d'embonpoint; mais voulant paraître jeune, elle se fardait; elle avait des cheveux noirs de jais; on disait qu'elle les teignait; ses yeux étaient grands, noirs et luisants".

Istomine mourut du choléra et fut enterrée au cimetière de la Grande Okhta. Son tombeau est à peine visible (en 1897), le petit monument en marbre blanc est brisé, mais l'inscription y est conservée: „Eudoxie Ilyinitchna Ekounine, artiste en retraite, † le 26 juin 1848". A côté d'elle sont enterrés son mari—„l'artiste Paul Sémenowitch Ekounine, † le 10 janvier 1849", sa sœur—„Anne Ilyinitchna Istomine, née le 7 février 1801, † le 20 juillet 1822" et probablement sa mère—„Anysie Ivanowna Istomine, née le 24 décembre 1778, † le 19 décembre 1804".

(D'après une miniature, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТЕЛЕШОВА, 1805—1850, знаменитая балерина, ученица Дидло, родилась 23 Ноября 1805 г.; выступила на сценѣ въ 1823 г. одновременно съ другой, тоже изящной танцовщицей, Вѣрой Зубовой: обѣ были талантливы, обѣ красивы, обѣ имѣли массу поклонниковъ ихъ таланта и красоты, сначала подруги по школѣ, позднѣе соперницы. Телешова была изящная, увлекательная женщина: высокаго роста стройная брюнетка, она была первая выдающаяся пантомимная танцовщица, съ чрезвычайной выразительной мимикой, при томъ обладала замѣчательной легкостью въ танцахъ. Она особенно отличалась въ балетахъ „Дезертиръ“, „Федра и Ипполитъ“, въ комедіи „Батюшкина дочка“, въ операѣ „Фенелла“ и проч. Несмотря на успѣхи въ балетѣ, она извѣстна была своей привязанностью къ драматическому искусству. Родственница извѣстной Ежовой, „домоправительницы“ князя Шаховского, Телешова пользовалась расположеніемъ закулиснаго начальства, и услужливый Дидло назначалъ ей тѣ роли, которыя ей нравились. Одно время, когда ея сильнымъ „покровителемъ“ сдѣлался самъ Петербургскій военный губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, она сама стала „закулисной султаншей“. Говорили даже, что изъ-за нее погибла другая талантливая балерина Повицкая, которая отказалась играть съ ней второстепенную роль; Милорадовичъ такъ напугалъ ее своими угрозами посадить въ смирительный домъ, что она слегла въ постель и скоро умерла. Однако, близость Телешовой съ всегда легкомысленнымъ героемъ Отечественной войны продолжалась недолго, и скоро въ кабинетѣ его уже красовалось скульптурное изображеніе миніатюрной ножки красавицы В. А. Зубовой, которой она славилась, и которая украшала столы балетомановъ того времени. Съ 1827 г. Телешова имѣла званіе „придворной танцовщицы“; послѣ этого она прожила еще 27 лѣтъ и пережила свою сценическую славу; отъ Аѳанасія Федоровича Шишмарева у ней было 5 сыновей и дочь Екатерина, получившіе фамилію Телешовыхъ.

К. Брюлловъ увѣковѣчилъ черты лица Телешовой на своей извѣстной картинѣ „Итальянка у фонтана“, О. Кипренскій написалъ ея портретъ масляными красками, сдѣлавъ въ то же время набросокъ перомъ съ натуры (въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ), а А. С. Грибоѣдовъ, бывшій въ числѣ ея поклонниковъ и восхищенный ея граціозными позами въ балетѣ „Руслань и Людмила“, гдѣ она, какъ волшебница, обольщаетъ Руслана, написалъ восторженные стихи:

„О кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной,
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?
И вдругъ—какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ пьетъ
Стопою, свыше окрыленной...
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ-будто влаги обаянье,
Прерывно персей волнованье,
И томной думы по́лонъ взоръ:
Созданье высренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эѳира
Несется легкій метеоръ“...

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1828 г.; собственность И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ.)

CATHERINE ALEXANDROWNA TÉLÉCHOFF, 1805—1850, célèbre danseuse, élève de Didelot, est née le 23 novembre 1805; elle débuta sur la scène en 1823, en même temps qu'une autre danseuse non moins élégante, Véra Zouboff: toutes deux avaient du talent et de la beauté et une foule d'adorateurs; elles furent tout d'abord camarades d'école, plus tard rivales. Téléchoff était une brune de haute taille, svelte, élégante et séduisante; sa mimique extraordinairement expressive et sa merveilleuse légèreté firent d'elle notre première remarquable danseuse de pantomime. Elle était incomparable dans les ballets „le Déserteur", „Phèdre et Hippolyte", dans la comédie „la Fille à papa", dans „la Muette de Portici" et autres. Outre ses succès de danseuse, elle était connue pour son goût pour l'art dramatique. Téléchoff, étant parente de la fameuse Ejoff, „maîtresse de maison" du prince Chakhovskoï, jouissait de la faveur de l'administration théâtrale, et le complaisant Didelot lui confiait les rôles qui lui plaisaient. Lorsque son haut „protecteur" fut le gouverneur militaire de St-Pétersbourg en personne, le comte M. Miloradowitch, elle devint, pour un temps, „sultane de coulisses". On lui a même imputé la mort d'une autre ballerine de talent, Novitzky, qui périt pour avoir refusé de jouer avec elle dans un rôle secondaire; Miloradowitch l'effraya tellement par ses menaces de la faire enfermer dans une maison de force, qu'elle s'alita et mourut. Cependant l'intimité de Téléchoff avec le héros de la Guerre Patriotique, toujours volage, ne fut pas durable, et bientôt, une reproduction en marbre du pied mignon de la belle Zouboff, qui faisait sa gloire et ornait les tables des amateurs du ballet d'alors, figura dans son cabinet. A partir de 1827, Téléchoff porta le titre de „danseuse de la Cour"; elle vécut encore 27 ans après cela, survivant à sa renommée théâtrale; elle eut d'Athanase Chichmareff cinq fils et une fille, Catherine, qui s'appelèrent Téléchoff.

Ch. Brulloff a immortalisé les traits de Téléchoff dans son célèbre tableau „l'Italienne à la fontaine"; Kiprensky a peint son portrait, en faisant en même temps une esquisse à la plume d'après nature (galerie Trétiakoff, Moscou), et Griboïédoff, qui comptait parmi ses admirateurs, enthousiasmé par ses poses gracieuses dans le ballet „Rousslan et Liudmila" où, dans le rôle d'enchanteresse, elle doit séduire Rousslan, composa ces vers enthousiastes:

„Est-ce Aglaé, l'Amour, ou l'une des Péris
Ayant abandonné le séjour des Houris
Pour un monde étranger, après s'être voilée
D'un nuage léger? Soudain son envolée
Au vent est semblable! Astre, subitement
Brillant, disparaissant, luisant au firmament,
D'un pied ailé d'en haut, elle dévore l'espace.
Son sourire sans mots s'entend,
Un voile baissé négligemment
Rappelle la fraîcheur de l'onde;
Ses seins se soulèvent tour à tour,
Ses regards sont pleins d'un doux amour;
Créature d'un céleste monde,
Sur l'éther elle semble glisser,
Météore léger qui va passer"...

(D'après un original de Kiprensky, 1828, appartenant à I. Tzvetkoff, Moscou.)

Князь ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1771—1832, сынъ тайнаго совѣтника князя Алексѣя Ивановича отъ брака съ княжной Ириной Григорьевной Урусовой († 1796 г.), родился 16 Сентября 1771 г.; зачисленъ былъ въ службу въ 1773 г. въ Преображенскій полкъ, потомъ переведенъ въ Измайловскій; 1 Февраля 1796 г. изъ капитанъ-поручиковъ пожалованъ въ камергеры и съ 1810 г. управлялъ дворомъ Великой Княгини Екатерины Павловны; въ 1819 г., будучи шталмейстеромъ, назначенъ сенаторомъ, а въ 1829 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Князь Гагаринъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Балабиной (р. 28 Марта 1773 г., † 23 Мая 1803 г.), отъ которой имѣлъ сыновей: Дмитрія, Григорія, Константина, Алексѣя и Владиміра. Во второй разъ князь Гагаринъ женился въ 1828 г. на знаменитой артисткѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Семеновой (р. 7 Ноября 1786 г., † 1 Марта 1849 г.).

Князь Гагаринъ, „проживъ въ Петербургѣ съ Е. С. Семеновою неразлучно болѣе 15 лѣтъ и имѣя отъ нея дѣтей, одного сына и 3 дочерей, долженъ былъ переѣхать въ Москву, чтобы имѣть ближайшій надзоръ за помѣстьями въ 4/т. душъ, въ Тамбовской губерніи. Они оставили Петербургъ навсегда въ Февралѣ 1827 года“. Въ Москвѣ жили замужнія сестры князя Гагарина и его дядя, 80-тилѣтній бездѣтный вдовецъ, князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ († 1828 г.), оставившій племяннику все свое состояніе. „При жизни и за нѣсколько дней до своей смерти, князь Петръ Ивановичъ часто уговаривалъ Екатерину Семеновну выйти замужъ за князя Ивана Алексѣевича, но она не рѣшалась: она опасалась, что, по предразсудкамъ того времени, званіе княгини принудитъ ее навсегда оставить сценическое искусство, которое она любила страстно. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ тогдашняго времени; онъ былъ страстный любитель сценическаго искусства, ваянія и живописи, отличалъ человѣка только по личнымъ его достоинствамъ и, будучи въ высшей степени религіозенъ, чтилъ таланты, какъ даръ Божій“. Въ Маѣ 1828 г., „рано утромъ, въ церкви (Тихвинской), что въ Лужникахъ, близъ Дѣвичьяго поля, онъ сочетался бракомъ съ Екатериной Семеновной, въ присутствіи близкихъ родныхъ и двухъ или трехъ свидѣтелей; день свадьбы проведенъ былъ скромно, въ семейномъ кругу“. Въ Августѣ 1828 г. Гагаринъ далъ „свидѣтельство“ своей „воспитанницѣ“, малолѣтней Надеждѣ Ивановнѣ Стародубской, что она рождена отъ матери свободнаго состоянія (эта дочь Гагарина и Семеновой была въ несчастномъ замужествѣ за М. М. Корніолинъ-Пинскимъ и въ 1859 г. разведена послѣ долголѣтняго процесса съ мужемъ).

Князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ скончался 12 Октября 1832 г. и похороненъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры О. Кипренскаго, принадлежащей П. А. Ефремову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince IVAN ALEXÉEWITCH GAGARINE, 1771—1832, fils du conseiller privé le prince Alexis Ivanowitch et de la princesse Irène Grigoriewna Ouroussoff († en 1796), naquit le 16 septembre 1771. En 1773, il fut inscrit au régiment Préobragensky, puis dans celui d'Ismaïlowsky, où il atteignit le grade de capitaine lieutenant. Fait chambellan le 1er février 1796, il géra depuis 1810 les affaires de la Cour de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna; écuyer depuis quelque temps, il fut nommé sénateur en 1819 et devint conseiller privé actuel en 1829.

Le prince Gagarine fut deux fois marié: il épousa en premières noces Elisabeth Ivanowna Balabine (née le 28 mars 1773, † le 23 mai 1803), dont il eut cinq fils: Dmitri, Grégoire, Constantin, Alexis et Vladimir, et en secondes noces en 1828 la célèbre artiste Catherine Sémenowna Sémenoff (née le 7 novembre 1786, † le 1er mars 1849).

Le prince Gagarine, „après avoir vécu plus de quinze ans à St-Pétersbourg avec Catherine Sémenoff, dont il eut un fils et trois filles, dut s'installer à Moscou, pour surveiller de plus près les domaines de 4000 paysans, qu'il avait dans le gouvernement de Tamboff. Ils quittèrent St-Pétersbourg pour toujours en février 1827". A Moscou vivaient les sœurs mariées du prince et son oncle, un veuf octogénaire sans enfants, le prince Pierre Ivanowitch, qui légua sa fortune à son neveu. „De son vivant et quelques jours avant sa mort (1828), le prince Pierre Ivanowitch persuadait souvent Catherine Sémenoff d'épouser le prince Ivan Alexéewitch, mais elle ne s'y décidait pas, craignant que, suivant les préjugés du temps, le titre de princesse ne la forçât de quitter à tout jamais la scène, qu'elle aimait passionnément. Le prince Ivan Alexéewitch était étranger aux préjugés d'alors de sa classe; il aimait aussi passionnément le théâtre, la sculpture et la peinture, ne distinguait les hommes que par leurs mérites personnels et, étant profondément religieux, voyait dans les talents un don de Dieu". En mai 1828, „il se maria avec Catherine Sémenoff de grand matin à l'église (de Tikhvine) à Loujniki, près du champ Dévitchy, en présence de proches parents et de deux ou trois témoins. On passa modestement le jour des noces en famille". En août 1828, le prince Gagarine donna à la jeune Nadejda Ivanowna Starodoubsky, „sa pupille", „un certificat" constatant qu'elle était née d'une mère libre (cette fille du prince et de madame Sémenoff fut mariée à M. M. Kornioline-Pinsky, avec lequel elle divorça en 1859, après un long procès).

Le prince Gagarine mourut le 12 octobre 1832 et fut enterré à Moscou dans le monastère de Novospassky.

(D'après une miniature de Kiprensky, appartenant à P. Efrémoff, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА, 1786—1849, знаменитая драматическая актриса, побочная дочь учителя Кадетскаго корпуса Жданова и крѣпостной дѣвушки, родилась 7 Ноября 1786 г.; въ 1805 г., 3 Февраля, окончивъ ученье въ Театральной школѣ, подъ руководствомъ Дмитревскаго, она дебютировала въ комедіи „Панина“. Недюжинное дарованіе, блестящая внѣшность, прекрасный звучный голосъ обратили на нее вниманіе такихъ любителей, какъ А. Н. Олешинъ и князь Шаховской. Сначала послѣдній, а позднѣе Гнѣдичъ, серіозно ею увлеченный, какъ женщиной, взялись ее учить съ голоса и проходить съ ней роли, при чемъ нельзя сказать, принесли ли они больше пользы, или вреда; было много приверженцевъ Семеновой, которые были увѣрены, что эти учителя „портили“ ея природный громадный талантъ, который способенъ былъ подчиняться не выучкѣ, а только увлеченію и вдохновенію, вспыхивалъ огнемъ въ минуты страсти или страданій, которыя переживала артистка въ своей ролп. Она была неподражаемой исполнительницей трагическихъ ролей на русской сценѣ, и публика выносила восторженное впечатлѣніе... Неподдѣльной искренностью чувства она покоряла зрителей, и Пушкинъ увѣковѣчилъ ея успѣхи въ своихъ стихахъ:

„....Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ“.

Другой современникъ и театралъ писалъ о ней: „Самое пылкое воображеніе живописца не могло бы придумать прекраснѣйшаго идеала женской красоты для трагическихъ ролей; и при этомъ голосъ чистый, звучный, пріятный, при малѣйшемъ одушевленіи страстей потрясающій всѣ фибры человѣческаго сердца“. Въ смыслѣ развитія своего таланта Семенова сдѣлала, однако, не много: избалованная всеобщимъ поклоненіемъ, она скоро почила на лаврахъ, стала лѣниться и довольно поверхностно изучать роли, опуская всѣ детали, при томъ ей недоставало общаго образованія; блестки собственнаго дарованія, усердное подражаніе съ 1808 г. французской артисткѣ Жоржъ и наставленія руководителей сдѣлали позднѣе игру ея „чудной смѣсью“, по отзыву ея почитателя, С. Аксакова, писавшаго: „Вся эта амальгама, озаренная поразительной сценической красотой молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ очаровательнаго голоса — производила увлеченіе, восторгъ и вызывала громъ рукоплесканій“. Въ то же самое время другой цѣнитель былъ такого мнѣнія: „Семенова погибла безвозвратно, она дальше не пойдетъ!“ Мелочно тщеславная, капризная, завистливая, она окунулась въ омутъ закулисныхъ интригъ, брала неподходящія ей роли, забывая свою внѣшность и свои лѣта. Требовательность ея доходила до невѣроятныхъ предѣловъ: когда, въ 1822 г., извѣстный Катенинъ, полковникъ Преображенскаго полка, позволилъ себѣ, вмѣстѣ со всей публикой, выразить свое неудовольствіе по поводу появленія Азаревичевой, протежируемой Семеновой, въ заглавной роли трагедіи „Поликсена“, разгнѣванная „Гекуба“-Семенова поѣхала къ графу Милорадовичу съ жалобой, и генералъ-губернаторъ сказалъ Катенину: „Паша первая актриса Семенова не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы останетесь судьею ея представленій, а это было бы большое лишеніе для публики, и потому я васъ прошу не ѣздить въ театръ, когда будетъ играть г-жа Семенова“. Князь Шаховской ея побаивался и не любилъ: „наша актриса имѣла большое вліяніе на дирекцію, ее уважали; взглядъ ея былъ выразителенъ, рѣчь повелительна, осанка величественна, такъ что, не зная, встрѣтясь съ ней внѣ сцены, всякій всегда бы сказалъ: ‚вотъ она, Семенова!“ Въ послѣдніе годы лучшей ея ролью была „Заремба“ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“. Въ 1826 г. она оставила сцену и, переселившись въ Москву, въ 1828 г. вышла замужъ за князя И. А. Гагарина, съ которымъ прожила въ Петербургѣ 15 лѣтъ и имѣла сына и 3 дочерей. Изрѣдка она выступала въ домашнихъ или благотворительныхъ спектакляхъ, но у нея въ домѣ бывали Пушкинъ, москвичи Аксаковъ, Погодинъ, Надеждинъ... Послѣдніе годы ея жизни были омрачены непріятнымъ процессомъ, который велъ сенаторъ М. М. Корніолинъ-Пинскій со своей женой, старшей изъ ея дочерей, Надеждой Ивановной (въ 1833 г. вышла замужъ, 16-и лѣтъ), окончившійся разводомъ въ 1859 году.

Овдовѣвъ въ 1832 г., Семенова умерла въ Петербургѣ, разбитая параличомъ, 1 Марта 1849 года; похоронена она на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ.)

CATHERINE SÉMENOWNA SÉMENOFF, 1786—1849, célèbre actrice dramatique, enfant naturelle de Jdanoff, maître d'un corps de cadets et d'une esclave, naquit le 7 novembre 1786. Elle acheva en 1805, le 3 février, ses études à l'Ecole théâtrale, sous la direction de Dmitriewsky, et fit son premier début dans la comédie „Nanine". Son remarquable talent, son brillant extérieur, sa belle voix sonore lui attirèrent l'attention d'amateurs aussi sérieux que A. N. Olénine et le prince Chakhowskoï. Ce dernier d'abord, puis Gnéditch, fortement épris d'elle comme femme, se mirent à lui donner des leçons de diction et à étudier des rôles avec elle; l'on ne peut dire si ce fut ou non à son avantage. Quoi qu'il en soit, beaucoup d'admirateurs de Sémenoff étaient persuadés que ces „maîtres" avaient gâté son énorme talent naturel, qui ne se faisait pas à une école, mais à l'entraînement et à l'inspiration, et qui ressortait dans les minutes de passion et de souffrance que vivait l'actrice dans ses rôles. Elle était un interprète inimitable des rôles tragiques sur la scène russe et faisait sur le public une impression enthousiaste. Elle subjuguait les spectateurs par la sincérité de son sentiment, et Pouchkine a immortalisé ses succès dans ses vers:

„C'est là que, dans la tragédie,
Sémenowa fut applaudie,
Qu'Ozéroff fit venir des pleurs
A tant et tant de spectateurs".

Un autre amateur contemporain du théâtre écrit ce qui suit: „La plus vive imagination d'un peintre ne pourrait rêver un plus bel idéal de beauté féminine pour les rôles tragiques; et à ceci venait s'ajouter une voix pure, sonore, agréable, qui ébranlait toutes les fibres du cœur humain à la moindre inspiration de la passion". Sémenoff a peu fait pour développer son talent: gâtée par le culte que tous lui offraient, elle se fia bientôt à ses lauriers, devint paresseuse et se mit à apprendre les rôles assez superficiellement, sans faire attention aux détails; elle manquait aussi d'instruction générale. Son propre talent, l'imitation studieuse depuis 1808 de l'artiste française George et les leçons de ses directeurs firent plus tard de son jeu un „merveilleux mélange", comme le dit son adorateur Aksakoff, qui s'exprime en ces termes: „Tout cet amalgame, éclairé par l'étonnante beauté scénique de la jeune actrice, rempli de sentiment et de feu, rendu dans les sons doux et sonores d'une voix enchanteresse, excitait l'entraînement, l'enthousiasme de tous et un tonnerre d'applaudissements". Un autre critique déclare dans le même temps que Sémenoff est perdue sans retour, qu'elle n'ira pas plus loin". Vaniteuse dans les petites choses, capricieuse et envieuse, elle tomba dans le gouffre des intrigues cachées, se chargeait de rôles qui ne lui convenaient pas et oubliait son âge. Ses exigences dépassaient toute borne: quand, en 1822, le fameux Katénine, colonel du régiment Préobragensky, se permit, avec le reste des spectateurs, d'exprimer son mécontentement de voir apparaître Mme Azarévitcheff, sa protégée, dans le rôle principal de la tragédie „Polyxène", „Hécube"-Sémenoff irritée se rendit chez le comte Miloradowitch pour porter plainte, et le gouverneur général dit à Katénine: „Notre primadonne Sémenoff ne veut point paraître sur la scène tant que vous serez juge de ses représentations; ce serait une grande privation pour le public, aussi je vous prie de ne plus aller au théâtre quand elle joue". Le prince Chakhowskoï la craignait et ne l'aimait pas: notre actrice, dit-il, avait une grande influence sur la direction, on l'estimait; son regard était expressif, son parler impérieux, sa taille majestueuse et quiconque la rencontrait hors de la scène, même sans la connaître, disait: „La voilà, Mme Sémenoff". Le meilleur rôle de ses dernières années fut „Zaremba" dans la „Fontaine de Bakhtchisaraï". En 1826, elle quitta la scène et s'établit à Moscou. Elle épousa en 1828 le prince I. A. Gagarine, avec lequel elle vécut 15 ans et eut un fils et 3 filles. De temps à autre elle apparaissait sur des théâtres privés et donnait des représentations de bienfaisance, mais elle recevait chez elle Pouchkine, les moscovites Aksakoff, Pogodine, Nadejdine... Les dernières années de sa vie furent attristées par le désagréable procès intenté par le sénateur M. M. Kornioline-Pinsky à sa femme, qui était l'aînée de ses filles, Nadejda Ivanowna (elle s'était mariée à 16 ans en 1833), procès qui finit par le divorce en 1859.

Sémenoff, veuve depuis l'année 1832, mourut à St-Pétersbourg le 1er mars 1849, frappée de paralysie, et fut enterrée au cimetière de Mitrofanieff.

(D'après un original de Ch. Brulloff, appartenant à I. Tzvetkoff, à Moscou.)

93

Авдотья Ильинична *Eudoxie Ilyinitchna*
Истомина, *Istomine,*
179 . — 1848 *179 . — 1848*

94

Пис. О. Кипренскій, 1828 *Peint par O. Kiprensky, 182*

Екатерина Александровна *Catherine Alexandrowna*
Телешова, *Telechoff,*
1805 — 1850 *1805 — 1850*

95

Пис. О. Кипренскій *Peint par O. Kiprensky*

Князь Иванъ Алексѣевичъ *Le Prince Ivan Alexéevitch*
Гагаринъ, *Gagarine,*
1771 — 1832 *1771 — 1832*

96

Пис. К. Брюллов. *Peint par Ch. Brulloff*

Екатерина Семеновна *Catherine Sémenowna*
Семенова, *Sémenoff,*
1786 — 1849 *1786 — 1849*

Князь МИХАИЛЪ НИКИТИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1713—1788, сынъ князя Никиты Федоровича отъ брака съ Аграфеной Петровной Бестужевой-Рюминой, родился 9 Октября 1713 года; вслѣдствіе опалы, постигшей Бестужевыхъ при Петрѣ II, Волконскій, послѣ заточенія въ монастырь его матери, жилъ въ ссылкѣ съ дядей, М. П. Бестужевымъ, въ Бѣлозерскѣ. Его помѣшавшійся отецъ игралъ роль шута при дворѣ Императрицы Анны. Послѣ прощенія въ 1732 г. братьевъ Бестужевыхъ, Государыня приказала зачислить 19-лѣтняго князя Волконскаго въ Кадетскій корпусъ; вышущенный оттуда въ 1736 г. подпоручикомъ, онъ отличился въ Турецкой войнѣ, а въ 1740 г. состоялъ адъютантомъ при Лифляндскомъ генералъ-губернаторѣ Ласси. 9 Ноября 1756 г. Волконскій, въ чинѣ генералъ-майора, былъ назначенъ министромъ при Польскомъ дворѣ и пробылъ въ Варшавѣ 2 года, заслуживъ расположеніе Августа III и орденъ Бѣлаго Орла. Опала, постигшая канцлера, не коснулась его племянника, и 15 Февраля 1758 г. Волконскій получилъ рескриптъ, обнадеживавшій его „о продолженіи неотмѣнной милости и благоволенія“. Назначенный 29 Августа 1758 г. въ дѣйствующую армію и командуя бригадой, онъ отличился при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ. Пожалованный въ генералъ-поручики, осенью 1761 г. былъ назначенъ командующимъ войсками, расположенными въ Познани, „къ сохраненію тишины въ Польшѣ“. Князь Волконскій былъ сторонникомъ Екатерины II и по воцареніи ея получилъ орденъ Александра Невскаго, званіе сенатора и чины генералъ-аншефа и подполковника Конной гвардіи. Въ 1764 г. онъ командовалъ корпусомъ въ Польшѣ, а въ 1767 г. получилъ орденъ св. Андрея и въ томъ же году, въ званіи генералъ-адъютанта, былъ депутатомъ отъ Сената въ Комиссіи для составленія Уложенія. 14 Ноября 1768 г. Волконскій выступилъ въ Совѣтѣ противъ Панина съ запросомъ о польскихъ дѣлахъ, вызвавшимъ замѣну въ Варшавѣ племянника Панина, крутого князя Репнина, самимъ княземъ Волконскимъ, какъ человѣкомъ болѣе мягкимъ и способнымъ примирить поляковъ съ Россіей. Прибывъ 22 Мая 1769 г. въ Варшаву, Волконскій увидѣлъ невозможность измѣнить политику своего предшественника: вслѣдствіе поддержки Россіей диссидентовъ „отъ самаго знатнаго вельможи до послѣдняго нищаго всѣ смертельно ненавидѣли все Московское“, а „непомѣрно слабый король не только ослабѣвалъ въ преданности своей къ интересамъ Россіи, но даже явно противъ нихъ дѣйствовалъ“, мечталъ о примиреніи „съ мятущеюся частью народа“, этой „мишмой націей“, по выраженію Волконскаго. Чтобы подѣйствовать на „зыбкій духъ“ короля, онъ ѣздилъ во дворецъ „постращать“ Станислава и указывалъ ему, что онъ „держится на престолѣ одними русскими войсками“. Князь Волконскій заботился объ устройствѣ конфедераціи изъ приверженцевъ Россіи, но не встрѣчалъ поддержки въ Петербургѣ, и въ началѣ 1771 г. оставилъ Варшаву. 5 Ноября 1771 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву для того, чтобы докончить дѣло успокоенія столицы, уже умиротворенной послѣ чумы и сентябрьскаго бунта Григоріемъ Орловымъ. Кромѣ того, Волконскому пришлось „успокоивать умы жителей“, возбужденные успѣхами Пугачева, и заботиться о соблюденіи порядка во время его казни. На него же было возложено и введеніе новыхъ губернскихъ учрежденій 1775 г. и при немъ для приведенія Москвы „въ благоустройство“ былъ учрежденъ „Каменный приказъ“, не принесшій, впрочемъ, пользы вслѣдствіе того, что самъ Волконскій противодѣйствовалъ ему, подъ вліяніемъ своего оберъ-полиціймейстера Архарова, недовольнаго изъятіемъ изъ вѣдомства полиціи строительныхъ дѣлъ. Уволенный въ 1780 г. въ отставку, Волконскій умеръ 8 Декабря 1788 г. и погребенъ въ семейной усыпальницѣ въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ.

Отъ брака съ дочерью кабинетъ-секретаря Петра I, Елизаветой Алексѣевной Макаровой, князь Волконскій имѣлъ двоихъ сыновей: Льва и Павла, и двухъ дочерей: Марію, умершую въ дѣтствѣ, и Анну, вышедшую замужъ за князя Александра Александровича Прозоровскаго.

Обходительный и хлѣбосольный, князь Волконскій былъ знающимъ администраторомъ. „Peu de personnes“, писалъ о немъ графъ С. Р. Воронцовъ, „connaissent aussi bien que lui l'intérieur de la Russie et ont des idées aussi saines sur l'administration qu'il convient d'y établir“. Какъ опытный администраторъ, онъ составилъ въ 1774 г. проектъ „о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи имперіи на губерніи“, какъ дипломатъ, князь Волконскій потерпѣлъ полную неудачу въ Польшѣ, дѣла которой въ эпоху Барской конфедераціи представляли полный хаосъ....

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince MICHEL NIKITITCH WOLKONSKY, 1713—1788, fils du prince Nicétas Féodorowitch et de sa femme Agrippine Pétrowna Bestoujeff-Rumine, naquit le 9 octobre 1713. Lorsque les Bestoujeff eurent encouru la disgrâce de Pierre II et que sa mère fut confinée dans un monastère, Wolkonsky vécut en exil avec son oncle, M. P. Bestoujeff, à Bélozersk. Son père, tombé en démence, joua le rôle de bouffon à la Cour de l'Impératrice Anne. Quand, en 1732, les frères Bestoujeff furent graciés, l'Impératrice fit entrer au corps des cadets le jeune prince qui avait dix-neuf ans. Il en sortit en 1736 sous-lieutenant et se distingua à la guerre de Turquie; en 1740, il devint aide de camp de Lassy, gouverneur général de Livonie et, le 9 novembre 1756, promu général-major, il fut nommé ministre à la cour de Pologne; il y resta deux ans, était bien vu d'Auguste III et reçut l'Aigle Blanc. La disgrâce encourue par le chancelier n'atteignit point son neveu, et le 15 février 1758, il reçut un rescrit qui lui assurait „la continuation de la faveur et des bonnes grâces du Souverain". Le 29 août 1758, il entra dans l'armée active et se distingua, à la tête d'une brigade, à Paltzig et à Kunersdorf. Promu au grade de lieutenant-général à l'automne de 1761, il commanda les troupes disposées en Posnanie „pour maintenir l'ordre en Pologne". Le prince Wolkonsky était un partisan de Catherine II et, à son avènement au trône, il reçut l'ordre d'Alexandre Newsky, la dignité de sénateur et les grades de général en chef et de lieutenant-colonel de la garde à cheval. En 1764, il commanda un corps d'armée en Pologne et, en 1767, il reçut St-André. Puis, en qualité d'aide de camp général, il fut le délégué du Sénat à la Commission chargée d'élaborer les codes. Le 14 novembre 1768, au Conseil, Wolkonsky adressa à Panine une interpellation sur les affaires de Pologne, ce qui amena le rappel de Varsovie du neveu de Panine, l'irascible prince Repnine, et son remplacement par le prince Wolkonsky, qui, grâce à son caractère malléable, semblait plus apte à concilier les Polonais. Il arriva le 22 mai 1769 à Varsovie et se vit bientôt dans l'impossibilité de changer la politique de son prédécesseur: comme la Russie soutenait les dissidents „tous, depuis le grand dignitaire jusqu'au dernier mendiant, détestaient mortellement tout ce qui venait de Moscou" et „le roi, d'une extrême faiblesse, non seulement faiblissait dans son dévouement aux intérêts russes, mais encore agissait ouvertement contre eux" et songeait à se concilier „la partie révoltée de la nation", cette „nation imaginaire", suivant Wolkonsky. Pour agir sur „l'esprit vacillant" du roi, il alla au palais „effrayer" Stanislas et lui démontrer que „seules les troupes russes le maintenaient sur le trône". Le prince Wolkonsky cherchait à créer une confédération des partisans de la Russie, mais il ne fut point soutenu par le gouvernement, et il quitta Varsovie au commencement de 1771. Le 5 novembre de la même année, il fut nommé commandant en chef de Moscou pour achever l'apaisement de la capitale après la peste et la révolte de septembre qu'avaient combattues le comte Grégoire Orloff. Il eut de plus à „tranquilliser les esprits" excités par le succès de Pougatcheff et à faire observer l'ordre pendant son supplice. Il eut aussi à introduire les nouvelles institutions gouvernementales de 1775 et pour mettre „le bon ordre" à Moscou, ce fut sous lui qu'on institua „l'ordonnance touchant les travaux de maçonnerie", qui du reste ne porta pas de fruit, car Wolkonsky la combattit sous l'influence de son grand-maître de police Arkharoff, mécontent qu'on enlevât les constructions du ressort de la police. Le prince Wolkonsky reçut son congé en 1780, mourut le 8 décembre 1788 et fut enterré dans le caveau de famille au monastère Pafnoutieff à Borovsk.

Il eut de son mariage avec la fille du secrétaire du cabinet de Pierre Ier, Elisabeth Alexéewna Makaroff, deux fils, Léon et Paul, et deux filles, Marie, qui mourut enfant, et Anne, mariée au prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky.

Affable et hospitalier, le prince Wolkonsky était un administrateur intelligent. „Peu de personnes", dit de lui le comte S. R. Worontzoff, „connaissent aussi bien que lui l'intérieur de la Russie et ont des idées aussi saines sur l'administration qu'il convient d'y établir". Il composa en 1774 un projet sur „l'amélioration des tribunaux et la division de l'Empire en gouvernements". Mais le prince subit comme diplomate un échec complet en Pologne, où les affaires étaient dans un désordre complet à l'époque de la confédération de Bar.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПРОЗОРОВСКІЙ**, 1732—1809, сынъ лейтенанта князя Алексапдра Никитича отъ второго его брака съ княжной Анной Борисовной Голицыной, въ 1742 г. зачисленный солдатомъ въ Семеновскій полкъ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и былъ раненъ въ сраженіяхъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ и Цорндорфѣ. Послѣ войны Прозоровскій командовалъ послѣдовательно пѣхотными полками—Углицкимъ, С.-Петербургскимъ и 4-мъ Гренадерскимъ. Произведенный въ 1764 г. въ генералъ-майоры, онъ въ 1766 и 1767 гг. стоялъ съ „деташементомъ“ въ Варшавѣ, а въ 1768 г. нанесъ пораженіе конфедератамъ при Бродахъ, за что получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Во время Турецкой войны, съ 1769 г., Прозоровскій служилъ въ арміи князя Долгорукаго-Крымскаго и былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика, Александровской лентой, Георгіемъ 3-й ст. и вотчиной въ Бѣлоруссіи. Съ 1775 по 1780 г. онъ командовалъ Украинской дивизіей, при чемъ въ 1777 г. получилъ орденъ Георгія 2-й ст. „за крымскія дѣла“. Будучи съ 1780 по 1784 г. намѣстникомъ Орловскимъ и Курскимъ, князь Прозоровскій въ 1783 г. былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и 19 Февраля 1790 г. назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, съ награжденіемъ орденомъ св. Андрея. Назначеніе его въ Москву было однимъ изъ явныхъ признаковъ реакціи, наступившей въ концѣ царствованія Екатерины II. Ему было поручено подтянуть Москву, и онъ ознаменовалъ свое управленіе преслѣдованіемъ раскольниковъ, розыскомъ „якобинцевъ“ и полнымъ разгромомъ въ 1792 г. мартинистовъ, группировавшихся около Н. И. Новикова. Прозоровскій съ величайшей энергіей разыскивалъ и допрашивалъ мартинистовъ и послѣ рѣшенія ихъ участи долго еще жегъ отобранныя у нихъ вредныя книги. Екатерина, воспользовавшись его усердіемъ, тѣмъ не менѣе презрительно третировала его и не только ничѣмъ не наградила, но еще смѣялась надъ тѣмъ, что онъ въ 1793 г. „пріѣхалъ спрѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ“. Лишь въ 1795 г. Прозоровскій получилъ орденъ Владиміра 1-й ст., но 21 Марта покинулъ Москву. Павелъ I назначилъ его 24 Ноября 1796 г. командующимъ Смоленской дивизіей, но уже 6 Января 1797 г. сослалъ въ деревню, гдѣ онъ занялся откупами и нуждался въ покровительствѣ Владимірскаго губернатора князя И. М. Долгорукаго. Александръ I пригласилъ его вступить въ службу и пожаловалъ его жену въ статсъ-дамы. Въ 1806 г. Прозоровскій былъ начальникомъ 6-й области ополченія; пожалованный 30 Августа 1807 г. въ фельдмаршалы, онъ въ 1808 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турціей. Не сдѣлавъ на Дунаѣ ничего существеннаго, князь Прозоровскій, здѣсь, подъ Мачиномъ, и умеръ отъ дряхлости и обольщенія 9 Августа 1809 года; тѣло его погребено въ Кіево-Печерской лаврѣ. Отъ брака съ княжной Анной Михайловной Волконской онъ имѣлъ двухъ дочерей: Елизавету († 14 лѣтъ) и Анну (въ замужествѣ за княземъ Ф. С. Голицынымъ).

Не получившій образованія, ограниченный и надменный, посѣдѣвшій во фронтѣ, князь А. А. Прозоровскій не терпѣлъ вольнодумства и ненавидѣлъ якобинцевъ и масоновъ. Въ Новиковѣ и Лопухинѣ онъ видѣлъ опаснѣйшихъ враговъ государства и преслѣдовалъ ихъ съ энергіей и страстностью, не глушаясь угрозами и всѣми видами шпіонства. Онъ придавалъ такое значеніе аресту Новикова и обставилъ это дѣло такими военными предосторожностями, что графъ Разумовскій съ насмѣшкой замѣтилъ: „Вотъ расхвастался, какъ будто городъ взялъ! Да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать, такъ и притащилъ бы его“. Въ число запрещенныхъ книгъ онъ включилъ сдѣланный Карамзинымъ переводъ Шекспировскаго „Юлія Цезаря“ и, говорятъ, принялъ подстрочныя ссылки на стихи Священнаго Писанія за какую-то „опасную масонскую кабалистику“. Мѣтко охарактеризовалъ князя Прозоровскаго Потемкинъ въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ, по поводу назначенія его въ Москву: „Ваше Величество выдвинули изъ Вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ Вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ, только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince ALEXANDRE ALEXANDROWITCH PROZOROWSKY, 1732—1809, fils du lieutenant prince Alexandre Nikititch et de sa seconde femme la princesse Anne Borissowna Golitzyne, entra en 1742 comme soldat au régiment Sémenowsky, prit part à la Guerre de Sept Ans et fut blessé à Gross-Egersdorf et à Zorndorf. Après la guerre, Prozorowsky commanda les régiments d'infanterie d'Ouglitz, de St-Pétersbourg et le 4e grenadiers. Nommé en 1764 général major, il occupa en 1766 et en 1767 Varsovie avec „un détachement". En 1768, il remporta une victoire sur les confédérés à Brody, ce qui lui valut Ste-Anne de 1re classe. Pendant la guerre de Turquie, Prozorowsky fut, dès 1769, attaché à l'armée du prince Dolgorouky-Krymsky; il y fut promu général-lieutenant et reçut le grand cordon de St-Alexandre, St-Georges de 3e classe et un domaine dans la Russie Blanche. De 1775 à 1780, il commanda la division de l'Ukraine et obtint en 1777 St-Georges de 2e classe „pour les affaires de Crimée". De 1780 à 1784, il fut vice-roi d'Orel et de Koursk et nommé en 1783 général en chef. Le 19 février 1790, il devint commandant en chef de Moscou et fut décoré de St-André. Cette nomination était un des symptômes de la réaction, qui commença à la fin du règne de Catherine II. Il fut chargé de faire rentrer Moscou dans l'ordre et, il se distingua par sa poursuite des dissidents, ses recherches „des jacobins", et la destruction complète en 1792 des martinistes, qui se groupaient autour de N. I. Novikoff. Prozorowsky rechercha et interrogea les martinistes avec la plus grande énergie et, longtemps après avoir décidé de leur sort, il brûla les livres pernicieux qu'il leur avait enlevés. Catherine, qui avait profité de son zèle, le traitait néanmoins avec mépris, et non seulement elle ne le récompensa pas, mais encore se moqua de ce qu'en 1793, „il était venu chercher une récompense pour avoir détruit les martinistes". Il ne reçut qu'en 1795 St-Vladimir de 1re classe, et, le 21 mars, il dut quitter Moscou. Paul Ier le nomma le 24 novembre 1796 commandant de la division de Smolensk et le renvoya le 6 janvier 1797 dans ses terres, où il avait le monopole de la vente des spiritueux et recourait à la protection du gouverneur de Vladimir, le prince I. M. Dolgorouky. Alexandre Ier l'invita à rentrer au service et nomma sa femme dame d'honneur. En 1806, Prozorowsky était chef de la milice du 6e arrondissement. Nommé maréchal le 30 août 1807, il fut appelé en 1808 au commandement en chef lors de la guerre de Turquie. Il ne se distingua pas sur le Danube et mourut le 9 août 1809 à Matchine de décrépitude et d'indigestion. Il fut enterré à la laure Kievo-Pétchersk. Il eut de son mariage avec la princesse Anne Mikhaïlowna Volkonsky deux filles, Elisabeth († à 14 ans) et Anne (mariée au prince F. S. Golitzyne).

Homme sans instruction, borné et hautain, le prince Prozorowsky, qui avait blanchi au service militaire, ne pouvait souffrir la libre-pensée et détestait jacobins et francs-maçons. Il voyait en Novikoff et en Lopoukhine les ennemis les plus dangereux de l'Etat, les poursuivait avec énergie et passion et ne reculait pas devant les menaces et toute sorte d'espionnage. Il donna une telle importance à l'arrestation de Novikoff et prit de telles mesures de précaution, que le comte Razoumowsky dit avec malice: „Il ne cesse de se vanter comme s'il avait pris une ville! Mais s'il l'avait envoyé chercher par un adjoint de maire de village ou un boulanger, il l'aurait attrapé". Il mettait au nombre des livres prohibés la traduction de Jules César de Shakespeare faite par Karamzine, et prit, dit-on, des citations interlinéaires de versets de la Bible pour „une science cabalistique maçonnique dangereuse". Le prince Potemkine caractérise le prince Prozorowsky avec beaucoup de justesse, quand il écrit à Catherine à propos de sa nomination à Moscou: „Madame, Vous avez pris de Votre arsenal le plus vieux canon, qui certainement frappera, mais à tort et à travers, et craignez qu'il ne souille de sang le nom de Votre Majesté".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь ФЕДОРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1781—1826, сынъ генералъ-аншефа князя Сергѣя Федоровича отъ его брака съ племянницей князя Потемкина, Варварой Васильевной Энгельгардтъ (см. т. II, №№ 7 и 58), восьми лѣтъ отъ роду былъ уже вахмистромъ лб.-гв. Коннаго полка, а въ 1792 г. произведенъ въ корнеты; 7 Января 1797 г. переведенъ въ Кавалергардскіе эскадроны; въ Мартѣ 1798 г. произведенъ въ подпоручики, а 28 Октября отставленъ отъ службы. Вигель даетъ слѣдующую характеристику князя Голицына: „Князь Федоръ не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ былъ бы замѣчателенъ. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ пріобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ тотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его выказывать, а неимущему скрывать его недостатки. Въ немъ образовался князь Федоръ Голицынъ, а какъ французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ. Казалось, онъ взялъ себѣ девизомъ—„все для большого свѣта, его успѣховъ и наслажденій“. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой дѣлали наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодости, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія. Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необычайнымъ вкусомъ: что касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всѣми драгоцѣнными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій геній. Еще одну великую способность имѣлъ князь Федоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно приготовлять великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ“. „Я слышалъ“, пишетъ В. Соллогубъ, „еще разсказъ о томъ, что однажды Государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ на Гатчинской эспланадѣ. Вдругъ, передъ развернутымъ фронтомъ, пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Ф. С. Голицынъ“. Въ описываемое время, относящееся къ началу царствованія Императора Александра I, князь Голицынъ былъ въ званіи камеръ-юнкера (съ 15 Сентября 1801 г.); въ 1804 г. пожалованъ онъ камергеромъ, съ причисленіемъ къ Московскому архиву Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Къ этому времени относятся слѣдующія строки изъ воспоминаній Вигеля: Князь Ф. С. Голицынъ „находилъ, что не иначе можно блистать, какъ въ столицѣ и при Дворѣ; а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ. Много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственной дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14.000 душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Отъ великолѣпій Двора по временамъ отдалялся онъ, чтобы мѣнять ихъ на пышность своего собственнаго великокняжескаго житья, которое памперъ былъ завести онъ въ отдаленномъ помѣстьѣ. Ему хотѣлось, чтобы замокъ его походилъ на Павловскій дворецъ; огромный, красивый прудъ хотѣлъ онъ обратить въ широкую рѣчку; для открытія видовъ дѣлалъ просѣки и рубилъ славныя деревья въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ цѣнится золотомъ, однимъ словомъ, знатнымъ образомъ куралесилъ“... 1 Іюля 1817 г. князь Ф. С. Голицынъ былъ назначенъ егермейстеромъ и начальникомъ Егермейстерской конторы, гдѣ и прослужилъ до 1825 г., когда вышелъ въ отставку. Въ Январѣ слѣдующаго 1826 года онъ умеръ и похороненъ въ своемъ родовомъ имѣніи Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Голицыну-Прозоровскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince THÉODORE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1781—1826, fils du général en chef prince Serge Féodorowitch de son mariage avec la nièce du prince Potemkine, Varvara Vassiliewna Engelhardt (v. T. II, №№ 7 et 58), était déjà, à l'âge de sept ans, maréchal des logis dans la garde à cheval et, en 1792, promu cornette; le 7 janvier 1797, il passa aux chevaliers-gardes, en mars 1798, fut nommé sous-lieutenant et, le 28 octobre, mis en disponibilité. Viegel caractérise ainsi le prince Golitzyne: „Le prince Théodore se ferait remarquer non seulement dans notre société restreinte, mais même dans la plus brillante et la plus nombreuse. Ayant reçu une éducation aussi déplorable que celle de ses frères, il acquit pourtant dans le commerce de la haute société ce bon ton qui donne à un homme d'esprit tant d'occasions d'en faire parade, et à celui qui n'en a pas, le moyen de cacher ses défauts. Voilà l'éducation que reçut le prince Golitzyne, et comme le français était le signe distinctif du bon ton, il le maniait si aisément et si élégamment que je n'en avais point entendu de pareil jusqu'alors. On aurait pu croire qu'il avait pris pour devise: „Tout pour le grand monde, ses succès et ses délices". Et voilà pourquoi j'ai connu peu de personnes qui eussent autant d'affabilité mondaine et d'esprit. Son visage, semblable à celui d'une nourrice russe, blanc, plein, large, vermeil, mais au regard perçant et au sourire séduisant, rendait son extérieur très agréable; étant jeune, par les artifices de la toilette, il sut élégamment atténuer son embonpoint extraordinaire. Il chantait les romances à ravir et s'appliquait à la lecture des romans; c'est à cela, à ce qu'il paraît, que se bornaient toutes ses connaissances. En outre il était doué d'un goût hors de pair et s'entendait à arranger les chambres et à les orner de mille bibelots précieux mieux que personne, c'était un vrai génie pour les trouvailles de ce genre. Le prince Théodore avait encore un grand talent: il n'y avait personne en Russie qui sût aussi bien que lui organiser des fêtes magnifiques et en être l'ordonnateur". „J'ai entendu raconter", écrit V. Sollohub, „que l'Empereur se disposait une fois à passer en revue un régiment de cavalerie sur l'esplanade de Gatchina. Tout à coup, une cavalcade inattendue passa ventre à terre devant le front des troupes. En tête galopait à bride abattue une dame d'une corpulence phénoménale, en amazone verte et en chapeau à plumes. Un effronté petit-maître caracolait à ses côtés et se répandait en amabilités. Une suite peu nombreuse les suivait encore. Cette mascarade intempestive fut arrêtée sur-le-champ. Celui qui était déguisé en dame était le prince obèse Th. Golitzyne". A l'époque que nous décrivons et qui se rapporte au commencement du règne de l'Empereur Alexandre Ier, le prince Golitzyne était gentilhomme de la chambre (à partir du 15 septembre 1801); en 1804, il fut fait chambellan et attaché aux archives du Collège des affaires étrangères de Moscou.

C'est à ce moment qu'ont trait les lignes suivantes des mémoires de Viegel: „Il jugeait qu'on ne pouvait briller autrement que dans la capitale et à la Cour; et comme toutes les facultés de son esprit, et il en avait de reste, y étaient tendues, il y réussissait complètement. Ce qui contribua beaucoup à cela fut son mariage avantageux avec la fille unique du feld-maréchal prince Prozorowsky qui avait quatorze mille serfs desquels, dans la suite, il ne lui resta guère que la dixième partie. Il s'éloignait de temps à autre des magnificences de la Cour pour les échanger contre l'appareil d'une existence toute princière qu'il voulait établir dans son domaine lointain. Il aurait voulu que son château ressemblât au palais de Pavlowsk; il désirait faire d'un immense et bel étang une petite rivière; pour se créer de nouveaux points de vue, il faisait faire des trouées et abattre des arbres superbes dans des steppes où le bois vaut de l'or; en un mot, il faisait des bévues en grand"... Le 1er juillet 1817, le prince obtint la charge de veneur et de directeur des Bureaux de la vénerie, où il servit jusqu'en 1825, lorsqu'il prit sa retraite. Il mourut au mois de janvier de l'année suivante (1826) et fut enseveli à Zoubrilowka, son bien héréditaire, dans le district de Balachoff, gouvernement de Saratoff.

(D'après une miniature, appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, St-Pétersbourg.)

Княгиня АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА, 1782—1863, родилась 28 Декабря 1782 года. Послѣдняя въ родѣ князей Прозоровскихъ, она была младшею изъ двухъ дочерей фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровскаго (р. 1732 г., † 1809 г.) отъ брака его съ княжною Анной Михайловной Волконской (р. 1747 г., † 1824 г.). Пожалованная во фрейлины въ день коронаціи Императора Александра I, 15 Сентября 1801 года, она вышла замужъ 14 Февраля 1809 г. за князя Федора Сергѣевича Голицына, которому принесла громадное состояніе, унаслѣдованное ею отъ бездѣтныхъ дядей по матери, князей Волконскихъ. Живя до замужества съ матерью, она состояла вмѣстѣ съ тѣмъ свитною фрейлиною Императрицы Маріи Ѳеодоровны; воспитанная въ ея школѣ, княжна Прозоровская усвоила себѣ многія черты характера и привычки Государыни, какъ-то: любовь „къ строгому порядку въ жизни, къ постоянному труду, къ ходьбѣ во всякую погоду, къ открытымъ окнамъ, даже сквозникамъ“... Умная женщина, съ характеромъ благороднымъ и независимымъ, она не раздѣляла любви своего мужа къ роскошной свѣтской жизни, предпочитая чтеніе и домашнюю обстановку въ обществѣ дѣтей. Лѣтнее время любила проводить въ Саратовскомъ имѣніи Голицыныхъ, с. Зубриловкѣ, гдѣ много занималась устроеннымъ ея мужемъ на собственныя средства Институтомъ для дочерей мѣстныхъ дворянъ, пользовавшимся покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ той же Зубриловкѣ она провела безвыѣздно пять лѣтъ послѣ смерти мужа, когда разстроенныя его широкимъ образомъ жизни дѣла потребовали продажи Петербургскаго дома, дачи въ Царскомъ Селѣ, картинной галлереи и даже закрытія Института въ Зубриловкѣ. Здѣсь она занялась воспитаніемъ дѣтей, которыхъ держала въ строгой дисциплинѣ, но предоставляя имъ свободу движеній на воздухѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ началѣ 30-хъ годовъ, когда старшіе сыновья ея поступили въ военную службу, княгиня А. А. Голицына заняла видное положеніе въ свѣтѣ, была кавалерственною дамою ордена св. Екатерины, но сохранила свои привычки къ простому и спартанскому образу жизни; „каждый день, въ 8 ч. утра, во всякую погоду она ходила со своей дочерью гулять по городу въ сопровожденіи цѣлой стаи уродливыхъ собакъ, которыхъ она очень любила, и при которыхъ состоялъ карликъ Иванъ Васильевичъ“. По свидѣтельству Вигеля, „она любила читать классическихъ авторовъ и изучать древнюю исторію; если же принимала участіе во всѣхъ свѣтскихъ собраніяхъ, гдѣ блистала своимъ умомъ, то только въ угоду мужу и въ силу чувства долга, который всегда ставила выше всего“. Голицына имѣла „всѣ свойства европейскихъ аристократокъ прежняго времени: отличалась умомъ и добротой, она въ то же время была холодна и надменна и дѣлалась любезна только съ коротко знакомыми людьми. Ея учтивость безъ малѣйшей улыбки казалась обидной ея сосѣдямъ по Зубриловкѣ, которые поэтому рѣдко посѣщали ее, и ея общество ограничивалось тѣснымъ домашнимъ кругомъ изъ наемныхъ иностранокъ и иностранцевъ“.

Княгиня Голицына скончалась въ Петербургѣ, 81 года, 12 Декабря 1863 г., пережившъ многихъ изъ своихъ дѣтей; тѣло ея было перевезено въ Зубриловку и предано землѣ рядомъ съ мужемъ. У нея было шесть сыновей: князья: Александръ (р. 1810 г., † 1899 г.), Сергѣй (р. 1812 г., † 1849 г.), Михаилъ (р. 1813 г., † 1814 г.), Давидъ (р. 1816 г., † 1855 г.), Константинъ (р. 1818 г., † 1884 г.) и Борисъ (р. 1819 г., † 1896 г.), и три дочери, изъ коихъ старшая, княжна Таисія (р. 1811 г., † 1812 г.), умерла въ дѣтствѣ, а младшая, Александра (р. 1817 г., † 1841 г.), скончалась незамужней, вторая же, княжна Юлія (р. 1814 г., † 1881 г.), была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ.

10 Ноября 1852 г. Высочайше разрѣшено старшему сыну княгини Анны Александровны, князю Александру Федоровичу Голицыну, съ нисходящимъ его потомствомъ, именоваться княземъ Голицынымъ-Прозоровскимъ.

(Съ миніатюры Тангермана, 1809 г., принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

La princesse **ANNA ALEXANDROWNA GOLITZYNE**, 1782—1863, est née le 28 décembre 1782; c'était la cadette des deux filles du feld-maréchal prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky (1732—1809) de son mariage avec la princesse Anna Mikhaïlowna Wolkonsky (1747—1824) et la dernière de la race des princes Prozorowsky. Le jour du couronnement de l'Empereur Alexandre Ier, le 15 septembre 1801, elle fut nommée demoiselle d'honneur et, huit ans après, le 14 février 1809, elle épousa le prince Théodore Golitzyne, auquel elle apporta en dot une immense fortune qu'elle tenait de ses oncles maternels, les princes Wolkonsky qui n'avaient pas d'enfants. Elle vécut jusqu'à son mariage avec sa mère et fut attachée en même temps, en qualité de demoiselle d'honneur, à la suite de l'Impératrice Marie Féodorowna; élevée à son école, la princesse Prozorowsky s'assimila beaucoup de traits du caractère de l'Impératrice et toutes ses habitudes: elle aimait „un ordre réglé dans la vie, un travail continuel, les promenades par n'importe quel temps, l'air et même les courants d'air". C'était une femme intelligente, au caractère noble et indépendant, qui ne partageait pas l'attachement de son époux pour la vie brillante du monde, y préférant la lecture et le foyer domestique dans la compagnie de ses enfants. Elle aimait à passer l'été à Zoubrilowka (gouv. de Saratoff), domaine des Golitzyne, où elle s'occupait beaucoup de l'Institut des filles des nobles de l'endroit, élevé aux frais personnels de son mari et placé sous le patronage de l'Impératrice Marie Féodorowna. C'est à Zoubrilowka qu'elle passa cinq ans de suite après la mort de son mari dont les affaires, délabrées à cause de son grand train de vie, la forcèrent alors à vendre leur maison de Pétersbourg, leur campagne de Tsarskoïé-Sélo, leur galerie de tableaux et même à fermer l'Institut de Zoubrilowka. Elle s'y occupa de l'éducation de ses enfants, les élevant sous une discipline sévère, mais leur accordant toute liberté de mouvement en plein air. De retour à Pétersbourg, au commencement de 1830, lorsque ses fils aînés embrassèrent la carrière militaire, la princesse Golitzyne occupa une grande place dans le monde, fut dame de Ste-Catherine, mais n'en conserva pas moins ses habitudes d'existence simple et spartiate: „chaque jour, à 8 heures du matin, n'importe par quel temps, elle allait se promener par les rues avec sa fille accompagnée de toute une troupe de chiens difformes qu'elle aimait beaucoup, confiés aux soins du nain Ivan Vassiliewitch". Viegel rapporte „qu'elle aimait à lire les auteurs classiques et à étudier l'histoire ancienne; si elle prenait part à toutes les assemblées mondaines, où elle brillait par son esprit, ce n'était que pour plaire à son mari et pour accomplir son devoir qu'elle mettait au-dessus de tout". La princesse Golitzyne „avait toutes les qualités distinctives des grandes dames de son époque: elle se distinguait par son esprit et sa bonté tout en étant froide et hautaine, et ne devenait affable qu'avec les personnes qu'elle connaissait de longue date. Sa politesse outrée paraissait offensante à ses voisins de Zoubrilowka qui évitaient de la voir, et sa société se bornait à un entourage très restreint d'étrangers et d'étrangères à gages".

La princesse Golitzyne mourut à Pétersbourg, à l'âge de 81 ans, le 12 décembre 1863, après avoir survécu à beaucoup de ses enfants; ses restes furent transportés à Zoubrilowka et inhumés aux côtés de son époux. Elle eut six fils, les princes: Alexandre (1810—1899), Serge (1812—1849), Michel (1813—1814), David (1816—1855), Constantin (1818—1884) et Boris (1819—1896), et trois filles, dont l'aînée, la princesse Thaïs (1811—1812), mourut en bas âge, et la cadette, la princesse Alexandrine (1817—1841), mourut sans s'être mariée; quant à la deuxième, la princesse Julie (1814—1881), elle épousa le prince Alexis Kourakine.

Le 10 novembre 1852, le prince Alexandre Golitzyne, fils aîné de la princesse Anna Alexandrowna, reçut, pour lui et pour sa descendance, l'autorisation impériale de porter le nom de prince Golitzyne-Prozorowsky.

(D'après une miniature de Tangermann, 1809, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

97

Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій,
1713 — 1789

Le Prince Michel Nikititch Wolkonsky,
1713 — 1789

98

Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій,
1732 — 1809

Le Prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky,
1732 — 1809

99

Князь Федоръ Сергѣевичъ Голицынъ,
1781 — 1826

Le Prince Théodore Sergiéwitch Golitzyne,
1781 — 1826

100

Пис. Тангерманнъ, 1809
Княгиня Анна Александровна Голицына,
1782 — 1863

Peint par Tangermann, 1809
La Princesse Anna Alexandrowna Golitzyne,
1782 — 1863

Княгиня ЕКАТЕРИНА ДМИТРІЕВНА ВОЛКОНСКАЯ, 1749—1799, дочь князя Дмитрія Юрьевича Трубецкого († 9 Декабря 1792 г.), женатаго на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Одоевской († 4 Февраля 1788 г.), родилась 15 Сентября 1749 г.; уже немолодой вышла замужъ за генералъ-аншефа князя Николая Сергѣевича Волконскаго (р. 30 Марта 1753 г., † 3 Февраля 1821 г.; см. т. I, № 179). Скончалась она 8 Мая 1799 г., оставивъ единственную дочь Марію (р. 1790 г., † 7 Марта 1830 г.), которая вышла потомъ за графа Николая Ильича Толстого (р. 1797 г.) и сдѣлалась матерью знаменитаго писателя графа Льва Николаевича (р. 28 Августа 1828 г.).

Въ своихъ „воспоминаніяхъ“ Левъ Николаевичъ разсказываетъ о своемъ дѣдѣ со стороны матери слѣдующее: „Про дѣда я знаю то, что, достигнувъ высокихъ чиновъ генералъ-аншефа при Екатеринѣ, онъ вдругъ потерялъ свое положеніе, вслѣдствіе отказа жениться на племянницѣ и любовницѣ Потемкина, Варенькѣ Энгельгардтъ. На предложеніе Потемкина, онъ отвѣчалъ: „Съ чего онъ взялъ, чтобы я женился на его б....“. За этотъ отвѣтъ онъ не только остановился въ своей служебной карьерѣ, но былъ назначенъ воеводой въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ, кажется, до воцаренія Павла, когда вышелъ въ отставку и, женившись на княжнѣ Е. Д. Трубецкой, поселился въ полученномъ отъ своего отца имѣніи Ясной Полянѣ. Княгиня Екатерина Дмитріевна рано умерла, оставивъ моему дѣду единственную дочь Марію. Съ этой-то сильно любимой дочерью и ея компаньонкой француженкой и прожилъ мой дѣдъ до своей смерти, около 1821 года. Дѣдъ мой считался очень строгимъ хозяиномъ, но я никогда не слыхалъ разсказовъ о его жестокостяхъ и наказаніяхъ, столь обычныхъ въ то время. Я думаю, что они были, но восторженное уваженіе къ его важности и разумности было такъ велико въ дворовыхъ и крестьянахъ его времени, которыхъ я часто разспрашивалъ про него, что, хотя я и слышалъ осужденія моего отца, я слышалъ только похвалы уму, хозяйственности и заботѣ о крестьянахъ и въ особенности огромной дворнѣ моего дѣда. Онъ построилъ прекрасныя помѣщенія для дворовыхъ и заботился о томъ, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одѣты и веселились бы. По праздникамъ онъ устраивалъ для нихъ увеселенія, качели, хороводы. Еще болѣе онъ заботился, какъ всякій умный помѣщикъ того времени, о благосостояніи крестьянъ, и они благоденствовали, тѣмъ болѣе, что высокое положеніе дѣда, внушая уваженіе становымъ, исправникамъ и засѣдателю, избавляло ихъ отъ притѣсненія начальства. Вѣроятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Всѣ его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таковъ же разбитый имъ паркъ передъ домомъ. Вѣроятно, онъ также очень любилъ музыку, потому что только для себя и для матери держалъ свой хорошій небольшой оркестръ. Я еще засталъ огромный, въ три обхвата вязъ, росшій въ клину липовой аллеи, и вокругъ котораго были сдѣланы скамьи и пюпитры для музыкантовъ. По утрамъ онъ гулялъ по аллеѣ, слушая музыку. Охоты онъ терпѣть не могъ, а любилъ цвѣты и оранжерейныя растенія“. Далѣе Левъ Николаевичъ разсказываетъ: „Странная судьба и самымъ страшнымъ образомъ свела его съ той самой Варенькой Энгельгардтъ, за отказъ отъ которой онъ пострадалъ во время своей службы. Варенька эта вышла за князя Сергѣя Федоровича Голицына, получившаго вслѣдствіе этого всякаго рода чины, ордена и награды. Съ этимъ-то Сергѣемъ Федоровичемъ и его семьей, слѣдовательно и съ Варварой Васильевной, сблизился мой дѣдъ до такой степени, что мать моя была съ дѣтства обручена одному изъ десяти сыновей Голицына“.... Едва ли это не было только семейнымъ преданіемъ, и самъ Л. Н. Толстой сомнѣвается въ его достовѣрности.

(Съ портрета Рокотова; собственность графа Л. Н. Толстого, Ясная Поляна, Тульской губ.)

La princesse CATHERINE DMITRIEWNA WOLKONSKY, 1749—1799, fille du prince Dmitri Youriéwitch Troubetzkoï († le 9 décembre 1792), marié à la princesse Varvara Ivanowna Odoewsky († le 4 février 1788), est née le 15 septembre 1749; épousa, n'étant plus très jeune, le général en chef prince Nicolas Serguéewitch Wolkonsky (né le 30 mars 1753, † le 5 février 1821; v. T. I, № 179). Elle mourut le 8 mai 1799, laissant une fille unique, Marie (née en 1790, † le 7 mars 1830), qui épousa dans la suite le comte Nicolas Ilyitch Tolstoï (né en 1797) et fut la mère du comte Léon Tolstoï, le célèbre écrivain (né le 28 août 1828).

Dans son „Autobiographie" (La Revue, 1906, № 10) le comte Léon Tolstoï raconte sur son grand-père maternel ce qui suit: „De mon grand-père maternel, je sais, qu'après avoir atteint le grade élevé de général en chef, au temps de Catherine, il perdit d'un coup sa situation à cause de son refus d'épouser la nièce de Potemkine, en même temps sa maîtresse, Varenka Engelhardt. A la proposition de Potemkine, il répondit: „Où a-t-il pris que je sois capable d'épouser sa g.....". Cette réponse non seulement lui brisa sa carrière, mais lui valut d'être nommé gouverneur d'Arkhangel où il resta jusqu'au règne de Paul. Quand il prit sa retraite, après avoir épousé la princesse Catherine Dmitriewna Troubetzkoï, il s'installa dans son domaine d'Iasnaïa Poliana qu'il tenait de son père Serge Féodorowitch. La princesse Catherine Dmitriewna mourut très tôt laissant à mon grand-père une fille unique, Marie. C'est avec cette fille, qu'il aimait profondément, et sa dame de compagnie, une Française, que grand-père vécut jusqu'à sa mort survenue en 1821. Mon grand-père avait la réputation d'un maître très sévère, mais je n'ai jamais rien entendu raconter de ses cruautés ni des punitions habituelles en son temps; je pense qu'elles existaient, mais le respect enthousiaste que lui valaient son importance et sa sagesse était si grand, que de ses domestiques et ses paysans que j'ai interrogés souvent sur lui, je n'ai entendu que des louanges pour son esprit et pour le souci qu'il prenait de ses paysans et de son immense domesticité. Il fit construire de très beaux bâtiments pour les domestiques, et veillait à ce qu'ils fussent non seulement rassasiés, mais bien vêtus et joyeux. Pendant les fêtes, il organisait pour eux des jeux: les escarpolettes, les rondes....

„Comme chaque propriétaire intelligent de son temps, il se souciait encore davantage du bien-être de ses paysans qui étaient d'autant plus heureux que, comme la haute situation de mon grand-père et l'importance de sa personne inspiraient le respect des policiers, ils étaient débarrassés des oppressions des autorités.

„Il devait avoir le sentiment esthétique très développé: toutes ses constructions non seulement sont solides et commodes, mais élégantes, ainsi que le parc qu'il fit tracer devant la maison. Il devait aussi aimer la musique, car, pour lui et ma mère, il organisa un orchestre, petit, mais très bon. J'ai trouvé encore dans l'allée des tilleuls, un gros orme de trois brassées, autour duquel on avait fait des bancs et des pupitres pour les musiciens. Le matin, en se promenant dans l'allée, il écoutait la musique. Il détestait la chasse, mais aimait les fleurs et les plantes de serre". Plus loin, Tolstoï continue ainsi son récit: „Le sort le réunit de la façon la plus étrange avec cette même Varenka Engelhardt qu'il avait refusé d'épouser, ce qui lui avait valu sa disgrâce. Cette Varenka avait épousé le prince Serge Féodorowitch Golitzyne qui reçut, à cause de ce mariage, des grades et des récompenses de toutes sortes. C'est avec lui et sa famille, et par conséquent avec Varvara Vassiliewna, que s'acoquina mon grand-père jusqu'à tel point, que ma mère, dès l'enfance, fut fiancée à l'un des dix fils Golitzyne".... Ce n'était sans doute qu'une tradition de famille, et Tolstoï lui-même ne semble pas y ajouter grande foi.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au comte L. Tolstoï, Iasnaïa Poliana, gouv. de Toula.)

102

Князь **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ**, 1751—1811, сынъ подполковника князя Ивана Федоровича (р. 1694 г., † 1750 г.), женатаго на княжнѣ Татьянѣ Григорьевнѣ Моркиной, въ 1751 г. былъ поручикомъ Брянскаго Ландмилицкаго полка, въ 1793 г. былъ секундъ-майоромъ въ отставкѣ. Человѣкъ богатый, онъ владѣлъ домомъ въ Москвѣ, въ Гнѣздникахъ, и имѣлъ болѣе 1200 душъ въ уѣздахъ, Черньскомъ, Бѣлевскомъ, Крашевенскомъ и Егорьевскомъ, и въ Орловскомъ намѣстничествѣ. Умеръ онъ вдовцомъ (имя жены неизвѣстно) 4 Мая 1811 г.; у него было 3 сына: Михаилъ (р. 1769 г.), Василій (р. 1771 г.) и Александръ († до 1797 г., въ молодости), и 2 дочери: Пелагея (р. 1762 г., † 25 Мая 1838 г.), бывшая въ замужествѣ за графомъ Ильею Андреевичемъ Толстымъ († 1820 г.), дѣдомъ графа Льва Николаевича Толстого, и Наталія (р. 1768 г.), въ замужествѣ за Леонтіемъ Ивановичемъ Депрерадовичемъ.

„Моя бабушка, Пелагея Николаевна“, пишетъ графъ Л. Н. Толстой, „была дочерью слѣпого князя Николая Ивановича Горчакова, имѣвшаго большое состояніе. Насколько я могу составить себѣ о ней понятіе, это была женщина малообразованная и весьма ограниченная. Какъ и всѣ въ то время, она знала французскій языкъ лучше русскаго (впрочемъ, этимъ и ограничивалось ея образованіе). Сначала ее очень баловалъ отецъ, затѣмъ мужъ и, наконецъ, уже на моей памяти, ея сынъ. Помимо этого, какъ старшая въ семьѣ, она пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ Горчаковыхъ“... Въ смутныхъ воспоминаніяхъ дальняго дѣтства Льва Николаевича „удивительная бабушка“, которая при умываньи умѣла дѣлать „такіе красивые необычайные мыльные пузыри на рукахъ“, рисуется капризной и строптивой барыней, страстно любившей отца (своего сына) и внуковъ, считавшей мать недостойной отца и ревновавшей ее къ послѣднему; „ея бѣлое, довольное, улыбающееся лицо“ то возникаетъ въ памяти внука вмѣстѣ съ восхитительными пузырями, то съ орѣхами, которые она любила собирать въ саду, то она вспоминается ему „засыпавшей, въ бѣломъ чепцѣ, ежедневно подъ однообразныя сказки слѣпца Льва Степановича“.

(Съ портрета, принадлежащаго графу Л. Н. Толстому, Ясная Поляна, Тульской губ.)

102

Le prince **NICOLAS IVANOWITCH GORTCHAKOFF**, 1731—1811, fils du lieutenant-colonel prince Ivan Féodorowitch (1694—1750), marié à la princesse Tatiana Grigoriewna Mortkine, en 1751 fut lieutenant au régiment territorial de Briansk, en 1793 était major retraité. Il était riche et possédait une maison à Moscou, aux Gniezdniky, et avait plus de 1200 serfs dans les districts de Tchernsk, de Biéleff, de Krapivensk et d'Egorieff et dans la lieutenance d'Orel. Il mourut veuf (le nom de sa femme est inconnu) le 4 mai 1811; il eut trois fils: Michel (né en 1769), Basile (né en 1771) et Alexandre (mort tout jeune, avant 1797), et deux filles: Pélagie (née en 1762, † le 25 mai 1838), qui épousa le comte Ilia Andréewitch Tolstoï († 1820), grand-père du comte Léon Tolstoï, et Natalie (née en 1768), qui épousa Léonce Ivanowitch Depréradowitch.

„Ma grand'mère, Pélagie Nikolaewna", écrit le comte L. Tolstoï (La Revue, 1906, № 10), „était la fille d'un aveugle, le prince Nicolas Ivanowitch Gortchakoff, qui avait ramassé une grande fortune. Autant que je puis me faire une idée de sa personne, c'était une femme peu instruite et pas très intelligente. Comme tous alors, elle savait le français mieux que le russe (et c'est à quoi se bornait son instruction). Elle fut d'abord très gâtée par son père, puis par son mari, et ensuite, déjà à ma connaissance, par son fils. En outre, comme fille aînée de la famille, elle jouissait d'un grand respect de tous les Gortchakoff".... Dans les vagues souvenirs de l'enfance lointaine de L. Tolstoï, „la remarquable grand'mère", qui en se lavant, savait faire „sur ses mains de si belles bulles de savon", nous apparaît comme une grande dame capricieuse et fantasque, aimant passionnément son père, son fils et ses petits-fils, trouvant la mère de l'écrivain indigne de son père et jalousant son affection pour lui; son blanc visage, content et souriant, se dresse dans sa mémoire tantôt avec ses admirables bulles de savon, tantôt avec les noisettes qu'elle aimait à cueillir dans son bosquet, tantôt son petit-fils se la rappelle, coiffée d'un bonnet blanc, s'endormant quotidiennement bercée par les contes monotones de Léon Stépanowitch, le conteur aveugle.

(D'après un original, appartenant au comte L. Tolstoï, Iasnaïa Poliana, gouv. de Toula.)

Графъ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 175 .—1820, родной дѣдъ графа Льва Николаевича, сынъ графа Андрея Ивановича (р. 1721 г., † 30 Іюня 1803 г.), женатаго на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Щетининой († 2 Февраля 1811 г.), былъ родной правнукъ перваго графа Толстого, знаменитаго современника и сподвижника Петра Великаго, особенно извѣстнаго по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича.

Въ военной службѣ графъ Толстой дослужился до чина бригадира, потомъ былъ Казанскимъ губернаторомъ и умеръ въ 1820 г. тайнымъ совѣтникомъ.

Онъ былъ женатъ на дочери секундъ-майора княжнѣ Пелагеѣ Николаевнѣ Горчаковой (р. 1762 г., † 1838 г.), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей: Николая (р. 1794 г., † 1837 г.; отецъ Льва Николаевича) и Илью, и 2 дочерей: Пелагею (за полковникомъ Вл. И. Юшковымъ) и Александру (за графомъ Остенъ-Сакеномъ).

„Мой дѣдъ, Илья Андреевичъ“, говорится въ автобіографіи знаменитаго его внука, „былъ, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ограниченный, очень кроткій, веселый и не только щедрый, но даже до глупости расточительный, весьма довѣрчивый. Въ его имѣніи Бѣлевскаго уѣзда, Поляне (не Ясной Поляне), то и дѣло бывали пиры, спектакли, балы и обѣды. Вдобавокъ у дѣдушки былъ одинъ недостатокъ—онъ былъ страстный игрокъ, и игралъ въ ломберъ, не имѣя понятія объ этой игрѣ; кромѣ того, онъ одолжалъ всякому встрѣчному деньги, которыхъ ему никто не возвращалъ, и пускался во всевозможныя предпріятія; все это вмѣстѣ взятое привело его къ полнѣйшему разоренію, и дѣдушка, заложивъ огромное помѣстье своей жены, былъ вынужденъ искать службы; при его связяхъ это было нетрудно: онъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ. Дѣдушка, какъ мнѣ говорили, не былъ взяточникъ, если не считать приношеній, которыя онъ получалъ отъ винныхъ откупщиковъ, что не считалось въ то время предосудительнымъ; онъ даже сердился, когда ему предлагали взятку. Но зато бабушка, судя по всему, что я слышалъ, не задумывалась брать приношенія тайно отъ мужа“. Какъ „пережитокъ барскихъ затѣй дѣдушки“, вспоминается Льву Николаевичу, „слѣпой разсказчикъ Левъ Степанычъ, который былъ купленъ дѣдушкой за его удивительное умѣнье говорить сказки, которыя онъ, со свойственной слѣпымъ памятью, повторялъ слово въ слово.... По вечерамъ онъ приходилъ въ бабушкину спальню, садился на низкій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая, не стѣснялась, совершала свой ночной туалетъ въ присутствіи слѣпца“: старушка засыпала подъ монотонный голосъ сказочника.

(Съ портрета, принадлежащаго графу Л. Н. Толстому, Ясная Поляна, Тульской губ.)

103

Le comte ILIA ANDRÉEWITCH TOLSTOÏ, 175.—1820, grand-père paternel du comte L. Tolstoï, fils du comte André Ivanowitch (né en 1721, † 30 juin 1803), marié à la princesse Alexandrine Ivanowna Chtchétinine († 2 février 1811), était le petit-fils du premier des comtes Tolstoï, le célèbre contemporain et émule de Pierre-le-Grand, particulièrement bien connu au sujet du procès de l'héritier Alexis Pétrowitch.

Au service, le comte Tolstoï atteignit le grade de brigadier, fut ensuite gouverneur de Kazan et, étant conseiller privé, mourut en 1820.

Il était marié à la princesse Pélagie Nikolaewna Gortchakoff, fille du major (1762—1838) dont il eut deux fils: Nicolas (1794—1837; père de Léon Tolstoï) et Ilia, et deux filles: Pélagie (mariée au colonel Uchkoff) et Alexandrine (qui épousa le comte Osten-Saken).

„Mon grand-père, Ilia Andréewitch", est-il dit dans „l'autobiographie" (La Revue 1906, № 10) de son célèbre petit-fils, „était aussi, me semble-t-il, un homme borné, très doux, très gai et non seulement généreux, mais bêtement prodigue et, principalement, très confiant. Dans son domaine du district de Biéleff, Poliani,—pas Iasnaïa Poliana, mais Poliani—ce n'était que festins, théâtres, bals, dîners. Tout cela joint au défaut de mon grand-père, joueur passionné, qui jouait l'ombre sans savoir jouer, et qui de plus, prêtait à tout venant des sommes qu'on ne lui rendait jamais, et aux nombreuses affaires qu'il entreprenait; tout cela se termina par la ruine, et grand-père, après avoir endetté la grande propriété de sa femme, dut solliciter un emploi, ce qui lui fut facile avec ses relations, et il fut nommé gouverneur de Kazan. Mon grand-père, m'a-t-on raconté, ne prenait pas de pots-de-vin, sauf des fermiers de l'alcool, ce qui était alors admis partout, et il se fâchait quand on lui en proposait. Mais, d'après ce que l'on m'a dit, ma grand'mère, à l'insu de son mari, acceptait parfaitement les pots-de-vin". Léon Tolstoï mentionne, comme „l'un des vestiges de l'antique seigneurie de son grand-père, le vieux conteur aveugle Léon Stépanitch que son grand-père avait acheté uniquement pour dire des contes, que grâce à la mémoire propre aux aveugles, il pouvait raconter mot à mot.... Le soir, il montait dans la chambre à coucher de grand'mère, s'asseyait sur le rebord de la fenêtre, très basse, où on lui apportait à souper de la table des maîtres. Ici il attendait grand'mère qui, sans se gêner, faisait sa toilette de nuit en présence de l'aveugle": grand'mère s'endormait au son de la voix monotone du conteur.

(D'après un original, appartenant au comte L. Tolstoï, Iasnaïa Poliana, gouv. de Toula.)

101

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Княгиня Екатерина Дмитріевна Волконская, 1749 — 1799 — *La Princesse Catherine Dmitrievna Wolkonsky,* 1749 — 1799

102

103

Князь Николай Ивановичъ Горчаковъ, 1731 — 1811 — *Le Prince Nicolas Ivanowitch Gortchakoff,* 1731 — 1811

Графъ Илья Андреевичъ Толстой, 175. — 1820 — *Le Comte Elie Andréewitch Tolstoï,* 175. — 1820

Свѣтлѣйшая княгиня ШАРЛОТТА КАРЛОВНА ЛИВЕНЪ, 1743—1828, рожденная фонъ-Поссе, жена генералъ-майора Андрея Романовича (Отто-Генрихъ) фонъ-Ливенъ (р. 1726 г., † 1781 г.), послѣ смерти мужа, не имѣя почти никакого состоянія, жила въ своемъ имѣніи, въ Прибалтійскомъ краѣ, посвятивъ себя воспитанію своихъ троихъ сыновей, Карла, Христофора и Ивана, и дочери Екатерины, вышедшей впослѣдствіи за барона Фитингофа. Когда, вслѣдъ за рожденіемъ Великой Княжны Александры Павловны, Екатерина II рѣшила избрать воспитательницу для своихъ внуковъ и внучекъ изъ среды Лифляндскаго дворянства, тогдашній Рижскій генералъ-губернаторъ, Браунъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Императрицы, предложилъ эту должность г-жѣ Ливенъ и не безъ усилій уговорилъ ее принять ее, указывая на выгоды придворной службы въ смыслѣ обезпеченія дальнѣйшей судьбы ея дѣтей. Разсказываютъ, что, по пріѣздѣ г-жи Ливенъ въ Царское, Екатерина II, стоя за ширмой, подслушала ея первый разговоръ съ встрѣтившимъ ее придворнымъ, въ которомъ г-жа Ливенъ, не стѣсняясь, жаловалась на трудности возлагавшейся на нее задачи, указывая на дурной примѣръ, подаваемый дворомъ и образомъ жизни самой Императрицы. Выйдя изъ-за ширмъ, Екатерина сказала г-жѣ Ливенъ: „Вы именно такая женщина, какая мнѣ нужна“, и съ первыхъ же шаговъ ея на новомъ поприщѣ облекла ее своимъ полнымъ довѣріемъ до такой степени, что вскорѣ отъ ея указаній стало зависѣть назначеніе къ Великимъ Княжнамъ даже низшихъ должностныхъ лицъ. При этихъ условіяхъ и при натянутыхъ отношеніяхъ Екатерины II къ Наслѣднику и его супругѣ, систематично устраняемыхъ ею отъ воспитанія дѣтей, положеніе Ш. К. Ливенъ было не изъ легкихъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря своему такту, она сумѣла, сохранивъ довѣріе Императрицы, снискать расположеніе Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, сдѣлавшись впослѣдствіи ея ближайшимъ другомъ. Состоя при дворѣ съ 1785 по 1828 годъ, т.-е. въ продолженіе 45 лѣтъ, Ливенъ не только воспитала всѣхъ дочерей Павла I, любившихъ ее, какъ мать, но принимала участіе въ воспитаніи и Великихъ Князей, которые называли ее „бабушкой“. Держась наружно въ сторонѣ отъ дѣлъ, она имѣла, однако, большое вліяніе на Императрицу Марію Ѳеодоровну, и ее считали опорой нѣмецкой партіи при дворѣ. До конца дней Ливенъ жила постоянно во дворцѣ. Она до такой степени боготворила Царскую фамилію, что послѣ событій 14 Декабря говорила, что не перенесетъ равнодушно, если бунтовщикамъ будетъ оказано помилованіе; правда и то, что почти на ея глазахъ совершилось злодѣяніе 11 Марта, и что ей пришлось первой объявить Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ Павла I. Въ теченіе своей долголѣтней придворной службы Шарлотта Карловна Ливенъ достигла высшихъ почестей и наградъ. Пожалованная Екатериною II въ 1794 г. въ статсъ-дамы и орденомъ св. Екатерины 1-й ст., она въ коронацію Павла I получила 1500 душъ крестьянъ, а 22 Февраля 1799 г. была возведена съ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Въ коронацію Александра I была награждена особымъ знакомъ отличія—драгоцѣнными браслетами съ портретами Императорской четы, а въ 1824 г.—портретомъ Императора, съ цѣнью для ношенія на шеѣ. Въ коронацію Николая I графиня Ливенъ была возведена съ ея потомствомъ въ княжеское достоинство, а въ Декабрѣ того же года получила титулъ свѣтлости. Въ княжескомъ гербѣ князей Ливенъ помѣщенъ двуглавый россійскій орелъ съ вензелями Императоровъ Павла и Николая I. Княгиня Ливенъ скончалась 24 Февраля 1828 г. и похоронена въ имѣніи Мезотенъ, въ Курляндіи; по случаю ея кончины при дворѣ былъ наложенъ трауръ на три дня.

„Дородная и величавая на видъ“, княгиня Ливенъ при большомъ умѣ, соединенномъ съ душевною добротою, строгою нравственностью и религіозностью, обладала большою твердостью, даже суровостью характера и чисто мужскою энергіею. Графъ Безбородко, говоря о ней, сожалѣлъ, „что генеральша Ливенъ не мужчина: она многихъ бы удобнѣе нашлася воспитывать князей молодыхъ“. Ея же свойствъ желалъ графъ С. Р. Воронцовъ всѣмъ генералъ-адъютантамъ Александра I. Строгое и неутомимое исполненіе ею своихъ обязанностей блестяще сказалось въ дѣлѣ воспитанія Великихъ Княженъ: извѣстно, что всѣ дочери Императора Павла I принадлежали къ числу образованнѣйшихъ женщинъ своего времени и играли видную роль въ умственномъ и общественномъ движеніи того времени, правда, не столько въ Россіи, сколько въ тѣхъ странахъ, которыя по замужеству стали ихъ вторымъ отечествомъ.

(Съ портрета Г. Дау, 1822 г.; собственность князя А. П. Ливена, въ Митавѣ.)

La princesse sérénissime CHARLOTTE KARLOWNA LIEVEN, 1745—1828, née de Posse, femme du général-major André Romanowitch (Otto-Henri) Lieven (1726—1781), resta sans fortune après la mort de son mari; elle vécut alors dans son bien des provinces baltiques et se voua à l'éducation de ses trois fils: Charles, Christophe et Ivan, et de sa fille Catherine, qui épousa plus tard le baron Vietinhof. Quand, après la naissance de la Grande-Duchesse Alexandrine Pavlowna, Catherine II résolut de chercher une gouvernante pour ses petits-fils et ses petites-filles dans la noblesse livonienne, le général-gouverneur de Riga, Braun, qui jouissait de sa confiance toute particulière, proposa cette fonction à Mme Lieven; il n'eut pas mal de peine à la convaincre, tout en lui montrant les avantages que pouvait avoir le service de Cour sur l'avenir de ses enfants. On raconte qu'à son arrivée à Tzarskoé Sélo, Catherine, cachée derrière un paravent, entendit son premier entretien avec le courtisan, qui vint à sa rencontre. Mme Lieven se plaignait, sans se gêner, de la difficulté de la tâche qui lui était imposée et appuyait sur le mauvais exemple que donnait la Cour et le genre de vie de l'Impératrice. „Vous êtes celle qu'il me faut", lui dit la Souveraine, en sortant de sa cachette, et, dès les premiers pas que fit Mme Lieven dans sa nouvelle carrière, elle lui témoigna une si pleine confiance que bientôt ce fut d'elle que dépendit la nomination de toutes les personnes, même des plus humbles, attachées aux Grandes-Duchesses. Ces conditions et les rapports tendus qui existaient entre Catherine et le Grand-Duc Héritier et son épouse, et qui éloignaient systématiquement cette dernière de l'éducation de ses enfants, ne lui rendirent pas la tâche facile. Et pourtant, grâce à son tact, elle sut conserver la confiance de l'Impératrice et se concilier les bonnes grâces de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, qui devint plus tard sa meilleure amie. Elle resta 45 ans à la Cour, de 1783 à 1828; elle éleva non seulement toutes les filles de Paul Ier qu'elle aimait „maternellement", mais prit part aussi à l'éducation des Grands-Ducs, qui l'appelaient „grand'mère". Sans avoir l'air de se mêler des affaires, elle eut pourtant une grande influence sur l'Impératrice Marie Féodorowna, et était le pilier du parti allemand à la Cour. Elle y vécut continuellement jusqu'à sa mort. Elle adorait à un tel point la famille Impériale qu'elle disait, après le 14 décembre, qu'elle ne verrait pas d'un œil indifférent les révoltés graciés. Il est vrai que ce fut presque sous ses yeux qu'eut lieu le meurtre du 11 mars, et que ce fut elle qui dut annoncer à l'Impératrice la mort de Paul Ier. Pendant sa longue carrière, Charlotte Karlowna Lieven atteignit les plus grands honneurs: elle reçut en 1794 de Catherine II la dignité de dame d'honneur et l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe; elle obtint au couronnement de Paul Ier 1500 paysans, et, le 22 février 1799, elle fut élevée, elle et sa postérité, à la dignité de comte de l'Empire russe. Le jour du couronnement d'Alexandre Ier, elle reçut une distinction spéciale, de précieux bracelets avec les portraits du couple Impérial et, en 1824, le portrait de l'Empereur à porter au cou. Le jour du couronnement de Nicolas Ier, la comtesse Lieven fut élevée avec sa postérité à la dignité de prince, et, en décembre de la même année, elle eut le titre d'altesse sérénissime. Dans les armoiries princières des princes Lieven on voit l'aigle à double tête russe avec le chiffre des Empereurs Paul et Nicolas. La princesse mourut le 24 février 1828 et fut enterrée dans son bien Méshoten, en Courlande. La cour prit le deuil pour trois jours lorsqu'elle mourut.

„Corpulente et majestueuse", la princesse Lieven joignait à un grand esprit une bonté sincère, une sévère moralité et la piété; elle avait une grande fermeté de caractère, qui allait même jusqu'à l'austérité, et une énergie vraiment masculine. Le comte Bezborodko regrette, en parlant d'elle, „que la générale de Lieven ne soit pas un homme: elle aurait plus facilement que beaucoup d'autres élevé les jeunes princes". Le comte S. R. Worontzoff souhaitait ses qualités à tous les aides de camp généraux d'Alexandre Ier. L'accomplissement sévère et infatigable de ses devoirs eut un brillant succès pour ce qui a rapport à l'éducation des Grandes-Duchesses: on sait que toutes les filles de l'Empereur Paul Ier appartenaient au nombre des femmes les plus instruites de leur temps et jouèrent un rôle marquant dans le mouvement intellectuel et social de l'époque, non pas tant, il est vrai, en Russie que dans les pays, qui devinrent, par leur mariage, leur seconde patrie.

(D'après l'original de G. Dawe, 1822; propriété du prince A. Lieven, à Mitau.)

ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ВАЛУЕВЪ, 1743—1814, сынъ картографа и инженера генералъ-майора Степана Мироновича, происходилъ изъ небогатаго и незнатнаго, хотя и древняго рода, и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ женитьбѣ на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (р. 1757 г., † 1836 г.), имѣвшей хорошее родство, а также и своимъ личнымъ свойствамъ. Почти вся его служба прошла въ придворномъ вѣдомствѣ. Въ 1772 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1779 г.— въ камергеры, въ 1791 г. произведенъ въ тайные совѣтники и вскорѣ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Павелъ I пожаловалъ Валуеву въ 1796 г. тысячу душъ крестьянъ и званіе сенатора, а въ 1798 г.—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, но въ 1800 г. Валуевъ подвергся немилости, уволенъ отъ службы и удаленъ изъ Петербурга. По вступленіи на престолъ Александра I, онъ былъ поставленъ во главѣ Дворцоваго управленія въ Москвѣ, какъ главноначальствующій Кремлевской экспедиціи. Его дѣятельность въ Москвѣ оставила замѣтные слѣды: при немъ выстроено новое зданіе для Оружейной палаты (на Сенатской площади), передѣланы Потѣшный и Слободской дворцы, и ему же обязаны своимъ благоустройствомъ грязные, запущенные Прѣсненскіе пруды, сдѣлавшіеся послѣ этого модными мѣстомъ гуляній аристократической Москвы. Валуевъ кое-что сдѣлалъ для сохраненія памятниковъ старины своими заботами объ Оружейной палатѣ и изданіемъ цѣнныхъ археологическихъ сочиненій о палатѣ и о селѣ Коломенскомъ, но еще болѣе онъ принесъ непоправимаго вреда: горячій не по разуму блюститель внѣшняго порядка, чистоты и опрятности, онъ уничтожилъ въ Кремлѣ много древнихъ зданій, „помрачавшихъ своимъ неблагообразнымъ видомъ прочія великолѣпнѣйшія зданія“, въ томъ числѣ разрушены — Срѣтенскій соборъ, дворецъ Бориса Годунова, Гербовая башня, церковь св. Уара и т. п.; многое исчезло не потому, что было ветхо, а потому, что не отвѣчало взглядамъ и вкусамъ Валуева.

Дошедшіе до насъ отзывы современниковъ о Валуевѣ изображаютъ его человѣкомъ угодливымъ и низкопоклоннымъ передъ высшими и высокомѣрнымъ съ тѣми, отъ кого онъ не зависѣлъ. Вигель говоритъ, что Валуевъ всѣхъ перещеголялъ въ искусствѣ ловко напибаться передъ любимцами Екатерины II и презрительно смотрѣть на толпу, отъ которой началъ отдѣляться. Ростопчинъ называетъ его самымъ низкопоклонствующимъ изъ всѣхъ льстецовъ, занимавшимся шіонствомъ, съ покорностью переносившимъ униженіе отъ власть имущихъ и становившимся ихъ врагомъ послѣ ихъ паденія. Графъ Головкинъ пишетъ о немъ: „Voyant le grand maître des cérémonies Valuïv, personnage très ridicule et qui ne s'était avancé à la cour que par des enterrements et des obsèques, l'Impératrice dit à Monseigneur (Paul Ier): Qui de nous, pensez-vous, doit mourir pour lui faire avoir le cordon bleu?“ Новые архивные документы обрисовываютъ еще одну черту характера Валуева — его исключительную страсть къ ссорамъ и передрягамъ. Будучи оберъ-церемоніймейстеромъ, онъ постоянно ссорился съ начальниками Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а въ Москвѣ имѣлъ столкновенія съ генералъ-губернаторами, въ особенности съ Ростопчинымъ. Постоянныя ссоры съ лицами высокопоставленными какъ будто идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ представленіемъ о Валуевѣ, какое о немъ составляется на основаніи отзывовъ современниковъ, но, очевидно, Валуевъ зналъ, съ кѣмъ можно ссориться безъ вреда для себя. Скончался онъ 4 Іюня 1814 года. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 8 Іюня напутствовалъ Валуева въ такихъ выраженіяхъ: „Aujourd'hui on enterre le vieux Valoueff qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de récompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait“.

Валуевъ имѣлъ 4 сыновей и 5 дочерей: 1) Петра († 1812 г.), 2) Александра (отецъ графа П. А. Валуева), 3) Павла, 4) Степана († 1844 г.), 5) Екатерину (камеръ-фрейлина; 1774—1848), 6) Анну, 7) Софію, 8) Анастасію и 9) Прасковью (Аксакова).

(Съ портрета Барбье; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

PIERRE STÉPANOWITCH VALOUEFF, 1743—1814, fils du cartographe, ingénieur et général-major Etienne Mironowitch, est issu d'une famille pauvre et obscure, quoique ancienne, et dut son élévation à sa femme, Daria Alexandrowna Kocheleff (1757—1836), qui était bien apparentée, et à ses propres qualités. Il n'a guère été au service que dans le ministère de la Cour. Nous le voyons, en 1772, gentilhomme de la chambre, en 1779 chambellan, en 1791 conseiller privé et bientôt après grand maître des cérémonies. Paul Ier lui donna, en 1796, mille paysans et lui conféra la dignité de sénateur. En 1798, il fut nommé conseiller privé actuel, mais en 1800 il tomba en disgrâce, fut renvoyé du service et exilé de St-Pétersbourg. A l'avènement au trône d'Alexandre Ier, il fut mis à la tête de l'administration de la Cour à Moscou, en qualité de directeur général du service de l'expédition au Kremlin. Son activité à Moscou a laissé des traces sensibles: alors fut construite la nouvelle Oroujéinaïa Palata (place du Sénat) et furent restaurés les palais de Potechny et de Slobodskoï; grâce à lui les „Presnensky Proudy" malpropres et abandonnés devinrent une promenade à la mode pour l'aristocratie moscovite. Si Valoueff a fait quelque chose pour conserver les vieux monuments par le soin qu'il prit de l'Oroujéinaïa Palata et la publication d'ouvrages archéologiques précieux sur ce palais et le village de Kolomenskoé, il leur a fait bien du mal et un mal irréparable: gardien ardent, mais irréfléchi de la propreté et de l'ordre extérieur, il a détruit au Kremlin beaucoup de vieux bâtiments, qui „obscurcissaient par leur laideur les superbes édifices". Parmi les bâtiments détruits, citons la cathédrale de Srétensky, le palais de Boris Godounoff, la „tour héraldique", l'église de St-Ouar, etc.; beaucoup disparurent, non pas parce qu'ils étaient caducs, mais parce qu'ils ne répondaient pas aux vues et au goût de Valoueff.

D'après les dires des contemporains, qui nous sont parvenus, Valoueff était un homme complaisant et bas devant les supérieurs, orgueilleux envers ceux dont il ne dépendait pas. Viegel affirme qu'il l'emportait sur tous dans l'art de se courber adroitement devant les favoris de Catherine II et de regarder avec mépris la foule, dont il commençait à se séparer. Rostoptchine l'appelait le plus vil des flatteurs, s'occupant d'espionnage, supportant avec soumission les humiliations de ceux qui avaient le pouvoir et devenant leur ennemi, une fois qu'ils étaient tombés. Le comte Golovkine écrit de lui: „Voyant le grand maître des cérémonies Valuïv, personnage très ridicule et qui ne s'était avancé à la cour que par des enterrements et des obsèques, l'Impératrice dit à Monseigneur (Paul Ier): Qui de nous, pensez-vous, doit mourir pour lui faire avoir le cordon bleu?" De nouveaux documents, trouvés dans les archives, nous donnent encore un trait du caractère de Valoueff, c'est sa passion exceptionnelle pour les disputes et les grandes alarmes. Il se chamaillait sans cesse, étant grand maître des cérémonies, avec les chefs du Collège des affaires étrangères et eut, à Moscou, des démêlés avec les généraux gouverneurs et surtout avec Rostoptchine. Ses continuelles disputes avec des personnes haut placées paraissent jurer avec l'idée que l'on se fait de Valoueff d'après les dires des contemporains; mais il est évident que Valoueff savait avec qui il pouvait se quereller, sans se nuire. Il mourut le 4 juin 1814. A. Boulgakoff s'exprime en ces termes dans sa lettre du 8 juin à son frère: „Aujourd'hui on enterre le vieux Valoueff qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de récompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la Cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait". Valoueff eut 4 fils et 5 filles: 1) Pierre († 1812), 2) Alexandre (père du comte P. A. Valoueff), 3) Paul, 4) Etienne († 1844), 5) Catherine (demoiselle d'honneur; 1774—1848), 6) Anne, 7) Sophie, 8) Anastasie et 9) Prascovie (madame Aksakoff).

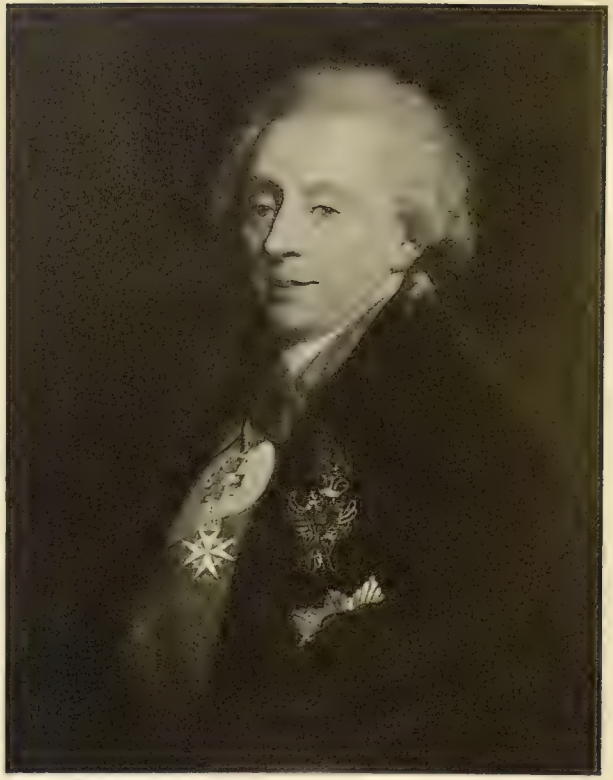
(D'après un original de Barbier, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

104

Княгиня Шарлотта Карловна Ливенъ,
1743 — 1828.

La Princesse Charlotte Karlowna Lieven.
1743 — 1828.

105



Петръ Степановичъ Валуевъ,
1743 — 1814.

Pierre Stépanovitch Valouëff,
1743 — 1814.

Графъ ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ КУРУТА, 1770—1838, грекъ неизвѣстнаго происхожденія, учился въ гимназіи для „иностранныхъ единовѣрцевъ“, когда честолюбивой волей Екатерины II и политическими мечтаніями Потемкина созданъ былъ „греческій проектъ“, и новорожденный Великій Князь Константинъ предназначенъ въ повелители будущей Византійской имперіи; Великому Князю была дана гречанка-кормилица, и въ 1787 г. приставлено нѣсколько молодыхъ грековъ, чтобы съ дѣтства греческій языкъ сдѣлался ему роднымъ. Въ числѣ ихъ былъ Курута, который навсегда остался при Константинѣ Павловичѣ и былъ искренно преданъ Великому Князю: одинъ не могъ обходиться безъ другого. Этой близости Курута обязанъ и своимъ возвышеніемъ, и своей блестящей военной карьерой: выпущенный мичманомъ во флотъ, въ 1789 г. онъ участвовалъ въ Гохландскомъ сраженіи, въ 1794 г. состоялъ инженернымъ офицеромъ при миссіи въ Константинополѣ, въ 1800 г. завѣдывалъ устройствомъ маяковъ на Финскомъ заливѣ; переведенный въ свиту Е. В. по Квартирмейстерской части, онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1805—1807 гг.; въ 1809 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ Дворянскаго полка. Въ 1812—14 гг. участвовалъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ и, произведенный въ генералъ-майоры, былъ одно время директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса, а въ 1816 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ начальникомъ штаба Польскихъ войскъ; награжденный за это время Андреевской звѣздой и 22 Августа 1826 г. графскимъ титуломъ, Курута покинулъ Варшаву вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и при усмиреніи Польскаго мятежа участвовалъ въ сраженіяхъ при Вавръ, Гроховѣ, Остроленкѣ и, командуя гвардейскимъ отрядомъ, разбилъ Гельгуда подъ Вильной. Курута не надолго пережилъ своего Августѣйшаго друга и благодѣтеля и скончался въ 1838 году.

Описаніе жизни Цесаревича въ Варшавѣ было бы далеко не полно, если бы не было достаточно отведено мѣста гофмаршалу его двора графу Курутѣ. Расходясь въ оцѣнкѣ его способностей и дарованій, всѣ современники согласно признаютъ его лично человѣкомъ хитрымъ, но тѣмъ не менѣе вліяніе его безусловно благотворнымъ. Денисъ Давыдовъ, не благоволившій къ Курутѣ, пишетъ, однако: „Онъ снискалъ признательность многихъ поляковъ, кои легко могли сдѣлаться жертвами бѣшенаго и своенравнаго Цесаревича. Въ минуты безумнаго гнѣва, когда онъ, съ пѣною у рта, приказывалъ строго наказать виновнаго, имѣвшаго несчастіе возбудить эту бурю, Курута успокоивалъ Цесаревича словами: „Цейцасъ будетъ исполнено“; давъ время пройти вспышкѣ, Курута успѣвалъ большею частью „смягчить эти приговоры“. Для разсѣянія гнѣва онъ начиналъ говорить по-гречески, съ своей стороны Цесаревичъ, изливая свое раздраженіе на классическомъ языкѣ Эллады обзывалъ Куруту рѣзкою, черезчуръ классической всероссійскою рѣчью, переводимою на эллинскій языкъ... При этомъ Курута хладнокровно увѣрялъ, что перевести по-русски этого нельзя, но нѣтъ ничего особеннаго! Князь Вяземскій такъ отзывался о немъ: „Человѣкъ умный и не злой, во все время нахожденія своего при Великомъ Князѣ онъ, вѣроятно, никому вреда умышленно не сдѣлалъ“. Гофмаршалъ и дядька, Курута всѣмъ управлялъ у Цесаревича и во время обѣдовъ сидѣлъ противъ, а „около него тѣснились всѣ любившіе выпить хорошаго вина“; Цесаревичъ называлъ его учителемъ, иногда спрашивалъ совѣта его, иногда ругалъ, иногда схватывалъ его и начиналъ съ нимъ бороться, ломая ворчавшаго старика. „Оба другъ друга любятъ и боятся“, пишетъ П. И. Муравьевъ, „когда Цесаревичъ сердитъ, одинъ Курута имѣетъ доступъ, когда же Цесаревичъ закричитъ на своего дядьку, послѣдній струситъ и спрячется, въ веселую же минуту греческій человѣкъ уязвитъ его словами въ тутливыхъ намекахъ. Курута роста малаго и съ брюшкомъ, структура шарика; голова большая, носъ длинный, лицо смуглое, совершенный грекъ въ карикатурѣ, волоса короткіе и кудрявые, какъ у негра, ножки коротенькія и кривыя, голосъ тихій: по утрамъ онъ жужжитъ, какъ жукъ, а подъ вечеръ пищитъ; ѣздокъ онъ плохой и даже боится лошадей. Курута большой хлопотунъ и до мелочи аккуратенъ: какой бы поспѣшности ни требовало отправленіе бумаги, онъ не отпуститъ ее отъ себя, не обровнявъ краевъ ея ножницами“... Предъ походомъ онъ „съ вечера призоветъ къ себѣ офицеровъ и держитъ у себя ночью, разговаривая въ просонкахъ о пустякахъ“, потомъ, извиняясь, отпуститъ ихъ, и „лишь только выйдутъ, какъ онъ вслѣдъ за ними посылаетъ казака и опять держитъ безъ всякаго дѣла“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le comte DMITRI DMITRIEWITCH KOUROUTA, 1770—1838, grec d'origine inconnue, faisait ses études au gymnase „des confessions étrangères", quand l'ambitieuse volonté de Catherine et les rêves politiques de Potemkine créèrent „la question grecque" et que le Grand-Duc Constantin, qui venait de naître, fut destiné à être le souverain du futur empire byzantin. Le Grand-Duc reçut une nourrice grecque et on lui attacha en 1787 quelques jeunes Hellènes, pour que leur langue devînt, dès son enfance, sa langue maternelle. Au nombre de ces derniers, se trouvait Kourouta, qui resta toujours auprès de Constantin Pavlowitch et qui lui était sincèrement attaché; l'un ne pouvait se passer de l'autre. C'est à cette intimité que Kourouta dut son élévation et sa brillante carrière militaire. Il prit part, en qualité d'enseigne, en 1789 au combat de Hochland; en 1794, nous le voyons officier du génie à l'ambassade de Constantinople et, en 1800, il dirigea la construction du phare du golfe de Finlande. Mis à la suite de Son Altesse, il prit part à la campagne de 1805—1807 et commanda en 1809, avec le grade de colonel, le régiment de la noblesse. Il assista de 1812 à 1814 à toutes les grandes batailles et, promu général major, il fut un temps directeur du second corps de cadets. Lieutenant général en 1816, il devint chef de l'état-major des armées de Pologne et reçut la plaque de St-André et le titre de comte le 22 août 1826. Il quitta ensuite Varsovie avec le Césarévitch, prit part aux combats de Wavre, de Grokhof et d'Ostrolenka lors du soulèvement de la Pologne et, commandant un détachement de la garde, il battit Gelgud sous Vilna. Kourouta ne survécut pas longtemps à son Auguste ami et bienfaiteur et mourut en 1838.

L'histoire de la vie du Césarévitch à Varsovie ne serait pas complète, si l'on ne parlait pas avec quelques détails du maréchal de sa cour, Kourouta. Les contemporains, quoique n'étant pas d'accord sur les capacités et les talents du comte, reconnaissent à l'unanimité que, s'il était rusé de nature, son influence a été sans nul doute bienfaisante. Denis Davydoff, qui ne le voyait pas de bon œil, écrit pourtant: „Il s'attira la reconnaissance de beaucoup de Polonais, qui auraient facilement pu tomber victimes du Césarévitch furieux et fantasque. Quand, dans le paroxysme de la colère, le prince, l'écume aux lèvres, ordonnait de punir sévèrement le coupable, qui avait eu le malheur de déchaîner l'orage, Kourouta tranquillisait Son Altesse, en disant: „A l'instant votre ordre sera exécuté"; et, donnant ainsi aux accès le temps de s'apaiser, il réussissait pour la plupart du temps „à commuer les peines". Il commençait à parler grec pour dissiper la colère, de son côté le Césarévitch, exhalant son indignation dans la langue classique des Hellènes, apostrophait le comte d'une forte injure russe, par trop classique, traduite en grec... „Cette expression", disait alors tranquillement Kourouta, „ne peut être traduite en russe, et il n'y a rien là de particulier". Le prince Viazemsky porte sur lui le jugement suivant: „C'est un homme intelligent et pas du tout méchant, et, pendant tout son séjour auprès du Grand-Duc, il ne fit sciemment de mal à personne". Le maréchal de la cour et le menin de Constantin, Kourouta avait la haute direction chez son maître; il était assis en face de lui pendant les repas „ayant à ses côtés tous ceux qui aimaient boire de bon vin". Constantin l'appelait son maître, lui demandait quelquefois conseil, parfois le grondait, parfois l'empoignait et commençait à se battre avec lui, brisant le vieillard qui grommelait. „Ils s'aimaient l'un l'autre et se craignaient", écrit N. N. Mouravieff, „quand le Césarévitch était fâché, seul Kourouta avait accès auprès de lui, quand le Césarévitch criait après son menin, celui-ci prenait peur et se cachait; dans les bons moments le grec le blessait par ses paroles, en faisant des allusions badines. Kourouta était de petite taille, avait du ventre et la forme d'une boule. Il avait la tête grande, le nez long, le teint bronzé, tout à fait grec en caricature, les cheveux courts et bouclés, comme un nègre, les jambes courtes et cambrées, la voix basse; le matin, il bourdonnait, comme un hanneton, le soir il piaulait; c'était un mauvais cavalier, il craignait même les chevaux. Il était tracassier et exact jusqu'au bout des ongles: quelque pressé que fût l'envoi d'un papier, il ne le laissait jamais partir sans en couper les bords avec ses ciseaux"... Avant une campagne „il appelait chez lui les officiers, les gardait toute la nuit et parlait, moitié endormi, de bagatelles"; puis il s'excusait et les renvoyait, mais „à peine étaient-ils partis, qu'il les faisait rappeler par un cosaque et les retenait de nouveau sans cause".

(D'après l'original de G. Dawe; Galerie 1812, au Palais d'Hiver.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ФРАНЦОВИЧЪ МИШО-де-БОРЕТУРЪ, 1771—1841, сынъ архитектора, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду въ Савойѣ и родился въ Ниццѣ; службу началъ въ Сардинскихъ войскахъ и сражался противъ французовъ въ 1792—1796 годахъ. Когда Пьемонтъ былъ занятъ французской арміей, Мишо перешелъ въ 1805 г. на службу Россіи, куда былъ принятъ капитаномъ въ Инженерный корпусъ. Въ 1806 г., подъ начальствомъ адмирала Сенявина, участвовалъ въ Адріатической экспедиціи противъ французовъ и отличился при осадѣ Бокка-ди-Ка́таро; въ томъ же году онъ переводится въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, т.-е. въ Главный штабъ. Въ Турецкую войну 1810 г. за отличіе при взятіи Туртукая награжденъ Георгіемъ 4 кл., а въ слѣдующемъ 1811 г. за штурмъ Ловчи произведенъ въ полковники.

Въ Отечественную войну 1812 г., находясь при штабѣ 1-й Западной арміи, Мишо, признавъ невыгодность Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря и всю опасность этой позиціи для русской арміи, откровенно высказалъ свой взглядъ Александру I, котораго видитъ тутъ впервые, и тѣмъ сразу заслужилъ расположеніе и довѣріе Императора. Вскорѣ послѣ этого Государь поручаетъ ему, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ, избрать мѣсто для укрѣпленнаго лагеря въ окрестностяхъ Москвы, затѣмъ, по пріѣздѣ въ древнюю столицу, Александръ I отправилъ Мишо для устройства укрѣпленныхъ лагерей на берегахъ Волги, съ цѣлью прикрытія Нижняго и Казани. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Мишо вернулся въ Петербургъ и представилъ свой рапортъ Государю, который отправилъ его въ распоряженіе главнокомандующаго арміями Кутузова. Послѣдній вскорѣ оцѣнилъ способнаго офицера, приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему разныя порученія, требовавшія особеннаго такта. Къ числу такихъ порученій слѣдуетъ отнести извѣстную отнынѣ историческую миссію, возложенную Кутузовымъ на Мишо,—сообщить Императору Александру печальную вѣсть объ оставленіи Москвы русскою арміей, при чемъ Мишо сохранилъ въ своихъ запискахъ всю подробную бесѣду, которой удостоилъ его Государь. Второе свиданіе Мишо съ Александромъ произошло 15 Октября 1812 г. въ Петербургѣ, куда онъ посланъ былъ уже съ радостнымъ извѣстіемъ о Тарутинской побѣдѣ и о начатіи арміей наступательной войны. По возвращеніи въ армію Мишо принимаетъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ Отечественной войны до изгнанія непріятеля изъ Россіи, а затѣмъ и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. За выдающіяся заслуги и храбрость онъ произведенъ въ 1813 г. въ генералъ-майоры, а въ 1814 г. удостоенъ званія генералъ-адъютанта. По вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ, Императоръ Александръ отправилъ Мишо къ Сардинскому королю съ извѣстіемъ о присоединеніи Пьемонта къ Сардиніи, за каковое извѣстіе король Викторъ-Эммануилъ возвелъ его въ графское достоинство Сардинскаго королевства, а впослѣдствіи (въ 1839 году) король Карлъ-Альбертъ присоединилъ къ тому титулу наименованіе „де-Боретуръ (de Beau-Retour)“, намекая этимъ на радостное извѣстіе, доставленное Мишо по возвращеніи его въ свое отечество.

Послѣ похода 1815 г. Мишо было отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ онъ продолжалъ пользоваться самыми лестными знаками Монаршаго вниманія, которое продолжалось и при Императорѣ Николаѣ I. Въ 1826 г., 22 Августа, графъ Мишо произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1840 г. въ генералы-отъ-инфантеріи. Послѣдніе годы, страдая отъ всякихъ недуговъ, Мишо-де-Боретуръ жилъ въ Италіи и 10 Іюля 1841 г. скончался въ Палермо.

Необыкновенно набожный, „уважаемый всѣми, какъ храбрый, свѣдущій и доблестный воинъ, Мишо былъ всѣми любимъ, какъ человѣкъ кроткій и добродѣтельный въ полномъ значеніи слова сего“. Онъ не былъ женатъ, но у него были братья, къ которымъ, однако, титулъ его не перешелъ.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г., въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte ALEXANDRE FRANTZOWITCH MICHAUD-de-BEAURETOUR, 1771—1841, fils d'un architecte, appartenait à une ancienne famille de Savoie et naquit à Nice. Il commença son service dans les armées de Sardaigne et combattit les Français de 1792 à 1796. Mais quand le Piémont fut occupé par l'ennemi, Michaud passa en 1805 au service russe et y fut reçu capitaine du corps des ingénieurs. Il prit part en 1806, sous le commandement de l'amiral Séniavine, à l'expédition de l'Adriatique contre les Français et se distingua au siège des Bouches-de-Cattaro. Il passa la même année à l'Etat-major général. Lors de la guerre de Turquie en 1810, il reçut St-Georges de 4e classe, à la prise de Tourtoukaï et, l'année suivante, en 1811, il fut promu colonel pour l'assaut de Lovtchi.

Il se trouvait en 1812 à l'état-major de la première armée de l'Ouest et, trouvant désavantageux le camp fortifié de Drissa et reconnaissant tout le danger de cette position pour l'armée russe, il exprima ouvertement sa manière de voir à Alexandre Ier, qu'il voyait pour la première fois; il acquit par là les bonnes dispositions et la confiance de l'Empereur. Bientôt après il fut chargé par ordre de S. M., avec l'aide de camp Tchernycheff, de choisir dans les environs de Moscou un emplacement pour un camp fortifié. Puis lorsqu'Alexandre Ier fut arrivé dans l'ancienne capitale de la Russie, il envoya Michaud fortifier des camps sur les bords du Volga pour couvrir Nijni et Kazan. Après avoir accompli les ordres qui lui incombaient, il retourna à St-Pétersbourg présenter son rapport à Sa Majesté, qui le mit à la disposition du commandant en chef Koutouzoff. Ce dernier apprécia bien vite l'habile officier, l'attacha à sa personne et lui confia différentes missions, qui exigeaient un tact spécial. Au nombre de ces dernières, il faut placer la célèbre mission historique, dont Koutouzoff avait chargé Michaud: communiquer à l'Empereur la triste nouvelle de la retraite de l'armée russe, qui avait dû abandonner Moscou. Michaud a conservé dans ses mémoires l'entretien détaillé qu'il avait eu à cet effet avec Sa Majesté. Il eut une seconde entrevue avec Alexandre Ier le 15 octobre 1812 à St-Pétersbourg, où il avait été envoyé, mais cette fois il avait une bonne nouvelle à annoncer: la victoire de Taroutino et le commencement de la guerre offensive. A son retour à l'armée, Michaud prit part à toutes les batailles principales jusqu'à ce qu'on eût chassé l'ennemi de la Russie. Il fit aussi les campagnes de 1813 et de 1814. Il fut promu en 1813 général-major pour ses éminents services et son courage et en 1814 aide de camp général. Lorsque les alliés furent entrés à Paris, Alexandre envoya Michaud auprès du roi de Sardaigne pour lui annoncer la réunion du Piémont à ses états. Victor-Emmanuel l'éleva pour cette bonne nouvelle à la dignité de comte du royaume de Sardaigne, et le roi Charles-Albert joignit en 1839 à ce titre la particule de Beauretour, en souvenir de la joie qu'il avait occasionnée en revenant dans sa patrie.

Après la campagne de 1815, M. Michaud fut logé au Palais d'Hiver, où il continua à jouir des bonnes grâces du Monarque, et l'Empereur Nicolas lui témoigna aussi les attentions les plus flatteuses. Le comte Michaud fut promu le 22 août 1826 lieutenant général et en 1840 général d'infanterie. Il vécut les dernières années en Italie, souffrant d'infirmités et mourut le 10 juillet 1841, à Palerme.

Fort religieux, „Michaud était estimé de tous comme guerrier courageux, expert et vaillant; il était aimé de tous comme homme paisible et vertueux dans le véritable sens du mot". Il ne fut pas marié, mais il avait des frères qui n'héritèrent pas de son titre.

(D'après l'original de G. Dawe; Galerie 1812, au Palais d'Hiver.)

Графъ ИВАНЪ ОСИПОВИЧЪ ВИТТЪ, 1781—1840, полуполякъ, полугрекъ по происхожденію, былъ сынъ графа Іосифа и красавицы-гречанки Софіи (см. т. I, № 72), вышедшей затѣмъ за графа Потоцкаго; отецъ его былъ комендантомъ польской крѣпости Каменца-Подольскаго, а затѣмъ перешелъ на русскую службу; 11-и лѣтъ Виттъ былъ записанъ въ Конную гвардію корнетомъ и 15-и — началъ дѣйствительную службу. Въ 1800 г. онъ перешелъ въ Кавалергардскій полкъ, а въ 1801 г. получилъ Мальтійскій крестъ и чинъ полковника. Перейдя въ 1802 г. въ Лейбъ-кирасиры, въ 1805 г. онъ участвовалъ въ Аустерлицкой битвѣ. Въ 1807 г., вслѣдствіе служебныхъ непріятностей, вышелъ въ отставку, въ 1809 г. служилъ волонтеромъ во французской арміи, а въ 1811 г. былъ тайнымъ агентомъ по наблюденію за своими соотечественниками-поляками. Въ 1812 г. Виттъ опять поступилъ на службу и произведенъ въ генералъ-майоры. Ему было поручено сформированіе на Украйнѣ казачьихъ полковъ, которыми онъ затѣмъ и командовалъ, какъ бригадный командиръ и (съ 1814 г.) начальникъ дивизіи. Участіе въ войнѣ 1813 и 1814 гг. дало Витту ордена св. Георгія 3-й ст., Владиміра 3-й ст., Анны 1-й ст. Въ 1817 г. началась его дѣятельность по устройству южныхъ военныхъ поселеній, во главѣ которыхъ онъ оставался до конца жизни: ему было поручено сформировать Бугскую уланскую дивизію. Александръ I, придававшій большое значеніе поселеніямъ, наградилъ Витта за ихъ устройство звѣздами св. Владиміра 1-й ст. и Александра Невскаго. Назначенный въ 1823 г. командиромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, онъ въ то же время былъ поставленъ во главѣ Одесскаго Ришельевскаго лицея, который за время своего семилѣтняго управленія довелъ до крайней степени упадка. Наблюденіе за Виленскими профессорами, переведенными въ лицей, дало Витту возможность открыть слѣды существованія тайнаго общества во 2-й арміи, о чемъ онъ сдѣлалъ докладъ Александру I незадолго до его смерти. Николай I, подобно своему предшественнику, относился къ Витту милостиво и пожаловалъ ему въ день коронаціи алмазы къ Александру Невскому, а въ 1829 г. чинъ генерала-отъ-кавалеріи и свой вензеля на эполеты. Во время Турецкой войны онъ командовалъ резервными войсками, а затѣмъ принялъ дѣятельное участіе въ подавленіи Польскаго мятежа, за что получилъ Георгія 2-й ст., Бѣлаго Орла и званіе шефа Украинскаго уланскаго полка. Потомъ онъ былъ нѣкоторое время Варшавскимъ военнымъ губернаторомъ и предсѣдательствовалъ въ судѣ надъ польскими мятежниками, а въ 1832 г. назначенъ инспекторомъ „поселенной“ кавалеріи. Въ 1835 г. Виттъ получилъ орденъ св. Андрея, а въ 1836 г. алмазы къ нему и 300/т. руб. за блестящее устройство знаменитыхъ маневровъ подъ Вознесенскомъ, въ которыхъ приняли участіе 350 эскадроновъ кавалеріи и 50 баталіоновъ пѣхоты. Скончался онъ 21 Іюня 1840 г. и погребенъ въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Виттъ производилъ на первый взглядъ благопріятное впечатлѣніе: это былъ веселый, добродушный, въ старости молодившійся человѣкъ, съ тонкимъ умомъ, проницательный и тактичный; получивъ многостороннее, хотя и поверхностное образованіе, онъ былъ интереснымъ и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ; со всѣми онъ былъ любезенъ и никогда не отвѣчалъ отказомъ на просьбы. Болѣе близкое знакомство съ нимъ заставляло измѣнить первоначальное о немъ мнѣніе. Служившій при Виттѣ Е. Ѳ. Брадке дѣлаетъ такую его характеристику: „Ни въ чемъ не отказывать и никогда не сдерживать обѣщаннаго, обо всемъ умствовать и ничего не обслѣдовать, всегда влюбляться и всякій разъ ненадолго, всѣмъ говорить любезности и тотчасъ забывать о сказанномъ, таковы были главнѣйшія черты этого ничтожнаго характера“; по словамъ Вигеля, „всякаго рода интриги были стихіей этого человѣка“. Еще болѣе рѣзкій отзывъ о немъ оставилъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ: „Menteur et mauvais sujet dans toute la force du terme, une canaille.... sans foi, ni loi, ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence“. Виттъ былъ женатъ дважды. Съ первой женой, Іозефой Валевской, рожденной княжной Любомирской, онъ разошелся и увлекся Теклой-Каролиной Собанской, рождешной графиней Ржевусской (вмѣстѣ съ ней и съ Мицкевичемъ совершилъ онъ путешествіе по Крыму, воспѣтое польскимъ поэтомъ въ его сонетахъ); онъ женился на ней въ 1831 г., вызвавъ этимъ гнѣвъ Николая I, но уже въ 1837 г. вторая жена бросила его и вышла за Чирковича (въ 4-мъ бракѣ она была за историкомъ Лакруа). Потомства графъ Виттъ не оставилъ.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1819 г.; собственность княжны Т. С. Гагариной, въ Баденъ-Баденѣ.)

Le comte JEAN OSSIPOWITCH WITT, 1781—1840, demi-polonais, demi-grec d'origine, était le fils du comte Joseph et de la belle grecque Sophie (v. T. I, № 72), qui épousa plus tard le comte Potocki. Son père était commandant de la forteresse polonaise Kamenetz-Podolsk et passa ensuite au service russe. Witt, âgé de 11 ans, fut inscrit cornette aux gardes à cheval et commença à 15 ans son service actif. En 1800, il passa aux chevaliers-gardes et, en 1801, il reçut la croix de Malte et le grade de colonel. Il prit part à la bataille d'Austerlitz en 1805, avec son régiment des cuirassiers de la garde impériale, où il se trouvait depuis 1802. Des désagréments de service lui firent prendre son congé en 1807; il servit comme volontaire dans l'armée française en 1809 et, en 1811, il s'occupa d'espionner ses compatriotes, les Polonais. En 1812, Witt rentra au service et devint général-major, il fut chargé de former en Ukraine les régiments de cosaques, qu'il commanda dans la suite, d'abord en qualité de commandant de brigade (depuis 1814), puis comme chef de division. Les guerres de 1813 et de 1814 lui valurent St-Georges de 3e classe, St-Vladimir de 3e, et Ste-Anne de 1re classe. Ce fut en 1817 que commença son activité pour organiser les colonies militaires du Sud, à la tête desquelles il resta jusqu'à la fin de sa vie; c'est lui qui fut chargé de former la division de uhlans du Boug. Comme Alexandre Ier attachait une grande importance à ces colonies, il récompensa Witt en lui octroyant St-Vladimir de 1re classe, et St-Alexandre Newsky. Nommé en 1823 commandant du 3e corps de cavalerie de réserve, il fut en même temps placé à la tête du lycée Richelieu, à Odessa, qui, pendant les sept ans de son administration, tomba très bas. La surveillance qu'il exerça sur les professeurs de Vilna, transférés au lycée, lui donna la possibilité de découvrir l'existence d'une société secrète dans la 2e armée, et il en fit un rapport à Alexandre Ier quelque temps avant sa mort. Nicolas, comme son prédécesseur, se montra bien disposé envers le comte Witt, lui donna le jour de son couronnement les diamants d'Alexandre Newsky et le nomma en 1829 général de cavalerie avec son chiffre sur les épaulettes. Il commanda dans la campagne de Turquie les troupes de réserve, prit une part active à l'apaisement de la révolte de Pologne et reçut pour ce nouveau service St-Georges de 2e classe, l'Aigle Blanc et le titre de chef des uhlans de l'Ukraine. Il fut ensuite quelque temps gouverneur militaire de Varsovie et présida le tribunal appelé à juger les révoltés. En 1832, on le nomma inspecteur de la cavalerie „coloniale"; en 1835, il reçut St-André et l'année suivante les diamants de cet ordre et 300 mille roubles pour avoir brillamment organisé les fameuses manœuvres de Voznessensk, auxquelles prirent part 350 escadrons de cavalerie et 50 bataillons d'infanterie. Il mourut le 21 juin 1840 et fut enterré au monastère St-Georges à Balaklava.

Witt faisait au premier abord une bonne impression; c'était un homme gai, débonnaire, se rajeunissant dans la vieillesse; il avait un esprit fin et pénétrant; ayant reçu une éducation variée, quoique superficielle, il était intéressant et éloquent causeur; il était avec tous aimable et ne refusait jamais une prière. Mais, en le connaissant de plus près, on changeait sa première manière de voir. E. F. Bradke, qui a servi sous lui, nous fait la caractéristique suivante: „Ne rien refuser et ne jamais tenir sa promesse, raisonner sur tout et ne rien instruire, s'éprendre toujours et jamais pour longtemps, dire à tous des amabilités et oublier à l'instant ce que l'on a dit, tels étaient les principaux traits de ce vil caractère". Suivant Viegel, „l'intrigue était l'élément de cet homme". Le Grand-Duc Constantin porte sur lui un jugement plus fort encore: „Menteur et mauvais sujet dans toute la force du terme, une canaille.... sans foi, ni loi, ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence". Witt fut deux fois marié. Il divorça avec sa première femme, Joséphine Valewsky, née princesse Lubomirsky, et s'éprit de Tekla-Caroline Sobansky, née comtesse Rzevuski (il voyagea avec elle et Mickewicz en Crimée, et ce voyage fut célébré par le poète polonais dans ses sonnets). Il l'épousa en 1831, et s'attira ainsi la colère de Nicolas Ier; mais sa femme le quitta bientôt en 1837, pour se marier à Tchirkowitch (elle se maria en quatrième noces à l'historien Lacroix). Witt ne laissa pas de descendance.

(D'après l'original de Ch. Reichel, 1819; propriété de la princesse T. Gagarine, à Baden-Baden.)

106

Пис. Дау — Peint par Dawe

Графъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута, 1770 — 1838

Le Comte Dmitri Dmitriewitch Kourouta, 1770 — 1838

107

Пис. Дау — Peint par Dawe

Графъ Александръ Францовичъ Мишо-де-Боретуръ, 1771 — 1841

Le Comte Alexandre Frantzowitch Michaud de Beauretour, 1771 — 1841

108

Пис. Рейхель, 1810 — Peint par Reichel, 1819

Графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ, 1781 — 1840

Le Comte Ivan Ossipowitch de Witt, 1781 — 1840

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня **ВАРВАРА ПЕТРОВНА РАЗУМОВСКАЯ**, 1750—1824, вторая дочь генералъ-аншефа, графа Петра Борисовича Шереметева (р. 1713 г., † 1788 г.) отъ брака съ княжной Варварой Алексѣевной Черкасской, родилась 2 Января 1750 года. Недурная собою, но робкая и застѣнчивая и ума недалекаго, она, послѣ смерти въ 1768 г. своей старшей сестры, графини Анны Петровны, сдѣлалась богатѣйшею въ Россіи невѣстою. Скоро ее сосватали за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (р. 1748 г., † 1822 г.), но сватовство шло довольно вяло, такъ какъ женихъ не чувствовалъ особенной склонности къ своей нареченной. Свадьба состоялась, наконецъ, 23 Февраля 1774 г. и была отпразднована съ большою пышностью въ Москвѣ, гдѣ молодые и поселились, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ ко Двору. За первыя десять лѣтъ супружеской жизни графиня Разумовская сдѣлалась матерью четырехъ дѣтей: двухъ сыновей, Петра и Кирилла, и двухъ дочерей, Варвары (впослѣдствіи княгиня Репнина-Волконская) и Екатерины (замужемъ за графомъ С. С. Уваровымъ). Графъ А. К. Разумовскій, будущій министръ народнаго просвѣщенія, человѣкъ европейски образованный, почитатель Вольтера, характера былъ черствaго и сухого, вспыльчиваго и деспотическаго права. Ему скоро надоѣла его „простая, безхарактерная и кое-какъ воспитанная“ жена, какъ своею набожностью и суевѣріями, такъ и своей полнѣйшей безпомощностью. Она же до такой степени сдѣлалась его рабою, что, когда, около 1784 г., вскорѣ послѣ рожденія младшаго сына, Кирилла, онъ приказалъ ей выѣхать изъ его дома, она, несмотря на любовь свою къ дѣтямъ, не подумала даже о сопротивленіи и безропотно оставила свою семью. Купивъ мѣсто въ Москвѣ, на углу Маросейки и Лубянской площади, она выстроила себѣ тамъ домъ, въ которомъ и жила одна, не видясь болѣе съ мужемъ, и только впослѣдствіи переписываясь съ нимъ о дѣтяхъ и о дѣлахъ. По дѣтей своихъ, особенно же нѣжно ее любившихъ дочерей, она видѣла часто и участвовала въ расходахъ на ихъ воспитаніе, обязавшись, при изгнаніи своемъ изъ дома мужа, уплачивать ему ежегодно на этотъ предметъ 10.000 рублей. Также она одѣлила ихъ и при поступленіи сыновей на службу, и при выходѣ дочерей въ замужество. По въ своемъ уединеніи на Маросейкѣ, отказавшись совершенно отъ свѣтскихъ знакомствъ, она окружила себя безчисленнымъ числомъ разныхъ воспитанницъ, бѣдныхъ дворянокъ, барскихъ барынь, шутовъ, прижиналокъ и приживальщиковъ, и скоро вся эта челядь вполнѣ ею овладѣла. Послѣ смерти въ 1809 г. брата, графа Николая Петровича Шереметева, занимавшагося ея дѣлами, единственнаго человѣка, которому она довѣряла, эта несчастная и одинокая женщина совершенно подпала подъ власть прислуги. Разсказывали, что въ послѣдніе годы своей жизни она не могла даже выѣхать на прогулку, такъ какъ, когда она приказывала заложить экипажъ, излѣнившіеся кучера отказывались, говоря что онъ сломанъ. Управленіе ея громаднымъ состояніемъ перешло въ руки вольноотпущеннаго лакея ея, Ивана Сырова, который немилосердно ее обиралъ, заставляя расписываться въ каждомъ расходѣ, чтобы оградить себя въ будущемъ. Обширный ея домъ, душный, натопленный, какъ баня, и никогда не провѣтриваемый, былъ полонъ драгоцѣнностей, мебели и предметовъ роскоши, доставшихся ей отъ отца. Пережившъ мужа двумя годами, графиня Варвара Петровна не только ему простила всѣ свои огорченія, но, по добротѣ своей, горько его оплакивала. Когда сама она была уже при смерти, окружавшая ее челядь никого къ ней не допускала и не извѣстила о ея болѣзни дѣтей, отсутствовавшихъ въ то время изъ Москвы. Сыровымъ составлено было духовное завѣщаніе, по которому домъ на Маросейкѣ, всѣ наличныя деньги и драгоцѣнности, вообще все благопріобрѣтенное имущество, она оставляла ему; не были забыты и другіе приживальщики. Это завѣщаніе было поднесено Сыровымъ къ подписанію умирающей и уже терявшей сознаніе графини, и подпись ея была засвидѣтельствована ея духовникомъ и извѣстнымъ докторомъ Мухинымъ, получившими по тому же завѣщанію—первый каменный домъ, а второй—50.000 рублей.

Графиня В. П. Разумовская скончалась 27 Мая 1824 г. и похоронена въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, рядомъ съ отцомъ своимъ и дѣдомъ, великимъ канцлеромъ княземъ А. М. Черкасскимъ.

(Съ портрета, писаннаго Аргуновымъ и принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву, с. Кусково, Московск. губ.)

La comtesse VARVARA PÉTROWNA RAZOUMOWSKY, 1750—1824, seconde fille du général en chef, le comte Pierre Borissowitch Chérémétеff (1713—1778) et de la princesse Barbe Alexéewna Tcherkassky, naquit le 2 janvier 1750. Belle, mais timide, craintive et bornée, elle devint en 1768 la fiancée la plus riche de la Russie, après la mort de sa sœur aînée, la comtesse Anna Pétrowna. On la fiança bientôt au comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky (1748—1822), mais les fiançailles durèrent assez longtemps, parce que le fiancé ne sentait pas d'inclination bien prononcée pour la jeune comtesse. Le mariage eut lieu enfin le 23 février 1774 et fut célébré avec pompe à Moscou où les jeunes mariés s'établirent, ne venant que rarement à St-Pétersbourg, à la Cour. Pendant les dix premières années de sa vie conjugale, la comtesse Razoumowsky devint mère de quatre enfants: deux fils, Pierre et Cyrille, et deux filles, Varvara (qui devint princesse Repnine-Wolkonsky) et Catherine (mariée au comte S. Ouvaroff). Le comte Razoumowsky, qui devint plus tard ministre de l'instruction publique, était un homme d'une culture européenne, admirateur de Voltaire et d'un caractère dur, sec, emporté et despote. Sa femme „simple, sans caractère et d'une éducation peu soignée", l'ennuya bientôt, tant par sa piété et ses superstitions que par sa complète incapacité de se tirer elle-même d'affaire. Elle devint jusqu'à un tel point esclave de son mari, que, quand ce dernier lui ordonna, vers 1784, bientôt après la naissance de son cadet, Cyrille, de quitter sa maison, elle ne pensa même pas à lui résister, malgré son amour pour ses enfants, et abandonna sa famille sans murmurer. Elle s'acheta un terrain à Moscou, au coin de la Maroseika et de la place Loubiansky et se construisit une maison, où elle vécut seule, sans jamais revoir son mari; plus tard seulement ils s'écrivirent pour affaires et au sujet des enfants. Mais elle voyait souvent ces derniers, surtout ses filles qui la chérissaient, elle participait aux frais de leur éducation, s'étant engagée, lorsque le comte la chassa de chez lui, à lui payer annuellement à cet effet 10.000 roubles. Elle ne les oublia pas non plus, quand les fils entrèrent au service et quand ses filles se marièrent. Dans sa solitude, retirée complètement du monde, elle s'entoura d'un grand nombre de différentes personnes, de pauvres demoiselles et de dames nobles, de bouffons, de parasites, hommes et femmes, et bientôt toute cette valetaille la domina complètement. Après la mort, en 1809, de son frère, le comte Nicolas Pétrowitch Chérémétеff, qui s'occupait de ses affaires et qui était le seul en qui elle eût confiance, cette malheureuse, sans famille, tomba entre les mains de ses domestiques. On raconte que dans les dernières années de sa vie, elle ne put même pas aller se promener, car, lorsqu'elle ordonnait d'atteler, les paresseux cochers refusaient de le faire, sous prétexte que la voiture était cassée. L'administration de son immense fortune passa entre les mains de son valet affranchi, Ivan Syroff, qui la vola sans miséricorde, tout en lui faisant signer tous les comptes pour se couvrir. Sa vaste maison, mal aérée, chauffée comme un bain, était remplie de raretés, de meubles et d'objets de luxe, qui lui venaient de son père. La comtesse survécut deux ans à son mari; elle lui pardonna non seulement tous les chagrins qu'elle avait endurés à cause de lui, mais elle le pleura même amèrement. Quand elle fut sur son lit de mort, la valetaille qui l'entourait ne laissa personne pénétrer chez elle et n'informa pas même de sa maladie ses enfants, absents de Moscou. Un testament, composé par Syroff, lui donnait la maison de la Maroseika, tout l'argent comptant et les objets précieux, en un mot tout son bien acquis honnêtement; les autres parasites ne furent non plus oubliés. Ce testament avait été présenté par Syroff à la comtesse mourante, quand elle avait déjà perdu connaissance, et sa signature fut légalisée par son confesseur et le célèbre docteur Moukhine, qui reçurent le premier une maison en pierre et le second 50.000 roubles.

La comtesse Razoumowsky mourut le 27 mai 1824 et fut enterrée au monastère Novospassky à Moscou, à côté de son père et de son grand-père, le grand chancelier, prince A. M. Tcherkassky.

(D'après l'original d'Argounoff, appartenant au comte S. Chérémétеff, Kouskovo, gouv. de Moscou.)

Графиня СОФІЯ СТЕПАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1746—1803, дочь Степана Федоровича Ушакова (р. 1705 г.), Новгородскаго, а потомъ С.-Петербургскаго губернатора и сенатора, и жены его Анны Семеновны (дѣвичья ея фамилія намъ неизвѣстна; въ 1-мъ бракѣ была за Иваномъ Петровичемъ Бутурлинымъ), родилась 11 Сентября 1746 года. Въ первомъ бракѣ была замужемъ за генералъ-майоромъ Михаиломъ Петровичемъ Черторыжскимъ, флигель-адъютантомъ Петра III (р. 1736 г., † въ концѣ 1771 г.), и рано овдовѣла, не имѣя дѣтей отъ больного, чахоточнаго мужа. Она была извѣстна при дворѣ своимъ щегольствомъ, любовью къ свѣту и ко всякимъ развлеченіямъ и имѣла репутацію „petite maîtresse". Передъ женитьбой Великаго Князя Павла Петровича, когда у Екатерины II явились сомнѣнія, упрочитъ ли бракъ Цесаревича, вслѣдствіе слабости его здоровья, порядокъ престолонаслѣдія въ государствѣ, на Софію Степановну Черторыжскую возложено было порученіе испытать силу своихъ прелестей надъ сердцемъ Великаго Князя. Въ 1772 или 1773 г. у нея родился сынъ, котораго назвали Семеномъ Аѳанасьевичемъ Великимъ и котораго Екатерина взяла къ себѣ на воспитаніе (о жизни Семена Великаго извѣстно чрезвычайно мало, а смерть его окружена таинственностью: о ней существуютъ разнорѣчивыя показанія). Вскорѣ послѣ рожденія сына, С. С. Черторыжская вышла вторымъ бракомъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго (р. 1751 г., † 1823 г.), оберъ-камергера, второго сына гетмана. Она была на пять лѣтъ старше мужа, и графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ очень недоволенъ этою свадьбою, сильно недолюбливалъ свою невѣстку, которую называлъ „картузною бабою", и упрекалъ ее за расточительность. Въ этомъ, однако, она только вполнѣ подходила къ мужу, а своею нерѣшительностью и перемѣнчивымъ характеромъ была очень на него похожа; поэтому, вѣроятно, супруги нѣжно любили другъ друга и жили очень дружно. Бракъ ихъ былъ бездѣтенъ; очень слабое здоровье и неизлѣчимая, по мнѣнію старика-гетмана, болѣзнь графини (солитеръ) требовали постояннаго лѣченія, и графиня жила съ мужемъ почти безпрерывно за границею: въ Италіи, Швейцаріи, Голландіи, а также въ Парижѣ и на югѣ Франціи, въ Монпелье, модной въ тѣ времена климатической станціи. Эта, по выраженію гетмана, „цыганская жизнь" вызывала огромныя траты и постоянныя просьбы къ отцу и свекру о пособіи. По назначеніи графа Петра Кирилловича, при восшествіи Павла I на престолъ, присутствующимъ въ Сенатѣ, Разумовскіе вернулись въ Петербургъ и поселились на углу Набережной и Гагаринской улицы, въ своемъ домѣ, который украсили множествомъ цѣнныхъ вещей, купленныхъ во Франціи во время революціи. Здѣсь и скончалась графиня Софія Степановна, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, 26 Сентября 1803 года. Изъ оставленнаго ею завѣщанія (отъ 28 Ноября 1802 г.) видно, что она была хотя и недалекая женщина, но простодушная, добрая и религіозная и передъ смертью постаралась привести свои дѣла въ порядокъ, составивъ опись своимъ личнымъ долгамъ и назначивъ денежныя выдачи своимъ людямъ, которыхъ просила мужа отпустить на волю. Куріозно при этомъ самое распредѣленіе ею между близкими остающихся послѣ нея вещей, „de mes petites drogues", какъ она выражается, въ числѣ которыхъ простодушно ею перименовываются образа и Мадонна Карла Долче.

Похоронена графиня С. С. Разумовская въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ, гдѣ ей воздвигнутъ оплакивавшимъ ее мужемъ большой саркофагъ изъ бѣлаго мрамора съ головами медузъ и прекрасной плачущей женской фигурой; на памятникѣ читаются слѣдующія строки:

„Во мракѣ вѣры ты Спасителя любила,
„Любила ближняго, порочныхъ не судила,
„Любила ты меня, любила всѣхъ людей,
„Любовь къ Спасителю былъ свѣтъ твоихъ путей".

(Съ миніатюры изъ собранія М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

110

La comtesse SOPHIE STÉPANOWNA RAZOUMOWSKY, 1746—1803, fille d'Etienne Féodorowitch Ouchakoff (né en 1705), gouverneur de Novgorod, puis gouverneur de St-Pétersbourg et sénateur, et de sa femme, Anne Sémenowna (son nom de jeune fille nous est inconnu; elle fut mariée en premières noces à Ivan Pétrowitch Boutourline), naquit le 11 septembre 1746. Mariée d'abord au général-major Michel Pétrowitch Tchertoryjsky, aide de camp de Pierre III (1736—1771), elle perdit de bonne heure son mari, un poitrinaire, qui ne lui laissa pas d'enfant. Elle était connue à la Cour par son élégance, son amour pour le monde et les distractions et avait la réputation d'une „petite maîtresse". Avant le mariage du Grand-Duc Paul Pétrowitch, quand Catherine doutait que le prince héritier, qui était de faible santé, pût raffermir la loi de succession de l'Empire, elle reçut la mission de séduire de ses charmes le Grand-Duc. Elle eut un fils, en 1772 ou en 1773, Siméon Afanassiéwitch Véliky que Catherine éleva (sa vie nous est peu connue, et il court les bruits les plus contradictoires sur sa mort, qui est entourée de mystère). Bientôt après la naissance du fils, Mme Tchertoryjsky épousa en secondes noces le comte Pierre Kirillowitch Razoumowsky (1751—1823), grand chambellan et second fils de l'hetman. Elle était de cinq ans plus âgée que lui, et le vieux comte était fort mécontent de ce mariage, n'aimait pas du tout sa bru, l'appelait „un vrai paquet" et lui reprochait sa prodigalité. Et pourtant elle ressemblait en cela à son mari; elle lui ressemblait aussi par son indécision et son caractère changeant; aussi les époux s'aimèrent-ils tendrement et vécurent-ils en parfait accord. Leur union fut stérile; elle était de très faible santé, et sa maladie inguérissable, suivant le vieil hetman (elle avait le ténia), exigeait des soins constants. Elle vécut presque toujours à l'étranger avec son mari; ils visitèrent la Suisse, l'Italie, la Hollande, même Paris et le sud de la France, Montpellier, station à la mode du temps. Cette „vie de bohème", comme l'appelait l'hetman, nécessitait des frais énormes et de continuelles demandes d'argent au père et à la belle-mère. Lorsque le comte fut nommé, à l'avènement de Paul Ier sur le trône, membre du Sénat, les deux époux revinrent à St-Pétersbourg et s'installèrent au coin du quai et de la rue Gagarine, dans leur propre maison, qu'ils ornèrent de quantité d'objets précieux achetés en France pendant la Révolution. Elle y mourut bientôt après son retour, le 26 septembre 1803. On voit, par son testament du 28 novembre 1802, que si elle était une femme bornée, elle était franche, bonne et croyante; elle s'efforça avant sa mort de mettre ordre à ses affaires, fit un inventaire de ses propres dettes, légua de l'argent à ses domestiques et pria son mari de leur donner la liberté. La manière dont elle partagea entre ses proches ses objets, „mes petites drogues", comme elle les appelait, était curieuse; il y avait dans le nombre des images saintes et la Madone de Carlo Dolce.

La comtesse Razoumowsky fut enterrée à la laure d'Alexandre Newsky, au cimetière Lazareff, où son mari éploré lui construisit un sarcophage en marbre blanc avec des têtes de méduse et une belle figure de pleureuse. On y lit les lignes suivantes: „Tu as aimé le Sauveur à l'ombre de la foi, tu as aimé le prochain, tu n'as pas jugé les vicieux, tu m'as aimé, tu as aimé tous les hommes. L'amour du Sauveur est la lumière qui a éclairé tes chemins".

(D'après une miniature de la collection de Mlle M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

Графъ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, 1751—1809, сынъ графа Петра Борисовича отъ брака съ княжной Варварой Алексѣевной Черкасской, родился 28 Іюня 1751 г.; въ дѣтствѣ былъ любимымъ товарищемъ Цесаревича Павла Петровича. Образованіе свое онъ закончилъ продолжительнымъ заграничнымъ путешествіемъ (1769—1773), во время котораго слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. При Екатеринѣ II графъ Шереметевъ былъ назначенъ сенаторомъ, а Павелъ I, тотчасъ по воцареніи, назначилъ друга своего дѣтства оберъ-гофмаршаломъ, возложивъ на него „тяжелую задачу преобразовать Дворъ и устранить злоупотребленія“. Графъ Н. П. Шереметевъ не только навлекъ на себя неудовольствіе придворныхъ своими стараніями „не выходить изъ границъ штата“, но и самъ своенравный Павелъ, поощрившій его вначалѣ пожалованіемъ ордена св. Андрея, скоро охладѣлъ къ нему настолько, что въ концѣ 1797 г., по выраженію графа Шереметева, для довѣршаго оберъ-гофмаршала были „совершенно затворены двери кабинета Его Величества“. Эти хлопотливыя и неблагодарныя обязанности пагубно отзывались на здоровьѣ графа; два года промучился онъ на этомъ посту, пока 1 Ноября 1798 г. не былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры. Павелъ, впрочемъ, тогда же выказалъ ему свое благоволеніе, пожаловавъ кавалеромъ Мальтійскаго ордена. Графъ Н. П. Шереметевъ увлекся своей крѣпостной, умной и сердечной Прасковіей Ивановной Ковалевской, и 6 Ноября 1801 г. вступилъ съ нею въ бракъ; супруга графа умерла 23 Февраля 1803 г., черезъ три недѣли послѣ рожденія сына Дмитрія. Страшно пораженный смертью жены, Шереметевъ посвятилъ остатокъ дней своихъ воспитанію сына и щедрой благотворительности, за что Сенатъ поднесъ ему 25 Апрѣля 1803 г. золотую медаль съ изображеніемъ самого благотворителя. Онъ умеръ 2 Января 1809 г. и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

Графъ Н. П. Шереметевъ былъ человѣкъ болѣзненный и всю жизнь мучился отъ всякихъ недуговъ; онъ былъ любителемъ музыки, пѣнія и драматическаго искусства и самъ аккомпанировалъ на віолончели Прасковіи Ивановнѣ. Его крѣпостной театръ былъ такъ поставленъ, что иные пріятели его, какъ князь Юсуповъ, раздружились съ нимъ „изъ зависти театра“. Останкинскій дворецъ остается памятникомъ его изящнаго художественнаго вкуса. По отзыву бывшаго крѣпостного графа Шереметева, академика Никитенка, онъ „между многочисленныхъ вассаловъ слылъ за избалованнаго и своенравнаго деспота, не злого отъ природы, но глубоко испорченнаго счастіемъ“. Не такимъ, однако, рисуется графъ Шереметевъ въ его перепискѣ и особенно въ „Завѣщательномъ письмѣ“ къ сыну. Графъ Шереметевъ называлъ себя „простымъ, добрымъ человѣкомъ“ и имѣлъ, повидимому, полное право на это названіе: онъ былъ нѣжнымъ, любящимъ сыномъ, мужемъ, отцомъ и братомъ. Во время болѣзни „Маргаридушки“ (Ремтевой), побочной сестры своей, онъ позднею осенью „въ скукѣ“ жилъ въ подмосковной, ссылаясь на то, что „оставить больную никакъ нельзя и жалко“. Онъ былъ гуманнымъ господиномъ и заботился объ устройствѣ въ вотчинахъ школъ и богадѣленъ. Послѣ усмиренія бунта въ одномъ изъ его имѣній, графъ Шереметевъ всячески защищалъ виновныхъ и просилъ ревизора, „сколько возможно, быть въ наказаніяхъ человѣколюбиву и отнюдь палками никого не наказывать“. Онъ называлъ гордость „порокомъ безумнымъ, гнуснымъ и несноснымъ“ и былъ до крайности скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ. „Чувствую“, писалъ онъ, „что нѣтъ моихъ никакихъ заслугъ, и я уже и самъ забылъ, что предки наши дѣлали и какъ усердно служили“. Имѣя „правъ уединенный и любящій миръ и тишину“, онъ, по мѣрѣ силъ, старался „быть полезнымъ въ обществѣ“, при чемъ всегда заботился о сущности дѣла, а не о „наружностяхъ“, и, будучи оберъ-гофмаршаломъ, считалъ недостойнымъ себя, для успѣха при Дворѣ, „являть себя въ глазахъ Государя расторопнымъ, метаться при бываемыхъ празднествахъ и столахъ“. Графъ Николай Петровичъ былъ глубоко убѣжденъ въ суетности и непрочности богатства, лживости „льстецовъ и ласкателей“; отъ его завѣщанія вѣетъ духомъ Экклезіаста: „Во всемъ богатствѣ и пышности не находилъ я ничего утѣшительнаго и цѣлебнаго для изнемогшей души моей. Помни, что житіе человѣка кратко, весь блескъ міра сего исчезаетъ неминуемо!“ Но такое настроеніе привело его не къ мрачному мизантропизму, а къ покорности волѣ „всѣмъ управляющаго Промысла“ и дѣятельности на пользу больныхъ и обездоленныхъ.

(Съ портрета Рослена 1773 г.; собственность графа С. Д. Шереметева, С.-Петербургъ.)

Le comte NICOLAS PÉTROWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1751—1809, fils du comte Pierre Borissowitch, de son mariage avec la princesse Varvara Alexéewna Tcherkassky, est né le 28 juin 1751; il était dans son enfance, le compagnon favori du Césarewitch Paul Pétrowitch. Il acheva son instruction par un long voyage à l'étranger (1769—1773), pendant lequel il suivit les cours de l'université de Leyde. Sous Catherine II, le comte Chéréméteff fut nommé sénateur, et Paul Ier, immédiatement après son avènement, nomma l'ami de son enfance grand maréchal de la cour, en lui confiant „la tâche difficile de réformer la Cour et de bannir les abus". Le comte Chéréméteff, par ses efforts „pour ne pas dépasser les limites du personnel", s'attira non seulement le mécontentement des courtisans, mais le capricieux Paul lui-même, qui, tout d'abord, l'avait encouragé en lui conférant l'ordre de St-André, se refroidit bientôt à son égard, à un tel point, qu'à la fin de 1797, d'après le comte Chéréméteff, „les portes du cabinet de Sa Majesté étaient complètement condamnées" pour son confident, le grand maréchal. Ces devoirs ingrats et qui causaient tant de tourment au comte, avaient une influence pernicieuse sur sa santé; il peina dans ce poste pendant deux ans, jusqu'à sa nomination, le 1er novembre 1798, à la charge de grand chambellan. Paul, du reste, lui prouva alors sa bienveillance en le créant chevalier de l'ordre de Malte. Le comte Chéréméteff se passionna pour une de ses serves, l'intelligente et sensible Prascovie Ivanowna Kovalewsky et l'épousa le 6 novembre 1801; l'épouse du comte mourut le 23 février 1803, trois semaines après avoir mis au monde un fils, Dmitri. Cruellement frappé par la mort de sa femme, Chéréméteff consacra le reste de ses jours à l'éducation de son fils et à une bienfaisance généreuse pour laquelle le Sénat lui décerna, le 25 avril 1803, une médaille d'or avec l'effigie du bienfaiteur lui-même. Il mourut le 2 janvier 1809 et est inhumé dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le comte N. Chéréméteff était maladif et fut tourmenté toute sa vie par diverses infirmités; il était amateur de musique, de chant et d'art dramatique et accompagnait lui-même Prascovie Ivanowna sur le violoncelle. Son théâtre composé de serfs était si bien monté, que certains de ses amis, comme le prince Youssoupoff, avaient rompu avec lui „envieux de son théâtre". Le palais d'Ostankino demeure comme monument de son goût élégant et artistique. Un ancien serf du comte Chéréméteff, l'académicien Nikitenko, atteste que „parmi ses nombreux vassaux, il passait pour un despote gâté et capricieux, point méchant par nature, mais profondément corrompu par la fortune". Cependant, le comte Chéréméteff ne nous apparaît pas sous ces traits dans sa correspondance et particulièrement dans sa „Lettre testamentaire" à son fils. Le comte Chéréméteff se qualifie de „simple et bon" et avait, selon toute apparence, plein droit à ce titre: comme fils, époux, père et frère, il était tendre et aimant. Lors de la maladie de „Margaridouchka" (Réméteff), sa sœur naturelle, il restait sous Moscou „s'ennuyant" sur le tard de l'automne, expliquant que „quitter la malade était chose impossible et faisait de la peine". Il était humain et s'occupait à établir des écoles et des hospices dans ses biens patrimoniaux. Après la répression d'une rébellion dans l'une de ses propriétés, le comte Chéréméteff défendit les coupables par tous les moyens et priait le reviseur „d'être, autant que possible, humain dans les peines et de ne punir qui que ce fût de la bastonnade". Il définissait l'orgueil „un vice insensé, insupportable et odieux" et était modeste à l'excès dans l'appréciation de ses mérites. „Je sens", écrit-il, „que je n'ai aucun mérite et que j'ai déjà oublié moi-même ce que nos ancêtres ont accompli et le zèle avec lequel ils servaient". Ayant „un naturel solitaire et aimant la paix et la tranquillité", il tâchait dans la mesure de ses forces „d'être utile à la société", soignant toujours le fond des choses et non leur „apparence" et, étant grand maréchal de la cour, regardait comme indigne de lui, pour réussir à la Cour, „de se montrer, sous les yeux du souverain, débrouillé et empressé aux fêtes et aux repas". Le comte était profondément convaincu de la vanité et de l'instabilité des richesses, de la fausseté „des hypocrites et des flatteurs"; dans son testament, on sent comme le souffle de l'Ecclésiaste: „Dans toutes les richesses et les magnificences, je n'ai rien trouvé de consolant et de salutaire pour mon âme abattue. Souviens-toi, que les jours de l'homme sont courts, tout l'éclat d'ici-bas passe immanquablement!" Mais ces dispositions l'amenèrent non à une sombre misanthropie, mais à la soumission à la volonté „de la Providence qui dirige tout" et à travailler au soulagement des malades et des déshérités.

(D'après un original de Roslin, 1773, appartenant au comte S. Chéréméteff, St-Pétersbourg.)

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ШЛЫКОВА, 1773—1863, еще не такъ давно живая свидѣтельница Екатерининской эпохи, родилась, какъ она сама говорила, „черезъ два года послѣ мора“, т.-е. чумы 1771 г., въ Москвѣ. Отецъ ея, крѣпостной графа П. Б. Шереметева, Василій Шлыковъ, былъ оружейнымъ при домашнемъ арсеналѣ графа, а мать, Елена Ивановна, служила при графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметовой, рожденной княжнѣ Черкасской, и была ея довѣреннымъ лицомъ. Въ домъ графа П. Б. Шереметева она была взята на воспитаніе семи лѣтъ отъ роду и со многими сверстницами готовилась къ выступленію на его домашней сценѣ. Отличаясь искусствомъ въ танцахъ, она и подвизалась потомъ на театрѣ графа въ Москвѣ, Кусковѣ и Останкинѣ, подъ фамиліей „Гранатовой“. На спектаклѣ, даномъ во время посѣщенія Кускова Екатериной II, она была отличена Императрицей, которая позвала ее въ свою ложу, допустила къ своей рукѣ и подарила ей нѣсколько золотыхъ. Въ числѣ подругъ Шлыковой по сценѣ была Прасковья Ивановна Ковалевская, по театральному прозвищу „Жемчугова“, ставшая впослѣдствіи женою графа Николая Петровича Шереметева. Благодаря своей тѣсной дружбѣ съ Прасковьей Ивановной, Шлыкова сблизилась также и съ ея будущимъ мужемъ; когда въ 1801 г. состоялся ихъ бракъ, Татьяна Васильевна уже давно была съ ними неразлучна и сопровождала ихъ даже въ путешествіяхъ. Послѣ смерти жены въ 1803 г., графъ П. П. Шереметевъ завѣщалъ „Татьянѣ Шлыковой на приданое 30.000 руб., содержать ее въ домѣ, давать ежегодно по 1000 руб. и имѣть всевозможное о ней и ея спокойствіи попеченіе“.

Неотлучно проживая у Шереметевыхъ съ 1780 г., Татьяна Васильевна сдѣлалась какъ бы членомъ ихъ семьи и до самой смерти своей пользовалась любовью и уваженіемъ послѣдующихъ трехъ поколѣній. Она имѣла свои комнаты въ Петербургскомъ „Фонтанномъ“ домѣ Шереметевыхъ (въ нижнемъ этажѣ, направо отъ входа), собственную прислугу—повара, кучера, дѣвушку и лакея, собственную карету и пару лошадей, а лѣтомъ переѣзжала „на свою половину“ на Шереметевской дачѣ „Ульянкѣ“, по Петергофскому шоссе. Свидѣтельница всѣхъ радостныхъ и горестныхъ событій въ пріютившей ее семьѣ, она близко стояла и къ придворной и общественной жизни своего времени, помнила царствованіе Екатерины, коронаціи Павла и Александра I, двѣнадцатый годъ, Декабрьскій бунтъ, знала всѣхъ выдающихся людей своего времени, и разсказы ея о прошломъ были живою хроникой минувшей старины.

Не будучи въ молодости красавицей, Татьяна Васильевна Шлыкова имѣла выразительное лицо, съ живыми и умными глазами. Замужъ она не вышла, хотя уже въ зрѣлыхъ годахъ за нее сватался англичанинъ Плинке, одинъ изъ хозяевъ Англійскаго магазина въ Петербургѣ. Привѣтливая и общительная, она была „въ разговорѣ своеобразна и поучительна, въ воспоминаніяхъ очень любопытна. Ея свѣтлый умъ и доброе сердце соединялись съ необыкновенною выдержкою и большимъ запасомъ житейской опытности. Она была представительница здоровой среды, глубоко религіозной, чисто русской“. Эти теплыя строки посвящены ей графомъ С. Д. Шереметевымъ, въ домѣ котораго Т. В. Шлыкова безболѣзненно скончалась 25 Января 1863 г., 90 лѣтъ отъ роду. Похоронена она рядомъ съ другими членами своей семьи на Волковомъ кладбищѣ, которое при жизни называла своею „дачею“.

(Съ портрета Аргунова, 1789 г.; собственность графа С. Д. Шереметева, с. Кусково, Московской губ.)

TATIANA VASSILIEWNA CHLYKOFF, 1773—1863, ce témoin dernièrement mort de l'époque de Catherine, est née, comme elle le dit elle-même, „deux ans après la peste" de 1771 à Moscou. Son père, serf du comte Pierre Chéréméteff, Basile Chlykoff, était armurier dans l'arsenal privé du comte, et sa mère, Hélène Ivanowna, était au service de la comtesse Varvara Alexéewna Chéréméteff, née princesse Tcherkasky, et jouissait de sa confiance. Elle fut recueillie, à l'âge de sept ans, dans la maison du comte, pour y être élevée, et elle commença, avec des enfants de son âge, à se préparer à la scène. S'étant distinguée comme danseuse, elle débuta sur la scène du comte à Moscou, à Kouskovo et à Ostankino, sous le nom de „Granatoff". Pendant le spectacle donné à Kouskovo en l'honneur de Catherine II, elle fut remarquée par l'Impératrice, qui l'appela dans sa loge, lui permit de lui baiser la main et lui donna quelques pièces d'or. Au nombre des amies de Mlle Chlykoff, se trouvait Prascovie Ivanowna Kovalewsky, connue sur la scène sous le nom de „Gemtchougoff" et qui devint dans la suite la femme du comte Nicolas Pétrowitch Chéréméteff. Grâce à son intimité avec Prascovie Ivanowna, elle s'approcha aussi de son futur mari et, quand, en 1801, leur noce fut célébrée, elle était depuis longtemps leur compagne inséparable et les accompagnait même dans leurs voyages. Après la mort de sa femme, en 1803, le comte N. P. Chéréméteff légua „à Tatiana Chlykoff une dot de 30.000 roubles, la logea dans sa maison, lui fit allouer 1000 roubles par an et ordonna de veiller avec tout le soin possible à sa tranquillité".

Vivant en permanence chez les Chéréméteff depuis 1780, Tatiana Vassiliewna devint un membre de la famille et jouit, jusqu'à sa mort, de l'amour et de l'estime de trois générations. Elle avait ses appartements dans la maison que les Chéréméteff possédaient à St-Pétersbourg, au bord de la Fontanka (à l'étage inférieur, à droite de l'entrée), ses domestiques à elle, un cuisinier, un cocher, une fille de chambre et un laquais, sa propre voiture avec une paire de chevaux. En été elle déménageait dans la maison de campagne des Chéréméteff „Oulianka", sur la chaussée de Péterhof. Elle fut témoin de tous les événements tristes et gais de la famille qui l'avait accueillie, elle comprenait bien la vie de la Cour et de la société de son temps, se rappelait le règne de Catherine, les couronnements de Paul et d'Alexandre Ier, l'année douze, la révolte de décembre; elle connaissait tous les hommes célèbres de son temps et ses récits du temps passé étaient comme une chronique vivante du vieux temps.

Sans être belle dans sa jeunesse, Mlle Chlykoff avait une figure expressive, aux yeux vifs et intelligents. Elle ne se maria pas, quoique, dans l'âge mûr, elle eût été recherchée par l'Anglais Plinke, un des propriétaires du magasin anglais de St-Pétersbourg. Affable et sociable, elle était „d'une conversation originale et instructive et très intéressante dans ses souvenirs. Son esprit lucide et son bon cœur se mariaient à une maîtrise extraordinaire de soi-même et une grande dose d'expérience de la vie. Elle était le représentant d'un milieu sain, profondément religieux et essentiellement russe". Telles sont les paroles émues que lui a dédiées le comte S. Chéréméteff, dans la maison duquel T. V. Chlykoff s'éteignit sans souffrance le 25 janvier 1863, à l'âge de 90 ans. Elle est enterrée avec les autres membres de sa famille au cimetière de Volkoff, qu'elle appelait de son vivant sa „maison de campagne".

(D'après l'original d'Argounoff, 1789, appartenant au comte S. Chéréméteff, Kouskovo, gouv. de Moscou.)

109

Пис. Аргуновъ — Peint par Argounoff

Графиня Варвара Петровна Разумовская, — *La Comtesse Varvara Pétrowna Razoumowsky,*

1750 — 1824 — *1750 — 1824*

110

Графиня Софья Степановна Разумовская, — *La Comtesse Sophie Stépanowna Razoumowsky,*

1746 — 1803 — *1746 — 1803*

111

Пис. Рослевъ, 1773 — Peint par Roslin, 1773

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, — *Le Comte Nicolas Pétrowitch Chérémétieff,*

1751 — 1809 — *1751 — 1809*

112

Пис. Аргуновъ, 1789 — Peint par Argounoff, 1789

Татьяна Васильевна Шлыкова, — *Taliana Vassiliewna Chlykoff,*

1773 — 1863 — *1773 — 1863*

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЛЬВОВЪ, 1751—1803, сынъ Тверского помѣщика Александра Петровича Львова, родился въ г. Торжкѣ или его уѣздѣ; получивъ обычное домашнее воспитаніе, учился затѣмъ въ полковой школѣ Измайловскаго полка, въ бомбардирской ротѣ котораго началъ службу. Самостоятельныя занятія, чтеніе и пребываніе за границей съ его родственникомъ М. Ф. Соймоновымъ и съ Хемницеромъ расширили кругъ знаній и интересовъ Львова, рано проявившаго горячую любовь къ литературѣ и искусствамъ. Съ конца 1770-хъ гг. онъ служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ члена Коллегіи П. В. Бакунина, у котораго и жилъ одно время, а затѣмъ состоялъ при А. А. Безбородкѣ, питавшемъ къ нему самыя дружескія чувства. Съ 1782 г. онъ былъ присутствующимъ въ Главномъ почтовыхъ дѣлъ правленіи, 6 Декабря 1796 г. произведенъ въ д. ст. совѣтники, получивъ передъ тѣмъ 600 душъ въ Саратовской губ. (с. Рязановъ Бродъ). Уволенный изъ Почтоваго правленія 21 Августа 1797 г. „по случаю разныхъ возложенныхъ на него порученій, каковы суть: исправленіе въ Москвѣ дворцовъ и другихъ казенныхъ зданій, пріискъ и разработываніе земляного угля и дирекція надъ Училищемъ Земляного битаго строенія“, Львовъ въ годъ своей смерти былъ управляющимъ этимъ училищемъ и членомъ Экспедиціи Государственнаго хозяйства, онекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. Незадолго до кончины, онъ ѣздилъ лѣчиться на минеральныя воды, одновременно наблюдая, по порученію Академіи Художествъ, за снятіемъ плановъ и видовъ нѣкоторыхъ мѣстностей на Кавказской линіи, въ Тамани и въ Крыму. Провозглашенный членомъ Россійской Академіи при ея открытіи 21 Октября 1783 г., Львовъ былъ избранъ (12 Мая 1786 г.) почетнымъ членомъ Академіи Художествъ. Лично извѣстный Екатеринѣ II уже въ 1780 г., когда она „апробовала“ составленный имъ проектъ собора св. Іосифа въ Могилевѣ, Львовъ бывалъ въ свитѣ Императрицы во время ея путешествій по Россіи; въ 1782 г. удостоились высочайшаго одобренія составленные имъ проекты зданій Петербургскаго почтамта и рисунокъ ордена св. Владиміра. Львовъ пользовался также неизмѣннымъ благоволеніемъ Павла I; по его порученію, онъ исполнилъ рисунокъ ордена св. Анны (коимъ и былъ награжденъ) и построилъ въ Гатчинѣ зданіе Пріората. Искусный рисовальщикъ, Львовъ былъ весьма недурнымъ гравёромъ, занимался музыкой, театромъ, стихотворствомъ, а также механикой и технологіей, за что былъ избранъ членомъ Вольно-Экономическаго Общества. Его изящный вкусъ и обширныя познанія сосредоточили около него цѣлый кружокъ писателей; знакомый съ древними классиками и съ западной литературой, онъ въ то же время искалъ мотивовъ для творчества въ русской народной поэзіи (извѣстно начало его „богатырской повѣсти“—„Добрыня“, писанной „русскимъ складомъ“), былъ поклонникомъ изящной простоты и врагомъ всего грубаго и напыщеннаго. Съ именемъ Львова неразрывно связаны имена Богдановича, М. Н. Муравьева, А. С. Хвостова, Олешина, Капниста, а въ особенности Хемницера и Державина; послѣдній былъ въ тѣсной и долголѣтней дружбѣ съ Львовымъ, а затѣмъ и породнился съ нимъ, женившись на Д. А. Дьяковой; извѣстны также его отношенія къ Левицкому, Боровиковскому и архитектору Гваренги. Какъ писатель, онъ оставилъ рядъ мелкихъ стихотвореній, переводъ „Шесни Гаральда Храбраго“ (въ стихахъ, 1793), шутливое „Ботаническое путешествіе на Дудерову гору“ (1792), заслужившее ему прозвище „новаго Шапеля“, шутливую поэму „Русскій 1791 г.“ (съ его гравюрой), переводъ „Разсужденія о перспективѣ“ (1789), съ его же гравюрами, „Русскую пиростатику“ (о воздушныхъ печахъ, 1795), „4 книги Палладіевой архитектуры“ (1798) и др.; издалъ „Собраніе русскихъ пѣсенъ“ Прача (1790), двѣ лѣтописи (1792), Басни Хемницера (1799); онъ изобрѣлъ особый способъ „земляного битаго строенія“, который Павелъ I хотѣлъ распространить въ Россіи, и издалъ брошюру о каменномъ углѣ. Нравомъ Львовъ былъ очень общителенъ, привѣтливъ, шутливъ и остроуменъ; онъ умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, 22 Декабря 1803 г.; погребенъ въ своемъ с. Никольскомъ.

Женатый съ 1780 г. на Маріи Алексѣевнѣ Дьяковой, онъ имѣлъ 2 сыновей: Леонида (р. 1784 г., † до 1865 г.) и Николая (р. 1786 г., † 1849 г.), и 3 дочерей, жившихъ послѣ смерти родителей у Державина: Елизавету (р. 1788 г., † 1864 г.; 2-я жена тайнаго совѣтника Ф. П. Львова), Вѣру († 1875 г.; за генералъ-майоромъ А. В. Воейковымъ) и Прасковью († 1839 г.; за К. М. Бороздинымъ).

(Съ портрета Левицкаго; Императорская Академія Художествъ.)

NICOLAS ALEXANDROWITCH LVOFF, 1751—1803, fils d'Alexandre Pétrowitch Lvoff, propriétaire de Tver, naquit à Torjok ou aux environs. Il fut d'abord élevé à la maison, puis il entra à l'école du régiment Izmaïlowsky et commença son service dans la compagnie des bombardiers. Ses occupations, la lecture et son séjour à l'étranger avec son parent M. F. Soïmonoff et Khemnitzer élargirent l'horizon de ses connaissances et de ses goûts; il montra, dès sa jeunesse, une vraie passion pour la littérature et les arts. Il entra en 1770 au service du ministère des Affaires étrangères, où il trouva un Mécène dans la personne de P. V. Bakounine, chez lequel il vécut un temps; il servit ensuite sous A. A. Bezborodko, qui nourrissait à son égard les sentiments les plus amicaux. Dès 1782, il fut membre de l'administration générale des postes; le 6 décembre 1796, il devint conseiller d'Etat actuel, après avoir reçu 600 paysans dans le gouvernement de Saratoff (Riazanov Brod). Relevé de ses fonctions le 21 août 1797 „pour différentes missions dont on l'avait chargé, telles que la restauration des palais et autres édifices publics de Moscou, la recherche et l'exploitation du charbon de terre et la direction de l'Ecole de construction en terre battue", Lvoff était l'année de sa mort gérant de cette école et membre de l'Expédition de l'économie gouvernementale, de la tutelle des étrangers et de l'économie rurale. Peu de temps avant sa fin, il alla aux eaux se soigner et fut en même temps chargé par l'Académie des arts de surveiller la levée des plans et des vues de quelques localités qui se trouvent sur la ligne du Caucase, à Taman et en Crimée. Nommé membre de l'Académie russe lors de son inauguration, le 21 octobre 1783, Lvoff fut (le 12 mai 1786) élu membre honoraire de l'Académie des arts. Catherine II le connaissait déjà personnellement en 1780, quand elle „approuva" son projet de la cathédrale St-Joseph à Mohileff. Lvoff était de la suite de l'Impératrice dans son voyage en Russie; ses projets du palais des postes de St-Pétersbourg et ses dessins de l'ordre St-Vladimir méritèrent en 1782 l'approbation de S. M. Il jouit aussi de la faveur de Paul Ier; c'est sur son ordre qu'il fit le dessin de l'ordre Ste-Anne (dont il fut gratifié) et qu'il construisit à Gatchina l'édifice du Priorat. Habile dessinateur, il n'était point mauvais graveur, il s'occupait de musique, de théâtre, de poésie et même de mécanique et de technologie (ce qui le fit nommer membre de la Société économique libre). Son goût exquis et ses vastes connaissances groupèrent autour de lui tout un cercle d'écrivains; c'était un connaisseur des anciens classiques et de la littérature occidentale, et il chercha des motifs pour ses créations littéraires dans la poésie populaire russe (on connaît le commencement de son „conte héroïque" Dobrynia, pastiche vieux-russe). Il était partisan d'une élégante simplicité et ennemi de tout ce qui était grossier et emphatique. Au nom de Lvoff sont indissolublement liés ceux de Bogdanowitch, de M. N. Mouravieff, de A. S. Khvostoff, d'Olénine, de Kapnist et surtout de Khemnitzer et de Derjavine. Ce dernier a été de longues années intime avec Lvoff, puis il devint son parent en épousant Mlle D. Diakoff. On connaît aussi ses relations avec Lévitzky, Borovikowsky et l'architecte Gvarenghi. Il nous a laissé comme écrivain de petites poésies, la traduction du „Chant d'Harold le brave" (en vers, 1795), le plaisant „Voyage botanique sur la montagne de Doudérov" (1792), qui lui valut le surnom du „Nouveau Chapelle", le poème badin „Le Russe de 1791" (avec sa gravure), la traduction des „Commentaires sur la perspective" (1789), avec ses gravures, „la Pyrostatique russe" (des poiles à air 1793), „4 livres de l'architecture Palædieff" (1798), etc. Il a édité un „Recueil de chants russes" de Pratch (1790), deux mémoires (1792), les fables de Khemnitzer (1799). Il inventa un moyen spécial „de construction en terre" que Paul Ier désirait répandre en Russie et édita une brochure sur la houille. Lvoff était très sociable, affable, il aimait à plaisanter et avait de l'esprit. Il mourut à Moscou le 22 décembre 1803, ayant alors le grade de conseiller privé. Il fut inhumé dans son bien Nikolskoé.

Il épousa en 1780 Marie Alexéewna Diakoff et eut deux fils: Léonide (1784—1865) et Nicolas (1786—1849), et trois filles, qui vécurent chez Derjavine après la mort des parents: Elisabeth (1788—1864; seconde femme du conseiller privé T. P. Lvoff), Véra († 1875; mariée au général major A. V. Voeïkoff) et Prascovie († 1839; mariée à K. M. Borozdine).

(D'après l'original de Lévitzky, Académie Impériale des Arts.)

Графъ ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 1782—1846, сынъ графа Ивана Андреевича отъ брака съ Анной Федоровной Майковой, родился 6 Февраля 1782 г.; службу началъ въ Преображенскомъ полку (въ 1798 г. прапорщикъ), а въ 1803 г. отправился, въ качествѣ волонтера, въ кругосвѣтную экспедицію лейтенанта Крузенштерна. Постоянныя проказы, нарушенія дисциплины и безпокойный характеръ Толстого (онъ „со всѣми перессорился и всѣхъ перессорилъ“) были причиною того, что Крузенштернъ высадилъ его на берегъ въ Русской Камчаткѣ. Толстой прожилъ нѣкоторое время здѣсь, а затѣмъ—на Алеутскихъ островахъ, послѣ чего возвратился въ Россію; въ Іюлѣ 1805 г. Вигель встрѣтилъ Толстого въ Вятской губерніи, уже на пути въ Петербургъ, и былъ пораженъ наружностью „Американца“: „природа на головѣ его круто завила густые, черные его волосы; глаза его, вѣроятно, отъ жары и пыли покраснѣвшіе, намъ показались налитыми кровью“, но взглядъ у него былъ „почти меланхолическій“, а говоръ—„тихій“, что такъ мало вязалось съ внѣшнимъ его видомъ. При въѣздѣ въ Петербургъ Толстой былъ остановленъ у заставы и прямо отвезенъ въ Нейшлотскую крѣпость; одновременно (10 Августа 1805 г.) онъ былъ переведенъ въ Нейшлотскій гарнизонный батальонъ. Съ началомъ Шведской войны Толстой, по ходатайству князя М. П. Долгорукаго, былъ опредѣленъ къ нему личнымъ адъютантомъ; по словамъ П. П. Липранди, Толстой „завѣдывалъ походнымъ хозяйствомъ“ князя, который „сберегалъ его для отчаянныхъ предпріятій“, въ которыхъ „Американецъ“ неоднократно и отличался безумною своею храбростью. Во время трагической смерти князя Долгорукаго (15 Октября 1808 г.) Толстой находился возлѣ него и „въ память Долгорукаго“ былъ снова переведенъ въ Преображенскій полкъ (31 Октября 1808 г.); находясь въ Або, „Американецъ“ убилъ на дуэли (1810 г.) капитана Брунова и А. П. Нарышкина. Выйдя затѣмъ въ отставку (12 Октября 1811 г.), съ чиномъ подполковника, Толстой во время Отечественной войны вступилъ въ дружину Московскаго ополченія, подъ Бородинымъ былъ тяжело раненъ въ ногу и получилъ чинъ полковника. Поселившись затѣмъ въ Москвѣ, Толстой велъ открытый образъ жизни, пользуясь репутаціей отчаяннаго дуэлиста и бреттёра; крупная и счастливая игра въ карты давала ему возможность жить широко; домъ его славился роскошными, гастрономическими обѣдами, за которыми бывалъ и князь П. А. Вяземскій, въ своемъ посланіи къ Толстому называющій его „обжоръ властителемъ, другомъ и богомъ“. Въ 1821 г., 10 Января, Толстой обвѣнчался со своею сожительницей, Московской цыганкою Авдотьей Максимовной Тугаевой.

Умный,—по выраженію Булгарина, „какъ демонъ“,—поражавшій собесѣдниковъ софизмами и парадоксами, остроумный и находчивый, а въ то же время широко образованный и начитанный, Толстой любилъ литературу и искусства; среди его знакомыхъ было много писателей, музыкантовъ, артистовъ; онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Батюшковымъ, кн. Вяземскимъ, Д. Давыдовымъ, Грибоѣдовымъ, Баратынскимъ, Пушкинымъ; послѣдній былъ съ нимъ въ ссорѣ и написалъ на него (1820 г.) злую эпиграмму („Въ жизни мрачной и презрѣнной ‖ Былъ онъ долго погруженъ“....), но потомъ они сошлись. Толстой съ годами, особенно послѣ смерти любимой дочери Сарры, рѣзко измѣнился, сдѣлавшись уравновѣшеннымъ и даже набожнымъ; онъ умеръ въ Москвѣ 24 Октября 1846 г. и погребенъ на Ваганьковомъ кладбищѣ. Толстой велъ записки (1845 г.), но онѣ неизвѣстны въ печати. Изъ дѣтей его—графиня Сарра (р. 20 Августа 1820 г.), одаренная необыкновеннымъ поэтическимъ, музыкальнымъ и художественнымъ талантами, но болѣзненная и психически непормальная, умерла 24 Апрѣля 1858 г.; другая дочь, Прасковья, была за тайнымъ совѣтникомъ В. С. Перфильевымъ (р. 1826 г., † 1890 г.).

Князь Вяземскій въ посланіи къ Толстому (1818 г.) такъ его изображаетъ въ стихахъ: „Американецъ и цыганъ, ‖ На свѣтѣ нравственномъ загадка... ‖ Всегда изъ края мечетъ въ край, ‖ Изъ рая въ адъ, изъ ада въ рай; ‖ Котораго душа есть пламень, ‖ А умъ—холодный эгоистъ; ‖ Подъ бурей рока—твердый камень, ‖ Въ волненьѣ страсти—легкій листъ“. Яркую характеристику его далъ и Грибоѣдовъ:

„Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,—
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ,—и мы всѣ рыдаемъ“.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1846 г.; собственность баронессы М. А. Шепшинъ, въ Москвѣ.)

Le comte THÉODORE IVANOWITCH TOLSTOÏ, 1782—1846, fils du comte Ivan Andréewitch et de sa femme Anne Féodorowna Maïkoff, naquit le 6 février 1782. Il commença à servir au régiment Préobragensky (enseigne en 1798), puis il prit part, en qualité de volontaire, à l'expédition autour du monde du lieutenant Krusenstern. Ses niches continuelles, ses infractions à la discipline, son caractère inquiet (il „se brouilla avec tous et brouilla tout le monde") furent cause que Krusenstern le débarqua au Kamtchatka russe. Tolstoï y vécut quelque temps, puis alla aux îles Aléoutes et enfin revint en Russie. Viegel le rencontra en juillet 1805 dans le gouvernement de Viatka en route pour St-Pétersbourg et fut frappé de l'extérieur de cet „Américain": „dame nature avait fortement frisé ses cheveux noirs et épais, ses yeux, rougis probablement par la chaleur et la poussière, nous paraissaient injectés de sang", mais son regard était „presque mélancolique" et sa voix „basse", ce qui jurait avec son extérieur. A son arrivée à St-Pétersbourg, Tolstoï fut arrêté à la barrière de la ville, conduit à la forteresse de Nyslott et incorporé le 10 août 1805 au bataillon en garnison dans cette ville. Au commencement de la guerre avec la Suède, Tolstoï, sur la demande du prince M. P. Dolgorouky, lui fut attaché comme aide de camp; suivant I. P. Liprandi, il était „intendant en campagne" du prince, qui le „réservait à des entreprises désespérées", où „l'Américain" se distingua plus d'une fois par un insensé courage. Lors de la mort tragique du prince (le 15 octobre 1808), il se trouvait à ses côtés et „en souvenir de Dolgorouky" il rentra au régiment Préobragensky (le 31 octobre 1808). „L'Américain", se trouvant à Abo, tua en duel (en 1810) le capitaine Brounoff et A. I. Narychkine. Le 12 octobre 1811, il prit son congé avec le grade de lieutenant-colonel, mais en 1812, il entra dans la milice de Moscou, fut grièvement blessé au pied à Borodino et devint colonel. Il s'établit alors à Moscou, il mena un grand train de vie, ayant la réputation de désespéré duelliste et de bretteur; sa chance aux cartes, et il jouait gros, lui donna la possibilité de vivre largement; sa maison était réputée par son luxe et ses dîners gastronomiques, auxquels assistait aussi le prince P. A. Viazemsky, qui, dans une épître qu'il adressa à Tolstoï, l'appelle „l'ami, le roi et le dieu des gourmands". Le 10 janvier 1821, Tolstoï épousa la bohémienne Eudoxie Maximowna Tougaeff, qui vivait avec lui.

Intelligent „comme un démon", dit Boulgarine, il étonnait ses hôtes par ses sophismes et ses paradoxes; il était spirituel, plein de ressources et en même temps instruit, érudit; il aimait la littérature et les arts; il avait parmi ses connaissances beaucoup d'écrivains, de musiciens, d'artistes; il était en rapports amicaux avec Batiouchkoff, le prince Viazemsky, D. Davydoff, Griboédoff, Baratynsky, Pouchkine. Ce dernier s'était querellé avec lui et lui avait dédié une méchante épigramme („Dans une vie sombre et vile, il fut longtemps plongé"...), mais ensuite ils se réconcilièrent. En avançant en âge, Tolstoï changea complètement, surtout après la mort de sa fille favorite, Sarah; il devint pondéré et même religieux. Il mourut à Moscou le 24 octobre 1846 et fut enterré au cimetière de Vagankoff. Tolstoï écrivait des mémoires, mais ils ne sont pas connus dans la presse. La comtesse Sarah, sa fille (née le 20 août 1820), était extraordinairement douée pour la poésie, la musique et les arts, mais d'une constitution maladive et d'une mentalité anormale; elle mourut le 24 avril 1838; la seconde fille du comte, Prascovie, épousa le conseiller privé V. S. Perfilieff (1826—1890).

Le prince Viazemsky représente Tolstoï de la manière suivante dans une épître en vers qu'il lui a adressée (1818): „Américain et bohémien, ‖ C'est une énigme dans le monde moral, ‖ Il se jette d'une extrémité à l'autre, ‖ Du paradis à l'enfer, de l'enfer au paradis, ‖ Son âme est une flamme, ‖ Mais d'esprit, il est un froid égoïste; ‖ Dur comme pierre sous les rafales du destin, ‖ C'est une feuille légère à la merci des emportements de la passion".

Griboédoff, de son côté, le caractérise vivement en disant:

„C'est une tête comme il n'en est pas en Russie, point n'est besoin de le nommer, il est reconnaissable a son portrait: brigand nocturne, duelliste, il fut exilé au Kamtchatka, et il en est revenu aléoutien, les doigts fortement crochus. Oui, l'homme d'esprit doit nécessairement être fripon! Quand il parle de la haute honnêteté, se trouvant au pouvoir d'un démon, les yeux injectés de sang, le visage brûlant, il pleure, lui, et nous tous sanglotons".

(D'après l'original de Reichel, 1846; propriété de Mme la baronne M. A. Chepping, à Moscou.)

Князь БОРИСЪ АНДРЕЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1766—1822, сынъ генералъ-майора князя Андрея Михайловича (р. 15 Августа 1729 г., † 25 Февраля 1770 г.), женатаго на княжнѣ Елизаветѣ Борисовнѣ Юсуповой (р. 27 Апрѣля 1743 г., † 29 Августа 1770 г.), родной племянникъ богача князя Николая Борисовича Юсупова—по матери и фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго—по отцу, родился 15 Мая 1766 г.; человѣкъ очень богатый (у него было 12/т. душъ), онъ увеличилъ еще свое состояніе женитьбой въ 1790 г. на Аннѣ Александровнѣ де-Лицыной, молодой, 27-лѣтней вдовѣ Александра Александровича де-Лицына (р. 1760 г., † 1789 г.; побочный сынъ вице-канцлера князя А. М. Голицына), рожденной княжнѣ Грузинской; знатное и вліятельное родство обезпечивало ему блестящую карьеру. Князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ началъ службу 11 Марта 1779 г. въ Преображенскомъ полку, въ 1785 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1788 г.—въ поручики, въ 1790 г.—въ капитаны, а въ слѣдующемъ году—въ подполковники и, наконецъ, 12 Февраля 1792 г.—въ полковники въ Софійскій карабинерный полкъ. Въ теченіе этого періода онъ участвовалъ въ 1790 г. въ войнѣ со Швеціей, а въ 1794 г. въ Польской кампаніи, при чемъ былъ въ сраженіяхъ при Брест-Литовскѣ, Слонимѣ, Брони и участвовалъ въ штурмѣ Праги и Варшавы и за это, 1 Января 1795 г., заслужилъ Георгія 4 ст.; вслѣдъ затѣмъ, въ 1796 г., назначенъ гофмаршаломъ двора Великаго Князя Константина Павловича; 28 Ноября 1796 г. произведенъ въ генералъ-майоры „отъ кавалеріи“, съ назначеніемъ шефомъ Софійскаго кирасирскаго полка; 18 Марта 1798 г. Голицынъ былъ пожалованъ Александровской звѣздой и чиномъ генералъ-лейтенанта, а 27 Ноября переведенъ въ Конную гвардію, которой и командовалъ до 1800 г.; только-что назначенный инспекторомъ Лифляндской инспекціи, онъ впалъ въ немилость у Павла I, 5 Января 1800 г. былъ отставленъ отъ службы и долженъ былъ отправиться въ свое Владимірское имѣніе, с. Симу. Позднѣе, въ 1812 г., князь Голицынъ командовалъ Владимірскимъ ополченіемъ.

Много мелкихъ замѣтокъ о князѣ Борисѣ Андреевичѣ Голицынѣ разсѣяно въ перепискѣ княжны В. Туркестановой (съ Кристинымъ), которая была близка къ его семьѣ; князь И. М. Долгорукій въ своемъ „Капищѣ Сердца“ говоритъ о Голицынѣ, какъ о человѣкѣ холодномъ, высокомѣрномъ и неблагодарномъ по отношенію къ нему.

У князя Б. А. Голицына было многочисленное семейство, состоявшее изъ 8 человѣкъ дѣтей: 1) Елизавета (р. 1790 г., † 1870; за княземъ А. Б. Куракинымъ), 2) Андрей (генералъ-майоръ; р. 1791 г., † 1861 г.), 3) Александръ (дѣйствительный статскій совѣтникъ, Саратовскій губернаторъ; р. 1792 г., † 20 Января 1868 г.), 4) Ирина (р. 1793 г., † въ дѣтствѣ), 5) Николай (полковникъ; р. 1794 г., † 20 Октября 1866 г.), 6) Софія (р. 15 Августа 1796 г., † 19 Ноября 1871 г.; за генералъ-лейтенантомъ К. М. Полторацкимъ), 7) Татьяна (р. 30 Января 1801 г., † 6 Іюля 1869 г.; за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ А. М. Потемкинымъ) и 8) Александра (р. 1802 г.; за княземъ С. П. Мещерскимъ).

Князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ скончался внезапно 30 Марта 1822 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ его слѣдующая эпитафія:

„Земная жизнь, какъ тяжкій плѣнъ стѣсняетъ;
Удѣлъ земли—мятежъ и суета,
Но въ дебряхъ жизни сей насъ грустныхъ утѣшаетъ
Животворящее сіяніе креста.
За нимъ, христіанинъ, отринь сей жизни бремя;
За нимъ туда, туда, гдѣ зародилось время,
Отколь связуетъ все цѣпь древняя вѣковъ,
Тебя, какъ сына, тамъ ждетъ вѣчная любовь.
Ни тяжкая земля, ни камень гробовой
Души безсмертныя не окуютъ полета:
Она, какъ узница, отъ цѣпи роковой
Летитъ въ безбрежну даль сіянія и свѣта“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince BORIS ANDRÉEWITCH GOLITZYNE, 1766—1822, fils du général-major, le prince André Mikhaïlowitch (né le 15 août 1729, † le 23 février 1770) et de sa femme Elisabeth Borissowna Youssoupoff (née le 27 avril 1743, † le 29 août 1770), neveu maternel du richissime prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff et neveu paternel du feld-maréchal comte P. A. Roumiantzeff-Zadounaïsky, naquit le 15 mai 1766. Il était très riche (il avait 12.000 paysans) et il accrut encore sa fortune en épousant en 1790 Anne Alexandrowna de Litzyne, jeune femme de 27 ans, veuve d'Alexandre Alexandrowitch de Litzyne (1760—1789; fils naturel du vice-chancelier le prince A. M. Golitzyne), née princesse Grouzinsky. Une parenté illustre et influente lui réservait une brillante carrière. Il commença son service en 1779, le 11 mars, au régiment Préobragensky; il fut promu enseigne en 1783, lieutenant en 1788, capitaine en 1790, lieutenant-colonel l'année suivante et enfin colonel le 12 février 1792 dans le régiment de carabiniers de Sophie. Pendant ce temps il prit part en 1790 à la guerre de Suède et en 1794 à la campagne de Pologne; il assista aux combats de Brest-Litovsk, de Slonim, de Broni et aux assauts de Praga et de Varsovie; il en fut récompensé le 1er janvier 1795 par St-Georges de 4e classe. Il fut l'année suivante nommé maréchal de la cour du Grand-Duc Constantin Pavlowitch; le 28 novembre 1796, il fut promu général-major „de cavalerie" et nommé chef du régiment de grenadiers de Sophie; le 18 mars 1798, Golitzyne reçut le grand cordon de St-Alexandre et le grade de lieutenant général. Le 27 novembre, il passa au régiment des Gardes à cheval, qu'il commanda jusqu'en 1800. Nommé inspecteur de Livonie, il tomba en disgrâce auprès de Paul Ier, le 5 janvier 1800, et dut se retirer dans le gouvernement de Vladimir, dans son domaine de Sima. Plus tard, en 1812, le prince Golitzyne commanda les troupes de Vladimir.

On peut trouver beaucoup de notes sur le prince dans la correspondance de la princesse V. Tourkestanoff (avec Christine) qui le connaissait bien. Le prince I. M. Dolgorouky dit dans son „Sanctuaire de mon cœur" que le prince Golitzyne était un homme froid, fier et ingrat envers lui.

Le prince avait une nombreuse famille de 8 enfants: 1) Elisabeth (1790—1870; mariée au prince A. B. Kourakine), 2) André (1791—1861; général-major), 3) Alexandre (conseiller d'Etat actuel et gouverneur de Saratoff; né en 1792, † le 20 janvier 1868), 4) Irène (née en 1793, morte enfant), 5) Nicolas (colonel; né en 1794, † le 20 octobre 1866), Sophie (née le 15 août 1796, † le 19 novembre 1871; mariée au lieutenant général K. M. Poltoratzky), 7) Tatiana (le 30 janvier 1801, † le 6 juillet 1869; mariée au conseiller privé A. M. Potemkine) et 8) Alexandrine (née en 1802, mariée au prince S. I. Mechtchersky).

Le prince Boris Andréewitch Golitzyne mourut de mort subite le 30 mars 1822 et fut enterré dans le cimetière Lazareff, à la laure d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'épitaphe suivante:

„La vie terrestre vous pèse comme une douloureuse captivité; son lot n'est que révolte et tracas. Mais ce qui nous console, nous autres affligés, dans les sentiers de cette vie, c'est l'éclat vivifiant de la croix. Vers elle, chrétien, rejette le poids de cette existence; vers elle au berceau du temps, d'où s'échappe l'antique chaîne des siècles qui enlace tout, là, comme fils, t'attend un éternel amour. Ni la lourde terre, ni la pierre sépulcrale ne peuvent enchaîner l'envolée de l'âme immortelle. Elle s'envole, comme une prisonnière loin des chaînes fatales, dans l'immensité de la splendeur et de la lumière".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА ПОТЕМКИНА, 1797—1869, дочь генералъ-лейтенанта, князя Бориса Андреевича Голицына (р. 1766 г., † 1822 г.), отъ брака его съ свѣтлѣйшей княжной Анной Александровной Грузинской, въ первомъ бракѣ де-Лицыной (р. 1763 г., † 1842 г.), родилась въ Петербургѣ 30 Января 1797 года. Выйдя замужъ, 7 Февраля 1815 г., за Александра Михайловича Потемкина (р. 1787 г., † 1872 г.), впослѣдствіи С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, она вскорѣ послѣ свадьбы была отправлена за границу, по настоянію врачей, нашедшихъ у нея признаки чахотки. Климатъ Швейцаріи и Италіи, гдѣ она провела два года, совершенно поправилъ ея здоровье: она дожила до 72 лѣтъ и скончалась внезапно въ ночь на 6 Іюля 1869 г. въ Берлинѣ, куда только-что пріѣхала лѣчиться отъ послѣдствій сильнаго сотрясенія, испытаннаго ею за два года передъ тѣмъ, при паденіи лифта, на которомъ она поднималась въ церковь во дворцѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ въ Сергіевской пустыни, подъ Петербургомъ.

Извѣстная всей Россіи своимъ благочестіемъ и широкою дѣятельностью на поприщѣ благотворительности, Т. Б. Потемкина всю свою жизнь посвятила дѣлу помощи ближнему. Не было благотворительнаго учрежденія или богоугоднаго заведенія, въ которомъ она не состояла бы членомъ и не принимала бы въ немъ участія. Считаясь одною изъ первыхъ красавицъ своего времени, она еще въ молодости отказалась отъ вечернихъ выѣздовъ и не появлялась на придворныхъ торжествахъ, но принимала у себя въ городѣ и въ своихъ роскошныхъ имѣніяхъ, въ Гостилицахъ, С.-Петербургской губ., и въ Крыму, членовъ Царской фамиліи и Государя Николая Павловича, который разъ навсегда далъ ей позволеніе обращаться непосредственно къ нему всякій разъ, когда это потребуется. Этимъ правомъ она пользовалась широко, пріѣзжая къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ въ часы, когда Государь навѣщалъ своихъ внуковъ. Это давало ей огромное значеніе и вліяніе, которымъ многіе злоупотребляли, пользуясь ея добротой, такъ какъ она никому не умѣла отказывать: „Sire“, писала она однажды Николаю Павловичу, „je tremble en Vous écrivant, mais j'ai encore plus peur de la veuve et de l'orphelin“. Состоя первою предсѣдательницею С.-Петербургскаго Дамскаго тюремнаго комитета, Т. Б. Потемкина оставалась въ этомъ званіи 30 лѣтъ и живо интересовалась этимъ новымъ тогда въ Россіи дѣломъ.

Искренняя ревнительница православія и строгая хранительница уставовъ православной церкви, Татьяна Борисовна Потемкина служила примѣромъ благочестія для всѣхъ ее знавшихъ. Въ домовую церковь ея, на Милліонной, стекалась вся петербургская знать, а домъ ея всегда былъ полонъ странниковъ, странницъ, монашествующихъ и всякой духовной братіи, за которую она неустанно хлопотала, пользуясь своими связями и родствомъ съ министромъ духовныхъ дѣлъ, княземъ А. Н. Голицынымъ. Разсказывали, что С.-Петербургскій митрополитъ Никаноръ объявилъ ей однажды, что всѣ ея просьбы уже „порѣшены“ и, когда она стала его благодарить, отвѣтилъ, смѣясь: „Не стоитъ благодарности; всѣмъ отказано“. Обладая большимъ состояніемъ, Т. Б. Потемкина много тратила и на церковныя нужды: ея стараніями и на ея средства поддержано и возстановлено много церквей и монастырей, между прочимъ древнѣйшая Святогорская обитель, на Дону, въ ея имѣніи Харьковской губерніи.

Не менѣе заботъ посвящала Т. Б. Потемкина улучшенію быта своихъ крѣпостныхъ людей, иногда, впрочемъ, съ совершенно неожиданными результатами. Послѣ покупки ея мужемъ имѣнія Гостилицы, она выхлопотала у Николая I разрѣшеніе вернуть туда 60 человѣкъ крестьянъ, сосланныхъ въ Сибирь за бунтъ при прежнемъ владѣльцѣ, графѣ П. К. Разумовскомъ. Неожиданное возвращеніе мужей послѣ долгаго и, казалось, безвозвратнаго отсутствія породило не мало комичныхъ и даже драматичныхъ эпизодовъ въ неожидавшихъ ихъ семьяхъ: мирная жизнь въ Гостилицахъ была надолго нарушена. Въ Гостилицахъ же Т. Б. Потемкиной была основана еще при Александрѣ I одна изъ первыхъ въ Россіи ланкастерскихъ школъ, и, хотя смотрителемъ ея она назначила прямо изъ острога освобожденнаго по ея просьбѣ чьего-то крѣпостного, посаженнаго въ тюрьму за принадлежность къ какому-то евангелическому сообществу, школа эта процвѣтала долгое время и даже въ царствованіе Николая Павловича не испытала на себѣ послѣдствій стѣсненій, которымъ подверглись вообще ланкастерскія школы.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

TATIANA BORISSOWNA POTEMKINE, 1797—1869, fille du lieutenant-général le prince Boris Andréewitch Golitzyne (1766—1822) et de la princesse sérénissime Anne Alexandrowna Grouzinsky, en premières noces Mme de Litzyne (1763—1842), naquit à St-Pétersbourg le 30 janvier 1797. Mariée le 7 février 1815 à Alexandre Mikhaïlowitch Potemkine (1787—1872), qui devint maréchal de la noblesse du gouvernement de St-Pétersbourg, elle fut, bientôt après la noce, envoyée à l'étranger, sur l'ordre des médecins, qui avaient trouvé en elle des symptômes de phthisie. Le climat de la Suisse et de l'Italie, où elle resta deux ans, rétablit complètement sa santé. Elle vécut jusqu'à 72 ans et mourut subitement dans la nuit du 6 juillet 1869 à Berlin, où elle venait d'arriver pour se soigner d'une forte commotion qu'elle avait ressentie, deux ans auparavant, à la chute d'un ascenseur, qu'elle avait pris pour se rendre à l'église du Grand-Duc Nicolas Nikolaewitch aîné. Son corps fut ramené en Russie et enterré au couvent St-Serge, près de St-Pétersbourg.

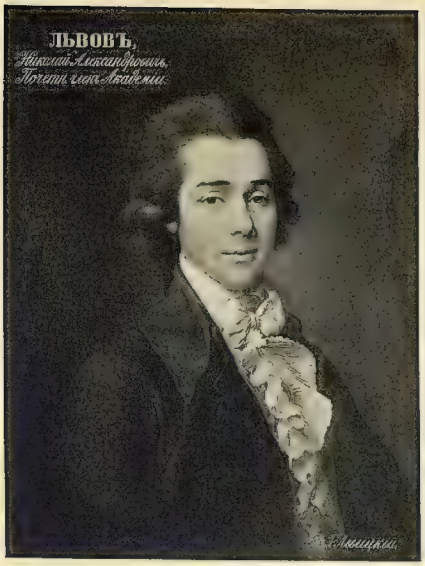
Connue de toute la Russie par sa piété et sa vaste activité dans le domaine de la bienfaisance, Tatiana Borissowna Potemkine voua sa vie à secourir son prochain. Il n'y avait pas d'institution de bienfaisance, pas d'établissement de charité, dont elle ne fût membre et auquel elle ne prît part. Elle passait pour une des premières beautés de son temps; dans sa jeunesse déjà, elle refusa d'apparaître aux soirées et aux cérémonies de la Cour, mais elle reçut chez elle, en ville et dans ses luxueux domaines à Gostilitzy, gouv. de St-Pétersbourg, et en Crimée, les membres de la famille Impériale et l'Empereur Nicolas Pavlowitch, qui, une fois pour toutes, lui octroya la permission de s'adresser directement à lui, toutes les fois qu'elle en sentirait le besoin. Elle profita largement de ce droit et arrivait chez la Grande-Duchesse Marie Nikolaewna, aux heures où Sa Majesté rendait visite à ses petits-fils. Cela lui donna une grande importance et une influence, dont plusieurs abusèrent. On profitait de sa bonté, car elle ne savait refuser à qui que ce soit: „Sire", écrit-elle une fois à Nicolas Pavlowitch, „je tremble en Vous écrivant, mais j'ai encore plus peur de la veuve et de l'orphelin". Mme Potemkine resta trente ans première présidente du comité des dames pour les prisons de St-Pétersbourg et s'intéressa vivement à cette œuvre nouvelle alors en Russie.

Sincère zélatrice de l'orthodoxie et sévère gardienne de la discipline ecclésiastique, Mme Potemkine était un modèle de piété pour toutes ses connaissances. Toute la haute société pétersbourgeoise affluait dans son église à la Millionnaïa, et sa maison ne désemplissait pas de pèlerins et de pèlerines, de moines et d'autres membres de confréries religieuses, pour lesquels elle intercédait sans cesse et profitait des relations qu'elle entretenait et des liens de parenté qui l'unissaient au ministre des cultes, le prince A. N. Golitzyne. On raconte que le métropolite de St-Pétersbourg, Nicanor, lui dit un jour que pour ses requêtes, c'était „une affaire faite", et, quand elle l'en remercia, il lui répondit: „Pas de quoi, tout est rejeté". Elle avait une grande fortune et elle dépensa beaucoup pour les besoins de l'église; c'est à ses frais et grâce à ses soins, que beaucoup d'églises et de monastères furent entretenus et restaurés, entre autres l'antique monastère „Sviatogorsky" sur le Don, dans son bien du gouvernement de Kharkoff.

Mme Potemkine voua non moins de soins à l'amélioration de l'existence des paysans, avec des résultats complètement inattendus parfois. Lorsque son mari eut acheté le domaine „Gostilitzy", elle obtint de Nicolas Ier la permission d'y ramener 60 paysans, exilés en Sibérie pour s'être révoltés sous le précédent propriétaire, le comte P. K. Razoumowsky. Le retour inopiné des maris, après une longue absence, qui semblait définitive, engendra plus d'un épisode comique et même tragique dans leurs familles, qui ne les attendaient pas. La paix à Gostilitzy fut longtemps troublée. C'est dans ce domaine que Mme Potemkine fonda, sous Alexandre Ier, une des premières écoles Lancaster et, quoiqu'elle en eût nommé inspecteur un serf, condamné pour avoir appartenu à une société évangélique et libéré sur sa demande, cette école prospéra longtemps et n'eut même pas à subir, sous le règne de Nicolas Pavlowitch, les vexations qu'encouraient en général ces écoles.

(D'après une miniature, appartenant au prince A. Kourakine, à St-Pétersbourg.)

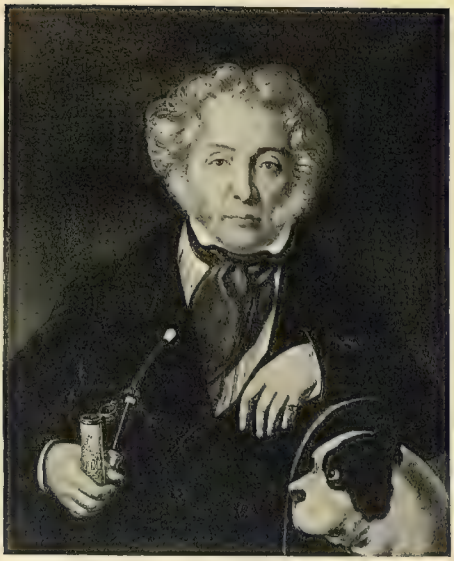
113



Пис. Левицкій — Peint par Levitzky

Николай Александровичъ Львовъ, 1751 — 1803 — *Nicolas Alexandrowitch Lvoff, 1751 — 1803*

114



Пис. К. Рейхель, 1846 — Peint par Ch. Reichel, 1846

Графъ Федоръ Ивановичъ Толстой, 1782 — 1846 — *Le Comte Théodore Ivanowitch Tolstoï, 1782 — 1846*

115

Князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, 1766 — 1822 — *Le Prince Boris Andréewitch Golitzyne, 1766 — 1822*

116

Татьяна Борисовна Потемкина, 1797 — 1869 — *Tatiana Borissowna Potemkine, 1797 — 1869*

Княгиня ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 1784—1824, дочь генералъ-майора графа Ивана Антоновича Соллогуба, отъ брака съ Наталіей Львовной Нарышкиной, родилась 13 Марта 1784 г., въ Полоцкѣ. Семнадцати лѣтъ отъ роду, 21 Октября 1801 г., вышла замужъ въ Москвѣ, во время коронаціи Императора Александра I, за дѣйствительнаго камергера князя Григорія Сергѣевича Голицына (р. 1779 г., † 1848 г.). Чрезвычайно симпатичная личность этой женщины, являвшейся, по словамъ Вигеля, „своею кротостью и благовидностью, совсѣмъ не думая о томъ, сколкомъ съ Императрицы Елисаветы Алексѣевны", такъ очерчена имъ въ его воспоминаніяхъ: „Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, коп, къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще, чѣмъ нынѣ. Ихъ образцомъ была Императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностью: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу и если бы могла быть убыль въ ангелахъ, то я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый наборъ". Несмотря на свои чудачества и сумасбродства, мужъ ея, игравшій въ Пензѣ, во время своего тамъ губернаторства, роль владѣтельной особы и старавшійся подражать въ интимной жизни Людовику XIV, „любилъ ее и уважалъ и всегда былъ ей вѣренъ", хотя и завелъ себѣ для виду двухъ „мотрессъ".

Скончалась княгиня Голицына, сравнительно не въ старыхъ годахъ, 1 Марта 1824 г. въ селѣ Сосновкѣ, Тамбовской губерніи, и 4 Апрѣля того же года похоронена въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губерніи. Оставила она послѣ себя семь сыновей: князей Сергѣя (1803—1868), Льва (1804—1871), Михаила (1808—1868), Григорія (1809—1853), Дмитрія (1812—1875), Николая (1817—1855) и Федора (1819—1887), и двухъ дочерей: княжну Варвару (1802—1873; за виконтомъ де Шуазёль-Гуффье) и Наталію (1816—1874; за И. М. Донауровымъ).

Княгиня Е. И. Голицына, еще не будучи замужемъ, была воспѣта Державинымъ, подъ именемъ „Жидовочки" въ его стихотвореніи „Горы", написанномъ въ 1799 г., т.-е. когда ей было всего 14 лѣтъ, въ имѣніи ея отца, селѣ Горы-Горки, въ Бѣлоруссіи. Державинъ, бывшій тамъ въ 1799 г., на слѣдствіи въ деревнѣ Березятнѣ, имѣніи графа Полье, возвращаясь однажды вечеромъ къ Соллогубамъ, былъ встрѣченъ молодой графиней, которая, перерядясь въ жидовское платье, поднесла ему нѣсколько застрѣленныхъ бекасовъ, что и послужило темою для шуточнаго стихотворенія, въ которомъ дряхлѣющій поэтъ писалъ:

„Желалъ бы вѣкъ я быть съ жидовочкой прекрасной,
Чтобы въ Горкахъ и Горахъ съ ней время проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставя арфы звукъ, гитары, фортепьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,
Я долженъ разыскать, какъ чернь была вся пьяна,
Какъ Земскому суду угладила бока,
И, словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣть,
Талантовъ тысячью и прелестьми плѣняясь,
Бекасами ея лишь сыту быть умѣть"....

(Съ портрета, погибшаго во время погрома (1905 г.) въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губ., и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

La princesse CATHERINE IVANOWNA GOLITZYNE, 1784—1824, fille du major général comte Ivan Antonowitch Sollohub, de son mariage avec Natalie Lvowna Narychkine, est née le 13 mars 1784 à Polotzk. A l'âge de 17 ans, le 21 octobre 1801, lors du couronnement de l'Empereur Alexandre Ier, elle épousa à Moscou le chambellan actuel prince Grégoire Serguéewitch Golitzyne (1779—1848). Cette figure de femme, des plus sympathiques, „qui, par sa douceur et sa décence", au dire de Viegel, „calquait, sans s'en douter, l'Impératrice Elisabeth Alexéewna", est dépeinte dans ses Mémoires de la manière suivante: „Elle était du nombre des femmes qui, à l'honneur du passé et à la honte du présent, se rencontraient alors plus souvent qu'actuellement. L'Impératrice Elisabeth Alexéewna était leur modèle. Les grâces extérieures de la jeune princesse Golitzyne n'étaient rien en comparaison de son amabilité modeste; sans quitter la terre, elle semblait toujours être en route pour le ciel, et s'il se pouvait que le nombre des anges diminuât, je suis certain que c'est d'êtres pareils qu'on les renouvellerait. Les bizarreries et les extravagances de son mari, qui jouait à Penza, quand il y était gouverneur, le rôle d'une personne princière et qui s'efforçait d'imiter, dans sa vie privée, Louis XIV, ne l'empêchaient pas „de l'aimer, de la respecter et de lui être toujours fidèle", quoiqu'il entretînt, pour la forme, deux maîtresses.

La princesse Golitzyne mourut dans un âge relativement peu avancé, le 1er mars 1824, à Sosnowka, gouv. de Tamboff, et fut ensevelie le 4 avril de cette même année à Zoubrilowka, gouv. de Saratoff. Elle laissa après elle sept fils: les princes Serge (1803—1868), Léon (1804—1871), Michel (1808—1868), Grégoire (1809—1853), Dmitri (1812—1873), Nicolas (1817—1855) et Théodore (1819—1887), et deux filles: la princesse Varvara (1802—1873, qui épousa le vicomte de Choiseul-Gouffier) et Natalie (1816—1874, qui épousa I. Donaouroff).

La princesse Golitzyne, n'étant pas encore mariée, a été chantée par Derjavine sous le nom de „la petite Juive" dans sa poésie „Gory", écrite en 1799 (c'est-à-dire quand elle n'avait en tout que 14 ans), dans le domaine de son père, à Gory-Gorki, dans la Russie-Blanche. Derjavine qui y était en 1799, faisait une enquête à Bereziatna, domaine du comte Polier; revenant un soir chez les Sollohub, il fut accueilli par la jeune comtesse, qui, déguisée en juive, lui présenta quelques bécasses, ce qui servit de thème à la pièce drolatique dans laquelle le poète vieillissant écrit:

„Un siècle voudrais être avec la belle Juive,
Avec elle à Gorki-Gory ensemble habiter.
Mais au lieu de cela, devant exécuter
Du tsar l'ordre formel, il faut que je poursuive
La recherche du droit parmi les paysans,
Oubliant le piano, la harpe, la guitare,
D'Ukraine la danse, de sa voix les accents,
Obligé d'enquêter comment la foule ignare,
Aux juges du district les côtes caressa.
En un mot, chaque jour, voir mêmes paperasses,
En rêve seulement contempler sa beauté
Par mille et mille attraits et talents enchanté,
Ne pouvoir savourer que ses seules bécasses"...

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Golitzyne-Prozorowsky et anéanti, en 1905, lors du pillage de Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.)

Князь **ГРИГОРІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1779—1848, старшій сынъ князя Сергѣя Федоровича отъ брака съ Варварой Васильевной Энгельгардтъ, крестника Екатерины II и Потемкина, родился въ Петербургѣ 30 Октября 1779 г. и съ колыбели былъ пожалованъ въ гвардіи прапорщики, милость, которой удостоились очень немногіе. Образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ иностранца барона Эйбена, который „самъ ничего не зналъ и воспитанника ничему не научилъ". При Павлѣ I Голицынъ, несмотря на свою молодость, быстро возвысился: 2 Января 1797 г. пожалованъ былъ во флигель-адъютанты, въ 1798 г. получилъ чинъ генералъ-майора, званіе генералъ-адъютанта и назначенъ управляющимъ Военной канцеляріей Государя, хотя ему было только 18 лѣтъ. Благоволеніе Павла I было, по обыкновенію, непродолжительно, и 12 Февраля 1799 г. Голицынъ былъ отставленъ отъ должности и высланъ изъ Петербурга. Со вступленіемъ на престолъ Александра I, Голицынъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и зачисленъ въ военную службу. Во время коронаціи, 21 Октября 1801 г., онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Соллогубъ. Въ 1811 г. Голицынъ былъ назначенъ Пензенскимъ губернаторомъ, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Онъ занималъ этотъ постъ до 1816 г.; 30 Марта 1819 г. назначенъ сенаторомъ. Скончался въ Москвѣ 17 Января 1848 г. и погребенъ въ с. Зубриловкѣ.

Голицынъ унаслѣдовалъ отъ своего дѣда Потемкина страсть къ необыкновеннымъ затѣямъ и причудамъ. Получивъ на свою долю сравнительно небольшое состояніе, въ стараніи не отставать отъ великолѣпнаго князя Тавриды, онъ скоро его растратилъ. О причудахъ Голицына сохранилось много разсказовъ Вигеля и другихъ современниковъ. Главной его страстью было разыгрывать роль владѣтельной особы. Подобно Александру I, всегда показывавшемуся народу съ милостивой улыбкой, и Голицынъ въ Пензѣ ласково раскланивался направо и налѣво. „Онъ полагалъ, что владѣтельной особѣ для вида необходимо имѣть „метрессъ", какъ ихъ тогда называли. Онъ слыхалъ о Людовикѣ XIV, а двѣ пожилыя женщины, одна вдова, другая дѣва, влюбились въ князя, и онъ обрадовался тому, какъ способу въ глазахъ свѣта сихъ мнимыхъ наложницъ выдавать за настоящихъ.... И, что всего забавнѣе, онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ симъ дамамъ". Вдову онъ называлъ маркизой Монтеспанъ, а дѣвицу Mlle де-Лавальеръ. „Продолжая примѣры свои брать свысока, онъ захотѣлъ быть и преобразователемъ Пензы, какъ Петръ Великій.... Онъ пашелъ въ одеждѣ мужчинъ и женщинъ много отсталаго; легкими, но часто повторяемыми, шутками на счетъ ихъ нарядовъ онъ многихъ заставилъ переодѣться по модѣ. Странность экипажей также не избѣгла его замѣчаній и насмѣшекъ; скоро начали исчезать старыя колымаги и дрожки-линейки". Но, стремясь распространять новое, Голицынъ любилъ придерживаться старины, если это способствовало его величію. На своихъ маскарадахъ онъ являлся въ богатомъ боярскомъ одѣяніи безъ маски, а гости въ угожденіе ему одѣвались въ шутовскіе наряды и были въ маскахъ; во время Отечественной войны онъ нарядилъ свою жену въ сарафанъ, а самъ носилъ казацкое платье. Въ число своихъ образцовъ Голицынъ взялъ даже царя Давида и въ соотвѣтствующемъ одѣяніи распѣвалъ псалмы на мотивъ „При долинушкѣ стояла" или „Lison dormait dans un bocage", аккомпанируя себѣ на арфѣ. Разыгрывая роль владѣтельной особы, Голицынъ своихъ канцелярскихъ писцовъ называлъ камеръ-юнкерами. Всѣ торжества у него въ домѣ и даже лѣтній переѣздъ въ Зубриловку совершались по опредѣленному церемоніалу. Дворню свою онъ также превратилъ въ придворныхъ и устраивалъ для своихъ статсъ-дамъ, фрейлинъ и камергеровъ изъ дворовыхъ балы, на которыхъ и самъ танцовалъ до упаду; залъ освѣщался сальными свѣчами, а угощеніемъ служили орѣхи и пряники. У Голицына была страсть къ постройкамъ, вслѣдствіе чего онъ при раздѣлѣ наслѣдства взялъ себѣ голую степь, гдѣ все еще надо было устраивать, и во время пожара недавно выстроеннаго имъ дома, онъ уже чертилъ планъ новаго. Любитель церковныхъ обрядовъ, онъ пѣлъ у себя на клиросѣ, читалъ Апостола и даже, говорятъ, дома самъ служилъ обѣдню въ облаченіи. Занятый своими причудами, Голицынъ мало занимался дѣломъ, какъ губернаторъ, и всѣмъ заправлялъ одинъ изъ совѣтниковъ Губернскаго правленія. „И все-таки пензенцы его любили"; многіе считали его неглупымъ, по словамъ же Вигеля, онъ „не былъ глупъ и золъ, но умнымъ и добрымъ его назвать было нельзя: въ немъ не было ни искры чувствъ, ни капли разсудка".

(Съ портрета, погибшаго въ 1905 г. въ Зубриловкѣ и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

Le prince GRÉGOIRE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1779—1848, fils aîné du prince Serge Féodorowitch et de Barbe Vassiliewna Engelhardt, filleul de Catherine II et de Potemkine, naquit le 30 octobre 1779 à St-Pétersbourg et reçut au berceau le titre d'enseigne de la garde, faveur accordée à bien peu de personnes. Son instruction a été superficielle, sous la direction d'un étranger, le baron Euben, qui „ne savait rien lui-même et n'enseigna rien à son élève". Golitzyne, malgré sa jeunesse, monta vite en grade sous Paul Ier: le 2 janvier 1797, il devint aide de camp, en 1798, général major, aide de camp général et gérant de la chancellerie militaire de Sa Majesté, quoiqu'il n'eût que 18 ans. La faveur de Paul Ier fut, comme d'habitude, de courte durée; le 12 février 1799, il reçut son congé et fut renvoyé de St-Pétersbourg. Lorsqu'Alexandre Ier monta sur le trône, Golitzyne fut nommé chambellan actuel et inscrit au service militaire. Le 21 octobre 1801, lors du couronnement, il épousa la comtesse Catherine Ivanowna Sollohub. En 1811, il devint gouverneur de Penza avec le grade de conseiller d'état actuel (plus tard conseiller privé). Il occupa ce poste jusqu'en 1816, et nous le voyons sénateur le 30 mars 1819. Il mourut à Moscou le 17 janvier 1848 et fut enterré dans le patrimoine des Golitzyne, à Zoubrilowka. Golitzyne hérita de son oncle Potemkine la passion pour les bizarreries et les fantaisies, et il le surpassa même sous ce rapport. Dans son désir de rivaliser avec le magnifique prince de Tauride, il dépensa bientôt sa part de fortune, relativement petite. Viegel et d'autres contemporains nous ont laissé maints récits des extravagances du prince. Il voulait surtout jouer le rôle de souverain. Il se montrait au peuple le sourire aux lèvres, à l'instar d'Alexandre Ier, et, à Penza, il saluait aimablement à droite et à gauche. „Il croyait qu'un souverain devait avoir pour la forme „des maîtresses". Il avait entendu parler de Louis XIV... Deux femmes d'âge mûr, une veuve et l'autre demoiselle, s'éprirent de lui, et il se réjouit de pouvoir faire passer comme réelles aux yeux du monde ces concubines imaginaires... Et ce qui est plus plaisant encore, c'est qu'il força sa femme de battre froid à ces deux dames". Il appela la veuve la marquise de Montespan et la demoiselle Mademoiselle de La Vallière. „Puis, continuant à prendre d'en haut ses exemples, il désira être le réformateur de Penza, comme Pierre Ier. Il trouva beaucoup de choses surannées dans les vêtements des hommes et des femmes, et il força le monde à s'habiller d'après la mode, par ses plaisanteries légères et souvent répétées. Les équipages étranges du temps ne furent pas non plus à l'abri de ses remarques et de ses moqueries, et bientôt les anciennes voitures commencèrent à disparaître". Mais, tout en cherchant à mettre du nouveau à la mode, Golitzyne aimait à s'en tenir à l'antiquité, si cela contribuait à sa magnificence. Il apparaissait dans ses bals masqués en costume de riche boyard sans masque, et ses hôtes, pour lui plaire, s'habillaient en bouffons et étaient masqués; il avait, suivant Viegel, la passion de primer sur les petites gens. Lors de la guerre de 1812, il revêtit sa femme d'un sarafane et lui portait un costume de cosaque. Le roi David se trouvait parmi les modèles du prince et, dans un habit conforme à la circonstance, il chantait des psaumes sur les motifs: „J'étais au bord d'une vallée" ou „Lison dormait dans un bocage", et s'accompagnait sur la harpe. Dans le rôle de souverain qu'il jouait, Golitzyne appelait ses clercs de chancellerie des gentilshommes de la chambre. Toutes les fêtes qu'il donnait chez lui et même son départ pour Zoubrilowka avaient un cérémonial fixé d'avance. Il avait fait de sa domesticité des courtisans et organisait pour les dames, les demoiselles d'honneur et les chambellans attachés à sa personne des bals, où il dansait à n'en pouvoir plus; la salle était éclairée avec des chandelles, et il offrait des noix et des pains d'épice. Golitzyne avait aussi la passion de bâtir et, lorsqu'il y eut partage d'héritage, il prit pour lui une plaine nue, où tout était à organiser. Pendant qu'une maison qu'il construisait brûlait, il dessinait le plan d'une nouvelle. Amateur des cérémonies religieuses, il chantait à l'église avec les chantres, lisait les Apôtres et même célébrait la messe en habits sacerdotaux. Golitzyne était trop occupé de ses extravagances, pour pouvoir s'occuper de ses devoirs de gouverneur, qu'il abandonnait à un des conseillers d'administration. Et pourtant les habitants de Penza l'aimaient; plusieurs ne le trouvaient pas bête. Suivant Viegel, il n'était, il est vrai, ni bête, ni méchant, mais on ne pouvait pas dire qu'il fût intelligent et bon; il n'y avait en lui ni étincelle de sentiment, ni brin de raisonnement".

(D'après le portrait qui avait péri à Zoubrilowka et appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky.)

Князь ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1794 — 1861, младшій сынъ генералъ-аншефа князя Сергѣя Федоровича и его жены Варвары Васильевны Энгельгардтъ, племянницы Потемкина, „рыжей Варенъки“, родился 16 Марта 1794 г.; началъ службу въ министерствѣ Коммерціи и въ 1810 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ разгаръ Отечественной войны поступилъ корнетомъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ; произведенный въ поручики, участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Рейхенбахѣ, Лейпцигѣ; за бой подъ Мангеймомъ получилъ св. Георгія 4-й ст. и произведенъ въ шт.-ротмистры, послѣ чего переведенъ въ лб.-гв. Конно-егерскій полкъ, при чемъ подъ Парижемъ тяжело былъ раненъ въ ногу; въ 1817 г., 29 Сентября, пожалованъ флигель-адъютантомъ, въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны, а въ 1819 г.—въ майоры, съ переводомъ въ Переяславскій Конно-егерскій полкъ, стоявшій въ Тамбовѣ; въ 1823 г. былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій, которымъ командовалъ въ 1827 г., въ чинѣ полковника, и участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ противъ горцевъ, гдѣ былъ раненъ въ плечо. Въ 1829 г. князь Голицынъ, обыгравшій на крупную сумму гр. Мусина-Пушкина, принужденъ былъ оставить службу; тогда онъ перешелъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, а въ 1835 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника; долги заставили его поступить въ 1839 г. опять въ военную службу, полковникомъ въ Кавказскій корпусъ; въ 1843 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ центра Кавказской линіи, почему позднѣе получилъ прозвище „Центральный“. Въ 1849 г. Голицынъ, вслѣдствіе размолвки съ Воронцовымъ, имѣя ордена св. Анны и Станислава 1-й ст. и Прусскій орденъ „pour le mérite“, вышелъ въ отставку тайнымъ совѣтникомъ и поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ у Бутырской заставы, сдѣлавшись почетнѣйшимъ и старѣйшимъ членомъ Англійскаго клуба. Въ Москвѣ онъ и умеръ 19 Января 1861 г., похороненъ на Міусскомъ кладбищѣ; женатъ былъ, съ 1 Іюля 1821 г., на Аткарской помѣщицѣ Прасковіи Николаевнѣ Матюшиной (р. 2 Октября 1798 г., † 29 Іюля 1881 г.; погребена рядомъ съ мужемъ); отъ этого брака были дѣти: Надежда (р. 1822 г., † 1833 г.), Сергѣй (р. 1823 г., † 1879 г.), Александръ (р. 1825 г., † 1864 г.), Владиміръ (р. 1826 г., † 1844 г.), Александра (р. 1831 г.) и Дмитрій († 1835 г.). Кромѣ того, была еще „воспитанница“ Марія („Мими“) Владиміровна (р. въ Маѣ 1819 г., † 1843 г.; въ замужествѣ за П. Арк. Нелидовымъ; по преданію, дочь княжны В. П. Туркестановой).

Голицынъ, отличаясь умомъ и способностями, получилъ небрежное воспитаніе и скудное образованіе: красавецъ въ молодости, статный, ловкій, онъ обладалъ необыкновенной силой и пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ: „игрокъ, пѣвецъ, фарсёръ“, по словамъ Булгакова, неистощимый и остроумный весельчакъ и устроитель всякихъ увеселеній и затѣй, онъ писалъ стихи, водевили, пѣлъ куплеты собственнаго сочиненія, любилъ казаться цѣнителемъ словесности, искусствъ, музыки, любилъ знакомиться съ выдающимися людьми и покровительствовать талантамъ. Служа „шутя“, Голицынъ прожилъ свое крупное состояніе. Современники свидѣтельствуютъ о его добротѣ; такъ, княжна Туркестанова въ 1819 г. писала: „Онъ раскаивается во всѣхъ своихъ безумныхъ поступкахъ; въ немъ заронены сѣмена всего добраго и прекраснаго, но никто не позаботился о ихъ развитіи; у него есть умъ и доброе сердце“. Не такъ былъ снисходителенъ Вигель: „Надѣлалъ шуму болѣе всѣхъ братьевъ Владиміръ, употребляя во зло дары природы; его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и оттого вся жизнь его была сцѣпленіемъ проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ и рѣдко безвинныхъ“. Фадѣевъ также пишетъ: „Жизнь его, исполненная авантюръ всякаго рода, навѣвала иногда тѣнь на иные его поступки!“ Такова трагическая смерть княжны Туркестановой, связанная съ его именемъ. Туркестанова (р. 26 Декабря 1775 г.), несмотря на свои года, была: „Un caractère charmant, une nature enthousiaste et quelque peu fantasque, à laquelle l'origine asiatique de sa famille donnait tout le charme de la femme orientale“; она скончалась 20 Мая 1819 г. или отъ рожденія дочери, или вскорѣ, принявъ ядъ. Виновникомъ этого считали (см. предисловіе къ изд. ея писемъ) князя В. Голицына, будто бы державшаго пари... Изученіе переписки ея съ Кристиной, однако, не разсѣиваетъ тумана, окружающаго ея кончину: въ теченіе 1819 г., еще въ Апрѣлѣ, княжна, попрежнему расположенная къ Голицыну, сердечно и тепло отзывается о „Вольдемарѣ“, радуется его успѣхамъ и огорчается его неудачами въ дѣлѣ сватовства его къ княжнѣ Лопухиной...

(Съ портрета, погибшаго (въ 1905 г.) въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губ., и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

Le prince VLADIMIR SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1794—1861, fils cadet du général en chef prince Serge Féodorowitch et de sa femme Varvara Vassiliewna Engelhardt, nièce de Potemkine, „la rousse Varenka", naquit le 16 mars 1794; il commença sa carrière au ministère du Commerce et, en 1810, fut nommé gentilhomme de la chambre. Dans le fort de la Guerre Patriotique, il s'engagea en qualité de cornette au 3e cosaques de l'Ukraine; promu lieutenant, assista aux batailles de Lützen, Bautzen, Reichenbach et Leipzig; reçut, sous Mannheim, la croix de St-Georges de 4e cl. et fut nommé capitaine en second, après quoi il passa au régiment des chasseurs à cheval de la garde et, sous Paris, fut grièvement blessé à la jambe; en 1817, le 29 septembre, il fut nommé aide de camp de S. M., l'année d'après, capitaine et, en 1819, major, en passant aux chasseurs à cheval de Péréiaslaw, en garnison à Tamboff; en 1823, il entra au régiment des dragons de Nijni-Novgorod qu'il commandait en 1827 ayant le grade de colonel et prit part à différentes expéditions au Caucase contre les montagnards, au cours desquelles il fut blessé à l'épaule. En 1829, le prince Golitzyne ayant gagné une somme considérable au comte Moussine-Pouchkine, fut obligé de quitter le service; il passa alors au ministère de l'Intérieur et, en 1835, démissionna, ayant le titre de conseiller d'Etat actuel; ses dettes le forcèrent à reprendre du service, en 1839, comme colonel au corps du Caucase; en 1843, il fut promu major général et nommé commandant du centre de la Ligne du Caucase, ce qui lui valut plus tard le surnom de „Central". En 1849, Golitzyne, à la suite d'une brouille avec Worontzoff, ayant les ordres de Ste-Anne et de St-Stanislas de 1e cl. et l'ordre prussien „pour le mérite" donna sa démission, se fixa à Moscou, dans sa maison, à la barrière de Boutyrky, et devint le doyen d'âge et le premier membre d'honneur du cercle Anglais. C'est à Moscou qu'il mourut le 19 janvier 1861; il est inhumé au cimetière de Miousky; il était marié, depuis le 1er juillet 1821, à une propriétaire d'Atkarsk, Prascovie Nikolaewna Matiounine (2 octobre 1798 — 29 juillet 1881; enterrée aux côtés de son mari); de cette union sont nés: Nadejda (1822—1853), Serge (1823—1879), Alexandre (1825—1864), Vladimir (1826—1844), Alexandrine (née en 1831) et Dmitri († en 1835). Il y avait de plus „une pupille", Marie („Mimi") Vladimirowna (1819—1843, mariée à I. Nélidoff) qui serait, à en croire la tradition, la fille de la princesse Tourkestanoff.

Golitzyne, qui se distinguait par son esprit et ses aptitudes, reçut une éducation négligée et une instruction superficielle; étant jeune, il était beau, bien pris, adroit, possédait une force extraordinaire et avait beaucoup de succès auprès des femmes: „joueur, chanteur, farceur", selon Boulgakoff, gai compagnon, fertile en ressources et spirituel, il organisait des divertissements et exécutait des fantaisies de tout genre; écrivait des vers, des vaudevilles, chantait des couplets de son cru; aimait à faire le connaisseur en fait de littérature, d'art, de musique; aimait à lier connaissance avec les gens éminents et protégeait les talents. Servant „pour rire", Golitzyne mangea sa grande fortune. Ses contemporains attestent qu'il était bon; la princesse Tourkestanoff écrivait en 1819 ce qui suit: „Il se repent de toutes ses folles équipées; il y a en lui les germes de tout ce qui est bon et beau, mais personne n'a veillé à les développer; il a de l'esprit et un bon cœur". Viegel ne se montre pas si indulgent: „Vladimir a fait du bruit plus que tous ses autres frères en mésusant des dons de la nature; on l'appelait Apollon, il avait une force herculéenne et était d'un caractère gai et entreprenant; voilà pourquoi toute sa vie n'a été qu'un enchaînement de farces, parfois cruelles, parfois criminelles et rarement innocentes". Fadéeff écrit aussi: „Son existence, remplie d'aventures de toute sorte, jetait quelquefois de l'ombre sur certaines de ses actions!" Il en est ainsi de la mort tragique de la princesse Tourkestanoff liée à son nom. Malgré son âge, elle (née le 26 décembre 1775) avait: „Un caractère charmant, une nature enthousiaste et quelque peu fantasque, à laquelle l'origine asiatique de sa famille donnait tout le charme de la femme orientale"; elle expira le 20 mai 1819 soit en mettant au monde une fille, soit plutôt après avoir pris du poison. On en rejetait la faute (voir la préface de l'éd. de ses lettres) sur le prince Golitzyne, qui aurait tenu le pari de.... L'examen de sa correspondance avec Christin ne soulève cependant pas le voile qui couvre sa fin: dans le courant de 1819, encore en avril, la princesse, bien disposée comme par le passé envers Golitzyne, parle cordialement et chaudement de „Voldemar", se réjouit de ses succès et s'afflige de ses insuccès lorsqu'il recherchait en mariage la princesse Lopoukhine...

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Golitzyne-Prozorowsky et anéanti (en 1905) à Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.)

Княгиня НАТАЛІЯ СТЕПАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 1796—1890, старшая дочь Степана Степановича Апраксина отъ брака съ княжной Екатериной Владиміровной Голицыной, была близнецомъ съ братомъ Владиміромъ: „онъ родился 13 Ноября 1796 г., а Наталія Степановна явилась на свѣтъ на другой день, 14 Ноября, къ великому огорченію родителей, которые, не предвидя ея появленія, наканунѣ, какъ только родился сынъ, отдали его на полное попеченіе и воспитаніе бабушкѣ, княгинѣ П. П. Голицыной („la princesse Moustache“), чтобы смягчить ея негодованіе по поводу брака дочери съ С. С. Апраксинымъ; не поторопились бы, на другой день отдали бы дочь, а сына оставили бы у себя“. Будучи фрейлиной, въ Августѣ 1817 г. вышла замужъ за князя Сергѣя Сергѣевича Голицына (р. 1783 г.), при чемъ свадьба была въ знаменитой подмосковной ея отца с. Ольговѣ. Послѣ свадьбы молодые прожили нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи Сокольникахъ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, которую Апраксинъ купилъ для дочери у Титовыхъ. Тутъ они были сосѣдями Яньковыхъ: „Сосѣдство Голицыныхъ“, разсказываетъ бабушка Благово, „было пріятно потому, что князь С. С. Голицынъ былъ очень веселый и милый человѣкъ, весьма любезный и привѣтливый и очень хорошій музыкантъ и сочинитель многихъ романсовъ. Потомъ Голицыны переѣхали жить въ Петербургъ; дѣтей у нихъ не было“. Оставивъ военную службу, георгіевскимъ кавалеромъ и флигель-адъютантомъ, Голицынъ былъ пожалованъ въ егермейстеры. 14 Марта 1833 г. княгиня Н. С. Голицына овдовѣла и, по волѣ мужа, назначила своимъ наслѣдникомъ племянника его, князя Сергѣя Федоровича Голицына, котораго и сама очень любила, и который жилъ постоянно у нея въ домѣ, женатый на ея племянницѣ и своей родственницѣ, княжнѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ Щербатовой; 20 Сентября 1849 г. на охотѣ у Апраксиныхъ въ Брасовѣ, Орловской губ., князь Голицынъ печально застрѣлился; тогда княгиня Наталія Степановна назначила наслѣдникомъ его брата Бориса, который умеръ скоро послѣ нея.

Княгиня Н. С. Голицына была далеко не заурядной личностью во всѣхъ отношеніяхъ. Въ молодости она была красива, плѣняла умомъ и обращеніемъ; по словамъ лица, хорошо знавшаго княгиню, она и „до конца дней была веселаго, общительнаго характера и удивительной доброты“. Княгиня извѣстна была въ Петербургѣ своей широкой благотворительностью. Вообще у нея, вполнѣ свѣтской женщины, преобладали духовные высшіе интересы: очень начитанная, интересующаяся литературой, она принимала въ своей гостиной Пушкина, Крылова, графа Соллогуба.... Лѣтомъ она жила въ своемъ великолѣпномъ Черниговскомъ имѣніи „Гриневѣ“, бывшемъ графа П. А. Безбородка, и купленномъ у дочери послѣдняго, княгини Кл. Ил. Лобановой, гдѣ домъ-дворецъ, почти сколокъ съ Царскосельскаго дворца, былъ настоящій музей: тутъ была громадная библіотека, постоянно пополняемая, въ большомъ порядкѣ семейный архивъ, прекрасные гобелены и картины, цѣлая коллекція, вывезенная изъ Италіи, этрускихъ вазъ (завѣщена княгинею Обществу поощренія художествъ); вообще въ Гриневѣ были „большая умная роскошь и широкое гостепріимство“. Петербургскій домъ княгини, на Милліонной, былъ купленъ подъ дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

Княгиня Н. С. Голицына скончалась отъ воспаленія легкихъ 7 Мая 1890 г. и похоронена въ семейномъ склепѣ подъ церковью с. Зубриловки, Саратовской губерніи.

Совершенно подобный прилагаемому портретъ княгини Н. С. Голицыной погибъ въ Зубриловкѣ во время погрома усадьбы, осенью 1905 года.

(Съ портрета Серсне, 1821 г., собственность С. В. Спечинскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse **NATALIE STÉPANOWNA GOLITZYNE**, 1796—1890, fille aînée de Stéphane Stépanowitch Apraxine, de son mariage avec la princesse Catherine Vladimirowna Golitzyne, était sœur jumelle de Vladimir: „celui-ci naquit le 13 novembre 1796 et Natalie vint au monde le jour suivant, le 14 novembre, au grand chagrin des parents, qui, la veille, ne soupçonnant pas sa présence, avaient aussitôt confié le fils qui leur était né aux soins et à l'éducation de sa grand'mère, la princesse Golitzyne („la princesse Moustache"), pour calmer l'irritation que lui avait causée le mariage de sa fille avec Apraxine; s'ils se fussent moins pressés, ils eussent gardé leur fils en donnant leur fille le jour suivant". Elle épousa le prince Serge Serguéewitch Golitzyne (né en 1783), au mois d'août 1817, étant demoiselle d'honneur; leurs noces furent célébrées à Olgovo, fameuse propriété de son père, sous Moscou. Après leur mariage, les jeunes époux passèrent quelques années dans leur bien de Sokolniki (district de Dmitroff, gouv. de Moscou), qu'Apraxine avait acquis des Titoff pour sa fille. Ils y eurent comme voisins les Yankoff: „Le voisinage des Golitzyne", raconte la grand'mère Blagovo, „était agréable, parce que le prince Golitzyne était un homme très gai et très gentil, extrêmement aimable et affable, excellent musicien et auteur d'une quantité de romances. Les Golitzyne se fixèrent ensuite à Pétersbourg; ils n'avaient pas d'enfants". Le prince Golitzyne, après avoir quitté le service militaire chevalier de l'ordre de St-Georges et aide de camp de S. M., reçut la charge de veneur. La princesse Golitzyne devint veuve le 14 mars 1833 et, exécutant les dernières volontés de son mari, désigna comme héritier le neveu de ce dernier, le prince Serge Golitzyne, qu'elle-même aimait beaucoup et qui vivait constamment chez elle; il était marié à sa nièce et à sa parente à lui, la princesse Olga Chtcherbatoff; le 20 septembre 1849, le prince Golitzyne se tua par accident à la chasse chez les Apraxine, à Brassoff, gouv. d'Orel; la princesse nomma alors comme héritier son frère Boris, qui mourut peu après elle.

La princesse Golitzyne, en toutes choses, n'était pas, tant s'en faut, une personnalité ordinaire. Elle avait été belle dans sa jeunesse, elle charmait par son esprit et ses manières; selon le dire d'une personne qui connaissait la princesse de près, „elle fut jusqu'à ses derniers jours d'un naturel gai et expansif et d'une bonté surprenante". La princesse était connue à Pétersbourg pour sa généreuse bienfaisance. En général, toute femme du monde qu'elle fût, les intérêts intellectuels et supérieurs dominaient en elle: elle avait beaucoup lu, s'intéressait à la littérature et recevait dans son salon Pouchkine, Kryloff, le comte Sollohub... En été, elle demeurait dans sa magnifique propriété de Tchernigoff „Grinevo", qui avait appartenu au comte Bezborodko, et qu'elle avait achetée de la fille de celui-ci, la princesse Lobanoff; la maison-palais de Grineff, calque presque fidèle du palais de Tsarskoïé-Sélo, était un véritable musée: il s'y trouvait une immense bibliothèque, qui se complétait constamment, des archives de famille en bon ordre, de superbes tentures des Gobelins et des tableaux, toute une collection de vases étrusques amenés d'Italie (léguée par la princesse à la Société pour l'Encouragement des Beaux-Arts); il régnait en général à Grinevo „un luxe large et éclairé et une grande hospitalité". La maison de la princesse à Pétersbourg, à la Millionnaïa, a été achetée pour servir de palais au Grand-Duc Michel Nikolaewitch.

La princesse Golitzyne mourut d'une fluxion de poitrine le 7 mai 1890 et est inhumée dans le caveau de famille, sous les dalles de l'église de Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.

Un portrait de la princesse Golitzyne, entièrement pareil à celui que nous donnons, a été anéanti à Zoubrilowka, lors du pillage de l'habitation seigneuriale, à l'automne de 1905.

(D'après un original de Cersnet, 1821, appartenant à S. Spétchinsky, St-Pétersbourg.)

117

Княгиня Екатерина Ивановна Голицына,
1784 — 1823

La Princesse Catherine Ivanowna Golitzyne,
1784 — 1823

118

Князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ,
1779 — 1848

Le Prince Grégoire Serguéewitch Golitzyne,
1779 — 1848

119

Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ,
1794 — 1861

Le Prince Vladimir Serguéewitch Golitzyne,
1794 — 1861

120

Пис. Сернe, 1821 *Peint par Cernet, 1821*

Княгиня Наталія Степановна Голицына,
1796 — 1890

La Princesse Natalie Stépanowna Golitzyne,
1796 — 1890

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ, 1729—1774, сынъ инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича отъ 1-го брака его съ дѣвицей Писаревой, родился въ Москвѣ 30 Мая 1729 г. и получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ бабки и тетки своихъ, бывшихъ монахинями Московскаго Зачатіевскаго монастыря. Въ 1744 г., 16-и лѣтъ, Бибиковъ записанъ кондукторомъ въ Инженерный корпусъ и черезъ 2 года былъ уже инженеръ-прапорщикомъ, затѣмъ опредѣленъ къ строенію Кронштадтскаго канала. Въ Семилѣтнюю войну Бибиковъ командовалъ 3-мъ мушкатерскимъ полкомъ и принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ; въ послѣднемъ былъ раненъ и получилъ тяжелый ушибъ отъ упавшей на него убитой его лошади. При осадѣ Кольберга, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, Бибиковъ разбилъ при Трентовѣ и взялъ въ плѣнъ корпусъ генерала Вернера. Императоръ Петръ III произвелъ Бибикова въ генералъ-майоры и назначилъ шефомъ Черниговскаго полка. Въ 1762 г. Бибиковъ посланъ былъ въ Холмогоры для устройства судьбы заключенной тамъ Брауншвейгской фамиліи; хотя онъ и навлекъ на себя при этомъ неудовольствіе Императрицы особымъ участіемъ къ заключеннымъ, которое объяснили склонностью его къ принцессѣ Екатеринѣ, но уже въ слѣдующемъ году ему поручено было подавленіе безпорядковъ и мятежа на заводахъ въ Сибири и въ Оренбургской губерніи. Императрица желала наградить его послѣ этого орденомъ св. Александра Невскаго, но Бибиковъ просилъ возложить этотъ орденъ на своего старика-отца, находившагося въ то время уже въ отставкѣ. Въ 1766 г. Бибиковъ произведенъ былъ въ генералъ-поручики, а въ 1767 г. сопровождалъ Императрицу во время ея путешествія по Волгѣ и принималъ участіе въ переводѣ на русскій языкъ романа Мармонтеля „Велизарій“: ему принадлежитъ XIII глава перевода. При созваніи Комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія, Бибиковъ, будучи Костромскимъ депутатомъ, избранъ въ число трехъ кандидатовъ на званіе маршала Комиссіи и утвержденъ Императрицей, которая еще раньше поручила ему составленіе „обряда управленія Комиссіи“ и „наказовъ“ генералъ-прокурору и маршалу. По закрытіи дѣйствій Большой Комиссіи, Бибикову порученъ былъ осмотръ Финляндской границы, а затѣмъ командованіе корпусомъ въ Польшѣ. Въ 1772 г., имѣя уже польскій орденъ Бѣлаго Орла, Бибиковъ получилъ Александровскую ленту; вслѣдъ затѣмъ Императрица поручила ему усмиреніе Пугачевскаго бунта. Получивъ это важное назначеніе изъ устъ Екатерины, Бибиковъ, много терпѣвшій отъ придворныхъ интригъ, не удержался, чтобы не сказать словами народной пѣсни: „Сарафанъ ли мой, сарафанъ дорогой, вездѣ сарафанъ пригожаешься, а не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь!“ Благоразумными своими распоряженіями онъ оправдалъ довѣріе Государыни: менѣе чѣмъ въ три мѣсяца главныя скопища мятежниковъ были разсѣяны, и бунтъ былъ уже въ агоніи, когда Бибиковъ внезапно умеръ 9 Апрѣля 1774 г. отъ „сильной горячки и апостемы въ груди“ въ татарскомъ селеніи Бугульмѣ, истощённый неутомимой дѣятельностью, не успѣвъ узнать, что заслуги его вознаграждены были Екатериной званіемъ сенатора, орденомъ св. Андрея и чиномъ подполковника Измайловскаго полка. Умирая, онъ говорилъ: „Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: Государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ!“ „У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель, ‖ Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ“, писалъ Державинъ въ одѣ на смерть Бибикова; П. В. Леонтьевъ посвятилъ ему же слѣдующія строки: „Жизнь смертныхъ измѣрять не надлежитъ годами, ‖ Но ихъ полезными Отечеству дѣлами“.

Бибиковъ погребенъ въ имѣніи своемъ, Баршовкѣ, на правомъ берегу Волги, въ 70-и верстахъ отъ г. Костромы, при чемъ многимъ обязанный Бибикову пѣвецъ Фелицы составилъ ему такую эпитафію:

„Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя.
Стой, путникъ! Стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ“.

Отъ брака съ княжной Анастасіей Семеновной Козловской, Бибиковъ имѣлъ троихъ сыновей: Павла (флигель-адъютантъ; † 1784 г.), Александра (р. 1765 г., † 1822 г.) и Илью, и дочь Аграфену (р. 1753 г., † 1812 г.; за П. С. Рибопьеромъ).

(Съ портрета, принадлежащаго А. С. Танѣеву, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE ILYITCH BIBIKOFF, 1729—1774, fils de l'ingénieur lieutenant-général Elie Alexandrowitch et de Mlle Pissareff, sa femme en premières noces, naquit à Moscou le 30 mai 1729 et reçut sa première éducation sous la direction de sa grand'mère et de sa tante, sœurs du monastère Zatchatiewsky de Moscou. En 1744, Bibikoff, âgé de 16 ans, entra comme conducteur au corps des ingénieurs et, deux ans plus tard, il y devint ingénieur-enseigne; il fut alors chargé de construire le canal de Cronstadt. Bibikoff commanda dans la guerre de Sept Ans le 3e régiment de mousquetaires et prit une part active aux combats de Zorndorf et de Kunersdorf; il fut blessé dans cette dernière affaire et gravement contusionné par son cheval tué sous lui. Au siège de Kolberg, à la tête d'un détachement, il battit à Trentow et fit prisonnier le corps du général Werner. L'Empereur Pierre III le promut au grade de général-major et le nomma chef du régiment de Tchernigof. En 1762, il fut envoyé à Kholmogory pour décider du sort de la famille de Brunswick, qui y était enfermée. Quoiqu'il se fût attiré le mécontentement de l'Impératrice par l'intérêt tout particulier qu'il témoigna aux prisonniers, intérêt qu'on expliquait par la sympathie qu'il ressentait pour la princesse Catherine, il fut pourtant chargé l'année suivante d'étouffer les désordres et la révolte des usines de Sibérie et du gouvernement d'Orenbourg. L'Impératrice voulut lui octroyer, après qu'il eut accompli sa tâche, l'ordre d'Alexandre Newsky, mais Bibikoff pria la Souveraine de le donner plutôt à son vieux père, qui jouissait déjà de la retraite. Il devint en 1766 lieutenant-général, et en 1767 il accompagna l'Impératrice dans son voyage sur le Volga et participa à la traduction en russe du roman de Marmontel „Bélisaire"; c'est le XIIIe chapitre qui lui appartient. Lorsque fut convoquée la commission pour élaborer le projet d'un nouveau code de lois, Bibikoff, en qualité de député de Kostroma, fut un des trois candidats au poste de maréchal de la commission et fut confirmé dans cette place par l'Impératrice, qui l'avait déjà chargé de rédiger „les statuts de l'administration de la commission" et „les instructions" du procureur général et du maréchal. Lorsque cette grande commission eut cessé de fonctionner, Bibikoff dut inspecter la frontière finlandaise, pour aller ensuite commander un corps en Pologne. En 1772, Bibikoff, en possession de l'Aigle Blanc, reçut Alexandre Newsky. Puis l'Impératrice se décida à le charger d'apaiser la révolte de Pougatcheff. Quand il reçut cet ordre des lèvres de Catherine, il eut beaucoup à souffrir des intrigues des courtisans et ne put se retenir de dire, en employant les paroles d'un chant national: „On ne se souvient de moi que quand on en a besoin, autrement on me relègue". Bibikoff justifia par des mesures sensées la confiance de l'Impératrice: en moins de trois mois les principaux foyers de révolte furent dispersés et l'émeute était à l'agonie quand, épuisé d'un travail sans trêve, il mourut subitement le 9 avril 1774 „d'une forte fièvre et d'un apostème à la poitrine" dans le village tatare de Bougoulma. Il n'avait pas appris que Catherine avait récompensé ses services, l'avait nommé sénateur et lui avait donné St-André et le titre de lieutenant-colonel du régiment Izmaïlowsky.

Il dit en mourant: „Je ne regrette ni mes enfants, ni ma femme: l'Impératrice aura soin d'eux, mais je regrette ma patrie".

„Ton image restera éternellement dans le cœur de tous ceux qui aiment la vertu", dit Derjavine dans une de ses odes, en parlant de la mort de Bibikoff. N. Léontieff lui a dédié les vers suivants: „Ce n'est pas par les années qu'il convient de mesurer la vie des mortels, mais par leurs actions utiles à la patrie".

Il fut enterré dans son bien Barchovka, sur la rive droite du Volga, à 70 verstes de Kostroma, et le poète de „Félitza", qui lui devait beaucoup, lui a composé l'épitaphe suivante:

„Il était un habile chef de guerre, un homme de bon conseil, un amant des muses, le ferme soutien de la Patrie, le gardien de la foi, l'ami de la vérité; Catherine l'a estimé pour son service, pour son bon sens, pour sa vertu, pour la sincérité de son âme. Il est mort en défendant le trône. Arrête-toi, passant! Arrête-toi, plein de respect! Ici se trouvent les cendres de Bibikoff".

Il eut de son mariage avec la princesse Anastasie Sémenowna Kozlowsky trois fils: Paul (aide de camp de S. M.; † en 1784), Alexandre (1765—1822) et Elie, et une fille Agrippine (1753—1812; mariée à J. S. Ribeaupierre).

(D'après un original appartenant à A. Tanéeff, à St-Pétersbourg.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ, 1704—1767, сынъ гвардіи капитана Бориса Ивановича († 1708 г.) и племянникъ „князь-папы“ Петра Ивановича, родился въ Москвѣ 18 Іюля 1704 г.; въ 1716 г. поступилъ въ Морскую академію, а въ 1720 г. взятъ былъ Петромъ Великимъ въ денщики, участвовалъ во всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ предпріятіяхъ Царя, исполнялъ разнообразныя его порученія и своей усердной службой и расторопностью заслужилъ его расположеніе. Екатерина I пожаловала Бутурлина въ камеръ-юнкеры. Онъ пользовался милостью и Петра II, при которомъ сдѣлался камергеромъ, унтеръ-лейтенантомъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-майоромъ и Александровскимъ кавалеромъ, но затѣмъ подвергся опалѣ. Зять князей Голицыныхъ, онъ долженъ былъ казаться опаснымъ Долгорукимъ, но всего больше повредили ему близкія отношенія къ Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, тогда какъ и самъ молодой Императоръ питалъ нѣжныя чувства къ обаятельной красавицѣ теткѣ. Удаленный отъ Двора, Бутурлинъ былъ посланъ сначала въ Украинскую армію, а потомъ на границу Персіи, гдѣ оставался и въ первые годы царствованія Анны Іоанновны. Въ 1735 г. онъ былъ назначенъ Смоленскимъ губернаторомъ, въ 1738 г. принималъ участіе въ Турецкой войнѣ, по окончаніи которой возвратился въ Смоленскъ. Въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ и присутствующимъ въ Московской Военной конторѣ, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Елисавета Петровна поручила своему бывшему любимцу управленіе Малороссіей, а въ день коронаціи пожаловала его въ генералъ-аншефы. Во время Шведской войны Бутурлинъ командовалъ войсками въ Лифляндіи, затѣмъ управлялъ Москвой (1742—1744) и командовалъ дивизіей, расположенной на востокѣ Россіи. Назначенный сенаторомъ, онъ въ 1748—1760 гг. объявлялъ въ Сенатѣ Высочайшія повелѣнія. Елисавета Петровна, въ теченіе всего своего царствованія, осыпала его своими милостями: въ 1747 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1749 г. назначенъ подполковникомъ Преображенскаго полка, въ 1751 г. получилъ Андреевскую ленту, 5 Сентября 1756 г. произведенъ въ фельдмаршалы и назначенъ членомъ Конференціи, а въ 1760 г. получилъ титулъ графа. Указа о возведеніи Бутурлина въ графское достоинство не было, но въ одной резолюціи Государыни онъ былъ названъ графомъ, на основаніи чего Сенатъ предписалъ: „Понеже подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки онъ (Бутурлинъ) написанъ графомъ, того ради велѣть его писать графомъ“. Въ томъ же году Бутурлинъ, по представленію Конференціи, былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей на мѣсто графа Салтыкова. Кампанія, подъ начальствомъ Бутурлина, имѣла неудачный исходъ; Бутурлинъ съ большимъ трудомъ соединился съ Австрійской арміей и вслѣдъ затѣмъ неожиданно отступилъ на сѣверъ. Свое отступленіе, вызвавшее неудовольствіе въ Петербургѣ, онъ объяснялъ желаніемъ спасти армію, страдавшую отъ недостатка провіанта и фуража. Дальнѣйшая дѣятельность Бутурлина обнаружила его неспособность и нерѣшительность; въ Декабрѣ 1761 г. онъ сдалъ командованіе Фермору и уѣхалъ въ Петербургъ. Лаудонъ говорилъ по этому поводу: „C'est une rude besogne que de faire la guerre au roi de Prusse: il a pour se défendre et son génie et l'ineptie du maréchal Boutourline“. Петръ III отнесся къ нему милостиво и назначилъ главнокомандующимъ Москвы (1762—1763), а Екатерина II, въ свитѣ которой онъ находился 28 Іюня, пожаловала ему шпагу, украшенную брильянтами, и утвердила въ графскомъ достоинствѣ.

Статный и красивый, Бутурлинъ отличался всѣми свойствами придворнаго человѣка, царедворца, умѣлъ приспособиться ко всѣмъ обстоятельствамъ и угодить сильнымъ людямъ. Только при Дворѣ чувствовалъ онъ себя въ своей сферѣ и, получивъ какое-нибудь назначеніе внѣ Императорской резиденціи, всегда стремился какъ можно скорѣе возвратиться ко Двору.

Графъ А. Б. Бутурлинъ скончался въ Москвѣ 31 Августа 1767 г. и погребенъ въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ, на Дмитровкѣ. Онъ былъ женатъ дважды: съ 1726 г. на княжнѣ Ан. Мих. Голицыной (р. 1699 г., † 1727 г.) и съ 1730 г. на княжнѣ Екат. Бор. Куракиной (р. 1702 г., † 1772 г.), отъ которой имѣлъ сына Петра и 2 дочерей, Екатерину и Варвару (обѣ за князьями Долгорукими).

(Съ портрета Людерса; Гатчинскій дворецъ.)

Le comte ALEXANDRE BORISSOWITCH BOUTOURLINE, 1704—1767, fils du capitaine de la garde Boris Ivanowitch († en 1708) et neveu du „prince-pape" Pierre Ivanowitch, est né à Moscou le 18 juillet 1704; entra à l'académie de Marine en 1716, et, en 1720, Pierre-le-Grand le prit comme ordonnance; il prit part à toutes les expéditions de terre et de mer du tsar, exécuta ses différentes missions et, par son service zélé et sa vivacité, mérita sa faveur. Catherine Ire nomma Boutourline gentilhomme de la chambre. Il jouit aussi de la faveur de Pierre II, sous le règne duquel il devint chambellan, sous-lieutenant aux gardes à cheval, major général et chevalier de l'ordre de St-Alexandre, mais tomba ensuite en disgrâce. Beau-frère des princes Golitzyne, il devait porter ombrage aux Dolgorouky, mais ce qui lui fit le plus de tort, ce fut ses relations intimes avec la Césarewna Elisabeth Pétrowna, vu que le jeune Empereur lui-même nourrissait de tendres sentiments à l'égard de sa belle et charmante tante. Eloigné de la Cour, Boutourline fut d'abord envoyé à l'armée d'Ukraine et ensuite sur les frontières de la Perse, où il resta pendant les premières années du règne de l'Impératrice Anne. En 1735, il fut nommé gouverneur de Smolensk, prit part en 1738 à la campagne de Turquie, après laquelle il revint à Smolensk. Sous le règne d'Anne, il fut nommé commissaire général des armées et siégea aux Bureaux militaires de Moscou et fut promu lieutenant général. Elisabeth Pétrowna chargea son ancien favori du gouvernement de la Petite-Russie et, le jour de son couronnement, lui conféra le grade de général en chef. Pendant la guerre de Suède, Boutourline commanda les armées en Livonie, gouverna ensuite Moscou (1742—1744) et commanda une division cantonnée dans la Russie orientale. De 1748 à 1760, nommé sénateur, il communiquait au Sénat les décrets impériaux. Elisabeth Pétrowna, durant son règne, le combla de faveurs: en 1747, il fut fait aide de camp général, en 1749 nommé lieutenant-colonel au régiment de Préobragensky, en 1751, il reçut le cordon de St-André, le 5 septembre 1756, il fut créé feld-maréchal et membre de la Conférence et en 1760 reçut le titre de comte. Il n'y eut pas d'oukase élevant Boutourline à la dignité de comte, mais dans une des décisions de l'Impératrice il avait été nommé comte, ce qui donna lieu au Sénat d'ordonner que „Vu que de la propre main de Sa Majesté Impériale, lui (Boutourline) avait été inscrit comte, se basant sur ce fait, décrète de l'inscrire comme tel". La même année, Boutourline, sur la recommandation de la Conférence, fut nommé généralissime à l'armée active en remplacement du comte Saltykoff. La campagne, sous le commandement de Boutourline, eut une issue peu brillante; Boutourline opéra sa jonction avec l'armée autrichienne à grand'peine, puis battit subitement en retraite vers le nord. Il expliqua cette retraite, qui avait causé du mécontentement à Pétersbourg, par le désir de sauver l'armée, qui souffrait du manque d'approvisionnement et de fourrage. L'activité ultérieure de Boutourline prouva son incapacité et son irrésolution; en décembre 1761, il remit le commandement à Fermor et se rendit à Pétersbourg. Laudon dit à ce sujet: „C'est une rude besogne que de faire la guerre au roi de Prusse: il a pour se défendre et son génie et l'ineptie du maréchal Boutourline". Pierre III le traita avec bonté et le nomma gouverneur général de Moscou (1762—1763), et Catherine II, à la suite de laquelle il se trouvait le 28 juin, lui fit présent d'une épée enrichie de diamants et lui confirma la dignité de comte.

Beau et d'une belle venue, Boutourline avait tout le propre du courtisan, savait se plier à toutes les circonstances et plaire aux puissants. Ce n'est qu'à la Cour qu'il se sentait dans son élément, et lorsqu'il était chargé d'une mission qui l'éloignait de la résidence impériale, il tâchait toujours de revenir le plus tôt possible à la Cour.

Le comte Boutourline mourut à Moscou le 31 août 1767 et est enterré dans le ci-devant monastère de St-Georges à la Dmitrowka. Il se maria deux fois: en 1726, à la princesse Golitzyne (1699—1727) et, en 1730, à la princesse Kourakine (1702—1772) dont il eut un fils, Pierre, et deux filles, Catherine et Varvara (qui, toutes deux, ont épousé des princes Dolgorouky).

(D'après un original de Lüders, Palais de Gatchina.)

121

Александръ Ильичъ
Бибиковъ,
1729 — 1774

Alexandre Ilyitch
Bibikoff,
1729 — 1774

122

Графъ Александръ Борисовичъ
Бутурлинъ,
1704 — 1767

Le Comte Alexandre Borissowitch
Boutourline,
1704 — 1767

Графъ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1797—1862, сынъ оберъ-шенка графа Григорія Ивановича, женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, родился 14 Декабря 1797 г.; воспитывался сначала дома подъ руководствомъ гувернера масона Жуаё, затѣмъ 2 года учился въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ и 17-и лѣтъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 31 Января 1818 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ 1821 г.—въ штабсъ-ротмистры и въ 1824 г.—въ ротмистры. На несчастье Чернышева въ полку одновременно служилъ его двоюродный братъ Ф. Вадковскій, который „въ глазахъ“ Чернышева „порочилъ Правительство, при чемъ говорилъ, что онъ думаетъ, какъ всѣ благомыслящіе люди въ Россіи“. То же слышалъ онъ и отъ другихъ товарищей: Свистунова, Муравьева... Въ Маѣ 1825 г. Чернышевъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, при чемъ ему было сообщено, что цѣль Общества „современемъ ввести конституцію въ государствѣ“; только встрѣтившись осенью въ имѣніи отца, селѣ Тагинѣ, Орловской губ., съ Вадковскимъ, Чернышевъ узналъ, что Общество, „въ случаѣ несогласія царствующаго Государя на его требованія“, рѣшило „употребить противу его военную силу и даже уничтоженіе Царствующей фамиліи“. Арестованный 23 Декабря въ томъ же Тагинѣ, Чернышевъ на допросахъ во всемъ чистосердечно сознался и назвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ Общества. „Узнавъ“, показывалъ онъ, „что вступили въ сіе Общество многіе люди, которыхъ познанія и дарованія природныя гораздо болѣе и превосходнѣе моихъ, полагая, что они имѣли въ виду улучшеніе правительства и благосостояніе Имперіи, одна любовь къ Отечеству побудила меня вступить въ ихъ тайное общество“. По рѣшенію Верховнаго суда, Чернышевъ былъ лишенъ чиновъ, графства и приговоренъ въ каторжныя работы на 2 года „за знаніе объ умыслѣ цареубійства и за принадлежность къ тайному обществу, съ знаніемъ его цѣли“. Онъ былъ наказанъ сравнительно милостиво; „Чернышевъ былъ мало виноватъ и по характеру еще менѣе годился въ опасные заговорщики; по словамъ отца его, Императоръ Николай, видя его чистосердечное признаніе, обѣщалъ ему прощеніе. Но это не было въ интересахъ А. П. Чернышева, который намѣревался овладѣть Чернышевскимъ майоратомъ, что ему, однако, не удалось, и майоратъ перешелъ къ его сестрѣ, графинѣ С. Г. Чернышевой-Кругликовой“ (Арх. графа Мордвинова, VII). По случаю коронаціи Николая I срокъ каторги Чернышеву былъ сокращенъ до 1 года; въ началѣ 1827 г. онъ былъ отправленъ въ Иркутскъ, а въ Маѣ 1828 г. мѣстомъ для его поселенія былъ опредѣленъ Якутскъ, но уже 27 Декабря того же года Чернышевъ былъ назначенъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ, куда и доставленъ былъ 9 Апрѣля 1829 года. „З. Чернышевъ вмѣстѣ съ прочими декабристами сдѣлались любимцами солдатъ за ихъ глубокую религіозность и ту безропотность, съ которой они несли заслуженную ими кару“. Полковой командиръ, П. П. Раевскій, былъ искренно расположенъ къ Чернышеву и даже получилъ непріятности по службѣ за послабленія декабристамъ, но „нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Чернышевъ: онъ жилъ въ солдатской палаткѣ, носилъ солдатскую шинель толстаго сукна, не имѣлъ особаго стола“... Въ кампанію 1829 г. Чернышевъ „неоднократно оказалъ опыты отличнѣйшаго мужества“. Раненый въ грудь въ 1830 г., онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ прапорщики и подпоручики. Въ 1834 г., будучи у сестры, графини Чернышевой-Кругликовой, въ с. Яропольцѣ, Московской губ., Чернышевъ женился на дочери сенатора Екатеринѣ Алексѣевнѣ Тепловой (дѣти ихъ умерли въ младенчествѣ). 17 Января 1837 г. Чернышевъ былъ уволенъ въ отставку, съ правомъ жить сначала въ Яропольцѣ, а потомъ въ отцовскомъ Тагинѣ. Тутъ ему разрѣшено было поступить на службу секретаремъ Орловскаго дворянства, а въ 1846 г. онъ переведенъ былъ въ Москву, при чемъ самъ Закревскій находилъ, что онъ можетъ быть освобожденъ отъ надзора полиціи. По вступленіи на престолъ Александра II, Чернышеву, которому былъ возвращенъ графскій титулъ, разрѣшено было уѣхать за границу, такъ какъ здоровье жены, которая постоянно болѣла, давно уже требовало этого.

Графъ З. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ, въ Маѣ 1862 г., и похороненъ, рядомъ съ раньше умершей женой, на Римскомъ кладбищѣ Monte Festaccio.

По словамъ его племянницы, графъ Чернышевъ былъ „человѣкъ рѣдкой скромности, мягкій и дѣтски незлобивый, въ семьѣ былъ горячо любимъ, всегда веселъ, одинаково со всѣми любезенъ и привѣтливъ“.

(Съ портрета 1842 г., принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Le comte ZACHARIE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1797—1862, fils du grand échanson le comte Grégoire Ivanowitch et de sa femme Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine, naquit le 14 décembre 1797. Il fut d'abord élevé à la maison sous la direction d'un gouverneur franc-maçon Joyeut, puis à l'école des guides de Mouravieff et entra à 17 ans aux chevaliers-gardes, où il devint cornette le 31 janvier 1818; en 1821, nous le voyons capitaine en second et, en 1824, capitaine. Par malheur, son cousin Th. Vadkowsky servait en même temps que lui au régiment, et il „blâma devant Tchernycheff le gouvernement en disant qu'il pensait comme tous les hommes bien-pensants en Russie". Ses camarades, Svistounoff, Mouravieff. . . . lui firent part des mêmes idées. Et, en mai 1825, il se fit membre d'une société secrète, dont le but était, lui disait-on, „d'introduire la constitution dans l'Etat". Ce ne fut qu'en automne qu'il rencontra de nouveau Vadkowsky dans le bien de son père au gouvernement d'Orel, le domaine Taguino, et qu'il apprit que la Société avait décidé que, „si l'Empereur régnant ne consentait pas à ses exigences, on emploierait contre lui la force armée et qu'on anéantirait même la famille Impériale". Arrêté le 23 décembre à Taguino, Tchernycheff fit des aveux sincères et dénonça tous les membres de la Société qu'il connaissait. „Ayant appris", dit-il à l'enquête, „que c'étaient des personnes dont les connaissances et les talents naturels étaient bien supérieurs aux miens qui étaient entrées dans cette Société, et persuadé qu'elles avaient en vue l'amélioration de l'Etat et le bien-être de l'Empire, ce ne fut que mon amour pour la patrie qui m'engagea à y entrer". Par arrêt de la haute cour de justice, Tchernycheff se vit privé de ses titres, de sa dignité de comte et condamné à deux ans de travaux forcés „pour avoir connu le dessein formé de tuer Sa Majesté et avoir appartenu à une société secrète, dont il connaissait le but". Il a été relativement traité avec miséricorde: „Tchernycheff était peu coupable, et il ne convenait nullement par son caractère au dangereux rôle de conjuré; suivant le dire du père, l'Empereur Nicolas, reconnaissant son sincère aveu, lui avait promis le pardon. Mais ce n'était point dans les intérêts de A. I. Tchernycheff, qui avait l'intention de s'emparer du majorat de la famille. Il n'y réussit pas du reste, et le majorat passa à sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff" (Archives du comte Mordvinoff, VII). Le couronnement de Nicolas Ier lui valut une année de diminution de peine. Au commencement de 1827, il fut envoyé à Irkoutsk, en mai 1828, il fut transféré à Yakoutsk et, le 27 décembre de la même année, il entra comme soldat au régiment de dragons de Nijni-Novgorod, qui se trouvait au Caucase; il y resta jusqu'au 9 avril 1829. „Z. Tchernycheff et les autres décabristes devinrent les soldats favoris du régiment grâce à leur profonde piété et à la résignation avec laquelle ils subissaient leur peine méritée". Le chef du régiment, N. N. Raewsky, était bien disposé pour Tchernycheff et eut même des désagréments grâce à son indulgence envers les décabristes, mais „il n'était pas possible d'admirer assez la sévérité de vie que menait Tchernycheff: il vivait dans une tente de soldat, portait un paletot de soldat de gros drap et n'avait pas de table à part". Dans la campagne de 1829 „il fit souvent preuve d'un excellent courage"; blessé à la poitrine en 1830, il fut promu sous-officier, enseigne et sous-lieutenant. En 1834, étant en séjour chez sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff, dans le domaine Iaropoltz, gouv. de Moscou, il épousa la fille d'un sénateur, Elisabeth Alexéewna Teploff (leurs enfants moururent en bas âge). Le 17 janvier 1837, il reçut son congé, avec le droit de vivre d'abord à Iaropoltz, puis dans le domaine paternel de Taguino. On lui permit d'entrer au service comme secrétaire de la noblesse d'Orel, et, en 1846, il fut transféré à Moscou, où Zakrewsky lui-même trouva qu'il pouvait être libéré de la surveillance de la police. Lorsqu'Alexandre II monta sur le trône, on autorisa Tchernycheff, auquel on avait rendu le titre de comte, à aller à l'étranger, ce qu'exigeait du reste depuis longtemps la santé de sa femme, continuellement malade.

Le comte Zacharie Tchernycheff mourut à Rome en mai 1862 et fut enterré, à côté de sa femme, décédée avant lui, au cimetière de Rome, Monte Festaccio.

Il était, à en croire sa nièce, „un homme d'une rare modestie, mou et sans malice; il était ardemment aimé dans sa famille, toujours gai, également aimable et affable avec tous".

(D'après un original, 1842, appartenant au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА ЧЕРТКОВА, 1805—1858, третья изъ шести дочерей оберъ-шенка, графа Григорія Ивановича Чернышева (см. т. II, № 153), отъ брака съ Елизаветой Петровной Квасниной-Самариной (см. т. II, № 154), родилась въ 1805 г.; образцово воспитанная, какъ и остальныя ея сестры, умною и добродѣтельною матерью, въ 1825 г. она хотѣла выйти замужъ за сенатора графа Гр. Вл. Орлова († 1827 г.), а потомъ, незадолго до смерти матери, была помолвлена за Александра Дмитріевича Черткова, впослѣдствіи Московскаго губернскаго предводителя дворянства, нумизмата, основателя Чертковской библіотеки, въ Москвѣ. По желанію матери, завѣщавшей, чтобы изъ-за траура по ней не откладывалась свадьба, она была обвѣнчана 9 Мая 1828 г., и въ томъ же году сопровождала мужа, служившаго въ армейскомъ гусарскомъ полку, въ Турецкій походъ, до границы, гдѣ и осталась ждать его возвращенія въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ. Очень образованная женщина, она интересовалась умственнымъ и литературнымъ движеніемъ своего времени, къ чему пріучена была еще дома, гдѣ, по шутливому замѣчанію ея мужа, у графинь Чернышевыхъ, вмѣсто иконы, висѣлъ въ изголовьяхъ портретъ лорда Байрона. Она принимала у себя въ Москвѣ, на Мясницкой, многихъ ученыхъ и писателей, между прочимъ Гоголя, присутствовавшаго въ ея ложѣ на представленіи „Ревизора“, въ Москвѣ. Будучи еще молодой женщиною, она почему-то усвоила себѣ наклонности, привычки и туалеты почти старушечьи, отличалась оригинальностью, курила трубку, и, хотя обладала чуднымъ голосомъ и брала до замужества уроки пѣнія у извѣстныхъ московскихъ учителей, никогда не пѣла иначе, какъ въ полголоса.

Е. Г. Черткова имѣла одного сына, Григорія (р. 1832 г., † 1900 г.; женатъ на княжнѣ Мещерской), и трехъ дочерей: Елизавету (за княземъ А. Н. Голицынымъ), Софію (за С. А. Ермоловымъ) и Александру (за Винтуловымъ). Скончалась 25 Мая 1858 г. и похоронена на Московскомъ Ваганьковомъ кладбищѣ.

А. Я. Булгаковъ даетъ о Е. Г. Чертковой такой отзывъ: „Лиза для сердца, чувствъ своихъ и ума—совершенный ангелъ“; съ этимъ мнѣніемъ соглашался и братъ его, К. Я. Булгаковъ, писавшій: „Лиза и мила, и хороша, и добра“.

Подробную характеристику Чертковой даетъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ ея родственникъ, графъ М. Д. Бутурлинъ: „Графиня Елизавета Григорьевна напоминала собою чисто восточный типъ, какъ я видалъ въ гравюрахъ аравитянокъ и израильтянокъ въ библейскихъ сюжетахъ Гораса Верне. У нея были большіе кофейнаго цвѣта глаза (по-англійски „hazel eyes“), правильныя и тонкія античныя черты лица на матово-смугловатомъ фонѣ, темные, но не совсѣмъ цвѣта воронаго крыла волосы; роста средняго, но превосходно сложена, пріемы живые и отрывистые, но граціозна во всѣхъ движеніяхъ, даже въ походкѣ. Съ раннихъ лѣтъ она была неимовѣрно худа и осталась таковою до смерти. Эксцентрическихъ выходокъ было у нея не мало, никакой впрочемъ аффектаціи въ нихъ не было, и онѣ очень потѣшали ея друзей и даже болѣе и болѣе привязывали ихъ къ этой оригинальной женщинѣ. Натура была пылкая и любящая, горячій другъ своимъ друзьямъ, стояла за нихъ горою передъ кѣмъ бы то ни было, и таковою осталась до конца. И какъ ни разны были ея характеръ, вкусы и привычки съ мужниными, она цѣнила мужа вполнѣ и силилась, при всякомъ случаѣ, возвысить его въ мнѣніи общества. Чудное было созданіе, но многими непонятое!“

(Съ миніатюры, принадлежащей баронессѣ М. А. Шеппингъ, въ Москвѣ.)

ÉLISABETH GRIGORIEWNA TCHERTKOFF, 1805—1858, troisième des six filles du grand échanson le comte Grégoire Ivanowitch Tchernycheff (v. T. II, № 153) et de sa femme, Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine (v. T. II, № 154), naquit en 1805. Elle reçut, comme ses sœurs, une brillante éducation de sa mère, femme intelligente et vertueuse. En 1825, elle désira épouser le sénateur comte Gr. Orloff († 1827), mais elle fut fiancée, peu de temps avant la mort de sa mère, à Alexandre Dmitriewitch Tchertkoff, qui devint dans la suite maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou, numismate et fondateur de la bibliothèque Tchertkoff, à Moscou. Sur le désir de sa mère, qui avait, en mourant, demandé qu'on ne remît pas le mariage pour cause de deuil, elle reçut la bénédiction nuptiale le 9 mai 1828 et accompagna jusqu'à la frontière son mari, qui, servant au régiment des hussards, allait faire la campagne de Turquie. Elle y attendit son retour dans un sale trou juif. C'était une femme très instruite, s'intéressant au mouvement intellectuel et littéraire de son temps, ce à quoi elle avait été habituée dans la maison paternelle, où, comme le disait en plaisantant son mari, les comtesses Tchernycheff avaient à leur chevet le portrait de Byron, au lieu d'une image sainte. Elle recevait chez elle, à Moscou, à la Miasnitzkaïa, quantité de savants et d'écrivains, entre autres Gogol, qui avait assisté dans sa loge à la représentation du „Réviseur" à Moscou. Etant encore jeune femme, elle prit, on ne sait trop comment, certaines habitudes; elle portait des toilettes de vieille femme, se faisait remarquer par son originalité, fumait la pipe et, quoiqu'elle eût une excellente voix et qu'elle l'eût développée, avant son mariage, chez de célèbres maîtres de Moscou, elle ne chantait qu'à mi-voix.

Mme Tchertkoff avait un fils, Grégoire (né en 1832, † en 1900; marié à la princesse Mechtchersky), et trois filles: Elisabeth (mariée au prince Golitzyne), Sophie (mariée à S. Ermoloff) et Alexandra (mariée à Vintouloff). Elle mourut le 25 mai 1858 et fut enterrée au cimetière de Vagankoff, à Moscou.

A. Boulgakoff dit ce qui suit de Mme Tchertkoff: „Lise est un ange de cœur, de sentiment et d'esprit". Son frère, K. Boulgakoff, partageait cette opinion: „Lise est gentille—et bonne".

Nous avons une caractéristique complète de Mme Tchertkoff dans les „souvenirs" de son parent, le comte M. Boutourline: „La comtesse Elisabeth Grigoriewna a un type oriental comme ceux que j'ai vus dans les gravures de femmes arabes et israélites sur des sujets bibliques d'Horace Vernet. Elle avait de grands yeux, couleur café (en anglais „hazel eyes"), des traits réguliers, fins, à l'antique sur un fond mat, des cheveux foncés, non pas complètement noirs, la taille moyenne, mais très bien prise, les manières vives et saccadées, mais gracieuse dans tous ses mouvements, même dans sa démarche. Dès sa jeunesse elle était d'une grande maigreur et resta telle jusqu'à sa mort. Elle était excentrique, mais sans aucune affectation, ce qui amusait ses amis et contribuait à les attacher de plus en plus à cette femme originale. De nature vive et aimante, elle était une amie sincère; elle défendait ses amis devant qui que ce soit et resta telle jusqu'à la fin. La différence entre son caractère, ses goûts, ses habitudes et ceux de son mari, ne l'empêchait pas de l'estimer, et elle s'efforçait, dans toute occasion, à l'élever dans l'opinion de la société. Créature admirable, mais incomprise de plusieurs!"

(D'après une miniature appartenant à la baronne M. Chepping, Moscou.)

125

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ВАДКОВСКАЯ, 176.—18.., старшая дочь фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышева (р. 1726 г., † 1797 г.; см. т. II, № 152) отъ второго его брака съ Анной Александровной Исленьевой (р. 1740 г., † 1794 г.; см. т. II, № 133), въ 1778 г. пожалована во фрейлины Екатерины II, а 2 Сентября 1789 г. вышла замужъ за любимца Великаго Князя Павла Петровича, дѣйствительнаго камергера Федора Федоровича Вадковскаго (р. 1756 г., † 1806 г.).

Отъ этого брака у Е. И. Вадковской было 4 сына: Павелъ (камеръ-юнкеръ; р. 22 Мая 1792 г., † 15 Мая 1829 г.), Иванъ (полковникъ въ Семеновскомъ полку, переведенный въ армію во время извѣстной „Семеновской исторіи"), Федоръ (декабристъ; р. 1800 г., † въ Сибири, въ 1844 г.) и Александръ (тоже замѣшанный въ декабрьскія событія), и 2 дочери: Екатерина (р. 179. г., † 1861 г.; за П. И. Кривцовымъ) и Софія (р. 6 Февраля 1799 г., † 8 Августа 1875 г.; въ 1-мъ бракѣ за полковникомъ П. М. Безобразовымъ, р. 17 Апрѣля 1788 г., † 23 Января 1819 г., во 2-мъ, въ 1826 г.—за сенаторомъ П. С. Тимирязевымъ, р. 16 Декабря 1790 г., † 15 Декабря 1867 г.).

Рано овдовѣвъ, Е. И. Вадковская занялась воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыя вышли людьми широко образованными, при чемъ всѣ ея сыновья воспитывались въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ знаменитыхъ въ то время иностранныхъ педагоговъ.

Веселая и живая, „умная и энергичная", по свидѣтельству ея внука, Ф. И. Тимирязева, отличная музыкантша, Вадковская собирала у себя многочисленное и передовое общество: родственныя семьи Чернышевыхъ, Вадковскихъ, Кривцовыхъ и Муравьевыхъ дали цѣлый рядъ декабристовъ или ихъ женъ; между прочимъ у Е. И. Вадковской любилъ проводить время извѣстный Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій, что едва не было причиной его дуэли съ не менѣе извѣстнымъ щеголемъ, красавцемъ и танцоромъ, княземъ Борисомъ Владиміровичемъ Голицынымъ, прозваннымъ „Boris-Vestris". Въ 1826 г. сынъ Е. И. Вадковской, декабристъ, писалъ въ своемъ прошеніи: „Моя мать преклонныхъ лѣтъ, въ параличѣ и слабаго здоровья; безызвѣстность на мой счетъ можетъ ее ввергнуть въ гробъ". Узнать точныя даты ея рожденія и смерти, равно и мѣсто ея погребенія—намъ не удалось.

(Съ миніатюры, принадлежащей Я. Н. Обухову, въ Москвѣ.)

CATHERINE IVANOWNA VADKOWSKY, 176.—18.., fille aînée du feld-maréchal le comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff (1726—1797; v. T. II, № 152) et de son second mariage avec Anne Alexandrowna Islénieff (1740—1794; v. T. II, № 153), devint en 1778 demoiselle d'honneur de Catherine II, et épousa, le 2 septembre 1789, le favori du Grand-Duc Paul Pétrowitch, le chambellan actuel Théodore Féodorowitch Vadkowsky (1756—1806).

De ce mariage naquirent quatre fils: Paul (gentilhomme de la cour; né le 22 mai 1792, † le 15 mai 1829), Ivan (colonel du régiment de Sémenoff, qui fut transféré dans l'armée, lors de la célèbre „histoire de Sémenoff"), Théodore (décabriste; né en 1800, † en Sibérie en 1844) et Alexandre (qui fut aussi impliqué dans les événements de décembre), et deux filles: Catherine (née en 179., † en 1861; mariée à N. I. Krivtzoff) et Sophie (née le 6 février 1799, † le 8 août 1875; mariée en premières noces au colonel Bézobrazoff, né le 17 avril 1788, † le 23 janvier 1819, et en secondes, en 1826, au sénateur Timiriazeff, né le 16 décembre 1790, † le 15 décembre 1867).

Mme Vadkowsky, devenue veuve de bonne heure, s'occupa de l'éducation de ses enfants, qui devinrent des hommes instruits. Les fils furent élevés dans les établissements d'instruction de différents pédagogues étrangers, célèbres alors.

Gaie et vive, „intelligente et énergique", suivant le dire de son petit-fils, Th. Timiriazeff, excellente musicienne, Mme Vadkowsky réunissait chez elle une société nombreuse et amie du progrès: les familles Tchernycheff, Vadkowsky, Krivtzoff et Mouravieff, qui étaient parentes entre elles, donnèrent toute une série de décabristes ou d'épouses à ces derniers. Le célèbre Evgraf Fédotowitch Komarowsky aimait, parmi tant d'autres, passer son temps chez Mme Vadkowsky, ce qui faillit être cause d'un duel avec un autre élégant, non moins connu, bel homme et danseur, le prince Boris Vladimirowitch Golitzyne, surnommé „Boris-Vestris". En 1826, son fils, le décabriste, écrivait dans une requête: „Ma mère est âgée, paralysée et d'une faible santé; l'incertitude à mon égard peut la conduire au tombeau". Nous n'avons pas réussi à connaître la date exacte de sa naissance et celle de sa mort; nous ne savons non plus où elle est enterrée.

(D'après une miniature appartenant à J. Oboukhoff, à Moscou.)

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ВАДКОВСКІЙ, 1756—1806, сынъ генералъ-аншефа, подполковника Семеновскаго полка Федора Ивановича († 1785 г.), отъ брака съ Прасковьей Андреевной Воейковой (р. 1717 г., † 28 Ноября 1774 г.), родился 21 Декабря 1756 г.; отецъ Вадковскаго, одинъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ Екатерины II при ея восшествіи на престолъ, былъ близокъ ко двору, а сынъ, почти сверстникъ Великаго Князя Павла Петровича, пользовался съ дѣтскихъ лѣтъ его постояннымъ расположеніемъ. Получивъ дома отличное образованіе, Вадковскій, записанный 8 Декабря 1758 г. солдатомъ въ Семеновскій полкъ и произведенный черезъ 10 лѣтъ въ сержанты, началъ дѣйствительную службу прапорщикомъ 1 Января 1771 г.; въ 1774 г. произведенъ въ поручики, 7 Января 1778 г. въ капитанъ-поручики, а 28 Іюня того же года пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ Сентябрѣ 1781 г. Вадковскій назначенъ былъ состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ во время путешествія его и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны по Европѣ, при чемъ въ Вѣнѣ заслужилъ такой отзывъ Іосифа II: „M. de Vadkowsky est un très joli jeune homme“. 1 Января 1785 г. Вадковскій былъ пожалованъ въ камергеры, а 2 Сентября 1789 г. женился на дочери графа Чернышева, фрейлинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Вступленіе на престолъ Павла I повлекло за собой быстрое возвышеніе Вадковскаго и цѣлый рядъ непріятностей. 21 Ноября 1796 г. уже послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось, что „Е. И. Величество всемилостивѣйше пожаловалъ камергера Вадковскаго въ генералъ-поручики, и дается ему полкъ, составленный изъ 2-хъ баталіоновъ Московскаго гранадерскаго полка, изъ которыхъ одному батальону быть въ гарнизонѣ въ Софіи, другому въ Ораніенбаумѣ, а флигель ротамъ въ Петергофѣ“. Такъ образованъ былъ Павловскій полкъ. Кромѣ того, Вадковскій былъ назначенъ присутствующимъ въ Военной коллегіи и Маріентальскимъ комендантомъ. Годъ спустя (20 Октября 1797 г.), у Вадковскаго Павловскій полкъ былъ отобранъ, а еще черезъ годъ (27 Октября 1798 г.) онъ былъ отставленъ отъ службы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, съ назначеніемъ въ Сенатъ. Конечно, Вадковскій только могъ радоваться и милостивой отставкѣ, и освобожденію отъ военной службы, которая его очень тяготила. „Человѣкъ просвѣщенный и гуманный, Вадковскій съ природнымъ умомъ соединялъ доброе сердце; онъ былъ сибаритъ и дорого цѣнилъ комфортъ, которымъ умѣлъ пользоваться“. По поводу назначенія его шефомъ полка Е. Ѳ. Комаровскій разсказываетъ: „Вадковскаго иначе не видалъ, какъ сидѣвшаго цѣлые дни передъ каминомъ въ вольтеровскихъ креслахъ; онъ былъ камергеромъ при дворѣ, куда никогда не ѣздилъ. Федоръ Федоровичъ самъ не могъ надивиться этой съ нимъ перемѣнѣ и сказалъ мнѣ: „Я долженъ былъ принять то, что мнѣ предложили; я его давно знаю, онъ шутить не любитъ, хотя уже 20 лѣтъ, какъ я военную службу оставилъ“. При дворѣ Вадковскій поневолѣ долженъ былъ вмѣшиваться въ интриги, но онъ поддерживалъ партію Императрицы и былъ сторонникомъ Нелидовой. Изъ всѣхъ современниковъ одинъ графъ Ф. Головкинъ даетъ неблагопріятные отзывы о Вадковскомъ, называя его „avenglément méchant“: „Parmi les favoris de Monseigneur, le plus médiocre, mais le plus audacieux était M. Vadkowsky, qui, comme tous les sots, s'imaginait trouver un grand intérêt dans le trouble“. Напротивъ, князь И. М. Долгорукій, авторъ „Капища сердца“, посвящаетъ Вадковскому цѣлую страницу теплыхъ о немъ словъ: „Я былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, когда ѣзжалъ ко двору играть съ нимъ на театрѣ Великаго Князя. Онъ меня любилъ, и я къ нему льнулъ преимущественно предъ всѣми прочими шаркателями царскихъ чертоговъ“; онъ былъ „повѣреннымъ“ князя въ его любви и сватовствѣ, „стараніями“ его Долгорукій „достигъ цѣли и пріобрѣлъ лестные знаки вниманія Великаго Князя, на свадьбѣ его онъ былъ шафером у невѣсты князя, Е. С. Смирной, и былъ его „первый гость въ новомъ хозяйствѣ“. „Вадковскій остался и потомъ хорошимъ моимъ пріятелемъ, мы часто видались и въ сообщеніяхъ нашихъ не было ни коварства, ни принужденія. Онъ недолго прожилъ, томился въ мучительномъ недугѣ и слишкомъ рано скончался для всѣхъ, кои способны были разумѣть и цѣнить, несмотря на холодный съ виду характеръ, отличныя его достоинства“.

Ф. Ф. Вадковскій умеръ 27 Августа 1806 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры, принадлежащей Я. П. Обухову, въ Москвѣ.)

THÉODORE FÉODOROWITCH VADKOWSKY, 1756—1806, fils du général en chef, lieutenant colonel du régiment Sémenowsky, Théodore Ivanowitch († en 1783) et de sa femme Irène Andréewna Voéikoff (née en 1717, † le 28 novembre 1774), naquit le 21 décembre 1756. Son père, l'un des aides les plus actifs de Catherine II lors de son avènement au trône, était très proche de la Cour, et son fils, presque du même âge que le Grand-Duc Paul Pétrowitch, jouit dès l'enfance de sa faveur. Il reçut une excellente éducation à la maison, fut inscrit le 8 décembre 1758 soldat du régiment Sémenowsky, devint dix ans plus tard sergent et commença, en qualité d'enseigne, son service actif le 1er janvier 1771. En 1774, il fut avancé au grade de lieutenant, le 7 janvier 1778, à celui de lieutenant capitaine et, le 28 juin de la même année, il fut nommé gentilhomme de la chambre. En septembre 1781, Vadkowsky fut attaché à la personne du Grand-Duc Paul Pétrowitch pendant le voyage qu'il fit en Europe avec la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, et à Vienne il eut à enregistrer cette remarque de Joseph II: „M. de Vadkowsky est un très joli jeune homme". Le 1er janvier 1785, il fut nommé chambellan et, le 2 septembre 1789, il épousa la fille du comte Tchernycheff, demoiselle d'honneur, Catherine Ivanowna. L'avènement de Paul Ier au trône amena le rapide avancement de Vadkowsky et une masse de désagréments. Le 21 novembre 1796 parut un édit impérial où il était dit: „Sa Majesté a gracieusement daigné nommer le chambellan Vadkowsky lieutenant-général et lui donne un régiment composé de deux bataillons du régiment de grenadiers de Moscou, dont l'un devra prendre garnison à Sophia, l'autre à Oranienbaum et une aile à Péterhof". Ainsi fut formé le régiment Pavlowsky. Vadkowsky fut aussi nommé membre du Collège militaire et commandant de Marienthal. Une année après, le 20 octobre 1797, le régiment Pavlowsky lui fut retiré et, le 27 octobre 1798, il fut éloigné du service avec le grade de conseiller privé actuel et nommé au Sénat. Vadkowsky ne pouvait bien entendu qu'être satisfait de cette retraite honorable et de sa libération du service militaire qui lui était à charge. „C'était un homme instruit et humain qui unissait un esprit naturel à un bon cœur; c'était un sybarite, estimant fort le confort dont il sut profiter". A l'occasion de sa nomination comme chef de régiment, E. F. Komarowsky raconte: „Je n'ai jamais vu Vadkowsky qu'assis dans un fauteuil à la Voltaire devant la cheminée; il était chambellan d'une cour, où il n'allait jamais. Théodore Féodorowitch ne pouvait assez s'étonner de ce changement et me dit: „Je dois accepter ce que l'on me propose; je le connais depuis longtemps, il n'aime pas plaisanter, quoiqu'il y ait vingt ans que j'ai quitté le service militaire". A la Cour, Vadkowsky dut bon gré mal gré se mêler d'intrigue, mais il soutenait le parti de l'Impératrice et était partisan de la Nélidoff. De tous les contemporains, seul le comte F. Golovkine parle défavorablement de lui, l'appelant „aveuglément méchant": „Parmi les favoris de Monseigneur, le plus médiocre, mais le plus audacieux était M. Vadkowsky, qui, comme tous les sots, s'imaginait trouver un grand intérêt dans le trouble". Le prince I. M. Dolgorouky, au contraire, consacre à Vadkowsky dans son „Sanctuaire de mon cœur" toute une page de tendres paroles: „J'étais avec lui dans des rapports amicaux, quand j'allais à la Cour jouer avec lui sur le théâtre du Grand-Duc. Il m'aimait, et je lui étais plus attaché qu'à tous les autres bruyants qui remplissent les appartements impériaux"; il était „le confident" du prince dans ses amours et ses recherches en mariage, et „grâce à ses efforts" Dolgorouky „atteignit son but et reçut des marques flatteuses de la faveur du Grand-Duc, il fut à son mariage garçon d'honneur de sa fiancée E. S. Smirnaïa et devint „le premier hôte dans le nouveau ménage". „Vadkowsky resta encore dans la suite mon bon ami, nous nous voyions souvent, et dans nos relations il n'y avait ni artifice ni contrainte. Il ne vécut pas longtemps, il fut torturé par la maladie et mourut trop tôt pour tous ceux qui étaient capables de comprendre et d'apprécier ses excellentes qualités, malgré un caractère froid d'apparence".

Théodore Féodorowitch Vadkowsky mourut le 27 août 1806 et fut enterré au cimetière Lazareff, à la laure d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature appartenant à J. Oboukhoff, à Moscou.)

123

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, 1797 — 1862

Le Comte Zakhare Grigorievitch Tchernycheff, 1797 — 1862

124

Елисавета Григорьевна Черткова, 1805 — 1858

Elisabeth Grigorievna Tchertkoff, 1805 — 1858

125

Екатерина Ивановна Вадковская, 176 . — 18 . .

Catherine Ivanovna Vadkovsky, 176 . — 18 . .

126

Федоръ Федоровичъ Вадковскій, 1756 — 1806

Théodore Féodorowitch Vadkovsky, 1756 — 1806

127

ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА КРИВЦОВА, 1817—1855, дочь князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго (р. 1778 г., † 1845 г.; см. т. I, № 64) отъ брака съ графиней Варварой Алексѣевной Разумовской (р. 1778 г., † 1864 г.; см. т. I, № 65); была замужемъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Римской миссіи Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ (р. 1806 г., † 12 Августа 1844 г.), которому поручено было наблюденіе за русскими художниками, учившимися въ Римѣ.

Отъ этого брака у ней былъ сынъ Николай († въ умопомѣшательствѣ) и дочь Ольга, въ замужествѣ за Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ.

(Съ портрета Винтергальтера; собственность О. П. Орловой, въ Москвѣ.)

127

ÉLISABETH NIKOLAEWNA KRIVTZOFF, 1817—1855, était la fille du prince Nicolas Grigoriewitch Repnine-Volkonsky (né en 1778, † en 1845; v. T. I, № 64) et de la comtesse Barbe Alexéewna Razoumowsky, sa femme (née en 1778, † en 1864; v. T. I, № 65). Elle épousa le conseiller d'état, chambellan et chargé d'affaires près la légation de Rome, Paul Ivanowitch Krivtzoff (né en 1806, † le 12 août 1844), qui devait surveiller les artistes russes étudiant à Rome.

Elle eut de ce mariage un fils Nicolas (mort fou) et une fille Olga, mariée à Nicolas Mikhaïlowitch Orloff.

(D'après l'original de Winterhalter, appartenant à Mme O. Orloff, Moscou.)

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА КРИВЦОВА, 179.—1861, старшая дочь сенатора Федора Федоровича Вадковскаго, отъ брака съ графиней Екатериной Ивановной Чернышевой, получивъ хорошее образованіе въ просвѣщенной семьѣ, пожалованная невѣстой во фрейлины въ 1820 г., вышла замужъ за Николая Ивановича Кривцова, только-что вернувшагося изъ Лондона, въ то время молодого дипломата и англомана, но уже героя, лишившагося лѣвой ноги подъ Кульмомъ.

Кривцова, говоритъ Б. Н. Чичеринъ, была „женщина, соединявшая съ высшимъ изяществомъ формъ тонкій, живой, наблюдательный и нѣсколько насмѣшливый умъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокія чувства; въ молодости она была очаровательной собесѣдницей и всегда была искреннимъ другомъ; тонкая, изящная, съ чуткимъ сердцемъ, съ игривымъ воображеніемъ, съ блестящимъ свѣтскимъ остроуміемъ“; по отзыву декабриста А. Бѣлаева: „женщина умная, кроткая и добродѣтельная, она была искренняя и добрая христіанка“. Н. И. Кривцовъ съ желѣзной волей и большой энергіей соединялъ горячій и необузданный характеръ; въ общежитіи онъ былъ тяжелый человѣкъ, особенно принимая во вниманіе его англоманскія причуды и строго размѣренный порядокъ обыденной жизни. Благодаря этимъ особеннымъ свойствамъ характера, Кривцовъ скоро долженъ былъ оставить службу и 37 лѣтъ удалился въ женину деревню Любичи, Тамбовской губ. (на границѣ Саратовской); здѣсь, въ голой степи, на берегу крутого оврага, принялся онъ за постройку барскаго дома со всѣми удобствами англійскаго комфорта, развелъ паркъ, сталъ принимать многочисленныхъ гостей и почитателей... Обиженный, озлобленный въ душѣ, Кривцовъ скрывалъ это и, перефразируя стихи Пушкина, любилъ говорить: „Я долго жилъ и многимъ насладился, ‖ Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство, ‖ Какъ въ Любичи Господь меня привелъ“... Къ тому же онъ считалъ себя „несчастнымъ въ семейной жизни“. Не легко, конечно, жилось Е. Ф. Кривцовой, но Чичеринъ увѣряетъ, что „ея письма въ это время также дышатъ счастьемъ: она наслаждалась природой, ѣздила верхомъ, пѣла, разыгрывала сонаты Бетховена, завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ, носила при себѣ ключи отъ кладовой и выдавала провизію.... Многимъ казалось, что Екатеринѣ Федоровнѣ не легко было жить съ мужемъ, но онъ говорилъ: „Obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander“. Тѣмъ не менѣе, самъ же Чичеринъ признаетъ, что скоро „здоровье Кривцовой пошатнулось, она начала хандрить“; съ 1834 г. приходилось часто ѣздить на зиму въ Петербургъ. Болѣе, кажется, правъ хорошо знавшій Кривцовыхъ Е. П. Сабуровъ, писавшій: „Въ домашнемъ быту онъ не былъ счастливъ; любовь его къ женѣ скоро остыла; онъ съ нею послѣ рожденія единственной дочери жилъ розно; физика его требовала другого, его нѣжность сосредоточилась на Г....“. Дочь свою Софію (р. 19 Августа 1821 г.; за д. тайн. сов. Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ), въ которой Кривцовъ „видѣлъ свой портретъ“, онъ любилъ „выше всего“ и самъ всецѣло занимался ея воспитаніемъ; между тѣмъ „съ женою онъ былъ холоденъ, хотя ея самоотверженіе и даже живое участіе въ его злополучіяхъ заслуживали лучшаго; неизвѣстны тайныя причины или причуды сердца, но дѣло въ томъ, что эта женщина, при всѣхъ своихъ качествахъ, при всей любви своей къ нему, никогда не могла возбудить его участія, хотя и говорятъ, что прежде онъ былъ въ нее влюбленъ страстно.... Неизвѣстно, легкомысліе ли.... или нѣкоторыя заблужденія сердца въ молодости были тому причиной, однакоже, онъ ее никогда не ревновалъ, что приводило ее въ отчаяніе“.

Послѣ двухдневной болѣзни Н. И. Кривцовъ неожиданно скончался 31 Августа 1843 года. По свидѣтельству Чичерина, его вдова была „совершенно убита постигшимъ ее несчастіемъ: ея жизнь слилась съ мужемъ, до такой степени поглощалась имъ, что ничто не могло отвлечь ее отъ прошлаго. Послѣдніе годы она провела почти въ полномъ одиночествѣ, погруженная въ воспоминанія и молитву“.

Е. Ф. Кривцова умерла весной 1861 г., въ С.-Петербургѣ, и похоронена въ с. Любичахъ, въ часовнѣ, рядомъ съ мужемъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей И. А. Обуховой, въ Москвѣ.)

CATHERINE FÉODOROWNA KRIVTZOFF, 179.—1861, fille aînée du sénateur Théodore Féodorowitch Vadkowsky et de la comtesse Catherine Ivanowna Tchernycheff, sa femme, reçut une bonne éducation dans une famille instruite. Nommée demoiselle d'honneur en 1820, elle épousa Nicolas Ivanowitch Krivtzoff, qui revenait de Londres. C'était alors un jeune diplomate et anglomane, qui avait perdu en héros la jambe gauche à la bataille de Kulm.

Suivant M. B. Tchitchérine, Mme Krivtzoff était „une femme unissant à une forme des plus élégantes un esprit fin, vif, observateur et quelque peu railleur et des sentiments profonds; elle était, dans sa jeunesse, une causeuse enchanteresse et une amie sincère; elle était svelte, élégante, elle avait un cœur sensible, une imagination vive et un bel esprit du monde". „C'est une femme intelligente, douce et vertueuse", écrit le décabriste A. Béliaeff, „c'était une bonne et sincère chrétienne". N. I. Krivtzoff joignait à une volonté de fer et à une grande énergie un caractère ardent et indomptable. La vie en commun avec lui était difficile, si l'on pense à ses fantaisies anglomanes et à l'ordre sévère qui devait régner dans sa vie privée. Grâce surtout à ce côté de son caractère, il dut bientôt quitter le service, et à 37 ans il se retira dans le bien de sa femme, à Lioubitchi, dans le gouvernement de Tamboff (à la frontière du gouv. de Saratoff). Et là, dans une plaine nue, au bord d'un ravin escarpé, il se prit à construire une maison seigneuriale avec tout le confort anglais, il créa un parc et reçut quantité de visites et d'admirateurs... Offensé, souvent furieux, il cachait ses sentiments et aimait à dire, en paraphrasant les vers de Pouchkine: „J'ai longtemps vécu et j'ai joui de beaucoup de choses, mais ce n'est que depuis que le Seigneur m'a conduit à Lioubitchi que j'ai connu la félicité"... Et pourtant il se croyait „malheureux en famille". Mme Krivtzoff n'avait pas la vie facile, mais Tchitchérine affirme que „ses lettres de cette époque respirent le bonheur; elle jouissait de la nature, montait à cheval, chantait, jouait les sonates de Beethoven, menait son ménage, portait sur elle les clefs des entrepôts et distribuait les provisions... Il semblait à plusieurs qu'elle eût beaucoup de peine à vivre avec son mari, qui disait: „Obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander"... Et pourtant Tchitchérine avoue que bientôt „sa santé s'ébranla et qu'elle eut du spleen"; dès 1834, ils durent souvent aller passer l'hiver à St-Pétersbourg. E. I. Sabouroff, qui connaissait bien les Krivtzoff, paraît être plus dans le vrai, quand il dit: „En famille il n'était pas heureux; son amour pour sa femme tiédit bientôt; ils vécurent séparément après la naissance de leur fille unique; son physique exigeait autre chose, et sa tendresse se concentrait sur G.". Il aimait „au-dessus de tout" sa fille Sophie (née le 19 août 1821; mariée au conseiller privé actuel Pompée Nikolaewitch Batiouchkoff); „il voyait en elle son portrait" et s'occupa entièrement de son éducation. „Il était froid avec sa femme, quoique son désintéressement et la vive part qu'elle prenait à ses malheurs méritassent un meilleur sort. Y avait-il à cela des causes secrètes, était-ce un caprice du cœur, on ne le sait; mais une chose est avérée, c'est que cette femme, malgré toutes ses qualités, malgré tout l'amour qu'elle ressentait pour son mari, ne put jamais lui inspirer d'intérêt, quoique, dit-on, il l'eût aimée un jour passionnément... Nul ne sait si c'était de la légèreté, ou quelque erreur du cœur dans sa jeunesse, mais il ne fut jamais jaloux d'elle, ce qui la désespérait".

N. I. Krivtzoff mourut de mort subite le 31 août 1843, après deux jours de maladie. Tchitchérine nous dit que sa veuve „fut complètement brisée par le malheur qui l'atteignait; sa vie s'était confondue avec celle de son mari, il l'absorbait à un tel point que rien ne put la détourner du passé. Elle passa les dernières années de son existence dans une solitude presque complète, plongée dans ses souvenirs et ses prières".

Mme Krivtzoff mourut au printemps de l'année 1861 à St-Pétersbourg et fut enterrée dans la chapelle de Lioubitchi, à côté de son mari.

(D'après une miniature appartenant à Mme N. Oboukhoff, à Moscou.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ, 1791—1843, старшій сынъ Ивана Васильевича Кривцова, Орловскаго помѣщика, отъ брака съ Вѣрой Ивановной Карповой, дѣтство провелъ въ деревнѣ, „безъ серіознаго воспитанія, но при значительномъ баловствѣ“; въ 1807 г. отвезенъ былъ въ Петербургъ родственникомъ своимъ С. Н. Тургеневымъ (отецъ писателя) и опредѣленъ юнкеромъ въ лб.-гв. Егерскій полкъ; въ 1809 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1810 г.—въ подпоручики, въ 1811 г.—въ поручики. Предаваясь со страстью военной службѣ, Кривцовъ старался также пополнить и свое скудное образованіе, въ чемъ ему помогли и его недюжинныя способности, и большой природный умъ. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ, а при Бородинѣ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку и взятъ въ плѣнъ французами. Произведенный въ 1813 г. въ штабсъ-капитаны, Кривцовъ подъ Кульмомъ лишился лѣвой ноги, оторванной ядромъ, при чемъ обнаженная кость причиняла ему постоянныя страданія. Продолженіе военной службы сдѣлалось невозможнымъ, и Кривцовъ, уволенный съ чиномъ подполковника, 5 Апрѣля 1817 г. былъ опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ совѣтникомъ, съ званіемъ камергера; съ 1818 г. по 1821 г. былъ при посольствѣ въ Лондонѣ. „Въ Россію вернулся онъ уже совершенно созрѣвшимъ человѣкомъ, съ довольно ярко либеральнымъ образомъ мыслей“; Кристинъ называлъ его „mon cher Jacobin“, а самъ Кривцовъ, сдѣлавшись неисправимымъ „англоманомъ“, „выше Англіи ничего не зналъ“ и говаривалъ: „Все, что мы можемъ придумать лучшаго—это перенять уже сдѣланное въ Англіи“. Женившись въ 1820 г. на богатой невѣстѣ, Екатеринѣ Федоровнѣ Вадковской, Кривцовъ получилъ за ней имѣніе Любичи, въ которомъ потомъ поселился. Живя въ Петербургѣ и Москвѣ, онъ сблизился съ литераторами и поэтами—Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Вяземскимъ и Пушкинымъ, который посвятилъ Кривцову одно изъ своихъ стихотвореній и оставался съ нимъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1823 г. Кривцовъ былъ назначенъ Тульскимъ губернаторомъ, въ 1824 г. переведенъ въ Воронежъ, въ 1825 г.—въ Нижній Новгородъ. Вездѣ онъ считался дѣльнымъ и строгимъ губернаторомъ, переводили его съ цѣлью „поправленія губерніи“, но постоянно поводъ къ переводу подавалъ самъ Кривцовъ. „Характера онъ былъ непреклоннаго, права раздражительнаго, бездѣлица выводила его изъ себя“—особенно неправда, взяточничество и неповиновеніе возмущали его: въ Тулѣ онъ высѣкъ почтмейстера, въ Воронежѣ, который всѣмъ хорошимъ обязанъ Кривцову, побилъ палкой совѣтника Кондаурова и обругалъ все присутствіе за „канальство“ и взяточничество, въ Нижнемъ избилъ исправника и напоилъ „безчеловѣчные побои“ ямщикамъ и сельскимъ старостамъ... Въ 1827 г. Кривцовъ былъ уволенъ отъ службы: Комитетъ Министровъ нашелъ „неприличнымъ и вреднымъ оставлять его въ званіи начальника губерніи“, но его „строптивому и запальчивому характеру и крайне предосудительной опрометчивости“. Кромѣ того, ему повредило участіе брата Сергѣя въ дѣлѣ декабристовъ. Кривцовъ неохотно оставилъ службу и тяготился бездѣйствіемъ; поселившись въ Любичахъ, онъ всю свою энергію употребилъ на приведеніе въ блестящій видъ усадьбы и имѣнія и увѣрялъ, что онъ: „Долго жилъ и многимъ насладился, ‖ Но съ той поры лишь вѣдаетъ блаженство, ‖ Какъ въ Любичи Господь его привелъ“. Временами онъ начиналъ сильно скучать и задумываться; будучи вольтерьянцемъ, онъ занимался рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ и постройкой церкви въ духѣ католической архитектуры. Кривцовъ имѣлъ слабость придавать особенное аристократическое происхожденіе своему роду и сочинять разнообразнѣйшіе девизы къ своему гербу, которыми украшалъ даже кіоты въ своей церкви. „Наружность его была величественная, сложеніе атлетическое, грудь высокая, лобъ крутой и высокій, глаза черные, свѣтлые, за золотыми очками; волоса были черные, коротко остриженные; движенія медленны, но ловки, и немногіе примѣчали его деревянную ногу; говорилъ онъ сильно, горячо, краснорѣчиво, писалъ хорошо, но безъ всякихъ прикрасъ; чувствительность если и имѣлъ, то старался подавлять“...

Кривцовъ заболѣлъ лихорадкой 29 Августа 1843 г., а 31 Августа скончался; погребенъ въ часовнѣ, въ с. Любичахъ, и на памятникѣ его, вмѣстѣ съ Адамовой головой и фамильнымъ его гербомъ, написано: „Veritas salusque publica. Николай Ивановичъ Кривцовъ, родился 10 (21) Января 1791 г. Умеръ 31 Августа (12 Сентября) 1843 г. Vixi quem dederat cursum fortunae preci. Nec timeo, nec spero“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Н. А. Обуховой, въ Москвѣ.)

NICOLAS IVANOWITCH KRIVTZOFF, 1791—1843, fils aîné de Jean Vassiliewitch Krivtzoff, propriétaire d'Orel, et de Véra Ivanowna Karpoff, sa femme, passa son enfance au village „sans y recevoir une sérieuse éducation, on le gâtait, au contraire, beaucoup". Il fut amené en 1807 à St-Pétersbourg par son parent, S. N. Tourguéneff (père de l'écrivain), et entra comme sous-officier au régiment des chasseurs de la garde impériale. Enseigne en 1809, sous-lieutenant en 1810 et lieutenant en 1811, il était passionné pour le service militaire. Il chercha aussi à compléter sa petite instruction et il y parvint grâce à ses belles capacités et à son grand esprit naturel. En 1812, il assista au combat de Smolensk, fut blessé au bras gauche à Borodino et fait prisonnier par les Français. Promu capitaine d'état major en 1813, Krivtzoff eut à Kulm la jambe gauche emportée par un boulet, et l'os mis à nu lui causa de continuelles douleurs. Il lui fut impossible de continuer son service, il prit son congé avec le grade de lieutenant-colonel, et, le 5 avril 1817, il entra comme conseiller de collège et chambellan au ministère des affaires étrangères. Il resta à l'ambassade de Londres de 1818 à 1821. „Il revint en Russie, parvenu à la pleine maturité et l'esprit fortement libéral". Christin l'appelait „mon cher jacobin", et Krivtzoff, devenu incorrigible „anglomane", „ne voyait rien au-dessus de l'Angleterre" et disait: „Ce que nous pourrions faire de mieux, ce serait d'imiter ce qui a été fait en Angleterre". Il épousa en 1820 la riche Catherine Féodorowna Vadkowsky, dont il reçut le domaine Lioubitchi, où il s'établit dans la suite. Vivant à St-Pétersbourg et à Moscou, il se rapprocha des écrivains et des poètes Karamzine, Dmitrieff, Viazemsky et Pouchkine, qui lui dédia une de ses poésies et qui resta toujours dans les meilleurs rapports avec lui. Krivtzoff devint gouverneur de Toula en 1823, et il fut transféré en cette qualité d'abord à Voronèje en 1824, puis à Nijni-Novgorod en 1825. Il passait partout pour être un gouverneur actif et sévère; on le transférait dans le but de „mettre de l'ordre dans un gouvernement", mais toujours il donnait lui-même matière à un changement. „Il avait un caractère inflexible, facilement irritable, une bagatelle le faisait sortir des gonds". C'étaient surtout le mensonge, les concussions et l'indiscipline qui l'exaspéraient: il fouetta à Toula le directeur de la poste; à Voronèje, qui lui doit tout ce qu'il y a de bien, il bâtonna le conseiller Kondaouroff et tança vertement la chambre du conseil pour „coquinerie" et concussions; à Nijni-Novgorod, il battit le chef de police du district et porta „des coups inhumains" aux postillons et aux baillis de village... Il reçut son congé en 1827; le Comité des ministres trouva „inconvenant et nuisible de le laisser à la tête d'un gouvernement" à cause de „son caractère têtu, emporté et de sa préjudiciable irréflexion". En outre, la participation de son frère Serge aux événements de décembre lui fut nuisible. Krivtzoff quitta à regret le service, et l'inaction lui était à charge. Il s'installa à Lioubitchi et mit toute son énergie à donner un brillant aspect à sa maison et à son domaine; il disait: „J'ai longtemps vécu et j'ai joui de beaucoup de choses, mais ce n'est que depuis que le Seigneur m'a conduit à Lioubitchi que j'ai connu la félicité". Il s'ennuyait fort de temps à autre et se plongeait alors dans ses réflexions. Partisan de Voltaire, il s'occupait à résoudre des questions religieuses et à construire une église d'architecture catholique. Krivtzoff avait la faiblesse de relever l'origine aristocratique de sa famille et composait différentes devises pour ses armoiries, dont il décorait même les armoires à images de son église. „Il avait l'air majestueux, la constitution athlétique, la poitrine haute, le front dur et élevé, les yeux noirs et lumineux sous des lunettes en or, les cheveux noirs, coupés court; ses mouvements étaient lents, mais adroits, et peu de personnes remarquaient sa jambe de bois; il parlait haut, avec chaleur et éloquence; il écrivait bien, mais sans ornement; s'il avait de la sensibilité, il s'efforçait de l'étouffer"...

Krivtzoff fut atteint de fièvre le 29 août 1843 et mourut le 31. Il fut enterré à Lioubitchi, et son monument porte une tête d'Adam et ses armoiries avec l'inscription suivante: „Veritas salusque publica. Nicolas Ivanowitch Krivtzoff, naquit le 10 (21) janvier 1791 et mourut le 31 août (12 septembre) 1843. Vixi quem doderat cursum fortunae preci. Nec timeo, nec spero".

(D'après la miniature appartenant à Mme N. Oboukhoff, à Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЧЕРТКОВЪ, 1789—1858, тайный совѣтникъ, археологъ и историкъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Васильевича отъ брака съ Евдокіей Степановной Тевяшевой, родился 19 Іюля 1789 г. въ Воронежѣ, гдѣ отецъ его былъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а дѣдъ—генералъ-губернаторомъ; получивъ хорошее домашнее образованіе, 19-и лѣтъ онъ опредѣлился на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ (въ 1809 г.) перешелъ въ военную службу, въ Конную гвардію эстандартъ-юнкеромъ. Произведенный въ корнеты въ 1811 г., онъ принималъ участіе въ войнахъ 1812—1814 гг.; въ 1822 г. Чертковъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника, и 2 года прожилъ за границей—въ Австріи, Швейцаріи и Италіи. Когда началась Турецкая война, онъ поступилъ въ гусарскій эрцгерцога Фердинанда полкъ; по окончаніи кампаніи, вышелъ въ отставку, Чертковъ поселился навсегда въ Москвѣ и въ 1835 г. былъ выбранъ Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1844 г. до 1856 г. былъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ.

А. Д. Чертковъ принадлежитъ къ числу немногихъ представителей высшаго свѣта, всецѣло отдавшихся наукѣ. Умственные интересы съ молодыхъ лѣтъ преобладали у него надъ всѣми прочими. Чтеніе книгъ всегда было его любимымъ занятіемъ, начитанность его была обширная и разнообразная. Съ 1813 г. онъ сталъ вести записки, гдѣ отмѣчалъ всѣ прочитанныя книги съ обширными изъ нихъ выписками. Зная съ дѣтства французскій и нѣмецкій языки, онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ изучилъ языки итальянскій и латинскій. Во время путешествія по Италіи онъ съ увлеченіемъ изучалъ ея древности, а въ первые годы жизни въ Москвѣ занялся естественными науками, составилъ минералогическій кабинетъ, собралъ коллекціи бабочекъ и описалъ (на итальянскомъ языкѣ) флору Острогожскаго уѣзда, наконецъ, въ 30-хъ годахъ онъ окончательно избралъ предметомъ изученія русскія и славянскія древности. Имъ напечатано 16 историческихъ сочиненій. Его „Описаніе русскихъ древнихъ монетъ“, первое русское сочиненіе по нумизматикѣ, было удостоено Демидовской преміи, которую Чертковъ пожертвовалъ на изданіе „Остромирова Евангелія“. Однимъ изъ любимыхъ его занятій было разысканіе упоминаній о славянахъ у греческихъ, римскихъ и византійскихъ писателей, при чемъ онъ далеко увлекался за предѣлы исторической достовѣрности, такъ что въ древнихъ этрускахъ и пелазгахъ убѣжденно видѣлъ прародителей славянъ. Въ 1836 г. Чертковъ былъ выбранъ въ вице-президенты Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, а въ 1848 г. въ предсѣдатели этого общества. Ученыя занятія привели Черткова къ собиранію книгъ, и онъ составилъ большую и цѣнную библіотеку, въ основу которой легли книги его дѣда по матери, тоже библіофила. Цѣнность библіотеки заключалась въ томъ, что здѣсь были собраны книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, служащія пособіемъ для изученія Россіи. До образованія въ Императорской Публичной библіотекѣ отдѣла „Rossica“ собраніе Черткова было единственнымъ собраніемъ такого рода. Послѣ смерти Черткова его библіотека была пожертвована его сыномъ Москвѣ (находится теперь въ Историческомъ музеѣ). Чертковъ отличался необыкновенной усидчивостью въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Сосредоточенный и молчаливый, онъ неуклонно слѣдовалъ по избранному пути. При этомъ скромность его была такъ велика, что многіе свѣтскіе знакомые и не подозрѣвали его многосторонней учености. Чертковъ отличался большимъ радушіемъ и всегда готовъ былъ услужить и своими познаніями, и своей книжной сокровищницей. Благодаря правильному образу жизни, умѣлому распредѣленію времени и хорошему здоровью, онъ имѣлъ возможность потрудиться не только на ученомъ поприщѣ, но и на общественномъ и служебномъ.

Чертковъ скончался 10 Ноября 1858 г. и погребенъ въ Москвѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ. Отъ брака съ графиней Елизаветой Григорьевной Чернышевой онъ имѣлъ сына Григорія (р. 1852 г., † 1900 г.) и 3 дочерей: Елизавету, Софію и Александру.

(Съ миніатюры Рокштуля, принадлежащей баронессѣ М. А. Шепингъ, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE DMITRIEWITCH TCHERTKOFF, 1789—1858, conseiller privé, archéologue et historien, fils du conseiller d'état actuel, Dmitri Vassiliewitch, et de sa femme, Eudoxie Stépanowna Téviacheff, naquit le 19 juillet 1789 à Voronèje, où son père était maréchal de la noblesse du gouvernement et son grand-père gouverneur général. Il reçut une bonne instruction chez ses parents et entra à 19 ans au service du Ministère de l'Intérieur, qu'il quitta bientôt (en 1809), pour la carrière militaire. Porte-étendard des gardes à cheval, il fut nommé cornette en 1811, et, en cette qualité, il prit part à la campagne de 1812—1814. En 1822, il prit son congé avec le grade de colonel et vécut deux ans à l'étranger, en Autriche, en Suisse et en Italie. Lorsque commença la campagne de Turquie, il rentra au service, dans le régiment des Hussards de l'archiduc Ferdinand. Après la guerre, il se retira à Moscou. Nous le voyons en 1835 maréchal de la noblesse de district et de 1844 à 1856 maréchal de la noblesse du gouvernement.

Alexandre Dmitriewitch Tchertkoff appartient au petit nombre des représentants de la haute société qui se soient entièrement adonnés à la science. Il s'intéressa, dès ses jeunes années, à toutes les choses de l'esprit, la lecture fut de tout temps son occupation favorite, il avait une lecture vaste et variée. En 1813, il se mit à écrire ses mémoires, où il annotait tous les livres qu'il lisait, en les accompagnant de forts extraits. Il connaissait les langues française et allemande dès sa jeunesse et il apprit dans l'âge mûr l'italien et le latin. Dans ses voyages en Italie, il étudia avec enthousiasme les antiquités et, pendant les premières années de son séjour à Moscou, il s'occupa de sciences naturelles, il ouvrit un cabinet de minéraux, fit une collection de papillons et décrivit en italien la flore du district d'Ostrogojsk. Dès les années 1830, il s'adonna définitivement et entièrement à l'étude des antiquités russes et slaves. Il fit paraître seize œuvres historiques. Sa „description des anciennes monnaies russes" est le premier livre de numismatique russe; il fut jugé digne du prix Démidoff, que M. Tchertkoff employa à éditer „l'Evangile d'Ostromir". Une de ses occupations favorites fut aussi de rechercher si les auteurs grecs, latins et byzantins avaient fait quelque mention des Slaves, et il alla si loin, à l'encontre de toute authenticité historique, qu'il se persuada que les anciens Etrusques et Pélasges étaient les aïeux des Slaves. En 1836, il fut nommé vice-président de la société d'histoire et d'antiquités russes à l'université de Moscou; il en devint président en 1848. Ses études l'amenèrent à collectionner des livres, et il fit une bibliothèque vaste et précieuse, qui avait pour base les livres de son grand-père maternel, connu comme bibliophile. La valeur de sa bibliothèque consistait dans le fait qu'elle contenait tous les livres russes et étrangers pouvant servir à l'étude de la Russie. Cette collection de M. Tchertkoff était la seule dans son genre jusqu'à ce qu'on eût organisé la section „Rossica" à la Bibliothèque Impériale Publique. Après la mort du père, le fils fit présent de la bibliothèque à la ville de Moscou (elle se trouve maintenant au Musée Historique). Tchertkoff se distinguait par une persévérance extraordinaire dans ses études. Concentré en lui-même et silencieux, il suivait, sans broncher, le chemin qu'il s'était tracé. Et pourtant sa modestie était telle que beaucoup de ses connaissances mondaines ne soupçonnaient pas en lui un vrai savant. Sa bienveillance était grande, et il était toujours prêt à vous aider de ses connaissances et de sa bibliothèque; grâce à une vie régulière, à une habile disposition de son temps et à une bonne santé, il eut la possibilité de travailler non seulement à ses études scientifiques, mais aussi de s'adonner à son service et à la carrière publique.

Tchertkoff mourut le 10 novembre 1858 et fut enterré à Moscou, au cimetière de Vagankoff. Il eut de son mariage avec la comtesse Elisabeth Grigoriewna Tchernycheff un fils, Grégoire (1832—1900) et trois filles: Elisabeth, Sophie et Alexandrine.

(D'après une miniature de Rokchtul, appartenant à Mme la baronne M. Chepping, à Moscou.)

127

Пис. Винтерхальтеръ — Peint par Winterhalter

Елизавета Николаевна Кривцова, 1817 — 1855 — *Elisabeth Nikolaewna Krivtzoff, 1817 — 1855*

128

Екатерина Федоровна Кривцова, 180. — 1861 — *Catherine Féodorowna Krivtzoff, 180. — 1861*

129

Николай Ивановичъ Кривцовъ, 1791 — 1843 — *Nicolas Ivanowitch Krivtzoff, 1791 — 1843*

130

Пис. Рокштуль — Peint par Rockstuhl

Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, 1789 — 1858 — *Alexandre Dmitriewitch Tchertkoff, 1789 — 1858*

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS ВЫСТРЕТЫ

2007088109